

**АВТОБИОГРАФИЧЕСКАЯ ТРИЛОГИЯ
МИХАИЛА ДЕМИНА**

Том 1. Блатной.

Том 2. Таежный бродяга.

Том 3. Рыжий дьявол.

Михаил Демин

РЫЖИЙ ДЬЯВОЛ

Роман

RUSSICA PUBLISHERS, INC.
NEW YORK • 1987

DYOMIN, Mikhail.

RYZHII D'IAVOL. A novel.

© for the Russian language edition

1987 by RUSSICA PUBLISHERS, INC.

All rights reserved. Except for use in a review, the reproduction or utilization of this work in any form or by any electronic, mechanical, or other means, now known or hereafter invented, including xerography, photocopying and recording, and in any information storage and retrieval system is forbidden without the written permission of the publisher.

Cover design by *Vagrish Bakhchanyan*.

Library of Congress Catalog Card Number: 87-60055

ISBN: 0-89830-110-6

RUSSICA PUBLISHERS, INC.

799 Broadway.

New York, N. Y. 10003.

Часть 1
ГОРЬКОЕ ЗОЛОТО

ГОЛУБЫЕ ГЛАЗА

— Мы знаем о вас немало! Почти все! Знаем, что вы долго сидели, были на Колыме, на пятьсот третьей стройке и в „Краслаге“. Освободились из заключения в тысяча девятьсот пятьдесят втором году. И после освобождения находились в ссылке в наших краях. А потом из ссылки бежали... Где вы, кстати, шатались все последнее время? Вот только это одно неизвестно.

— Где я был, там меня уже нет, — сказал я. — Предположим, что в самой глуши, в Заполярье. Да какая вам разница? Обстоятельства теперь переменялись.

Разговор этот происходил в Абакане, в областном комитете партии. Стояла снежная суровая зима 1954 года. За окнами густыми хлопьями падал декабрьский снег. Даже не падал, а скорее, висел, затмевая даль и налипая на стекла. В кабинет сочился серый, какой-то зябкий свет. Человек, с которым я беседовал, Николай Димитрович Кудрявцев — заведующий отделом пропаганды и агитации — сидел за огромным, заваленным бумагами столом. А я помещался напротив — в потертом кожаном кресле для посетителей.

Облокотясь о стол, Кудрявцев негромко сказал:

— Вы правы. Обстоятельства, действительно, переменялись. После смерти Сталина партия приняла новый курс... Но все же не надо думать, будто она переродилась и отказалась от главных своих установок и правил. Отнюдь! — он поднял палец. — Вопрос о бдительности, о контроле — остался...

— Это все понятно, — досадливо проговорил я. — Но потолкуем конкретно... Обо мне... Областная газета начала печатать мои стихи и очерки. И главный редактор теперь согласен взять меня на работу. Но тут все зависит от вас — так он мне заявил. Без вашего согласия он якобы ничего предпринять не может.

— Естественно, — усмехнулся Кудрявцев, — газета всецело подчиняется нам.

– Ну, а вы?..

– Ну, а мы тоже, в принципе, не против. Но существует общее правило: в партийные учреждения и, в том числе, в редакцию газеты, не принимают людей непроверенных, так сказать, с улицы... А вы как раз такой! Уж извините.

– Так что же мне делать?

– Самый простой вариант и самый для вас лучший – устроиться на какую-нибудь другую работу. А уж потом мы вас переведем... Но только – потом! Сначала приглядимся, присмотримся...

– Да к чему, собственно, присматриваться-то, – начал я... И тут же умолк. Понял: передо мною – стена! Ее не прошибешь и не поколеблешь. И обойти ее тоже нельзя. Надо смиряться – ничего не поделаешь! – Вы говорите – устроиться, – вздохнул я. – Но куда? Куда? Может, вы мне посоветуете?

– А что вы, собственно, умеете? – поинтересовался Кудрявцев. – У вас есть какая-нибудь „мирная” специальность? – И потом добавил, помедлив: – Насколько нам известно, вы были блатным... Профессиональным вором...

– Чепуха все это, сплетни! – воскликнул я возмущенно. – Ну, посмотрите на меня: разве я похож на блатного?

Кудрявцев прищурился, разглядывая меня. Потом сказал добродушно:

– Вообще-то лицо у вас уголовное. Что-то есть в нем такое... – он пощелкал пальцами, – специфическое...

– Ну, не знаю, – пожал я плечами, – не знаю, что вам померещилось. Во всяком случае, я по специальности художник-график. Иллюстратор. И, между прочим, хорошо знаком с оформлением и производством газеты.

– Что-о? – удивился Кудрявцев. Брови его полезли вверх, губа отвисла. – Это каким же образом?

– Так ведь я – старый фронтовой журналист! – пояснил я, глядя на собеседника невинными, чистыми „голубыми глазами”. – Вам об этом разве не докладывали?

– Н-нет... Но вы все-таки сидели?

– В общем, да, пришлось... А кто тогда не сидел?

– И арестовали вас за железнодорожный грабеж, не так ли?

– Эх, да какой там грабеж, – махнул я рукой. – Просто в поезд началась облава. Чекисты искали каких-то бандитов... Никого не нашли, ну и стали хватать всех подряд. Так вот я и попал. А ведь тогда, при сталинском режиме, как было? Если уж попался – то не вырвешься...

– Где же это происходило? Когда?

– На Украине, в тысяча девятьсот сорок седьмом году. Помните, какое было время?

– Конечно. Но все-таки... – он насулился, бормоча: – Странно как-то... Непонятно...

И вдруг потянул к себе лежащий на углу стола свежий номер газеты.

– Значит, вы – журналист?

– Да, – сказал я нагло. – Еще какой!

– Проверим.

Кудрявцев с треском развернул газету и потом, постукивая ногтем о крупный верхний, идущий через весь лист заголовок, сказал:

– Существует определенная журналистская терминология. Вот как, например, такой заголовок называется?

– Шапка.

– Так. Ну, а это? – Он указал на большую статью, помещенную в самом низу страницы.

– Подвал.

Я отвечал легко и небрежно. И с благодарностью вспоминал в эту минуту старого своего лагерного приятеля Роберта Штильмарка. Три года назад, на знаменитой пятсот третьей стройке, он обратил внимание на мои стихи и песни – поверил в меня как в литератора. И как-то раз подарил мне книгу „Оформление и производство газеты”, которую он принес с воли и постоянно хранил при себе. Вручая ее мне, он сказал: „Прочти и запомни – на свободе это тебе пригодится!” И хотя я плохо тогда представлял себе свое будущее и не очень-то верил в добрые перемены, я все-таки книгу принял. И пронес через многие этапы и штрафняки. И частенько читал ее, валяясь на грязных дощатых нарах... И вот теперь прочитанное действительно пригодилось, внезапно выручило меня. Я даже и не предполагал, что так хорошо смог все это запомнить! Кудрявцев же и вовсе был потрясен моей эрудицией. Прозкзаменовав меня и сложив газету, он сказал, закуривая:

– Получается какая-то путаница. Вы, я вижу, специалист. Что ж, это упрощает...

Я встрепенулся при этих его словах, напрягся выжидательно. Теперь, подумал я, разговор пойдет по-иному... Может, он все-таки переменит решение?

Но нет – он не переменил...

– В общем, так, – сказал он, стукнув ладонью о край стола, – прежний уговор остается в силе. А с работой, что ж, поможем, подсобим! Вот кстати, – он заглянул в настольный блокнот, – у нас в

Алтайском районе,* в селе Очуры открыт сельский клуб. Требуется заведующий... Думаю, это вам на первых порах подойдет. — И посмотрел на меня пристально. — Ну, как?

— Ладно, — пробормотал я.

— Там в клубе вы, кстати, примените и ваши художнические таланты. Там они пригодятся. Видите, как все хорошо устраивается! Ну, а что касается редакции...

— Да. Как насчет этого?

— Можете поддерживать с ней контакт, продолжать писать. Почему бы нет? Это не возбраняется. Будете, так сказать, внештатным корреспондентом нашей газеты по Алтайскому району!

* * *

Так произошел в моей жизни перелом. До этого я жил поистине волчьей жизнью — тревожной, тоскливой и неприкаянной... Я постоянно скрывался от властей и метался по всей стране. Сначала — как блатной, а потом — в качестве бездомного северного бродяги.

Бродяжий этот послелагерный путь начался в Красноярске два года назад. Я вышел тогда из ворот пересылки, исполненный радужных надежд и планов. Незадолго до освобождения я ухитрился переслать в местное отделение Союза писателей тетрадку своих стихов и мечтал об успехе. Я мечтал об успехе, но все обернулось позором... Писатели не приняли меня. И так оно и пошло, повелось: что бы я ни делал, что бы ни затевал, все неизменно завершалось бедою... Я бежал из ссылки — и голодал и мерз. Испытал тоску полярных пустынь. Повидал почти все арктические моря. А затем, на китобойной шхуне, обогнул азиатский материк. То был тяжкий период; я почти совсем разуверился в себе как в поэте. Но потом, после смерти Сталина, я вдруг узнал, что в Южной Сибири, в Абакане, меня начали помаленьку печатать.

И вот я вернулся в Хакассию — в места старой ссылки — туда, где ударили, наконец, колокола моей судьбы!

Все, правда, получилось не совсем так, как мне хотелось бы... Я ведь стремился попасть в газету; редакционная работа, как мне думалось (и теперь, оглядываясь на пережитое, я вижу, насколько я был тогда прав), должна была послужить мне своеобразной

* Не следует смешивать маленький Алтайский район, находящийся в Хакассии, со знаменитым горным Алтаем. Слово „Алтай” на тюркских языках означает „золото”. И таких названий встречается немало в Центральной и Северо-Восточной Азии. (Здесь и далее прим. автора. — Ред.)

школой, научить меня многому и сблизить с творческой средой... Однако местное начальство — как вы уже знаете — отнеслось ко мне с некоторым недоверием. И опять, как и встарь, как бывало, мне пришлось хитрить, кривляться и делать „голубые глаза”.

Что ж, голубые глаза помогли! И хотя все получилось не так, я, тем не менее, не отчаивался. Я давно уже привык к тому, что судьба ничего не дарит мне, не дает мне быстро, легко...

Первый шаг был сделан. Теперь требовалось как можно скорее отправляться в неведомые Очуры — закрепляться там и начинать работать. В Абаканском обкоме партии мне ясно дали понять, что эта работа будет засчитана мне как некий испытательный стаж.

ГОРЬКОЕ ЗОЛОТО

Отправляясь в Очуры, я навел предварительно справки. И выяснил, что село это глухое, таежное, расположенное в стороне от железной дороги — на берегу Енисея. Село почему-то пользовалось весьма скверной репутацией. Жители там, по общему утверждению, были хитрецами и лентяями, а местный колхоз являлся самым нищим и захудалым во всей Южной Сибири.

Ну, удружил, сукин сын, со злобой думал я о Кудрявцеве, подыскал мне местечко! Хуже выбрать не мог!

Я думал так, подъезжая к Очурам на попутном грузовике. Дорога вывернула из-за густой еловой гривы и пошла через колхозные уголья. Они были заметены снегом, над ними вилась и дымилась голубая поземка. И в этом дыму виднелись какие-то постройки — дряхлые бараки, покосившиеся сараи. На одном из них крыша просела, прохудилась, и меж лохмотьями старого толя виднелись ребра стропил.

Словно после пожара или бомбежки, подумал я, озирая окрестность.

Но каково же было мое удивление, когда мы въехали в село! Контраст между ним и колхозом был разительный. Если там царил дух разрухи и запустения, то здесь — наоборот. Избы здесь стояли добротные, крытые железом. Мелькали наличники и нарядные крылечки. За высокими, крепкими оградами бесились цепные псы.

Село это, как и большинство сибирских сел, было большое, многолюдное, протянувшееся вдоль реки на полтора километра. И пока мы ехали к центру, нам встретились два мотоциклиста. Они промчались один за другим, гремя и разбрызгивая снежные искры. И проводив их удивленным взглядом, я сказал шоферу:

— Что-то я не пойму... При таком бедном хозяйстве — откуда весь этот шик? Я думал, что тут бараки, землянки, полная нищета, как в других местах. А тут — смотри...

— Ничего, не смущайся, — ответил тот, — потом поймешь. Тут, милоч, чудеса творятся... Это не Очуры, это страна Лимония.* Знаешь такую сказочную страну? В ней сорок лет гудки гудят и двадцать — люди на работу собираются...

* * *

В чудесах этих я разобрался довольно быстро. Захолустные Очуры, как выяснилось, являлись центром грандиозной, хорошо налаженной спекуляции.

На приусадебных участках — в частных огородах — здесь выращивался чеснок и превосходный, сладкий репчатый лук, который жители села регулярно сплавляли по Енисею вниз, в арктические районы — за полярный круг. Занималась этим вся местная молодежь, все здоровое население Очур. В колхозе же трудились старики; толку от них, естественно, было мало. И потому „общественные“ работы не приносили пользы никому — ни государству, ни самим колхозникам. Но зато частная, подпольная деятельность давала тут баснословные барыши!

Я познакомился с клубным баянистом Петром Азаровым, который временно, до моего приезда, исполнял обязанности заведующего, и тот за бутылкой водки разъяснил мне кое-какие детали.

— Лук и чеснок, — сказал он, — в Заполярье огромная ценность. Они там не растут, а нужны всем. Это же спасение от цинги! Первейшее средство! Ну, а государственное снабжение, как обычно — хреновое... В магазины поставляют овощи плохо, нерегулярно. Иногда их вообще не бывает по полгода!

Был баянист невысокий, с выпуклым брюшком, с заметной лысиной, хотя еще и не старый. И он постоянно посмеивался, поджимая пухлый рот, часто помаргивая белыми ресницами.

— Ты знаешь, каков основной закон социализма? — спросил он, пригибаясь.

— Нет. Каков же?

— Основной закон — это постоянные временные трудности!

— Остроумно. Но продолжай. Так что с луком?

— Да все просто. В результате постоянных этих трудностей

* Это из старинного сибирского каторжного фольклора. „Страна Лимония“ — рай. Блаженное место, где не надо работать.

возник черный рынок. И очурские мужики развернулись там всюю... На этом рынке в районах золотых приисков — в Туруханске, в Енисейске, на реке Курейке — за килограмм лука дают от тридцати до пятидесяти граммов золотого песку. А иногда — особенно зимой — и все сто! — Он хохотнул. — Во по какой цене идет наш лучок!

— Значит, платят песком...

— Не всегда. Песок — это как эталон. Большинство мужиков предпочитает все-таки бумажки. Ведь золото, сам понимаешь, под особым контролем. Да и вообще, возни с ним много...

— А сколько стоит один грамм золота?

— Тридцать шесть рублей.*

Он выпил, потряс щеками. И потом мигнул мне значительно:

— Понял? А теперь посчитай. В обычном крестьянском мешке килограммов двадцать, не меньше. И если, скажем, привезти вниз, в Заполярье, десятка два мешков...

— Н-да, — пробормотал я, — тут пахнет тысячами.

— Бывает, что и миллионами! — внятно проговорил Петр. — Знаешь, как здесь называют лук? Горькое золото!

— Горькое золото, — повторил я задумчиво, — сильно сказано. Красиво... Да у вас в Очурах, я вижу, поэты живут!

— Поэты, — покивал, хихикая, Петр, — это ты точно... Двух таких поэтов я лично знаю! Салов и Кузмичев. Один из них начал этим делом промышленять еще в тридцатые годы, а другой — Кузмичев — развернулся уже во время войны. У них у каждого — есть слушок — миллиончика по два зарыто где-то.

— Где?

— Ха! Если б знать... Мне, брат, самому интересно.

Тема эта, видимо, волновала его. Он опять потянулся к бутылке, встряхнул ее, посмотрел на свет. И добавил, аккуратно разливая остатки по рюмкам:

— Да он не один такой... В селе есть два известных миллионера, а сколько еще тайных, скрытых — поди угадай! Как навигация откроется, ты сам увидишь: мужики толпами повалят на север.

— Это что же, по всему району такое творится? — изумленно спросил я.

— Нет, только в Очурах и еще в двух селах по соседству. В других местах такого лука и чеснока не найдешь. Какие-то здесь особые

* Цена указана старая, существовавшая до хрущевской денежной реформы, которая произошла через несколько лет после описываемых тут событий.

условия, что ли... А вообще-то земля у нас скудная и климат суровый. Тут ведь уже север близко — рукой подать!

— Как же мужики сплавляют свой товар? Это дело непростое, тут транспорт нужен...

— А у них контакт с речниками! Они нанимают в Абаканском пароходстве несколько грузовых барж и оформляют сделку официально. Лук идет как колхозный! Нет, брат, у них все отполировано.

— Но постой. Это значит, что начальство заодно с ними? В курсе дела?

— Не только в курсе, но и в доле... На этой афере греют руки и речники, и председатель колхоза, и парторг. Каждый получает с общей выручки три процента. Мало того, наш парторг Никольский, он и сам выращивает лучок. Загляни как-нибудь к нему в огород... Там такая плантация!

— А кстати, ты, — поинтересовался я, — тоже небось выращиваешь, а?

— Что ж, мы хуже других? — с обидой в голосе отозвалась жена Петра Людочка, бойкая и весьма миловидная бабеночка. До сих пор она помалкивала, теперь вдруг решительно вмешалась в беседу. — Нет, мы тоже не лыком шиты! Здесь мы, правда, люди новые, второй год всего живем. И не сразу разобрались... Жаль... Но сейчас то уж знаем — что к чему!

— Да, конечно, — ухмыляясь, заключил Петр. — Участочек мы с ней подготовили неплохой. Мешков пять-шесть весной наберется. А это тоже куш! Да ведь сам посуди: кто же роскошную жизнь не любит?

* * *

Я долго просидел у Петра — этого любителя „роскошной жизни“. Он рассказал мне немало любопытного... А затем мы уже в сумерках пошли по селу, подыскивать мне жилье.

И вскоре нашли: это была просторная изба-пятистенка,* стоящая над рекой, над самым обрывом. Обитала здесь пожилая вдова Наталья Макаровна Болотова (которую, впрочем, все звали просто Макаровой) и больной ее сын Алексей. Чем он болел, я так и не понял поначалу. Был он парень молодой и плечистый, с одутловатым бледным лицом, густой копной рыжеватых нечесаных волос и странным бегающим взглядом.

* „Пятистенка“ — сибирская удлиненная, как бы сдвоенная изба. Пятая стена здесь — внутренняя, разделяющая постройку на два больших помещения.

Вот только один этот взгляд и настораживал, и навевал некоторые сомнения...

Макаровна, говоря о сыне, сделала рукой неопределенный жест:

— Что-то у него нервное... Он раньше шофером был. А с прошлой весны, с апреля, освобожден от работы по инвалидности. Отдыхает. Ему покой нужен!

— Мне тоже, кстати, нужен, — сказал я. — И если тут, действительно, тихо...

— О, насчет этого не беспокойся, — заверила меня вдова, — у нас тихо, как в могиле... Да и просторно. Вся вторая половина избы — твоя!

Мы легко с ней сладились — цену она назначила невысокую. И я тотчас же перетащил на новое место пожитки. Их было немного: старый рюкзак с барахлом и чемодан, нагруженный книгами и рукописями.

СТРАННЫЙ ДОМ

Оставшись один, я разложил на столе бумаги. Присел, закурил. И задумался.

Я перебрал в памяти события дня, пытался разобраться в них. И вдруг, непонятно почему, передо мною возникло видение детства. Я не звал это воспоминание, оно пришло само... Наша память — как клубящийся туман. В мутных волнах его маячат фигуры людей и очертания предметов; то проступают отчетливо, то растворяются, тают... А иногда, под порывами ветра, пелена тумана колеблется и рвется, и тогда на какое-то мгновение открывается яркий пейзаж...

И сейчас я увидел пейзаж своего детства; узнал окрестности Подмосковья. И разглядел — на зеленой лужайке — самого себя, отчаянно дерущегося, измазанного в крови, окруженного толпой возбужденных подростков.

Я дрался с врагом своим — соседским мальчишкой. Не помню уж, по какой причине возникла эта вражда... Впрочем, врагов у меня всегда хватало с избытком! Схватка была нешуточной — до полной победы. И тянулась она долго. Противник был покрупнее меня, покрепче, но я знал, что не уступлю ему, не поддамся! И сопя, задыхаясь, бил его. Принимал удары и снова бил. Все бил и бил... Мне легче было бы умереть, чем проиграть. Особенно здесь, сейчас, на виду у толпы.

И я, в результате, выиграл! Сбитый с ног, он не поднялся —

остался на земле. Ах, это был триумф! Исполненный гордости и торжества, я постоял над ним подбоченясь... А затем побежал к своему дому. Ребята бросились за мною следом. Но они не обгоняли меня; держались почтительно сзади. Они сразу дружно признали во мне вождя. И я чувствовал это!

Я бежал, как бегают чемпионы, — небрежно, вразвалочку, с эдакой ленивой грацией... И неожиданно возле самого дома поскользнулся, потерял равновесие. И с размаха шлепнулся — лицом в дерьмо.

Лицом в дерьмо! Представляете, что это такое? Я поднялся, весь скорчившись, содрогаясь от отвращения. Зловонная желтая жижа текла по моим глазам. На мгновение я ослеп... И сразу же услышал хихиканье. Из героя и победителя я мгновенно превратился в посмешище, в ничто.

Пустяшный этот, давний случай показался мне почти символическим. В самом деле — разве не так сложилась и вся моя взрослая жизнь? Не под тем ли знаком она проходила? Я постоянно рвусь к победе — и падаю, поскользнувшись.

Не оказаться бы в таком положении и сейчас, подумал я с мрачным юмором, не поскользнуться бы... Ведь что происходит: я, начинающий журналист, сразу же, с первых шагов, наткнулся на богатейшую тему. „Очурские миллионеры” — какой это материал для статьи! Какая редкостная находка! И, конечно же, отказаться от такой находки глупо. Да и вообще нельзя. Ведь рассказать обо всем, что я узнал, мой прямой журналистский долг! Но, с другой стороны, к чему это может привести? Статья, разумеется, нашумит, создаст мне имя. И в то же время она явится обвинительным материалом против крестьян. Я выступлю как разоблачитель и сделаю имя на чужой беде. А ведь крестьянство и так испытало немало — и свирепый классовый террор, и повальный голод тридцатых годов, а затем — и сороковых... Пережило все это и поднялось, как бы из праха. И вот здесь, в Очурах, сумело жалкие свои огороды превратить в источник небывалых доходов. Конечно, местные мужики — спекулянты, торгаши. Но ведь не они же, в конце-то концов, создали черный рынок! Мужички — что ж! Они просто использовали ситуацию.

Так, в одиночестве, без сна, я сидел и чувствовал, что в обоих случаях — напишу я или нет — я одинаково могу поскользнуться... Речь, так или иначе, идет о предательстве. Или я предам людей, или же — самого себя, свои интересы, карьеру.

В моих рассуждениях был только один пункт, не вызывавший ни малейших сомнений. Если очурских мужиков я жалел, то мест-

ного парторга — нет, никак! Мужики — извечные жертвы властей; им можно многое в связи с этим простить... Но зачем, ради чего прощать представителя власти, секретаря партийной организации?! Его участие в спекуляциях — это ведь не борьба за жизнь, а просто грязная жажда наживы. Причем здесь он спекулирует вдвойне, ибо пользуется партийными привилегиями и обманывает свою партию.

Вот о нем бы я написал охотно! Но тут опять свои сложности. Стоит мне только затронуть имя этого подонка, и сразу же потянется ниточка ко всем остальным...

Машинально я глянул на часы; время уже далеко перешло за полночь. Стояла глухая поздняя предутренняя пора. Ноги затекли, занемели от неудобной позы, и я поднялся, разминаясь. И подошел к окну.

За ним, в пепельном лунном дыму, лежал Енисей — одна из величайших азиатских рек. Отсюда, с обрыва, хорошо было видно белесое его, ледяное плато. Он широко лежал, Енисей; здесь, в среднем течении, ширина его была около километра.

И вглядываясь в светлую мглу за окошком, я внезапно подумал о том, что мы оба с этой рекою — бродяги. И наши судьбы схожи. Мы начинали бурно, извилисто, суетясь и куда-то спеша, а теперь уже прошли часть пути и обрели размах и некоторое спокойствие. Остепенились. Переваляли рубеж... Хотя мне было тогда всего лишь двадцать восемь лет, вроде бы совсем немного, чувствовал я себя старше, гораздо старше. Я всегда жил как бы с двойной нагрузкой... Жил за двоих! И если это учесть, то возраст у меня получался солидный. Такой, при котором уже нельзя, непозволительно было суетиться и путаться.

Так, незаметно, начали рождаться стихи. „Среднее течение — это значит, путь к седым вершинам жизни начат!”

И уже знал я: статью о „горьком золоте” я никогда не напишу. Но зато в первом же моем письме в редакцию будет послано новое стихотворение.

* * *

Кто-то легонько тронул меня за плечо, и я обернулся стремительно. И увидел Алексея.

Как он появился здесь? И зачем? Его шагов я не расслышал, не ощутил — значит, он специально подкрадывался сзади...

— В чем дело? — спросил я угрюмо. Я не любил, когда кто-то дышит за моей спиной, возникает исподтишка. — Что? Не спится?

– Да уж какой тут сон, какой сон, – забормотал он. И осекся, с перехваченным дыханием.

И некоторое время стоял так – весь напрягшийся, со взмокшими висками, с застывшим, недвижимым лицом.

Он стоял вплотную ко мне. Но глаза его бегали, ускользали, и я все никак не мог заглянуть в их глубину. Они смотрели мимо меня, в окно.

– Какой тут сон... Они же там! Ты тоже, наверное, заметил.

– Что заметил? – спросил я удивленно.

– Ну, что. Будто не понимаешь. Прислушайся!

Он подался к окошку – вытянул шею.

– Вон – скрипнуло. Слышишь? И еще... Это они! Ходят возле дома. Все ходят и ходят. Каждую ночь!

– Да кто ходит-то? – нахмурился я. – Кто? Что это еще за чертовщина! Ничего я не слышу. Да и нет там никого...

– А зачем же ты стоишь тут? – усмехнулся он недоверчиво. – На что смотришь-то?

– Просто так... На Енисей. Гляжу вот, думаю.

– Ой, не хитри, не хитри!

Он погрозил мне пальцем. И тут, наконец, наши взгляды встретились, пересеклись.

Зрачки его были расширены, непомерно велики. И они дышали, подрагивали...

Впервые в жизни я видел, как дрожат глаза. В них не отражалось ни единой живой мысли – только страх! Один только темный, слепой страх.

И, положив на плечо ему руку, я тогда сказал, как можно проще и ласковей:

– Послушай, успокойся. Я не хитрю. Иди к себе – ляг, усни... А если я что-нибудь замечу, я тебя сразу же предупрежу. Обещаю!

– Правда? – лицо его сразу помягчело и осветилось улыбкой. – Обещаешь? Ну, тогда ладно. Пойду...

Алексей ушел, а я вскоре разделся и потушил свет.

„Станный дом”, – подумал я, укладываясь.

И невольно вспомнил слова, сказанные Макаровой: „У нас тихо – как в могиле”.

И в этот самый момент из-за двери – из другой половины избы – донесся тихий, прерывистый, скрежещущий звук.

„Что еще там делают?” – удивился я.

Прислушался. И понял вдруг, догадался: с таким вот скользким скрежетом точится на оселке сталь ножа.

Я НАЧИНАЮ ДЕЙСТВОВАТЬ

На следующее утро состоялось мое вступление в должность директора. Я обошел все помещения клуба – двухэтажного, барачного типа здания – и принял от Петра под расписку казенное имущество... Процесс этот не затянулся надолго, имущества было немного.

Среди клубного инвентаря оказался, между прочим, старенький газик, стоявший во дворе, в дощатой пристроечке. Осмотрев его, я спросил:

– А шофер есть?

– Ну откуда, – сказал Петр, – здесь же ведь не театр, а сельский клуб. По штату положены только трое: директор, худрук и уборщица. – И потом, ухмыляясь: – А ты сам-то разве не водишь?

– Да нет, – проговорил я невнятно, – не успел, понимаешь, научиться... Времени все не было... Но, черт возьми, как же быть без шофера?

– Обойдемся, – похлопал он меня по плечу. – Я вообще-то умею немного... Теперь ты мой начальник, прикажешь – повезу.

Он весело говорил со мной, беззаботно, и это меня порадовало. Признаться, я ожидал иной реакции. Мне казалось, что он воспримет свое понижение с обидой и, не дай Бог, еще станет моим врагом. Но нет, все обошлось. Происшедшая с ним перемена его как бы даже устраивала, удовлетворяла!

Да он мне погода так и заявил:

– Знаешь, я доволен. Теперь я вольная птица! Мое дело – музыка, самодеятельность, работа с молодежью. А где она, молодежь? Ей не до песен, она луком занята... Ну, и я могу заняться, чем хочу. А на директорском посту все время суета, хлопоты. То одно требуется, то другое. Вот завтра, к примеру, привозят новый фильм, надо подготовить зрительный зал.

– А что там готовить? – небрежно поинтересовался я.

– Ты видел, в зале в углу навалены скамейки? – сказал он. – Мы их недавно только приобрели... Так вот, они еще не крашены. Их нужно сегодня же успеть покрасить, и главное, пронумеровать. Учти: на носу праздник – Новый год!

Затем он заторопился, стал прощаться. И, пожимая мягкую, влажную его ладонь, я спросил растерянно:

– А разве ты не останешься?

– Нет, брат, некогда, – мигнул он, – пойду домой – музыкой под займусь...

Итак, я начал действовать.

Порывшись в клубной кладовке, я разыскал зеленую краску для скамеек и светлый сурик — для цифр. Подумал: может быть, заготовить для цифр трафареты? Но тут же с усмешечкой отогнал эту мысль: „Зачем? Пустяки. Ведь я же художник!”

И, расставив рядами тяжелые длинные скамейки, я неспешно принялся малевать. Я малевал и посвистывал, и одновременно размышлял о ночном происшествии — о больном Алексее.

Странная все-таки у него болезнь... Ведь он болен страхом — это похоже на манию преследования. Но как же она возникла, эта мания — по какой причине?

Есть в медицине такое понятие: „психическая защита”. У городских жителей, у интеллигенции, защита эта ослаблена, и потому так много там всяческих психозов и комплексов. Город порождает или анархическую личность, пафос которой — разрушение, или же личность больную, безвольную, ослабленную страстями и страхами... Но деревенская среда иная! Люди здесь, может быть, ненамного лучше городских, но все же проще, целостнее, ближе к земле. И жизнь их менее суетна. И если у такого молодого, крепкого деревенского парня, как Алексей, появляется мания преследования, то для этого должны быть веские основания.

Причины болезни надо искать здесь, во внешних обстоятельствах, в недавних деталях его биографии. Что я, собственно, знаю об Алексее? Немного, очень немного... Знаю, что он коренной житель села. В Очурах родился, рос и учился. Потом работал шофером на кирпичном заводе, расположенном неподалеку. Все шло нормально, но вдруг весной 1954 года что-то случилось с парнем.

Он перестал ходить на работу, стал бояться темноты, начал страдать бессонницей... И когда мать отвела Алексея к врачу, тот сразу же признал его больным. А затем на медицинской комиссии Алексею дали временную инвалидность.

Так что же все-таки случилось? Что могло столь сильно напугать его, ошеломить, подвести к черте безумия?

Тут была какая-то тайна... Тайна, которую следовало раскрыть, разгадать!

Погруженный в раздумья, я трудился весь день, дотемна. И покончив с покраской скамеек, долго еще возился в клубе — навел там порядок, подновлял старые, выцветшие плакаты и лозунги. И стены здания преобразались под моими руками, обретали праздничную пестроту...

Уснул я под утро. И, засыпая, вздохнул утомленно и пробормотал, обращаясь непонятно к кому:

– Я вам покажу, что такое настоящий директор! Настоящий мастер! Вы надолго запомните имя Михаила Демина.

* * *

Я ужинал, сидя в закуской. Время было – восьмой час. До начала первого сеанса оставалось минут двадцать, и я, закончив все дела, отдыхал, благодумствовал, неторопливо потягивая пиво.

Дверь закуской распахнулась с грохотом. И на пороге возник человек в заснеженной волчьей дохе, в шапке, сдвинутой на бок. С минуту он постоял, озирая зал. Затем крикнул зычно:

– Эй, кто тут новый директор клуба?

Пробегающая мимо официантка указала на меня. И он пошаргал вперевалячку и, подойдя ко мне, грузно оперся ладонями о столик.

– Так это ты, значит!

– Ну, я, – сказал я, поднимая лицо.

– Хорош гусь, – протяжно проговорил незнакомец, – хорош...

Значит, вот так ты и директорствуешь?

Лицо у него было злое, темное, на щеке подрагивал желвачок.

И я спросил, настораживаясь:

– А вы по какому, собственно, вопросу?

– По какому? – прищурился тот. – Не знаешь? Натворил делов, а потом целочку строишь, а? Ты мне всю работу сорвал, вот и весь вопрос!

– Да кто вы такой?

– Киномеханик.

– Ну и что?

– Как – что? – грозно нахмурился он. – Я же должен продать все билеты, у меня план, понимаешь?! Мне надо выручку собрать. А как я соберу ее сейчас, после твоих фокусов?

Я еще не понял в чем дело, но тоже уже начал сердиться. „Черт возьми, – подумал я, – что же это он называет фокусами?“ Я старался изо всех сил, работал почти сутки. Перекрасил старый сарай. И вот благодарность!

Но тут же у меня мелькнула мысль: может, вся суть именно в краске? Она, очевидно, не высохла, и сидения пачкаются...

– Так вы о скамейках, что ли? – спросил я.

– Конечно, – сказал он. – Как теперь на них сидеть?

— Ну, это уж не моя вина, — начал было я, усмехнувшись. Но он перебил меня яростно:

— А чья же? Чья же еще? Ты как их пронумеровал? У меня билеты стандартные. На каждом — обозначен определенный ряд и место. А ты пустил номера вкруговую! И сейчас там, в зале, паника, драки, скандал...

Пока мы толковали с ним, в чайную набилось много народа. Люди обступили нас плотной стеной. И какая-то девушка, протягивая мне билет, вскрикнула плачущим голосом:

Вот смотрите! Здесь написано: шестой ряд, восьмое место. А в клубе, в этом ряду, номера идут от семьдесят шестого до девяностого. Куда ж садиться? Это... Это какое-то хулиганство!

— А у меня, — вмешался кто-то, — в одиннадцатом ряду оказался номер сто семьдесят. Трехзначная цифра! И там уже кто-то устроился, а я его согнать не могу. Билеты-то ни к черту не годятся.

Я сидел подавленный и словно бы закаменевший. Люди шумели вокруг меня, а я помалкивал. Да и что я, собственно, мог им сказать? Что я человек рассеянный? Что я думал во время работы о другом?.. Да, конечно, так все и было. Но вряд ли бы эти оправдания приняла разгневанная толпа.

В захолустном таежном селе кино всегда — праздник. Сюда его привозят раз в неделю, а порою еще реже. Его ждут с нетерпением! И вот сейчас этот праздник, да еще под самый Новый год, сорвал, испортил я — пришлый, никому не ведомый человек.

А ведь вы и сами, верно, знаете, как относятся в деревнях к чужакам...

— Ты, что ли, ненормальный? — спросил киномеханик. И покрутил у виска толстым мохнатым пальцем. — Одной гайки не хватает, а? Откуда ты только взялся такой?!

И опять невольно припомнился мне давний, детский случай, когда я упал, поскользнувшись... Я находился сейчас в таком же состоянии. И не знал, как подняться. Но внезапно появился мой помощник, баянист. И выручил меня!

Выручил, надо сказать, просто, легко, с ловкостью прямо-таки гениальной.

Протиснувшись меж людьми, он ухватил механика за рукав и зачистил, задышал ему в ухо:

— Ну, чего ты шумишь? Пойми, это все по пьянке вышло! Мы вчера отмечали его приезд, ну и ошиблись малость. Напились, конечно, до безобразия... Так что тут общая наша вина.

— Ах, так вот в чем дело, — медленно проговорил механик. И улыбнулся: — Надрались, значит, сукины дети?

– Да уж случился такой грешок, – сказал смиренным голосом Петр. – Но мы ведь все тут грешники. С кем такое не случилось?

И он обвел взглядом толпу, как Христос, когда тот спрашивал: кто первым кинет в Магдалину камень?..

Нет, камень никто в меня не кинул. Наоборот, в притихшей толпе расцвели улыбки, посыпались шуточки. Лица людей мгновенно подобрели. В России пьяных понимают, жалеют. К ним спокон веку относятся сочувственно. Существует даже древняя народная поговорка: „пьяный проспится, дурак – никогда!”

И вот именно эти слова повторил киномеханик. И потом, поворачиваясь к народу, добавил:

– Что ж, коли так получилось, обделаем все тихо... Идите, братицы, садитесь – кто куда сможет. Проведем этот вечер, как в Европе! Там у них сроду места не нумеруются. У них все от быстроты зависит. Кто первым успеет, тот и пан!

Так закончился мой очурский дебют. И все-таки мечты мои исполнились. Исполнились, правда, в одном: с этих пор здесь, действительно, имя Михаила Демина запомнили крепко, надолго.

ДРУГОЕ ИЗМЕРЕНИЕ

А в доме у меня все шло по-прежнему. Странности продолжались. Алексей точил по ночам ножи, и я, засыпая, частенько слышал скрежет стали, скользящей по оселку.

И наконец я решил поговорить с ним откровенно, по душам.

Мне не надо напрягать память, чтобы подробно, во всех деталях, восстановить события тех дней. Ведь это был, по существу, мой самый первый шаг на поприще частного детектива! Я сказал: „события тех дней”... Но, пожалуй, правильнее было бы сказать – ночей. Когда я думаю об Очурах, то село это все время предстает мне в каком-то странном, ночном освещении...

И когда мы разговорились с Алексеем, опять была ночь. За окном клубилась черная, непроницаемая, густая, как деготь, тьма. Мы с ним не спали, вместе пили чай. И я сказал Алексею:

– Послушай, ты понимаешь, как ты живешь? Ты же так окончательно чокнешься. Все время ждешь чего-то, чего-то боишься и молчишь... Не молчи! Расскажи мне все, и сразу тебе станет легче. И поверь, я тебя не выдам, не подведу; может, даже помогу кое в чем.

Он быстро исподлобья глянул на меня. И спрятал глаза. И какое-то время сидел так, насупившись, собрав морщины на лбу и у рта.

— Ладно, — погода сказал он. И завозился, прикуривая, нервно ломая спички. — Помочь ты мне вряд ли сможешь... Но — расскажу!

Речь его была сбивчива, путана, неровна. Но я слушал внимательно. И вот что выяснилось в результате.

Прошлой весной, в середине апреля, он ехал на машине — на трехтонном заводском грузовике — по таежной дороге. Был вечер, заря горела, и по сторонам, обволакивая стволы, уже текла, густея, синяя сумеречность. И вот из этой полутьмы выступили вдруг черные людские фигуры. Алексея мгновенно охватил панический страх. Он давно уже знал о том, что в окрестной тайге бродит банда ночных налетчиков. Называют ее „Черная Кошка“. С заходом солнца наступает ее час... И теперь Алексей решил, что встретился именно с нею.

Появившиеся из чащи люди сгрудились у дороги. Один из них выбежал навстречу машине и что-то крикнул. И встал, раскинув руки крестом. Он явно хотел остановить Алексея, задержать во что бы то ни стало. Алексей так это и понял, но не затормозил, а наоборот — зажмурился и дал полный газ!

Грузовик взвыл и рванулся и сшиб стоящего на пути человека. Вдогонку понеслись проклятия, вопли. Ударил выстрел. Кто-то погнался за машиной, но вскоре отстал...

В тот вечер Алексей долго — допоздна — кружил по дорогам; ему все мерещилась погоня. Наконец вернулся домой. Но и здесь он тоже не обрел покоя. „Если они заметили номер машины, — думал Алексей, — я пропал. Они все равно до меня доберутся...“ Мысли эти, раз возникнув, уже не оставляли его. И так, постепенно, пришла к нему болезнь.

— С тех пор, значит, и точишь ножи?

— Ну да. Надо всегда быть готовыми! Они придут ночью, будут думать, я сплю... А я — вот он. Жду. И ножичек мой — как бритва — во-острый!

— Но ты уверен, что человек этот действительно мертв? Ты же ведь сам говоришь, зажмурился...

— Ну и что? Я все равно знаю... Слышал.

— Что же ты слышал?

Он зябко поежился, как на морозе. И потом сказал:

— Хруст костей... Жуткий, какой-то мокрый хруст.

* * *

Сутки спустя мы с Петром Азаровым отправились на нашем газике в городок Алтайск, в районный центр.

Мне надо было побывать там в отделе культуры, которому я как директор клуба был непосредственно подчинен, а также заглянуть в редакцию местной многотиражки. (Я писал стихи и корреспонденции не только для своей областной газеты, но и для этой тоже.)

И была у меня помимо этих задач еще одна — особая.

Я решил зайти в районное отделение милиции и побеседовать там с кем-нибудь об обстоятельствах, связанных с Алексеем. Именно об обстоятельствах! Лично о нем я предпочитал пока не упоминать; меня сейчас интересовало другое: произошло ли в тайге происшествие, подобное тому, о котором он мне рассказал? Было ли это в действительности? Если да, милиция должна была бы знать... Ведь случилось это не в глубинах тайги, не в дальних ее чащобах, а поблизости — в людных, густонаселенных местах!

И вот когда я разыскал алтайскую милицию, оказалось, что войти туда — дело для меня нелегкое...

Я словно бы наткнулся здесь на невидимый барьер.

Барьером этим была моя память, мой старый инстинкт — память лагерника и инстинкт бродяги.

Всю свою прошлую жизнь — всю молодость — я провел в конфликте с властями. Я привык смотреть на милицию с позиции преследуемого и относиться к ней как к врагу. Это чувство враждебной отчужденности укоренилось во мне прочно, вошло в мою кровь и плоть. И вдруг теперь я являюсь туда совершенно свободно, на равных. Прихожу за советом...

„Н-да, многое в моей жизни меняется, — усмехнулся я, топчась у дверей милиции. — Из мира привычных плоскостей я как бы перехожу в новое, другое измерение... Ну что ж. Если уж переходить, так сразу, не колеблясь”.

И, растоптав в снегу недокуренную папиросу, я толкнул тяжелую, обитую войлоком дверь.

* * *

Начальник оперативного отдела старший лейтенант милиции Анатолий Хижняк был человеком немолодым и, видимо, сильно усталым. Плохо выбритое, костлявое лицо его испещряли морщины, голос звучал тускло, хриповато. Порывшись в бумагах, он сказал:

— Нет, в очурской тайге за последнее время никаких трупов обнаружено не было.

Хижняк поскреб щетину на подбородке. И поднял ко мне покрасневшие, воспаленные глаза.

— В другом селе Белый Яр, действительно, произошло недавно убийство. Но преступление уже раскрыто, убийца задержан. Скоро будет суд... Вот так. А в Очурах, в общем, пока тихо.

— Есть, однако, люди, — проговорил я с сомнением, — которые утверждают, что там орудует какая-то банда.

— Банда там, это верно, была, — подтвердил инспектор, — но мы ее здорово потрепали, и она — по агентурным сведениям — перебазировалась в северные районы. Можете так и написать!

Войдя к нему, я сразу же представился журналистом, предъявил удостоверение внештатного корреспондента, и он теперь думал, будто я собираю материал для своей газеты.

— Да, можете так написать. Ушла после столкновения с нашей оперативной группой.

— Ушла когда?

— С весны прошлого года.

Он промолчал. И вдруг, прищурившись, спросил меня:

— Вы говорите, есть какие-то люди, которые утверждают... Это кто же, а? Уж не Алешка ли Болотов?

Я даже покачулся от удивления; вот этого, признаться, я никак не ожидал! Неужели он знает Алексея и все, что связано с ним?

— Я все знаю, — покивал с усмешечкой Хижняк. — А как же! Такая уж моя обязанность. Но должен вам сразу сказать: то, что Алексей утверждает, — бред, пустяки.

— Почему же? Мне это, наоборот, показалось весьма серьезным.

— Да ведь он же псих! Или же, что еще более вероятно, простой симулянт, притворщик. Выдумал историю с бандой и кантуется теперь... Легкую жизнь себе сыскал... У него ведь временная инвалидность, „вторая группа”, так что пенсия обеспечена.

— Ну, пенсия-то, я думаю, пустяковая.

— А много ли ему надо — в избе своей сидючи?

— Вы вообще-то говорили с ним?

— С ним лично — нет. Но к нам приходила Макаровна, его мать; она все рассказала...

— Что же именно?

— Да все! Как он ехал по тайге, как увидел бандитов. Они хотели его задержать, но он якобы испугался и уехал... И теперь он, видите ли, не спит, психует, боится преследования... В общем, чепуха какая-то.

Я тут же подумал: ага! Об убийстве Алексей не сказал своей матери ни слова. Скрыл от нее эту деталь. Почему? Хотя понятно... Значит, он и вправду задавил кого-то! Иначе, если бы он фантазировал, бредил, зачем бы ему было скрывать?

Зазвонил телефон. Хижняк снял трубку, вслушался. И сразу же нахмурился, помрачнел.

Затем он вновь обратился ко мне. Но говорил он теперь быстро, заметно нервничая, искоса поглядывая на часы.

— По просьбе его матери мы даже посылали в Очуры сотрудников. Трое суток они там торчали — охраняли дом, проверяли обстановку... Ну и, конечно, все оказалось блефом! Вот так. И хватит об этом.

И он поднялся, складывая бумаги и давая мне тем самым понять, что аудиенция кончена.

ИДУ ПО СЛЕДУ

Выйдя из милиции, я пошагал к районной чайной, где меня по уговору должен был ждать баянист.

Он уже был там. И успел распорядиться насчет закуски и графинчика (в сибирских чайных подают, в основном, не чай, а водку). И сидел, развалившись на стуле, о чем-то толкуя с неизвестным мне высоким худым парнем. Внешность у парня была запоминающаяся. В густой его черной шевелюре белела узкая, словно нарисованная, седая прядка. А рот был набит металлическими зубами.

Увидев меня, Петр привстал, махнул призывно рукою. Парень же мгновенно исчез.

— Кто это был? — поинтересовался я рассеянно.

— Один знакомый, — пробормотал Петр.

И он внимательно глянул на меня.

— Что у тебя за секреты с лягавыми?

— Да так, пустяки, — ответил я, — надо было оформить прописку...

Потом я грелся водочкой и размышлял.

Несмотря на всю убедительность доводов, приведенных инспектором, я был преисполнен сомнений. Интуиция подсказывала мне, что дело Алексея Болотова гораздо серьезнее и сложнее, чем это кажется на первый взгляд. Я по-прежнему ощущал, улавливал терпкий запахок неразгаданной тайны.

Хижняк считает Алексея симулянтом, думал я, считает, что он просто ищет легкую жизнь. Но ведь есть же врачи, давшие парню инвалидность! Надобно с ними потолковать. Да и вообще, не такая уж легкая, если приглядеться, жизнь у Алексея. Я вспомнил странные его глаза, вспомнил фразу: „Ножичек у меня — как бритва — во-о-

острый!” — сказанную тихим, вздрагивающим, рвущимся голосом...

И, обращаясь к баянисту, спросил:

— Не знаешь, тут есть какая-нибудь больница? Или клиника?

— Есть, — сказал он, с хрустом что-то жуя, — все есть.

— А как туда пройти?

— Топай к реке, — пояснил он, — там находится Первомайская улица. Вот на ней...

— Ладно. — Я поднялся, застегнул меховую свою тужурку. — Сделаем так. Сейчас я уйду по делам, а ты жди... Встретимся через час-полтора. На этом же самом месте!

* * *

Лечащего врача Алексея я разыскал без хлопот. (Редакционное удостоверение помогало мне всюду — открывало любые двери!) И вот какой состоялся у нас разговор:

— Когда Алексей Болотов появился у вас впервые?

— Восемь месяцев назад. А точнее — двадцать седьмого апреля тысяча девятьсот пятьдесят четвертого года.

— Он один приходил?

— Нет, с матерью... И по ее словам, заболел он еще раньше.

— И что же вы установили? Он, действительно, болен?

— О, да.

— Это опасно?

— Да как вам сказать... — Врач поправил очки. — У него проглядываются симптомы депрессивно-маниакального психоза. Болезнь в начальной стадии. Со временем она может пройти. Но может и укорениться, остаться, и тогда в его психике произойдут уже необратимые изменения... Трудно что-либо утверждать заранее! К сожалению, эта область шизофрении еще мало изучена, хотя и является самой распространенной.

— Как же с ней все-таки борются? Существуют хоть какие-нибудь лекарства?

— Конечно. И немало. И я прописал ему кое-что. Но, на мой взгляд, самое существенное тут — не лекарства, а обстановка, условия, среда...

— Но почему же вы не положите его в больницу?

— А что это даст? — пожал он плечами. — Вы представляете себе атмосферу больницы? Вот то-то. Больничная среда зачастую оказывает обратное, пагубное воздействие.

Сняв очки, врач подышал на них, протер полый халата и потом, рассеянно вертя их в пальцах:

— Больница не уйдет... Не о ней надо сейчас думать... Вы говорите, что знаете его хорошо?

— В общем, да, — сказал я.

— Какова его личная жизнь?

— Да неважная... Он все время один. Страдает бессонницей, живет во власти страхов.

— Вот это скверно, что один. Очень скверно! Одному нельзя. Надо, чтоб были вокруг люди, друзья... Ведь у него же есть друзья. Я знаю!

— Какие друзья? — удивился я.

— Я точно помню, — сказал врач, — тогда же, в апреле, ко мне приходил кто-то из профкома, и с ним были еще двое — близкие друзья Алексея. Так они, во всяком случае, назвались! И эти люди, вот как вы сейчас, интересовались состоянием Алексея, его болезнью.

— Значит, вы говорили со всеми... Но разве это можно?

— Голубчик, — сказал он мягко. — Здесь деревня! А в деревне тайн нет. Никаких. Ни от кого. И коли так, то я предпочитаю, чтобы люди знали точно: как действительно можно помочь заболевшему... Тем более, если речь идет о его близких друзьях!

* * *

Нет, я не ошибся. Дело Алексея действительно оказалось серьезным. На Кирпичном заводе (я это выяснил сразу же) судьбой Алексея никто не интересовался и к врачу не ходил; там получили заключение медкомиссии и успокоились. Так что „друзья” его были другого сорта! И эта деталь говорила о многом.

За Алексеем следили — его проверяли... Кому и зачем нужна была эта проверка, я не знал. Но чувствовал: надо спешить.

И прежде всего следовало разобраться в обстоятельствах, связанных с таежным происшествием.

Происшествие это являлось как бы отправной, исходной точкой. И все было бы просто и легко, если бы убитый нашелся. Но в том-то и дело, что труп обнаружен не был и не попал ни в один милицкий протокол. Его никто не видел! А раз так, то и вообще неизвестно, был ли он на самом-то деле?

Конечно же в тайге спрятать труп нетрудно. Можно его, например, зарыть... Но зачем бы стали тайно зарывать его лесные эти люди, даже если они действительно были бандитами? Товарищ их погиб не „на работе”, а просто по нелепой случайности. И в данном случае им нечего было бы скрывать... Наоборот, его постарались бы похоронить легально, по всем правилам.

Я растерялся, запутался, почувствовал себя, как собака, сбившаяся со следа. Сбившаяся, но все же еще не утратившая нюх. И упорно кружащаяся, вьющаяся в кольце начатого поиска...

И вдруг меня осенило. Идиот, я все время думаю об убийстве, ищу труп! Но почему именно труп? С какой стати? Ведь Алексей тогда зажмурился и сразу же скрылся, и, стало быть, он не знает подробностей... А что если сшибленный им человек остался жив? И, раненный, попал в больницу? Потому-то его и нет в протоколах. Такой вариант вполне реален. И вот это-то и надобно теперь разузнать.

* * *

Так начались мои хождения по окрестным больницам.

В Алтайске я не разузнал ничего, но это меня не обескуражило. Район сам по себе огромный, и в нем в разных концах имелось, как я выяснил, четыре крупных больницы. И потребовалось время — прошла зима, — пока я побывал во всех... Слава Богу, в моем распоряжении была машина! И вот в последней по счету, расположенной на границе с соседним районом, я вроде бы напал на след...

В регистрационном журнале отдаленной этой больницы мне попала любопытная запись:

„В ночь на 15 апреля 1954 года доставлен больной в шоковом состоянии, с тяжелой травмой обеих ног. Документов при нем не было. Но он сам, придя в сознание, сообщил, что имя его Грачев Василий Сергеевич”.

И ниже значилась подпись: „Дежурный врач О. Никодимова”.

Тут многое настораживало — сама эта дата и характер травмы...

Я увиделся с Никодимовой. Она оказалась грузной, уже не молодой, с тугим узлом серебряных волос и большими, не по-женски крепкими руками. В этом я убедился, когда мы обменялись рукопожатием. Затем она сказала:

— Грачева я помню. Еще бы! Мне ведь почти сразу пришлось его оперировать. Очень трудный был случай. Сами понимаете — ампутация...

— Вы ампутировали ему обе ноги?

— Нет, одну... Другую — правую — уложили в лубки. А с левой ногой уже ничего нельзя было сделать. Представляете: переломы в пяти местах! Голень словно в мясорубке побывала. И кроме того, повреждено бедро...

— Как он объяснил потом все случившееся?

— Сказал, что шел по тайге пьяный, споткнулся, упал и угодил

под какую-то встречную машину... Что ж, — она вздохнула коротко, — с вашим братом это бывает!.. Зальете водкой глаза и шляетесь, где не надо, гибнете попусту.

— Да, конечно, — согласился я, — дело известное. А скажите-ка, вы не заметили в его поведении ничего такого... — я пошевелил пальцами, — ну, странного, что ли?

— Вроде бы нет. Хотя... — Она опустила брови, задумалась на мгновение. — Кое-что было, верно, я вот сейчас припоминаю... Знаете, мне кажется, он все время чего-то боялся.

— Как же эта боязнь проявлялась? В чем?

— Н-ну, в мелочах... По-разному... Мы положили его внизу, у окошка, — он попросил перенести его на второй этаж. И когда дверь в палату открывалась, он все время вздрагивал. Вообще не любил посетителей! И в приемные часы, когда к больным приходят родственники, лежал не двигаясь, укрывшись с головой.

— Так, — сказал я, — понятно.

Мне и в самом деле стало понятно многое; я твердо знал сейчас, что иду по верному следу! И я спросил с трудно сдерживаемым волнением:

— А теперь как мне его повидать?

— Я сожалею, — сказала она медленно. — Но повидать не удастся...

— Почему? Где же он?

— На кладбище. Там, где мы все будем.

— Сколько ж он у вас пролежал?

— Месяца полтора всего. А потом... — она вздохнула. — Уж как я старалась, как старалась! Мы тут все за ним, как за малым дитем, ходили...

— Отчего же он умер?

— От паралича сердца. Он вообще был очень слаб, от шока так и не оправился, жил на вливаниях... Ну, и вот.

Мы еще поговорили с ней недолго, и я простился и пошагал к дверям. И уже на пороге остановился вдруг, и потом:

— Да, простите, — сказал я, — последний вопрос. А кто Грачева привез сюда, вы не помните?

— Какой-то шофер, — ответила она, поджимая губы, — я его не знаю. И он о себе ничего не говорил. Сказал только, что ехал с кирпичного завода и случайно заметил на дороге лежащего... Ну, и пожалел, подобрал.

— С кирпичного? — переспросил я. — Это точно? Он так и сказал? Вы не путаете?

— О, господи, — усмехнулась она, — что, корреспонденты все

такие назойливые? Я никогда ничего не путаю, молодой человек. Никогда. Ничего.

ИДУ ПО СЛЕДУ (продолжение)

И вот я снова в кабинете у Хижняка.

– Вам знакомо такое имя: Грачев Василий Сергеевич?

– Васька Грач! Ну, как же, как же. Помните, мы говорили об очурской банде? Так вот, он был там. И ушел с ней...

– Ни с кем он не ушел, – сказал я. – Он ушел один... И знаете, куда? Сыграл на два метра под землю.

– Откуда у вас эти сведения?

– Я недавно был в той больнице, где он лежал раненый и где потом умер.

– Это что за больница? Где находится?

Я объяснил. Он выслушал меня внимательно. И затем спросил:

– А как вы, собственно, там оказались? В связи с чем?

– Да случайно. Ехал по делам и завернул ненадолго... Мне ведь все интересно, я же газетчик.

И перегнувшись через стол, я добавил медленно:

– И могу также объяснить вам, отчего умер Васька Грач... Он умер от страха.

– Ну, это уж ваши домыслы...

– Ничего подобного. Хирург той больницы, Ольга Никодимова, так и сказала: „Он, – то есть Грач, – все время чего-то боялся...” И мне думается: он боялся своих!

– Ага, ага, – забормотал Хижняк, – да, да, да... – Он сидел теперь сторбившись, постукивая ногтями о край стола, думал о своем. – Да, пожалуй... Я и раньше еще замечал, догадывался, что у них там что-то происходит, кипит что-то.

И он досадливым жестом ударил по столу кулаком.

– Эх, черт, жалко, я не повидал Грача! Не знал... Не успел... Да ведь, с другой стороны, где ж тут все успеть? Наш район по территории равен Швейцарии, а у меня в оперативном отделе всего пять человек.

– Как же вы управляетесь со здешними бандитами?

– Ну, в самых крайних случаях нам помогают, поддерживают... Вот в последней операции, например, участвовали люди из соседнего района.

– Когда эта операция, кстати, происходила?

— Как это ни смешно — первого апреля пятьдесят четвертого года, — сказал Хижняк, — первого апреля! Но дело было нешуточное. Мы потеряли одного, а бандиты — двоих. И кроме того, еще двоих подраненных нам удалось задержать. Но, к сожалению, часть банды все-таки скрылась. И с ней ушел сам главарь, Каин.

— Каин? — засмеялся я. — Ничего себе имечко. Своеобразное!

— Да и тип этот тоже своеобразный... Наркоман, садист, прирожденный убийца, а? Каков букет?

— Вы этот „букет“ видели? Держали в руках?

— Я лично нет. Но досье на него заведено богатое. У него есть и другое прозвище — Черная Кошка, которое он уже сам придумал для устрашения. Чтоб пугать народ.

— У вас, я вижу, дело крепко поставлено, — похвалил я его, — агентура имеется неплохая.

— Стараемся, — проговорил он, поигрывая бровью, — стараемся...

— Сколько же человек на вас работает?

— А какое это имеет значение? — усмехнулся Хижняк. — Я говорю абстрактно, обобщенно... Так вот, если обобщать, то в этой среде при желании всегда можно найти пособников. Там же все время идет междоусобная борьба. Свирепая борьба! За авторитет, за власть, за территорию... Одну группу вытесняет другая. Один авторитет соперничает с другим. И порою случается так, что кое-кто из жиганов начинает устранять соперников с нашей помощью, понимаете? Выдает их и таким образом расчищает себе дорогу...

— Кто же это, к примеру?

— А вот таких вопросов задавать не полагается, — жестко, холодно сказал Хижняк. — Усвойте себе это правило! — И он поднял палец и покачал им строго. — Хорошенько усвойте! Я вам как журналисту объяснил общую ситуацию... И все. И достаточно. И не требуйте большего.

— Прошу прощения, — сейчас же сказал я. — Вопрос был, действительно, неуместный, я сам сознаю. Но я почему?.. Просто любопытно, что за нравы у здешних блатных, что это вообще за публика?

— А здесь, к вашему сведению, вовсе и нет настоящих блатных, — небрежно бросил Хижняк. — Таких блатных, которые, скажем, обитают в Одессе, в этом русском Марселе... Отнюдь!

Он раскинулся в кресле, закурил и ловко вытолкнул губами колечко дыма. Вид у него был усталый и снисходительный; ему, очевидно, нравилось меня поучать.

— Я когда-то работал в одесском розыске. Там были артисты, виртуозы! А тут — что? Простые лесные налетчики, таежный примитив. Единственное, что они тут умеют, — убивать...

— Однако же этот ваш „абстрактный“ тип, — сказал я, — судя по всему, личность далеко не примитивная. Наоборот... Редкостный ловкач. Эдакий уголовный Азеф! Вы не находите?

— Пожалуй, — кивнул Хижняк. — Что-то общее есть... Но если Азефу удалось перехитрить всех — уйти и от подпольщиков, и от властей, то этот от нас, конечно, не уйдет. Со временем мы его обезвредим. Но только не теперь! Пока что он полезен именно тем, что он — там. В самых недрах. Понимаете? Ну и хватит об этом!

* * *

Когда я вернулся домой, был час снегопада. Село словно бы окутывал сырой серый дым. Мохнатые, липкие снежные хлопья отягчены были влагой, и ветер уже крепко пахнул весной.

На хозяйской половине топились печь — гудела и попыхивала вкусным дымком. Я разулся, пристроил возле печки отсыревшие валенки. Затем повернулся к Алексею.

Он, как обычно, стоял у окна... В избе, кроме нас, никого не было — Макаровна ушла куда-то. Момент был самый подходящий. И я сказал:

— Эй, Алексей! Тебе привет.

— От кого?

— От Васьки Грача.

— Что-о? — он заметно вздрогнул. — От Грача? — И тут же проговорил, бледнея: — Не знаю такого...

Эта моя реплика должна была ошеломить его, сбить с толку. Так и случилось.

Я переспросил, прищурясь:

— Не знаешь? Странно.

— А что такое? В чем дело? — зачастил, заторопился он. — Какой еще привет? Ведь он же умер...

— Вот ты и попался, — сказал я тотчас же, — Грач действительно умер. Как же ты об этом узнал?

У меня всегда была неплохая реакция, она не раз меня выручала. И выручила теперь. Алексей качнулся ко мне — неуловимо быстро взмахнул рукою... И тотчас же я присел, увидев сверкнувшее в воздухе жало ножа.

Нож, крутясь, пролетел надо мной — свистнул коротко. И впился, дрожа, в бревенчатую стену. Он низко пролетел — почти цапнул мне череп. Я ощутил дыхание опасности. Не нагнись я, он, пожалуй, вошел бы мне прямо в горло! И волосы мои зашевелились и вздыбились.

И выхватив из кармана свой собственный складной охотничий нож (с которым я не расставался никогда!), я проговорил возмущенно:

— Ты что, говнюк, сдурел? Стой смирно, не двигайся! Это куда же годится, черт возьми?!

Я говорил и поигрывал раскрытым ножиком — подбрасывал его и ловил за рукоятку... А Алексей по-прежнему стоял чуть пригнувшись и напряженно следил за мной.

— Я привез хорошие вести, хотел тебя, дурака, обрадовать, а ты вон как меня принимаешь!..

— Какие вести? — спросил он. — О чем?

— Говорю тебе — хорошие!

Тогда он медленно, несмело распрямылся. И подошел ко мне, просительно протягивая руки:

— Что? Что ты узнал?

— Узнал много чего, — ответил я. — Но сначала давай условимся. Во-первых, без истерики! Без подлостей! А то ведь я тоже не с пустыми руками...

— Ладно... Ты извини.

— И во-вторых, — я сложил ножик и спрятал его в карман, — я хочу, чтобы ты мне объяснил кое-что. Вот скажи-ка, зачем ты врал, когда рассказывал о том ночном происшествии, а? Ты говорил, что встретил каких-то незнакомых людей. Но ты же знал их всех! И Грача — тоже... Ведь правда?

Алексей кивнул. Брови его заломились, ко лбу прилипла мокрая прядь. Глаза, как у больной птицы, были затянуты мутной пленкой.

— Я не то чтобы врал... — запинаясь, сказал он, — я просто не мог иначе. Не мог вспоминать подробности, понимаешь? Да и кроме того, я же не знал тебя...

— Но теперь ты знаешь. И постарайся вспомнить все до конца!

”ЧЕРНАЯ КОШКА”

Новый рассказ Алексея разительно отличался от первого. Почти все здесь было наоборот...

Покойного Грача он, оказывается, знал давно, с детства, — они были старыми друзьями. И Васька-то, собственно, и вовлек его в банду Каина.

Черная эта кошка наводила страх на всю округу. Банда совершала ночные налеты на склады и магазины, грабила конторы. И не

щадил никого из тех людей, которые встречались ей на пути.

И Алексей, связавшись с жиганами,* время от времени оказывал им услуги как шофер грузовика. Заработок это давало неплохой. И насколько я мог понять из ухмылочек и намеков, у него и по сей день сохранились где-то припрятанные деньжонки! Так продолжалось два года. А потом стряслась беда, Каин заподозрил друзей в предательстве.

Вернее, заподозрил Грача. А так как Алексей был с ним тесно связан, — пятно легло также и на него...

В преступном мире, кстати сказать, такой порядок вещей существует издавна; отвлеченной дружбы там не признают, в идиллические контакты не верят. Друг — это, прежде всего, партнер, единомышленник. И потому уголовник, по правилам, отвечает не только за свое личное поведение, но также и за поведение любого своего друга. И нередко отвечает головой...

Что же, собственно, случилось? С чего все началось?

У Васьки Грача, как рассказал мне Алексей, была подруга, некая Клава — рыжеволосая и пышная, — с которой тот часто встречался. Работала Клава в очурском сельсовете, и Васька порою заглядывал туда. Вот такова прелюдия! Ну, а дальше начинается история загадочная и мрачная... Однажды готовился налет на контору по закупке пушнины. Она находилась в селе Осиновка — в шестидесяти километрах от Очур. Так как налетчики рассчитывали не только на деньги, но еще и на меха, — был приглашен Алексей со своим грузовиком. Ровно в три часа ночи, в назначенный срок, он прибыл в Осиновку и, к своему изумлению, застал там суматоху, шум, пальбу... Банду, оказывается, ждали; она попала в ловушку! Кто-то выдал ребят и в завязавшей перестрелке они потеряли четверых... Остальных (в том числе и Каина) Алексей успел подобрать и канул во тьму... А спустя две недели, собравшись в тайге в тайном месте, жиганы занялись расследованием причин провала. И вот тогда кто-то вспомнил вдруг, что за день до злополучного этого налета он видел Грача выходящим из дверей сельсовета... Что он там делал? И другой жиган подтвердил, что Васька — это точно — часто терся у тех дверей.

И тотчас же вспомнился, всплыл давний, позабытый уже случай: была вечеринка в доме у знакомого барыги.** Помимо Грача, там было еще двое ребят... Упившись, они там же и остались ночевать. Но потом, среди ночи, Грач оделся торопливо и вышел. Он так и не вернулся на малину. А утром туда ворвалась милиция.

* Жиган — грабитель, бандит.

** Барыга — перекупщик краденого.

Васька уцелел в тот раз, и жиганы приписали это удаче, сочли за счастливую случайность... Но теперь все поворачивалось по-иному. Что-то уж многовато накапливалось случайностей! Допрос вел сам Каин, и был он недоверчив и неумолим.

— Ты нам мозги не пудри, — заявил он Грачу, — что ты все время твердишь про любовь, про бабу? Это все — зола... — (Была у Каина такая поговорочка!) — Ты лучше скажи: как ты нас продаешь? Кому? И за сколько?

И как ни оправдывался Грач, как ни твердил он, плача, что душа у него честная, воровская, — все равно ему не поверили. Не захотели поверить.

Сборище было шумным, хмельным. Ребята пили самогонку, и чем сильнее хмелели, тем становились все безумнее. Разъяренные, растерянные, они искали предателя, им нужен был виновный! Под эту категорию легче всего, конечно, подходил Васька Грач... Но и Алексея тоже коснулась тень подозрения... Каин сказал с обычной своей кривой ухмылочкой:

— Вы же ведь кореша! Кто вас знает, чем вы оба дышите?

Ситуация была напряженной. И Алексей не выдержал. Подтвердил, что друг его действительно бывал в сельсовете, и не раз. Там у Грача есть девушка... Но все же в детали он не посвящен, и потому ручаться ни за что не может.

В принципе, он не солгал, сказал в какой-то мере правду. Но правда эта была куда гнуснее лжи.

— Ну, раз так, — ответил Каин, — раз ты сам ему не доверяешь, то сам же и казни. Дави его, суку, колесами! Это даже удобно: все решат, что тут не убийство, а случайная катастрофа. — И прибавил с угрозой: — И если ты наш, не порченный, рука у тебя не дрогнет.

И состоялась казнь: Грача, связав, положили на лесной тропе — распяли на камнях. Алексей уселся в машину, дал газ. И рука его в эту минуту не дрогнула... Да если бы она даже и дрогнула, что бы он мог поделаться? Он понимал, что если откажется, он сам тут же ляжет рядом с Грачом.

И все же он попробовал схитрить: вильнул и стал наезжать лежащему на ноги...

Нет, он не зажмурился тогда! Он наезжал и видел в блеклом свете фар распростертое, распластанное тело и запрокинутое, белое, как мел, лицо Грача и разинутый в крике, перекошенный его рот.

А затем машину тряхнуло, и он ощутил, услышал хруст — мокрый, медленный хруст ломающихся костей.

Ну а „зажмурился” он уже после... Дрогнули не руки его, а душа. Чтобы как-то жить дальше, нужно было забыть увиденное.

И Алексей забыл, отгородился от действительности.

В общем-то, он жидкий был парень, с гнильцой. Но все же заниматься им стоило.

В жизни нашей существует два уровня. Уровень света и уровень сумерек. Граница меж ними зыбка, неотчетлива и переступить ее не так-то уж трудно. Но все же надо решиться на это, надо суметь сделать первый шаг! Алексей не сумел... И сломался. Сломался как раз на самой черте. Но как бы то ни было, остался по эту сторону.

СПАСТИ ОТ САМОГО СЕБЯ

Теперь мне все было, в принципе, ясно. За исключением одной только детали.

Откуда, недоумевал я, откуда же взялись его ночные страхи? Весьма предметные страхи — постоянное ожидание мести, боязнь преследования... О какой мести может сейчас идти речь? Ведь он же выполнил все, что требовалось. И, таким образом, как бы оправдался в глазах ребят.

Вопрос этот заинтересовал меня чрезвычайно. И я спросил Алексея напрямик. И он ответил, растерянно разведя руками:

— Так ведь я же потом вернулся к Грачу! И подобрал его украдкой. Вернее... — он запнулся, — то, что от него осталось. И в ту же ночь отвез в больницу.

— И говорил там с хирургом, с Ольгой Никодимовой.

— Ты и про это уже выяснил?

— Естественно. И я вот чего не пойму: зачем ты упомянул тогда о кирпичном заводе? Зачем раскрыл себя? Это было неосторожно... Ведь если бы по твоему следу шел не я, а кто-нибудь другой, представляешь, что было бы?

— Представляю, — проворчал он угрюмо, — я и сам не могу понять: как это я сболтнул? Наверно в панике, впопыхах... Потом-то я спохватился, сообразил, но ведь сказанного не воротить! Вот после того я и спать перестал... Ты сам посуди: если бы в кодле узнали, что я пытался Ваську спасти, там сразу бы решили, что мы с ним заодно, что я от него не вовсе отсекся... И тогда они пришли бы казнить меня самого.

„Других казнить ты, значит, можешь, — гневно подумал я, — а себя самого — вон как бережешь!“

Я подумал так, но промолчал: очень уж он был все-таки жалок. И потом спросил, глуша раздражение:

– Но если ты такой пугливый, как же ты, черт возьми, смог к нему вернуться? Как ты решился?

– Что-то толкнуло, – он развел руками, – что-то заставило... Я вообще плохо тогда соображал; все было, как во сне.

И вот эта фраза примирила меня с ним.

– Хорошо... Ну, а откуда ты все-таки узнал о его смерти? Кто тебе сообщил?

– Да это мать, – сказал он, – это она звонила. Она же ведь – мой посыльный! Вот еще кто мается не меньше моего. И ничего не знает толком, не поймет, мечется в панике... Жалко старуху.

– Ну так вот, – сказал я, – ни ей, ни тебе беспокоиться больше не о чем! За тобой, действительно, следили. Но теперь в коdle знают о твоей болезни... До Ольги Никодимовой они, слава Богу, не добрались, но в Алтайской клинике – у твоего психиатра – были. Это точно.

– Да ну? – дернулся он. – И что?

– Как видишь – ничего. Проверили все и поняли, что ты не опасен... Это самое главное!

– Значит, что же – прошептал он, – значит, я теперь...

– Да! Можешь спать спокойно. И, во-вторых, все вообще изменилось, учти это. Самого Каина больше нет здесь, он испарился, ушел. В какой-то другой район.

– В какой?

– Вот этого я пока еще не знаю...

– А каким это образом ты все узнаешь, до всего докапываешься? Кто ты – начистоту?

– Такой же, как и ты, – сказал я, улынувшись, – бывший блатной. И я ненавижу таких, как Каин! И вот помогаю тебе, чем могу.

По мере того, как я говорил, Алексей преобразался, облик его становился иным, и я подивился случившейся перемене! Плечи его распрямились, муть отошла от глаз. И, заглянув в них, я впервые увидел истинный их цвет. Глаза его были светло-карие, с золотистым отливом. Их уже не ослепляла тоска, в них светилась надежда.

„А ведь он, по-своему, интересный парень, – подумал я, – и раньше, наверное, нравился девушкам”.

И тут же – по краю моего сознания – прошла еще одна, новая мысль.

– Послушай, – сказал я, – а с той красоткой, которая погубила Грача, ты лично знаком?

– Видел несколько раз... А что? Она и вправду красотка. Первая в Очурах. Да что – в Очурах! Отсюда до Северного полюса

другой такой не найдешь, не сыщешь...

— И как ты считаешь, она действительно была виновата? Ведь кто-то же выдал вас... Может, она?

— Вряд ли, — поморщился Алексей. — Даже если Грач и сказал ей что-нибудь, трепанулся, все равно... Клавка — баба своя!

— Как то есть своя?

— Ну, у нее есть брат, и он тоже налетчик. Только он в другой кодле. Тут, в тайге, пасся не один только Каин...

— И какая у этого брата кличка?

— Ландыш. Нежная кличка! Это у него фамилия такая: Ландышев.

— А вообще Клавкина семья, — спросил я, — она здешняя, ко-ренная?

— Приезжая... Грач мне говорил, откуда они, только я позабыл.

— В сельсовете, стало быть, могут и не знать ничего о Клавке, — пробормотал я. — Ну, а Каин? Он-то знал?

— А какая в конце концов разница? Дело же вовсе не в Клавке! О ней почти и не было разговора... Каин ведь как повернул? Раз ходил в сельсовет — значит, мог столкнуться с властями. Значит, ссученный... А все эти слова о любви для Каина — „зола”.

— Он, что же, баб не признает, не интересуется ими?

— Он только собой интересуется! А бабами, конечно, пользуется, — почему бы и нет? Но вообще-то ему на все плевать. Или, как он сам говорит — блевать!

— Так кто же все-таки выдал вас? — спросил я погодя. — Может, и правда, Грач?

— Нет, не похоже, — сказал Алексей. — Ведь и в тот раз, когда он ночью ушел с малины, он тоже был у нее...

— Н-да, — процедил я, — новая загадка!

— Эх, если бы узнать, кто, — хрипло, тяжело вздохнул Алексей, — если б точно установить. Я бы с ним тогда расквитался. За все! И за Грача, и за себя!..

Он еще хотел что-то сказать, но в этот момент воротилась Макаровна, и наш разговор пресекал, его уже нельзя было при ней продолжать.

* * *

Среди ночи я проснулся внезапно; меня разбудило чье-то прикосновение... „Алексей! — раздраженно подумал я. — Какие-нибудь новые фокусы!” Но нет — это оказалась Макаровна. Она стояла, закутанная в платок, морщины ее тряслись, по ним ползли слезы.

— Что еще случилось? — зажигая лампу, спросил я. — Опять беда?

— Наоборот, радость, — прошептала она. — Ты знаешь, Алеша-то спит! Впервые за все время уснул спокойно. Лежит себе, ровно дышит, губами шлепает, как маленький... А ведь это ты его вылечил!

— Ну, чего там, мамаша, — отмахнулся я, — это все пустяки... Главное, что он успокоился... Я тоже рад. И очень.

— Ты, ты, — продолжала она, — это ты помог. Вот ведь как я удачно сделала, что приняла тебя!

— А кстати, почему ты сразу, с самого начала, не предупредила меня обо всем?

— Ох, что ты! — она махнула на меня сухонькой лапкой. — Нельзя было... ведь если бы ты узнал, ты бы не стал здесь жить. А мне как раз нужен был человек в доме. Так мне врач посоветовал... Я схитрила маленько, и видишь, как все хорошо получилось! И спасибо тебе, милый. И дай тебе Бог всякого счастья.

И она, кряхтя, поклонилась — древним, низким, земным поклоном.

Потом подняла ко мне морщинистое темное личико:

— Теперь живи здесь, сколько хочешь, и о деньгах не заботься; я с тебя ни единой копейки не возьму. Эта половина избы — верно — твоя!

Она ушла, что-то еще бормоча, а я погасил свет и устало вытянулся в постели.

Вот я и утвердился в звании сыщика! И даже уже награду получил за труды. Что ж, я и в самом деле потрудился. И помог человеку, спас его. Причем спас его — от самого себя... А эта проблема поистине не из легких!

УТРАЧЕННЫЕ ИЛЛЮЗИИ

Но не думайте, будто я в течение этой зимы занимался одним только Алексеем...

Я много писал и регулярно посылал стихи и очерки в свою газету (а также и в другие редакции). Настроенный романтически, я писал о природе края, о жизни таежных охотников, лесорубов и рыбаков. Иногда мои опусы появлялись в печати, и всякий раз это меня радовало несказанно.

Мне ведь все было внове тогда, и еще не успела приестся газетная рутинa, и приятно было сознавать себя журналистом! Начав

сразу в двух жанрах, я с азартом, с неизменным усердием работал над очерковой прозой и над стихами.

Но все же поэзия занимала меня больше, влекла сильнее; еще бы!..

Со временем стихов накопилось немало. Я соединил их со старыми рукописями. И в результате образовалась весьма пухлая папка.

Объемистая папка, в которой как бы угадывались уже, намечались очертания будущей книги.

Однако до этого было еще далеко. И пока что мне с избытком хватало сложностей и хлопот, и разных неожиданностей... В редакциях мои сочинения нередко отвергались, выбрасывались в корзину, и я тогда горевал. Как это обычно бывает с новичками, я каждую мелкую неудачу воспринимал как катастрофу. И я страдал ипил горькую, и проклинал бюрократов-редакторов.

Да, хлопот и неожиданностей хватало... Впрочем, это естественно! В городе Одессе, в том самом „русском Марселе”, о котором говорил Хижняк, бытует старинная поговорка: „жизнь — это смесь дерьма с конфитуром”. Аппетитное блюдо, не правда ли?

* * *

Однажды я сидел в клубе в своем кабинете. Кто-то постучал в дверь. И затем на пороге появился незнакомый мне парень. Он снял шапку, глянул на меня исподлобья. И осведомился: точно ли я тот человек, который пишет в газету и подписывается именем Демин.

Я ответил, что — да, это факт бесспорный. И в свою очередь заинтересовался, что ему надо?

Парень замялся; он явно был чем-то смущен... Теребя в пальцах шапку, он сказал несмело:

— Я к вам за советом, за помощью.

„Ого! — подумал я. — Кажется, я начинаю делать карьеру в качестве всеобщего утешителя. Не переборщить бы... Не поскользнуться бы!.. ” И проговорил с кислой улыбочкой:

— Я вас слушаю.

— Видите ли, — сказал, усаживаясь, парень, — я подвиг совершил. Пострадал за идею! А никто не ценит, наоборот, все смеются.. — Он всхлипнул, лицо его перекошилось. — Прямо житья никакого нет.

— Так в чем же все-таки суть? — нетерпеливо сказал я. — Пока я ничего не вижу... Выкладывайте!

Свесив руки промеж колен, он сделал там какой-то сложный, замысловатый жест.

— Все потеряно...

Что именно? — спросил я, с любопытством следя за его пассажами, — где?

— Ну, здесь, здесь, — сказал парень. — Неужто не понимаете? Я же ведь оскоплен...

— Ах так, — пробормотал я, — да, это действительно... Хе-хе-хе... проблема.

И я замолчал в растерянности, не зная толком, что же еще сказать? В самом деле, вот вам задачка для школьного возраста: приходит человек с таким заявлением и просит вашей помощи. Как тут быть? И чем тут, собственно, можно помочь?

— Как же это вы ухитрились? — сказал я, помедлив. — А? Все же — такое дело... Подумать страшно!

— Вот, вот. А я — рискнул. Это же героизм, верно?

— Бесспорно. И еще какой! Но скажите, кому и зачем он понадобился?

— Да, видите ли, здесь, в Очурах, есть религиозная секта — „скопцы“, — начал парень, — довольно крупная секта. И наша комсомольская организация решила повести с ней серьезную борьбу...

* * *

Комсомольская организация решила повести с ней серьезную борьбу. И тут сразу же встал вопрос: как проникнуть в эту секту? Как ее разоблачить?

Секта была тайная, старинная, со строгими правилами. Сборища скопцов устраивались в лесу, в большой, глубоко вырытой землянке, лишенной окон и с одним только входом.

Посторонние туда не допускались, а подглядеть и подслушать что-либо не представлялось возможным... Проще всего, конечно, было было бы ворваться туда силой, прийти с милицией. Но когда комсомольцы обратились в районное отделение, к Хижняку, тот посоветовал другой вариант.

— Чтобы разоблачить сектантов, — сказал он, — необходимо поймать их с поличным. Захватить в тот самый момент, когда они творят свой ритуал. И без агента здесь не обойтись! Нужно, чтобы кто-нибудь вошел в эту секту, притворился ихним...

Вот такой совет дал старший лейтенант милиции — крупный специалист по работе с тайной агентурой! Комсомольцы воодушевились. Стали искать желающих. Секретарь сельской организации провел ряд бесед, посвященных подвигам различных агентов. Рассказал о знаменитом Зорге, о легендарном Кузнецове. Зачем-то приплел он сюда и английского полковника Лоуренса. И вот этот полковник

сильнее всего взволновал нашего волонтера. (Пора его вам представить: фамилия его Владимиров, имя Максим.) Завороженный лоуренсовской романтикой, Максим дал согласие и начал свою игру.

Он познакомился с группой сектантов, долго и упорно втирался к ней в доверие. Заявил, что хочет вступить в секту... И когда его спросили, почему, с какой стати, он, молодой парень, захотел лишиться столь мощного мужского украшения, Максим ответил, как и положено: что он устал от дьявольских женских соблазнов и не хочет больше жить в мире греха.

Это весьма точно совпадало с сектантской идеологией (которая во многом опирается на старинные, запрещенные церковью „раскольничьи” книги и на так называемые „Соловецкие тетради”). В одной запретной тетради, например, сказано: „Что есть жена? Сеть прельщения человека... Что есть жена? Покоище змеиное, болезнь, бесовская сковорода, соблазн адский, увет дьявола...”

Браня напропалую женщин, Максим — сам того не ведая — приблизился к каноническим текстам. И скопцы, поразмыслив, решили парня принять... В эту секту, кстати сказать, попасть не так-то просто: туда принимают только избранных!

А затем, малое время спустя, новоявленный Лоуренс предстал перед старшинами секты; его должны были посвятить в „непорочные”, удостоить „высшей благодати” (а попросту говоря — стерилизовать!). Торжество было назначено на субботний вечер. И в этот час все комсомольцы села, а также оперативники Хижняка окружили землянку и залегли в окрестных кустах.

Они залегли, ожидая сигнала. Было так условлено: когда начнется „посвящение” и к Максиму подойдут с инструментами, он тотчас же крикнет, позовет на помощь...

— А какие у них вообще-то инструменты, — поинтересовался я, — чем они яйца-то стригут? Ножницами, что ли?

— Так в том-то и дело, что я не знаю, — грустно ответил Максим. Не успел ничего разглядеть. Я же думал, что они будут спереди подходить, а они — сзади... Украдкой... Чик — и готово!

— Но как же это все-таки выглядело? — спросил я, чувствуя в горле какой-то странный, мучительный, нарастающий клекот и изо всех сил сдерживая себя. Смеяться тут было неуместно, просто грешно.

— Как это происходило — в деталях?

— Да, в общем, просто... Я снял штаны, сел на какие-то козлы... Опустил яйца в тазик с водою... И все!

— А сигнал подать успел?

– Что-то крикнул... Но слабо. И сразу брякнулся в обморок. Это ведь естественно, верно же?

– Конечно, конечно. Тут и помереть недолго.

Я закурил, закашлялся, закутался в дым. Я долго кашлял, потом сказал:

– На это, действительно, надо решиться. Я бы, например, не смог. Ну, ладно. Так чем же я могу теперь помочь? Дело-то сделано...

– Но я хочу справедливости, – со страстью, стиснув руки, сказал он, – раз это подвиг, напишите о нем! Пусть все поймут! А то что же получается: девушки плюются, парни насмешничают.

Я пообещал, что напишу непременно. И вскоре послал в свою газету корреспонденцию. Поначалу я назвал ее – „Утраченные иллюзии”. Но потом, в последнюю минуту перед отправкой, передумал. И, зачеркнув этот заголовок, поставил другой – „Подвиг комсомольца”.

К сожалению, „Подвиг комсомольца” напечатан не был и света не увидел. Но все же корреспонденция моя помогла! Редактор передал ее в областной комитет комсомола, и Максима – этого деревенского Лоуренса – впоследствии наградили почетной грамотой и даже деньгами.

Так что подвиг его все-таки не прошел незамеченным, и справедливость была восстановлена.

РЕЗАЛИ ГУСЕЙ – ОНИ УМИРАЛИ, КАК ЛЕБЕДИ

И вот еще одна история, в которой трагическое густо перемешано с курьезным...

Но сначала необходимо сделать коротенькое отступление. В Алтайске, как я уже говорил, выходила районная газета, и у нее имелся определенный круг своих авторов. В этот круг со временем вошел и я и познакомился кое с кем. Особенно любопытным оказался мне молодой поэт по имени Сема Дробышев, который писал забавные миниатюры.

В каждой миниатюре заключалась какая-нибудь изюминка, была запоминающаяся деталь. Вот, например: „мое занятие теперь – ремонт воздушных замков”. Или еще: „резали гусей – они умирали, как лебеди”.

Я несколько раз встречался с Семой, мы были бегло знакомы. Но как он живет и что вообще делает, я не знал. И совершенно неожиданно накануне Пасхи я вдруг получил от него письмо с приглашением приехать к нему домой по случаю его, Семиного, дня рождения.

Отказываться было неловко, да и не хотелось. И в назначенный день вместе с неизменным своим шофером Петром Азаровым я прибыл в районный центр.

* * *

Меня с самого начала слегка удивил адрес, указанный на конверте, — Первомайская, 40. Он полностью совпадал с адресом больницы, где я уже успел побывать. Но, может, тут какая-то ошибка, думал я, какая-то путаница? Проверим на месте...

Ошибки, однако, не было; Сема ждал нас у ворот больницы. Он стоял, катая в зубах окурков, а над ним — освещенная закатом, виднелась вывеска: „Психиатрическое отделение”.

— Наконец-то, — воскликнул он радостно, — я уж целый час вас жду!

И повел нас куда-то в сторону — вдоль забора.

— Куда это ты? — спросил я.

— К себе, — ответил он, — увидишь... Тут есть одна лазеечка, я всегда ей пользуюсь.

Вскоре мы достигли этой лазеечки и проникли через нее на больничную территорию. Затем миновали „мертвецкую” и спустились в какой-то подвал.

Здесь находилась котельная. И Сема работал в ней кочегаром.

Помещение это было мрачное, полутемное. У входа в подвал громоздилась груда угля, а в другом его, дальнем конце зияло багровое круглое отверстие пылающей топки.

— Вот тут я, братцы, и работаю, и живу, — широко поведя рукой, сказал Сема. — Как в преисподней, правда?

Освещенный колеблющимися отблесками огня, он сейчас и в самом деле походил на черта... На веселого черта.

Усадив нас на каких-то досках, он захлопотал; постелил на полу чистую тряпочку, выставил закуски. Затем извлек из бочки с водой бутылку охлажденной водки. Мы присовокупили к ней свою, прихваченную в качестве подарка. И так начался праздничный этот пир!

Первый стакан был поднят за поэзию.

— Я почему в первую очередь за нее? — сказал Сема. — Потому, что в этом нашем бредовом мире поэзия — единственная реальность, единственная стоящая вещь... Мы все, как тени, появляемся и исчезаем... А она остается!

Мы выпили. И я возгласил:

— Ну, а теперь все-таки за тебя! Нынче ведь твой день... Сколько тебе, старик, грянуло?

— Двадцать восемь.

— Значит, мы с тобой ровесники!

И мы еще приняли по одной. И Сема сказал:

— А теперь за вас, ребята! За моих гостей!

Бутылка кончилась. Раскупорили новую. И следующий гост предложил уже Петя:

— А теперь, — сказал он, — за нас за всех!

— Верно, — поддержал я его. — За нас, за удачу. За то, чтобы мы хотя бы сумели умереть лебедями!

Мы дружно сдвинули стаканы. И опорожнили их. И тут же наполнили снова. И я было начал:

— Ну, а теперь...

Но Сема перебил меня:

— Ребята, а куда мы гоним? Давайте-ка передохнем, потолкуем.

И он закурил. И посмотрел на меня:

— Вот ты про лебедей вспомнил... Значит, читаешь меня! И я тоже тебя приметил... Потому и позвал. И вот, что я тебе скажу: я-то сам уже конченный, пропащий, а ты еще, пожалуй, сумеешь „помереть лебедем”. У тебя судьба легкая.

— Это у меня-то легкая? — усмехнулся я.

— Ну, а что, — прищурился он, — что у тебя было? Война? Лагеря?

— Да. И война, и лагеря. Было все.

— Вот именно — все! Значит, ты жил полной мерой. А я, например, ничего вообще не видал! Ничего, кроме детдомов и больниц!.. И уже устал. И знаю, что долго не вытяну со своей болезнью...

— А какая у тебя болезнь? — осторожно спросил я. — Надеюсь, ничего страшного?

— По-научному это называется „сумеречное состояние”. А попростому — вечная тоска, тяжесть на душе. Ну, и иногда еще галлюцинации...

Сема был уже заметно пьян и вероятно поэтому говорил о себе с такой откровенностью.

— Галлюцинации-то бывают нечасто — приступами, но все же я предпочитаю от больницы не удаляться. И вот так и живу. Сам видишь! Место здесь спокойное, теплое. И врачи под боком. Чего еще надо?

— И давно это началось?

— С детства. У меня родители были ссыльные, понимаешь? Отец — инженер из Москвы, мать — выпускница художественного училища... Родился я уже в тайге. А потом их угнали куда-то еще дальше на север, а я попал в детдом. Ну и вот с тех пор...

— А пить, — поинтересовался Петр, — пить-то тебе можно?

— Много не рекомендуется...

— Ну, так и хватит, — сказал я тогда, — и нам, пожалуй, пора уж отчаливать. На дворе — ночь, а дорога не близкая...

— Нет, ребята, погодите, — сказал он просительно, — куда вам спешить? Я еще хочу вас со своими друзьями познакомить.

— Это с кем же?

— Есть тут у меня ребятишки, — подмигнул Сема, — я по вечерам к ним хожу, развлекаю... Им же ведь грустно — они на запоре.

„Что это еще за ребятишки? — подумал я с сомнением. — Везет мне последнее время на психов... Но что ж поделаешь? Раз человек просит...”

* * *

Пройдя пустой темный двор, мы проникли в больничное здание, поднялись по скрипучей лестнице на второй этаж и попали затем в коридор — тоже безлюдный, слабо освещенный одинокой синей лампочкой.

Здесь было несколько дверей. Возле одной — самой дальней — Сема остановился, прислушался. И поковыряв в замке какой-то железкой, ловко открыл его. И глазам нашим предстало странное зрелище.

В палате помещались дети — восемь мальчиков. Но что это были за дети! Мы попали в мир маленьких уродцев. Некоторые — парализованные — лежали недвижно на своих постелях, другие же возились, балуясь, на полу...

Сема сейчас же шепнул мне:

— Вот потому их и запирают, — чтоб не разбредались.

Волоча за собою иссохшие, тоненькие неживые ноги, к Семе подполз мальчуган лет восьми. Голова у него была непомерно большая, раздутая, и лоб тяжело нависал над крошечным личиком.

— Сегодня опять будешь сказки рассказывать? — спросил он.

— Нет, — сказал, присаживаясь на корточки, Сема. — Сегодня будет концерт. Мои друзья устроят что-нибудь веселенькое...

— Они артисты! — раздался звонкий голосок.

Кто-то цепко ухватил меня за пиджак. Я глянул — и обомлел. У детской, державшей меня ручонки, было шесть пальцев!

Петр, засопев, пробормотал тоскливо:

— Не могу... Идемте-ка, братцы, отсюда.

— В самом деле, — сказал я, — как-то жутко здесь, душно...

Пошли!

— Нет, нет, — быстро, горячо заговорил Сема, — останьтесь. Для них это праздник! Ведь их же никто не любит...

Горло мое стиснула мгновенная судорожная спазма. „Господи, — сказал я мысленно, — как же так? За что им такое? Ведь ничего нет страшнее, если никто не любит!..”

И медленно оглядев помещение, я сказал, поворачась к Петру:

— Ладно, дадим им концерт... Я сейчас спляшу, а ты делай музыку!

— Какую? — спросил он растерянно.

— Любую.

— Но как?

— Как умеешь... Соображай. Зря я, что ли, тебя держу?

Петр раскрыл рот, оскалился, обнажив крупные желтоватые зубы. И быстро начал щелкать по ним ногтями. Родился негромкий, четкий музыкальный ритм... И мы услышали мелодию штраусовского вальса.

И тотчас же палата огласилась восторженными детскими воплями.

Сема замахал руками, зашикал, требуя тишины. И в этой тишине я прошелся по комнате, выбивая дробную цыганскую чечеточку.

Мы старались вовсю. Увлечшись, войдя помаленьку во вкус, Петр стал затем имитировать голоса птиц и животных; он свистал, и выл, и гугукал. А я продолжал бить чечетку и что-то вопил невнятное, надрывное — цыганское. А Сема все пытался встать на руки — и беспрерывно падал, рушился на пол. Мы ведь были здорово тогда пьяны. Но ребятишки на это не обращали внимания; они с восторгом принимали любой наш трюк. Они были счастливы! И более благодарной аудитории я еще не встречал на своем веку.

Но всему всегда приходит конец.

В ОБЩЕСТВЕ ГЕНИЕВ

Всему всегда приходит конец... И в палату, в самый разгар веселья, вдруг ввалилась с грохотом группа мужчин. И один из них — коренастый, с обритым наголо черепом — крикнул с порога:

— Эй, Дробышев! Ты что, давно смирительной рубашки не видел? Соскучился?

И покосившись на своих спутников, скомандовал резко:

— Взять его! Отвести в одиннадцатую!

Сему увели. Настала наша очередь. Бритоголовый сразу же подошел почему-то ко мне.

Вид у меня, должен признаться, был в эту минуту малопочтенный. Во время концерта я сбросил пиджак, расстегнул рубашку и стоял теперь, тяжело дыша, разгоряченный, растрепанный, с торчащими врозь волосами.

— Ты из какой же палаты вырвался? — спросил он, явно принимая меня за сумасшедшего.

И кто-то из-за его плеча тихо проговорил:

— Наверное, новенький. С нижнего этажа. Там они все — неспокойные...

— Чепуха все это, — задыхаясь, с трудом сказал я. — Вы путаете... Я человек вольный.

— Он поэт, журналист и вообще директор, — вмешался в разговор Петя.

— Ага! — живо отозвался бритоголовый. — Так. Ну, а ты?

— А я — его музыкант.

— Вот и отлично. Пойдешь, значит, тоже в одиннадцатую!

И затем, указывая на меня пальцем, приказал:

— Ну, а этого — к гениям! И проверьте там хорошо запоры.

И как мы с Петром ни шумели и ни сопротивлялись, нас все же скрутили и развели по палатам.

Самое смешное здесь заключалось в том, что мы ничего не могли толком доказать — ведь документов-то у нас при себе не было никаких! Тайга — не город, предъявлять бумаги здесь некому. И даже корреспондентское свое удостоверение я таскал только первые месяцы, а затем забыл о нем...

Все же я настоял на том, чтобы санитары проверили больничные записи. Имен наших там, конечно, не оказалось. Но старший (бритоголовый), поразмыслив, решил задержать нас до утра — до прихода врача. Очевидно мы вызвали у него весьма серьезные подозрения.

Как обычно, мне „повезло“ больше, чем другим... Дробышев и Петя попали в одиннадцатую — к меланхоликам. А я угодил к скандалистам. И номер этой палаты был тринадцатый.

* * *

Эту ночь я провел в обществе гениев. В палате обитало два Пушкина и еще Шекспир.

Был этот Шекспир худ, костляв, длиннолиц. И он беспрерывно двигался, не мог ни минуты провести в покое. И вот он-то заинтересовал меня сильнее всего! Оказалось, что в прошлом он работал преподавателем химии в средней школе.

„Стало быть, ему, — думал я, — скорее всего подошла бы роль Менделеева или, скажем, Лавуазье... Или же он, на худой конец, мог бы вообразить себя какой-нибудь ожившей молекулой. Например, молекулой этилового спирта. Но почему же — Шекспир?“

Я спросил его об этом. И он ответил — весьма резонно:

— А почему бы и нет?

И затем добавил:

— Шекспир — это вулканические страсти, гигантские эмоции. И все они живут во мне! Их во мне даже больше, чем люди думают, но это секрет. И ты смотри, — он погрозил пальцем, — не проболтайся!

Я поклялся, что сохранию эту тайну навек.

С Пушкиными все обстояло проще. Это были два сварливых алкоголика, страдающих манией величия. Ну, а там, где есть эта мания, всегда присутствует и другая — противоположная... И потому оба они подозревали весь мир в зависти и в ненависти. И сами ненавидели его.

И конечно же, прежде всего, ненавидели друг друга!

С одним из Пушкиных мне все же удалось разговаривать. Я сразу постарался успокоить его, заявив, что я — человек здесь случайный и к великим не принадлежу. Хотя поэзию чрезвычайно ценю.

— Какую? — прищурился он.

— Именно пушкинскую, — ответил я, — самую настоящую!

— Значит, мою, — заключил он уверенно. — Ну, а этого самозванца, — он указал на другого гения, спящего, густо похрапывающего в углу, — ты не слушай. Все, что у него есть лучшего, он просто крадет. Он, к примеру, тяпнул у меня „Пиковую даму“ и не признается. Я уж лупил его за это...

Читая эти строки, вы, вероятно, можете подивиться тому, что в недрах Сибири, в этой дикой глуши, так много людей, знающих поэзию, любящих ее, вообще как-то приобщенных к литературе... Но удивляться здесь, в сущности, нечему. Нельзя забывать, что Сибирь — страна особая, необычная. Это страна ссыльных интеллигентов! За время царствования династии Романовых, например, в Сибирь ушло несколько сотен российских дворян. Туда, год за годом, брели по этапу опальные заговорщики, франкмасоны, религиозные сектанты, а затем просветители. А вслед за ними декабристы. Потом последовала новая, гораздо более мощная волна, порожденная пролетарской революцией. В сталинский период количество ссыльных интеллигентов исчислялось уже не сотнями, а тысячами... И все они оседали в Сибири надолго, обзаводились семьями. И, естественно, оставляли в этой глуши какие-то свои следы. Один из таких следов — любовь к книгам, к чтению...

Но есть и обратная сторона медали. Любовь к чтению — важный элемент культуры, но все же недостаточный. Монтень говорил: „вся беда — от полуобразованности“. И это очень верно! Ведь полуобразованный человек — как правило — это человек, лишенный всяких корней. Он никто. По определению Монтеня, „он уже не крестьянин и еще — не философ“. Отравленный беспорядочным чтением и не получивший правильного образования, он мечется и плутает; что-то ищет и не знает — что... И если к этому еще добавить традиционный идиотизм захолустной российской жизни, то тут и впрямь нетрудно свихнуться и угодить в тринадцатую палату. Или же — к меланхоликам...

Впрочем, попасть туда можно и при других обстоятельствах и с любым дипломом... Но мы рассматриваем сейчас самый простой вариант.

* * *

Прошла эта ночь, в общем, спокойно. Гении были со мной вежливы, покладисты; вероятно, им польстило то, что я ни в чем не сомневался и ни на что не претендовал.

А чуть свет меня, невыспавшегося и вялого, поволокли к врачу.

По дороге служители развлекались тем, что рассказывали друг другу анекдоты. Некоторые из них были забавны. Вот, например.

Обсуждалась книга в кругу читателей. И один сказал:

— Мне больше всего нравится здесь обилие интересных персонажей!

— И обратите внимание на подтекст, — сказал другой, — на скрытые коллизии. Роман ими переполнен! Эта вещь посильней Достоевского...

И в этот момент появился санитар и строго спросил:

— Эй, психи! Кто из вас опять украл телефонную книгу?

Это рассказал бритоголовый. Затем начал кто-то из его помощников:

— Пишет сын матери: „Дорогая мамаша! Мне в клинике живется очень весело. Мы резвимся, занимаемся спортом. Имеется большой глубокий бассейн, куда мы все время ныряем. И наш врач говорит, что если мы будем вести себя хорошо, он даже напустит в него воду“.

Следующий случай уже касался врачебного персонала. Приходит в больницу министерская комиссия. Ее встречает врач-психиатр и начинает объяснять: „В этой камере сидит Наполеон, а в той,

другой — Зигмунд Фрейд”. Тут его спрашивают: „А кто это висит в коридоре на потолке?” — „Это один псих, вообразивший себя горячей люстрой”. — „Так снимите его оттуда!” — „Ну что вы, — отвечает врач с беспокойством, — нельзя. Ведь тогда погаснет свет”.

Вот с этим анекдотом мы и приблизились к врачебному кабинету. Я вошел и увидел знакомого психиатра, того самого, седенького, в очках, у которого я когда-то уже бывал в связи с Алексеем...

— Так это, оказывается, вы? — сказал он, удивясь свыше меры, — это вы учинили скандал в моем отделении?

— Не скандал, а концерт, — уточнил я.

— Это все равно, — отмахнулся он, — но как же вы туда попали?

Я коротко объяснил. И попросил извинения. И потом он много смеялся, уточняя детали... Но когда мы заговорили о Дробышеве, он вдруг посерьезнел. Снял очки, протер их полой халата. И держа их за дужку и раскачивая, проговорил:

— Сема, по-моему, перебарщивает. И это меня тревожит. Боюсь, как бы у него не начался запойный кризис. Это, знаете, волнами накатывает...

— Вам видней, — ответил я, — но мне лично кажется, никакой особой волны нет. Сема просто жалеет ребятишек, заботится о них и каждый вечер к ним ходит... Ну, а то, что случилось вчера, скорее наша вина, чем его.

— Вот как, — с интересом произнес врач, — каждый вечер ходит туда?

— А чем это плохо? Ведь он один. И они по вечерам тоже всегда одни. Скучают... Почему же с ними нет никого?

— Это сложный вопрос... Не хватает специалистов, недостаточно средств.

— Но неужели же нельзя нанять какую-нибудь простую женщину? Дорого это не обойдется...

— Можно, конечно, нанять. Но дело тут в другом. „Простые” женщины там не задерживаются, быстро сбегают... Вот вам парадокс! Казалось бы, кому же еще и заниматься несчастными детьми, как не им... Ан — нет, не хотят, не могут.

И он задумался, умолк. И потом с легким вздохом:

— Сколько еще есть неясностей, парадоксальных вещей! Человеческая психика полна загадок...

— Ну, насчет парадоксов не знаю, — сказал я, — но что касается детишек, то могу вам посоветовать: приставьте к ним Сему. Уж он-то не сбежит! Я ручаюсь.

— Да, это надо обдумать, — медленно проговорил врач, — да, да, пожалуй...

— А эти дети, — спросил я, — они отчего такие страшные?

— Ну, отчего, — сухо усмехнулся врач. — Тут много причин. Но, в основном, грехи родителей. Алкоголизм, наркомания... Вообще дурная наследственность.

— Но раз они в вашем отделении, значит, у них еще и тут чего-то не хватает, — я покрутил пальцем у виска, — ведь так?

— Естественно, — сказал врач. — У каждого из них свой душевный надлом... Вот, например, там есть Костя — с шестипалыми руками — видели?

— Жутковатое зрелище, — поежился я. — Ведь шесть пальцев, по народным поверьям, бывают у домовых, у леших. Это признак нечистой силы.

— И вот потому-то родители и хотели его убить!... Утопить в болоте... Спасла Костю счастливая случайность. Но с тех пор он всегда сидит в помещении, гулять не ходит. У него так называемая „боязнь открытого пространства“.

— Что ж это за родители? — пробормотал я. — Их самих надо бы утопить...

В этот момент в кабинет ввели Петра Азарова. Он был зол и отчаянно вырывался из цепких рук бритоголового санитара.

Когда санитар ушел, Петр прошипел, потирая левой рукой запястье правой:

— Жандарм!

И потом, обращаясь к врачу:

— Где вы их набрали? Им только в тюрьме служить или в лагере...

— А они там как раз и служили, — отозвался с улыбкою врач. — Тут неподалеку расформировался один лагерь, ну и мы взяли кое-кого из охраны. И для нашей работы, я думаю, подходят неплохо.

Затем мы стали прощаться. Пожимая мне руку, врач сказал вдруг:

— Да. Чуть не забыл! Относительно нашего подопечного — Алексея... Вы знаете, он пошел на поправку.

— Он разве был у вас?

— Неделю назад. И перемена весьма заметная. Вот видите, что значат домашние условия! Теперь вам больничная обстановка понятна; представьте, что было бы, если бы он лежал здесь?!

— Стало быть, он скоро поправится окончательно?

— Ну, не совсем, — покачал головой врач. — Кое-какие явления остались... Например, шофером ему уже не быть никогда. Я специально проверял его реакции. Он не выносит шума мотора. И вероятно, долго еще будет бояться темноты.

ДРАМА В ТУАЛЕТЕ

Ну, а как же обстояли дела в моем клубе? На этот вопрос мне, признаться, не так-то легко ответить... В общем, клуб я постепенно отремонтировал, привел в порядок. И теперь он весь блистал. Блистали вымытые окна. Блистали начищенные полы во всех комнатах. В кинозале стояли скамейки, заново покрашенные и правильно пронумерованные; для них я раздобыл специальный лак. И теперь они тоже были исполнены блеска.

Но этим блеском, собственно, все и исчерпывалось. Молодежная работа как-то не двигалась. В клуб иногда сходились — посмотреть кино, потанцевать... Однако в самодеятельности участвовать никто не хотел. И грандиозный сельский хор, о котором я все время мечтал, так и не складывался, не получался.

И все же я настойчиво добивался своего. Ходил по домам, уговаривал, упрасивал... И однажды — уже в начале лета — мне наконец удалось заманить в клуб нескольких девушек и парней.

Мы приготовились к репетиции. Но баяниста почему-то не оказалось на месте; он куда-то исчез. Продав его часа два, я, взбешенный, послал за ним клубную уборщицу, тетю Настю... Вскоре она явилась и сообщила, что Петр болен и прийти не может.

— Чем это он болен? — грозно спросил я.

— Не пойму, — ответила Настя, — такого я сроду не видела... У него зашиблена голова и обожжена вся задница.

Репетицию поневоле пришлось отменить. И молодежь, хохоча, разошлась.

И на этом, собственно, и кончается рассказ о создании народного хора... Дитя померло, так и не успев родиться.

Вскоре, в конце июня, я протестился с Очурами и уехал в Абакан. Но до этого произошло еще немало удивительных событий. И поскольку они как-то связаны между собой, я расскажу обо всем по порядку...

А пока что вернемся к Петру.

* * *

Он лежал на кровати на животе. И голова его, действительно, была забинтована, и задницу тоже украшала белоснежная марлевая повязка.

И когда я спросил, что это с ним, Люда воскликнула негодуя:

— Он сам во всем виноват!

— Ну, виноват, — пробурчал в подушку Петр, — не отрицаю. Но откуда же я знал, что так все получится? Если б не этот сортир...

— А кто его сотворил? — крикнула Люда. — Кто построил?

— А кто все время твердил: „Хочу жить по-городскому, по-западному! Не желаю бегать на двор!“ Сама же спровоцировала... Зимой, дескать, холодно, летом — комары. И вообще, неизящно.

— Я правильно говорила! Да, хочу по-западному! Чтоб было в доме... Но разве ж я могла предположить, какие фокусы ты начнешь устраивать в туалете?

Туалет! Я припомнил, что эта тема волновала Петра уже давно; он переписывался с Абаканом, заказывал там какие-то трубы и особый, мраморный стульчак... И как-то раз я встретил его идущим по улице с надетой на шею овальной крышкой от стульчака. Крышка эта болталась, как гигантский деревянный ошейник. И выглядел Петр дико. Но это его ничуть не смущало. Он шел, посвистывая, вперевалочку, и явно был доволен собой.

Теперь он, очевидно, идею свою осуществил. Но о каких же „фокусах“ шла речь? Мне надоела унылая их сортирная перебранка и я потребовал объяснений. И вот что Петя мне рассказал.

Все началось с того, что однажды на абаканском черном рынке Людмила приобрела заграничную синтетическую редкостного покрова кофточку. Была она полупрозрачна и имела множество забавных мелочей — какие-то разрезы, клапаны, кружева. Когда Людмила ушла на работу (она служила в местном магазине), Петр принялся разглядывать шикарную эту новинку. А так как он перед этим что-то писал — и продолжал по забывчивости держать авторучку в пальцах, — он случайно испачкал кофточку чернилами. Посадил крупную кляксу, засуетился. И тут же посадил вторую. Нагрел в тазике воду и начал кофточку стирать... И в результате, испачкал ее всю.

Тогда он побежал к приятелю, жившему по соседству, и попросил у него бензина. Бензина у приятеля не оказалось, но зато нашлась какая-то другая жидкость — некий химический препарат, действующий, по его словам, еще сильнее...

Вернувшись домой, Петр вылил жидкость в тазик; он думал, что растворятся, растают грязные пятна на кофточке. Но, к его глубочайшему удивлению, начал таять сам этот материал.

Петр как-то позабыл, что имеет дело с синтетикой... А теперь было поздно. Кофточка расплзлась, потеряла всякую форму. И он в раздражении выплеснул то, что осталось, в ватерклозет, в новую свою мраморную посудину.

Потом он закурил, задумался. Постоял с минуту. И уселся на стульчак.

Он уселся, расслабился. И прошло какое-то время. И докурив папиросу, Петр машинальным жестом швырнул окурочок вниз, под себя. Так, как он делал всегда, когда сидел в туалете, — всю жизнь.

Но на сей раз случилось нечто невообразимое. Остатки кофточки вспыхнули вдруг, из стульчака вырвалось гудящее пламя. И подброшенный взрывом, Петр вылетел из тесной кабины, вышибив головою фанерную дверь.

— Но Людка-то сердится, кричит, ты думаешь, почему? — сказал Петр и шевельнулся, кряхтя. — Думаешь, это она меня жалеет? Нет, ей не меня, ей покупки жалко... Все-таки импортная штучка! Вся насквозь прозрачная! Европейский шик!

— Так ведь и за этот шик, и за сортир сколько денег было плачено! — воскликнула плачущим голосом Людмила. — Мешок первейшего лука, подумать только! Целый мешок!

— Ничего, не хнычь, — отозвался Петя, — вот подсохнет седалище, я на север поеду. У нас еще четыре мешка в запасе. Продам их подороже, и все исправим. Все будет по-новому.

— Опять по-городскому, — спросил я, — по-западному?

Но на это мне никто уже ничего не ответил.

* * *

Случай был смешной, пустяковый. Но все же он сыграл, как вы уже знаете, весьма серьезную роль в судьбе молодежного хора. Хор распался, рассыпался... И не только на клубных, но так же и на моих личных делах отразилась „туалетная” эта драма.

В какой-то мере из-за нее я неожиданно познакомился с той самой роковой красоткой Клавой, которая сгубила когда-то Ваську Грача. Может, и не нарочно, бессознательно, но все-таки сгубила.

После того, что рассказывал Алексей, мне, естественно, давно уже хотелось на нее поглядеть. До сих пор это как-то не удавалось... И вот теперь она сама пришла в клуб ко мне. Именно ко мне!

РОКОВАЯ КРАСОТКА

Среди славянского населения Сибири есть особая группа — чалдоны. Произошло ее название от сочетания двух слов: „чалить с Дона”. Это дальние потомки русских конквистадоров, донских казаков, когда-то отчаливших от родных берегов и прибывших в тайгу, на север — покорять инородцев.

Инородцев казаки покорили, но одновременно они и сами

ассимилировались здесь, осели, смешались с таежными жителями. От смешанных браков и пошла эта группа. Как ее, собственно, определить? Это ведь не народность и не племя. Это некий своеобразный этнический слой, сохраняющий в себе многие признаки обеих весьма диких рас... Чалдонами с давних пор называют в Сибири и на Дальнем Востоке лесных бродяг, уголовников, вообще опасных людей. Но это не блатной жаргон, а народная традиция. Однако так называют только мужчин! К женщинам же отношение иное... И слова „чалдонка“, „чалдонушка“ — исполнены для сибиряков особого смысла и поэтичности. Дело в том, что женщины чалдонки славятся своей редкостной красотой. Смешение рас придало им необычную прелесть... Среди них встречаются самые разные лица. Например: по-монгольски прямые блестящие черные волосы, смуглая кожа и светлые зеленые или голубые глаза. А бывает наоборот: цвет волос пшеничный или рыжий, а глаза азиатские, длинные, черные — заметно приподнятые к вискам.

К этой, второй категории, как раз и принадлежала Клава. Азиаты говорят: „Если женщина красива, то пусть ее будет много“. Так вот — ее было много! Но удивительно: тугая, обильная ее грудь и мощные бедра вовсе не казались слишком большими, нет. Все в ней было как-то очень ловко подогнано. И в движениях сквозила ленивая грация. И была она стройна. И тело свое носила, как подарок...

И когда я увидел ее, я понял Грача; понял, почему он был так неосторожен. Тут, действительно, о многом можно было забыть...

Она пришла просить у меня машину. И сказала, подрагивая ресницами:

— Машина-то все равно стоит без дела. Петька лежит — не двигается. А вы сами водить не умеете.

— А откуда ты знаешь, что я не умею?

— Да он говорил... Это все знают!

Вот еще тоже трепач чертов, подумал я с неудовольствием. Кто его тянул за язык?

Подойдя ко мне вплотную, она улыбнулась ласково и лукаво. У нее был крупный, свежий рот и — помимо всего прочего — оказались еще ямочки на щеках!

— Ну, пожалуйста, — протянула она, — это всего лишь на два дня! На субботу и воскресенье. Мы хотели всей семьей в город съездить... И за машину не беспокойтесь, поведет человек опытный, с правами.

И потом, чуть помедлив:

— А когда я вернусь, мы еще увидимся... Если кто мне делает хорошее, я не забываю!

Ну, как я мог отказать этой чалдонке, да еще после таких слов?

* * *

В понедельник утром машина уже вернулась; придя в клуб, я обнаружил ее в гараже. Она стояла чистенькая, умытая.

А к вечеру того же дня по селу прокатилась тревожная весть о том, что в кустах, вблизи Абаканского тракта, на перегоне между Осиновкой и Очурами, найдены трупы двух местных крестьян.

Это были очурские „миллионеры”. Одного из них звали Осип Кузмичев, другого – Терентий Салов.

Оба они еще весной, с началом навигации, отбыли на север с луком. Лука было много – целая баржа. И вот теперь они возвращались с богатейшей выручкой. И кто-то ограбил их и прикончил. Судя по слухам, весьма жестоко... Трупы были найдены обезображенные, их с трудом удалось опознать.

Событие это вызвало много разговоров...

Так как в самих Очурах нет ни пристани, ни даже простого причала (здесь трудный фарватер, водовороты, крутые, обрывистые берега), то все суда – и катера, и баржи – останавливаются в абаканском речном порту. От Абакана до Очур около двухсот километров. Здесь курсирует самолет – но крайне редко. Автобусной линии вовсе не существует. И потому возвращающиеся в село люди обычно нанимают машины в городском автопрокате или же используют случайный попутный транспорт. Второй этот вариант – наиболее распространенный. Однако большинство путников, особенно из числа спекулянтов, не желая зря рисковать, предпочитает ехать только в тех машинах, с такими шоферами, которые им хорошо знакомы.

Это общее правило! И уж тем более не стали бы от него отступать Терентий и Осип – мужики тертые, хитрые, не верящие никому.

И все-таки кто-то сумел перехитрить их и заманить в тайгу – на погибель.

На селе судачили и терялись в догадках: кто же это мог сделать? И чья же была машина? И только я один, пожалуй, уже понимал, догадывался – чья...

Наш клубный газик постоянно мелькал в селе и знаком был, в принципе, всем. Так что это одно уже могло привлечь путников и настроить их благодушно. Ну, а если и за рулем еще сидел кто-нибудь из своих, из очурских, – то отпадали вообще всякие сомнения.

Да, дело было провернуто ловко, умело. Обманули не только тех несчастных мужиков, но и меня тоже... Мной, моей машиной

воспользовались, как приманкой! И кровь, пролившаяся воскресной ночью, запятнала как бы и меня самого.

И снова я — в который уж раз! — убедился в том, что таежный этот мир совсем не так примитивен, как кажется.

Как, например, это кажется Хижняку.

Вечером мы беседовали с Алексеем, и он подтвердил мои подозрения.

— Помнишь я тебе говорил про Клавкиного брата, про Ландыша? Так вот, она, конечно, машину добывала для него. А может, и сама с ним ездила...

— Но какова же все-таки эта баба, — процедил я сквозь стиснутые зубы. — Непостижимо: такая красота снаружи и столько гнили внутри! Какими глазами эта змея теперь посмотрит на меня?

* * *

„Змея” посмотрела на меня спокойно, с легкой улыбочкой. Пушистые ресницы ее были полуопущены, уголок крупных ярких губ поджат. И на щеке опять подрагивала ямочка.

— Пойдем-ка ко мне, — сказала она, — выпьем немножко. За мной ведь должок...

У нее была манера смотреть, говоря, не прямо в лицо собеседнику, а чуть искоса, уголком глаза, как бы слегка отворотясь. И косящий этот взгляд казался особенно дразнящим, загадочным.

Хороша она была умопомрачительно! Но все же в этом ракурсе, в повороте лица ее, в длинном изгибе шеи — угадывалось что-то и впрямь змеиное...

— Ладно, — сказал я со вздохом, — пойдем.

И затем, когда мы вышли из клуба:

— Ну, а как, кстати, поездка? Как все прошло?

— Да прошло неплохо, — она лениво повела круглым плечом. — Весело...

Меня передернуло от ее слов, однако я ничем себя не выдал. Надо было хорошенько разобраться в этой истории — выяснить все до конца. Ведь вполне возможно, что ни она, ни ее брат к убийству вовсе и не были причастны. Чем я в конце концов располагал? Только догадками, подозрениями... Хотя подозрения, конечно, были у меня сильны и серьезны. Очень серьезны! Но все равно скандал сейчас затевать было нельзя. Наоборот, следовало старательно изображать глупую влюбленность, растерянность...

Впрочем, это-то мне давалось без большого труда.

Странное, сложное испытывал я тогда чувство. В нем переме-

шалось многое... В сущности, я уже был влюблен в нее. И очень! И в то же время я ни на грош не верил ей и подозревал ее в самом худшем. И все это, в общем-то, полностью совпадало со знаменитым одесским изречением о „дерьме и конфитюре”...

„Ничего, ничего, я быстро тебя расколю, — думал я, шагая с ней по селу и невольно любуясь каждым ее движением, — обмануть меня можно только один раз! Я еще доберусь до всей твоей кофты. Мы еще покнемся, посмотрим, чья разобьется...”

Ну, а если она все же окажется ни в чем не замешанной? — спросил новый, внутренний голос, — если окажется, так сказать, „чистой”?

Ну, тогда, — сказал я мысленно, — начнется другой сюжет. Тогда мы посмотрим: как же нам жить дальше...

Ты в самом деле уверен, что это именно то, что тебе нужно?

Не знаю, что мне нужно... Но я — поэт! Много ли есть женщин красивее?”

Я вздохнул. И ускорил шаги. Сейчас самое главное было — быстрее дойти до ее дома.

МЕДВЕЖИЙ КАПКАН

Клава жила на самом краю села, у Абаканского тракта. В одной половине дома помещалась ее семья, другая же — принадлежала ей. И здесь было чистенько, уютно и как-то даже нарядно.

Белели на окнах занавесочки, пол устилали пестрые циновки. В одном углу виднелась низкая широкая тахта, устланная оленьими шкурами. В другом — высился зеркальный гардероб. А посередине комнаты стоял большой длинный стол, весь уставленный бутылками и блюдами с закуской.

И возле стола — посвистывая и заложив в карманы руки — прохаживался сухощавый высокого роста парень с седую прядкой, спадающей на бровь.

— Привет, — сказал он, поблескивая металлическими зубами. — Я давно тебя жду!

И потом, потрепав Клаву по плечу, произнес, подмигивая:

— Ну-ка, сестричка, позаботься — налей нам по стопочке. Надо ж обмыть нашу встречу!

Так это, стало быть, Ландыш, сообразил я. Вот он каков! Но, интересно, зачем он здесь? Ох, это неспроста... Наверное, они сговорились заранее, и она привела меня специально для него, а вовсе не для себя...

И при этой мысли я почувствовал обиду, ощутил ее острый, болезненный укол.

Между тем Ландыш уже тянулся ко мне с наполненной стопкой. Я поднял свою. Клава — тоже. И мы все выпили за встречу. И потом — еще раз...

Я помалкивал, хрустел огурчиком и ждал, что же он мне еще скажет? Когда заговорит всерьез?

И он, наконец, заговорил.

— Тебе Клавка объяснила, зачем позвала тебя?

— Н-нет, — пробормотал я.

— Ну как нет? — подняла брови Клава. — Я же намекнула: за мной должок...

— Вот, вот, — подхватил Ландыш. — Тебе тут причитается кое-что... И куш немалый.

Он полез в боковой левый карман пиджака, зашуршал там и вытащил пухлую, толщиной в два пальца, пачку сотенных.

— Держи! — сказал он, протягивая мне банкноты. — Твоя доля!

— Доля? — спросил я, отшатываясь. — Какая? За что?

— Ну, чудак... За что? За работу!

„Стало быть, я не ошибся, — холодея, подумал я, — все так и было, как я полагал. Все точно, все точно!”

А Ландыш продолжал, держа деньги в протянутой руке:

— Ты же нам помог, и как еще! Сазаны-то* ведь с ходу узнали твою машину. Ну и клюнули на эту наживку. И оказались — жи-и-рные!..

— А как ты им, кстати, объяснил мое отсутствие?

— Сказал, что ты задерживаешься в городе на три дня, и машину, дескать, отсылаешь пока обратно...

— А тебя-то они вообще знали?

— Нет, к моему счастью. Я им представился как твой новый шофер.

— Ловко, — проговорил я, — ничего не скажешь, ловко...

— Да уж конечно. Все чисто сделано, точненько, как в аптеке!

Рука его по-прежнему оставалась протянутой... Но потом она дрогнула, опустилась. Он посмотрел на меня с удивлением.

— Ты что — не берешь? Не хочешь? Может, думаешь, мало?

— Плевать я хотел на эти гроши, — сказал я резко. — Ты меня купить решил? Не выйдет.

— Ах вот ты как, — тихо, с расстановкой произнес он. — И

* Сазан — тот, кого обворовывают или грабят. Это жертва блатных, их добыча. Богатая добыча — „жирный сазан”.

улыбка сползла с его лица, оно посерело, осунулось — словно бы сразу постарело. — Вот как... С нами, значит, не хочешь?

— Ты с ума сошел, — сказал я, вставая, — о чем ты толкуешь?

Тогда он тоже встал. И вдруг бешеным движением швырнул деньги на стол и круто поворотился к Клаве. И крикнул, наклоняясь к ней:

— Что ж ты, паскуда, трепала? Языком своим сучьим лязгала? Что ж ты уверяла, что он — твой, что он — ручной, что из него веревки вить можно?!

Стол шатнулся. Зазвенели, сталкиваясь, бутылки. Одна из них опрокинулась, и вино полилось Клаве на платье. Но она как бы ничего не замечала; она сидела напрягшись, вытянувшись, прикусив нижнюю губу.

И она ни слова не сказала в ответ.

Секунду Ландыш смотрел на нее... Потом грузно сел на заскрипевший стул. Вытряс из пачки две папироски. Одну кинул себе в рот, другую — протянул мне.

— Садись, покурим, — сказал он, сопя, с трудом переводя дыхание. — Поговорим спокойно. Дело вот какое. Я тебе предлагал долю по-честному, по-доброму... Не хочешь — хрен с тобой. Но учти, работать ты на меня все равно будешь. Не за деньги, так задарма... Но — будешь! Ты мне нужен.

Я взял папиросу. Зажег ее и спросил с интересом:

— Что ты сказал? Я тебе нужен? Забавно... А для чего?

— Для дела. Ты же корреспондент! Всюду бываешь, все можешь узнать... Вообще человек нужный. Но главное — это твоя машина...

— Ты, что же, сам не можешь машину купить?

— Здесь, голубок, не Америка, — наставительно заметил он. — И даже не Москва. Машин тут мало, и каждая — на виду, на учете... Да и как купить? Даже если и купишь, сразу же придется объяснять, откуда такие деньги... Легковая машина стоит, в среднем, двадцать тысяч. А Клавкина месячная зарплата в сельсовете — семьсот рублей... Вот и толкуй!

— Так купи на свое имя.

— Тем более нельзя. Любой гражданин должен иметь службу и прописку. А я же не фрайер, я — жиган! Да и не живу я здесь...

— А где? — спросил я с наивным видом.

— Под землей, — ответил он резко. — И вот именно потому мне нужна машина легальная, казенная, чистая; такая, к которой никто не мог бы придраться. Такая, как твоя... Ого, сколько с ней еще можно дел провернуть!

— Ну, а если я не соглашусь, — сказал я, сильно затягиваясь папиросой и глядя на него сквозь дым, — ты, что же, зарежешь меня, что ли?

— Это-то запросто, — небрежно махнул он рукой. — Это дело простое... Но только зачем? Ты все равно в капкане. Вот ты где у меня...

Он сильно, с хрустом сомкнул в кулак длинные свои пальцы. И потряс кулаком перед моим лицом.

— Но, но, не пугай, — сказал я, закипая, чувствуя, как поднимается во мне волна гнева. — Тот, кто пытался меня пугать, давно уже на кладбище, а тот, кому это удастся, еще не родился.

Я говорил так, но все-таки, должен признаться, чувствовал себя неуверенно. Я был растерян. И даже напуган... Меня безотчетно тревожила его странная доверительность, непонятная эта откровенность. Слишком уж смело он играл, слишком легко открывал свои карты!

И я был твердо уверен в том, что у него в запасе имелся какой-то последний, самый главный козырь... Какой?

— Чудак, — сказал примирительно Ландыш, — я тебя вовсе не пугаю. Но ты действительно в капкане. Ну, рассуди сам: дело-то было сделано в твоей машине! И тебя теперь ничего не стоит заложить, отдать на съедение... Как ты докажешь, что сам не участвовал, а?

— Могу сказать, что машину просто украли...

— Почему ж ты тогда сразу не заявил? — он покачал головой. — Нет, это не оправдание...

— Но прежде надо доказать, что была именно моя машина!

— А вот это нетрудно. Доказательства есть.

— Какие же? — я указал пальцем на Клаву, сидящую все в той же застывшей, напряженной позе. — Она, что ли, подтвердит?

— Можно и без нее обойтись... Вот смотри.

И пошарив в правом кармане пиджака, Ландыш вынул и протянул мне небольшую фотокарточку.

И тут я обмяк. И понял, что попался...

На этом фото газик мой стоял прямо напротив речного вокзала — и был он снят спереди, в лоб. И с близкого расстояния. Фотография озадачила меня не на шутку. Еще бы! Ведь здесь был отчетливо виден номер машины. А за ветровым стеклом маячили фигуры шофера и какого-то пассажира. Шофер сидел, низко нагнув голову, — так что виднелась одна лишь фуражка; пассажир же, наоборот, глядел, улыбаясь прямо в объектив.

Шелкнув ногтем по карточке, по широкому этому скуластому лицу, я спросил:

— Кто такой?

— Осип Кузьмичев, — с особенной внятностью проговорил Ландыш.

— Так... А теперь объясни: для чего сделал этот снимок? Специально для шантажа?

— По разным причинам... Ну, и конечно, для того, чтоб ты сидел тихо, не рыпался... Чтоб знал: если ты стукнешь — сразу же сам погоришь.

— А кто же снимал? — я повертел в пальцах фотографию.

Ландыш сейчас же сказал, отбирая ее:

— Ну, голубок, ты больно много вопросов задаешь. А тебе б надо теперь поменьше болтать и побольше слушать.

„Да, я попался! И если это капкан, то капкан настоящий, — думал я, — стальной медвежий, хватающий намертво. Как же быть? Во всяком случае сейчас надо постараться как-то выиграть время...”

— Ну, что ж, — помолчав, сказал я, — раз такое дело — я подумаю... Может, мы и столкнемся... Но ты меня не торопи!

— Даю неделю сроку, — блеснул металлической своей улыбкой Ландыш.

Он глянул на стол, туда, где плавали в винных роспесках соевые билеты. И добавил с оттенком угрозы:

— А гроши все-таки возьми... Твоя доля!

— Нет, — сказал я, — отдай мою долю Клавке.

— Да у нее и так есть...

— Ничего, это ей будет как дополнительная премия. За старания, за хлопоты, за красоту.

Клавка! Вот еще что удручало меня; такого предательства я все же не ждал. Был бы я в эту минуту один, я бы, наверное, заплакал... Или же — что всего вероятней — напился бы с горя вдребзги.

И протянув ей пустую стопку, я попросил, нет, скорее, потребовал:

— Налей!

Она вздрогнула, ожила. И опять посмотрела на меня чуть искоса, вполоборота, дразнящим своим взглядом... Но я не ответил на него. Не поднял к ней глаз.

В этот момент в сенях послышался топот, смутные голоса. В дверь гулко стукнули. И Ландыш воскликнул весело:

— Вот и кодла явилась... Принимай гостей, Клавка! Ох и гульнем нынче, ох и гульнем!

ЧЕЛОВЕК С "НЕЖНОЙ" КЛИЧКОЙ

Шумная компания ввалилась в избу, все — молодые, мордастые, здоровенные парни! И среди новых этих лиц я вдруг увидел одно, которое знал давно, которое запомнилось мне еще с лагерных пор, со времен легендарной „сучьей” войны.

Это был Ванька Жид. И хотя словом „жид” в России презрительно именуют евреев, Ванька не имел к этой расе ни малейшего отношения; был чистокровный русак. Кличку свою он, однако, принимал спокойно, равнодушно: среди блатных шовинизма не существует! И крепко дружил с Левкой Жидом — евреем уже истинным, неподдельным. Два эти Жида, одесские воры, славились в мире картежников как виртуозные и опасные игроки. И в лагере на пятьсот третьей стройке, на знаменитой „мертвой дороге”, они обыгрывали всех блатных. Я сидел с ними вместе. И однажды мне довелось присутствовать при ссоре друзей, вспыхнувшей в тот момент, когда они впервые решили сыграть вдвоем. Сыграть друг против друга.

Игра эта окончилась ничем. Но дружба их рухнула в результате. Раздраженные, исполненные взаимных обид, они разошлись... А чуть позже, в ту же ночь, Левка Жид нанюхался марафету* и зарубил топором „ссученного” бригадира из соседнего барака, — сорвал на нем свою злость...

После этого пути наши разошлись. Левку посадили во внутреннюю тюрьму и там он погиб. А всех нас разогнали по разным штрафнякам. Я попал в отдаленный, закрытого типа, строгорегимный лагерь № 36, расположенный за Полярным кругом, на реке Курейке. Ивана в моем этапе не было, и куда его угнали, я так и не смог узнать.

И вот теперь он появился в Очурах. И я удивился и искренне обрадовался ему.

Первые слова Жида были:

— Эй, Чума, ты как сюда затесался? Ведь ты же вроде бы завязал... Или передумал?

— Потом объясню, — сказал я, — ты сначала расскажи о себе.

— Так я, что ж... Освободился, как видишь!

— Освободился по звонку?***

— Нет, по амнистии.

— Ну, а в Одессу возвращаться не думаешь?

* Марафет — наркотик, в данном случае, кокаин.

** Звонок — законная, точная дата освобождения.

— Думаю... Но — потом. Спешить зачем? Здесь тоже интересно. Места здесь привольные, богатые, золотые!

— Горькое золото, — пробормотал я.

— Это ты о луке? — прищурился он. — Конечно... Но вниз по реке, в Енисейске, есть и настоящее рыжье^{*}.* И какое! Золотишко там называют „Рыжий дьявол”. Но если это и дьявол, то именно такой, с которым приятно подружиться... Я, например, стараюсь. — Он выпил, отдулся, понюхал корочку. — Да, стараюсь.

— Так ты разве там обитаешь? — удивился я.

— Ага. Я здесь случайно, проездом. — Он неопределенно пошевелил пальцами. — По разным делам...

Мы сидели на краю длинного стола, на самом углу. Тихо переговаривались, не спеша выпивали. А на другом краю — шумели ребята Ландыша. И сквозь гул голосов прорывался его пьяный развальный басок:

— Этот Каин, дурак, он что делал? Очурских спекулянтов не трогал, а шерстил магазины, склады. Живые гроши прямо под ногами у него валялись — он их не брал. И мне мешал... Как собака на сене: сама не ест и другим не дает.

Тема эта заинтересовала меня. Я прислушался. Ландыш говорил о Каине, как о сопернике... И он чем-то явно хвастал, его несло.

— Все время мешал! Тут раньше что было? Мужики из-за его налетов боялись ночами ездить по тайге... А если и собирались в дорогу, так группами человек по десять... Но потом он все-таки ушел, дорога расчистилась. И вот результат: сто шестьдесят восемь кусков^{**} чистоганом. А? Каково? Сто шестьдесят восемь!.. И главное, это не государственные, не казенные гроши, а спекулянтские. Кто их всерьез будет искать? Они же — тайные...

И я мгновенно напрягся, услышав фразу о „расчищенной дороге”... Ведь буквально то же самое и не так давно говорил мне старший лейтенант милиции Хижняк.

Мне припомнился весь наш тогдашний разговор; о нравах таежных жиганов, о секретной агентуре Хижняка. И о каком-то таинственном типе, который устраняет своих соперников, выдавая их властям, и таким образом „расчищает себе дорогу”. Я все подробно вспомнил! И с глаз моих как бы спала пелена...

* Рыжье — по-блатному — золото. От слова — „рыжее”. Здесь, так сказать, цветовая метафора. Подобный принцип весьма типичен для русского жаргона. Например, серебро — это иней, куржавец, снежок, а алмазы — слезы.

** Кусок — тысяча.

А Ландыш продолжал разглагольствовать. И кто-то из ребят перебил его, смеясь:

— Действительно — фрайера! Олени! С такими грошами в тайгу поперлись. Да я бы сам не рискнул.

— А куда бы они их дели? — ответил Ландыш. — В сберкассу ведь не отдашь, там сразу заинтересуются... Они же не артисты Большого театра, а простые мужички! Да еще из самого нищего колхоза... Нет, у них только один шанс и есть — зарывать гроши в землю. Ну, а где же зарывать, как не дома?

И сейчас же другой голос сказал:

— Ты говоришь: дорога расчистилась. Но мы ее уже загадили. После этой истории мужики снова уйдут в камыш...

— Ничего. Мне один из клиентов — Салов — перед смертью рассказал, где его миллиончик припрятан. Покаялся, сукин сын, исповедался. И этим делом мы позже займемся. Вплотную! Пусть только шум слегка поутихнет...

„Значит, ты их еще и пытал! — подумал я, с ненавистью глядя на Ландыша. — И это ты и есть тот самый новый Азеф — провокатор, подонок, человек с „нежной кличкой““.

Теперь многие детали, ранее казавшиеся мне неясными, обрели конкретность, отчетливость.

Вот то же самое, наверняка, произошло и с бедным Грачом! Так же, как и я, он попался в медвежий капкан и не смог выбраться. И поневоле стал двойником, начал предавать своих ребят. И в результате оказался под колесами...

И так же точно, как и меня сейчас, завлекла, заманила парня Клавка.

Любопытное обстоятельство: во всех сомнительных ситуациях так или иначе всегда присутствовала она... Постоянно получалось так, что Грач сначала наведывался к Клавке, а затем уже появлялась милиция.

И он мог вообще никого и не выдавать сознательно. Мог хранить верность ребятам, но, конечно, на вопросы Клавки он отвечал откровенно. А она интересовалась многим... И он ни о чем не думал, не догадывался. Ведь он же ей верил; она же была — „своя“!

* * *

А пьянка шла своим чередом. Откуда-то возникла гитара. И под струнный звон, голос Клавки — низкий, чуть задышающийся — запел:

Ты не стой на льду — лед провалится.
Не люби вора — вор завалится.*
Вор завалится, будет чалиться,**
На свиданку ходить не понравится...
А я любила вора и любить буду.
Я стояла на льду и стоять буду.
Эх, дождь идет — ураган будет!
А родится сын — он жиган будет...

И Ванька Жид, вскочив, плеснул в ладоши. И крикнул, захлебываясь от хмельного восторга:

— Давай, Чума! Топни ножкой! Спляши! Как встарь, как бывало. — Он потащил меня за рукав: — Ну?

Мне в этот момент — вы сами понимаете — было вовсе не до плясок. И я отказался, сославшись на нездоровье.

— Жаль, — пожал он плечами. И присев на краешек стола, потянулся к бутылке. — Тогда продолжим...

Ландыш поглядел на нас обоих. И спросил, подсаживаясь к Жиду:

— Вы что, давно знакомы?

— Да уж лет шесть, не меньше, — ответил, опорожнив стопку, Иван.

— Где ж это вы снюхались?

— Там, где девяносто девять плачут, а один смеется, — сказал Иван. — Понял? Мы с ним чалились вместе. Сучню резали, понял?

— Ах, так, — протянул Ландыш. И потом, обращаясь ко мне: — Что ж ты, голубок, кривлялся? Почему сразу не сказал? Ты же, оказывается, наш!

„Только не твой, — подумал я, — только не твой...” И я поднялся, потягиваясь. Потер ладошью лоб.

— Что-то мне, ребята, нехорошо, — проговорил я протяжно. — Голова болит... Тошно... Или выпил много? Пойду-ка подышу свежим воздухом.

И затем уже в дверях, вполоборота:

— Ванька, — позвал я, — пройдемся, что ли? Тут от духоты угорить...

Ландыш проводил меня подозрительным взглядом. Но ничего не сказал. Я ведь уходил не один, а с известным ему человеком!

* Завалиться — попасть в руки милиции.

** Чалиться — сидеть, отбывать срок.

Выйдя, мы свернули на Абаканский тракт. И некоторое время шагали молча. Скрипел под сапогами гравий. Светились папироски во мгле. Ночь обволакивала нас прохладой и запахами спелых июльских трав.

А в вышине, в лиловой бездне — среди обрывков летящих туч — мерцал оранжевый осколок луны. Он был косою и чуть вогнутый и напоминал наклоненную чашу.

Существует примета: если из такой „чаши” вода, по идее, может легко пролиться, то назавтра следует ожидать скверной погоды.

И погода уже начинала портиться. Где-то за Енисеем вспыхивали и гасли — словно бы подмигивали — зеленоватые зарницы и лениво, тяжело шевелился гром. Там уже начинался дождь, и судя по всему, его несло в нашу сторону.

„Эх, дождь идет, — вспомнилось мне, — ураган будет...”

— Так как же ты все-таки попал сюда? Или снова решил развязать узелок?

— Да нет, все вышло случайно, из-за моей глупости... Понимаешь, я дал Ландышу клубную машину. А он на ней провернул одно дело. Ты сам, наверное, слышал, — он хвастал за столом... Ну, и вот теперь он меня шантажирует, хочет, чтоб я с ним работал. Предлагает долю...

— А ты ее не берешь, не хочешь? — усмехнулся Иван.

— Конечно.

— Ну и дурак. От грошей отказываться зачем? Раз уж так получилось, бери, хватай.

— Нет, — сказал я, — не хочу! И не только потому, что я завязал... Со стукачами я как-то не привык общаться. Я человек брезгливый.

— Постой, — сказал Иван, — погоди!

Он ухватил меня за отворот пиджака и рывком подтянул к себе. Несмотря на то, что он славился, как тонкий игрок, руки у него были широкие, короткопалые, мужицкие — все в узлах жестких жил. И держа меня, как в тисках, он спросил, сужая глаза:

— Ты понимаешь, что говоришь? Это, Чума, не шутки. Поберегись! Такими словами не балуются, за них отвечают.

— Так я готов ответить.

— Тогда выкладывай! Что тебе известно?

— Много кое-чего, — сказал я, высвобождаясь из тисков. — Много...

И я медленно, стараясь не упустить ни одной детали, начал рас-

сказывать ему обо всем, что я узнал и что понял... Он слушал меня молча, не перебивая. И потом проговорил:

— Да, Каин поторопился. Казнил Грача и оборвал все ниточки. А ведь мог бы все узнать — еще год назад. Мог бы все спокойно выяснить... Но он же спокойно не умеет. Вечно пенится, психует, марафетчик чертов.

— А ты разве знаешь Каина? — спросил я.

— Встречал пару раз. Встречался... Он сейчас на севере, в районе Енисейска. Ну и все время шумит. Воду мутит. Ведь он, понимаешь, не просто грабит, а как бы сводит счеты с советской властью. Родители его — из раскулаченных, из ссыльных... Ну, и вот...

Иван загасил окурок. И добавил задумчиво:

— Власть эта наша, ясное дело, — не сахар. Нет, не сахар... И я бы сам, к примеру, предпочел работать где-нибудь на Западе, на свободе. Там-то легко!.. Там для блатных — истинный рай!.. Но что ж поделаешь? Родину не выбирают. И мне вообще непонятно: зачем смешивать чистое ремесло — с политикой?

Мы еще потолковали — и стали прощаться. И я сказал в заключение:

— В общем, советую тебе — понаблюдай за Ландышем, когда он будет в Алтайске. Где-то там у них имеется тайная явка. Я в этом абсолютно уверен! Но мне самому следить нелегко, неудобно. Я ведь один, и фигура, к тому же, заметная...

— Будь спок, теперь им без тебя займутся, — сказал Иван, стиснув в железном пожатии мою руку. — В Алтайске у меня есть свои ребяташки. К ним-то я и приезжал...

И он быстро, пристально взглянул на меня:

— Хочешь знать — зачем?

— Нет, нет, что ты, не хочу, — поспешно возразил я, — в моем положении самое лучшее — к тайнам не приобщаться.

— Правильно, — сказал Иван, — так проживешь без хлопот... И — дольше!

КОЕ-КАКИЕ ДЕЛИШКИ

Домой я воротился поздно, под утро. Все уже спали в избе. Стараясь не потревожить хозяев, я заварил на кухне чифир — густой, крепчайший чай, такой, какой делают в Заполярье, ушел к себе и долго пил пахучую, терпкую эту жидкость. И чифир протрезвил меня. Голова очистилась, и я с предельной ясностью осознал все, что произошло.

„Ну и кашу ты заварил! — сказал некий голос, идущий из самой глубины души — из каких-то дальних ее закоулков; он всегда таился там и просыпался время от времени. И порою бывал беспощаден, насмешлив, презрителен. — Эх ты, доморощенный сыщик, деревенский Шерлок Холмс! Как же это ты так заловился — повис, как сазан, на крючке? Позор, позор! Хотел разоблачить убийц, а в результате — сам стал жертвой шантажа... И к тому же затеял сложную двойную игру; решил отомстить Ландышу... Дай Бог, чтобы твои подозрения подтвердились. Праведная месть — дело красивое, нужное! Ну, а если Иван ничего не сможет узнать? А если он вообще связан с Ландышем узами более крепкими, чем это кажется? И когда придет момент выбирать, он выберет его, а не тебя? Что тогда? Что тогда?”

Что тогда? Об этом мне даже и думать не хотелось. Было страшно вдаваться в детали. Было ясно только одно: тогда мне будет плохо...

Я сидел в одиночестве, в полумраке. Курил папиросы одну за другой и прислушивался к ветру, шатающему ставни, и к дробному плеску начинающегося дождя.

Дождь ширился, рос. Изредка вспыхивали молнии, и сквозь щели в ставнях проникал синеватый мертвенный свет. С треском раскалывалось небо над самой крышей. Гром как бы сотрясал все строение, но на хозяйской половине по-прежнему царил тишина. Там спали непробудно.

И я подумал вдруг, что вот я принес в этот дом тишину и благополучие, дал людям спокойный сон... А сам теперь сна лишился. Мы как бы поменялись с Алексеем ролями.

* * *

Так прошло трое суток. Я искал какого-то решения и не находил... И однажды я не выдержал и взмолился. Прибег к старому, испытанному способу. „Господи, — сказал я, — я всегда вспоминаю о Тебе только в трудные минуты. Когда все хорошо, я Тебя не зову — и это, конечно, свинство. Нельзя быть таким меркантильным и мелочным. Но Ты все терпишь и все прощаешь. И Ты понимаешь все. И вот сейчас мне опять нужна Твоя помощь! Я снова поскользнулся... И на сей раз — всерьез”.

И как это нередко уже бывало, ситуация внезапно и круто изменилась.

Нет, никаких „видений” мне не было, и трубный глас не звучал... Просто, придя как-то утром в клуб, я увидел там письмо на мое имя, присланное из Абакана.

В письме меня официально извещали о том, что с первого июля пятьдесят четвертого года я перехожу в штат редакции областной газеты „Советская Хакассия”. К извещению этому была также приложена записка и от самого редактора. Он хвалил мои последние материалы, среди которых особенно ему понравилась корреспонденция о больнице — о несчастных детях. (Про концерт, который я там устроил, в статье, естественно, не было сказано ни слова!) Материал этот, оказывается, был напечатан, прошел с шумом и вызвал много откликов...

Я так был удручен и замотан все последнее время, что даже и не заметил, когда, в каком номере появилась эта корреспонденция? Теперь я разыскал ее, прочел — и тоже одобрил... Да, из меня поменьку получался журналист!

Новый этот поворот судьбы принес мне несказанное облегчение. И хотя до конца июня оставалось еще десять дней, я решил воспользоваться случаем и бежать.

Но все же сразу, немедленно покинуть Очуры я не мог; тут у меня имелись еще кое-какие делишки...

* * *

Начал я с того, что пришел в гараж и долго, старательно портил машину. Так как в моторе я ничего не понимал, не знал, что там самое важное, я поспешил разъединить все контакты. И вообще перекорезил все, что смог.

Когда мотор превратился в кашу, я закрыл его и удовлетворенно похлопал ладонью по радиатору.

— Прости, старик, — сказал я газик, — я не хотел тебе зла. Но ты попал в скверное общество, сбился с пути. Я и сам когда-то был такой. И мне тоже пришлось многое переламывать в себе... И я не гублю тебя, дружок, а скорей — тебе помогаю. Хотя это, все равно, наверное, больно.

Потом я обтер руки паклей. И пошел, посвистывая, к Петру.

Мой помощник все еще лежал в постели и по-прежнему на животе...

Он лежал один, Людмила находилась на службе. И я заговорил без обиняков:

— Ты давно знаком с Ландышем?

— С каким еще Ландышем? — Петр довольно искусно изобразил удивление.

— Не притворяйся, — сказал я, — ты его знаешь.

— Нет... Кто это?

— Помнишь, когда мы в первый раз приезжали с тобой в Алтайск, к тебе в чайной подходил высокий такой парень со стальными зубами? Так вот это был он.

— Ну и что? — сказал тогда Петр. — Если бы я даже и знал его, в чем дело?

— Стало быть, ты знаешь и его профессию! И мне интересно: что между вами общего? И с каких пор ты на него работаешь?

— Я не работаю, нет, нет, — торопливо забормотал Петр, — ты не подумай...

Пухлое его лицо задрожало, расплылось. Щеки обвисли. Глаза вышли из орбит.

— Что я, дурак, что ли, влезать во все эти дела...

— Но все же твоими услугами он иногда пользовался!

— Ну, иногда...

— А, собственно, почему? С какой стати? Что вас связало?

— Да, понимаешь ли, я же ему должен, — сказал, кряхтя, баянист. — Мы ведь приехали сюда нищие — без копейки... А я хотел дом... Вот он и одолжил мне деньжонок на покупку.

— С условием, чтобы ты ему помогал, не так ли? Чтоб давал время от времени клубную машину...

— Ну, так...

— И когда ко мне приходила Клавка — это все ты подстроил?

— Да ничего я специально не подстраивал, — загорячился он. И, кривясь, потрогал забинтованную свою задницу. — Что ж ты думаешь: это тоже нарочно?..

— Но все же направил ее ко мне ты!

— Да, но вышло это случайно... Я правду говорю! Она пришла, спросила... Ну, я и объяснил.

— Объяснил, что я водить не умею, что машина стоит без дела...

Я достал папиросу, размял ее медленно. И закурил. И все это время Петр лежал молча и настороженно следя за мною.

— В общем так. Машина теперь долго будет стоять без дела. Она испорчена, и ты не вздумай ее чинить! Я почему это говорю? Меня переводят в другое место, и ты опять остаешься здесь за директора.

— Куда ж ты?..

— В областную газету. Так что отныне я много буду ездить. Сюда тоже еще заверну. И не раз! Имей это в виду.

И я посмотрел на Петра жестко, пристально, ломая глазами его взгляд.

— Когда-то давно ты меня выручил, и вот теперь я говорю с тобой по-хорошему...

– Ничего себе по-хорошему! Ты же грозишь.

– Нет, предупреждаю... Есть такая притча: „Люблю блатную жизнь, но воровать боюсь”... Знаешь? Она адресована прямо к тебе. Ты ведь как живешь? Как шакал. Хитришь, суетишься, подбираешь чужие крохи... Так вот, кончай! Опомнись! И учти: если я узнаю, что машина починена и снова ходит, я тебя, Петька, не пощажу.

– Но как же все-таки, – несмело проговорил он, – как же без машины? – И он хотел по старой привычке подмигнуть, но лицо его ослабло и получилась жалкая гримаса. – Ведь это же – техника... цивилизация...

– Вспомни свой туалет! В здешних местах цивилизация – ненужная роскошь... От нее одни только неприятности.

* * *

Окна клуба ярко светились: были зажжены все лампы. И вопила радиолоа, включенная на полную мощность. И шаркали, раскачивались, вращались танцующие пары...

Был воскресный традиционный танцевальный вечер – последний мой вечер в этом селе.

В последний раз проходил я по клубной зале, в последний раз глядел на кружащуюся эту толпу. С момента моего приезда сюда прошло ровно полгода. И я как-то незаметно привык к этому месту и к этим людям. Близко я ни с кем так и не сошелся здесь, но имел уже много добрых знакомых. И сейчас здоровался, а в сущности, прощался с ними. Но, пробираясь сквозь толпу, я спешил и нигде не задерживался, не застревал; я искал компанию подростков.

И нашел ее в прихожей у вешалки. Подростки – их было пятеро – стояли там, сгрудившись, курия и поплеывавая. И вид у них был какой-то развязный и одновременно унылый.

– Вы чего тут скучаете? – сказал я. – Шли бы в зал...

– А чего мы там не видели? – презрительно усмехнулся один из них – вихрастый и прыщеватый.

И другой добавил:

– У нас свои дела.

– Ладно, – сказал я. – Кстати, я к вам тоже по делу...

И, оглядев их всех, спросил:

– Как мне увидеть Салова?

– Какого? – спросил прыщеватый. – На селе их много, Саловых.

– Того самого, у которого отец недавно погиб.

– Ну, это я, – выдвинулся вперед невысокий узколицый, с черной челочкой паренек. – Я – Салов. Зачем вам?

— Надо поговорить. — Я взял его за плечо. — Пойдем-ка, что ли, на улицу...

Мы вышли и окунулись в голубую лунную прохладу. Я огляделся неспеша. И, подтянув паренька к себе, проговорил:

— То, что сейчас услышишь, передай своей матери. И никому больше. Никому! Ни единому человеку! Ты понял меня?

Он молча кивнул. И я сказал, понизив голос и четко отделяя слова:

— Передай ей: о деньгах Терентия кое-кто знает... И за ними скоро могут прийти... Пусть она подготовится.

— А если она спросит, кто это сказал?

— Мое имя не называй. Придумай другое... Это будет наша с тобой общая тайна. Ты умеешь хранить тайны?

— Умею.

Я знал, что ребятишкам такого возраста чрезвычайно нравятся тайны. И я был уверен в его ответе. Но на всякий случай продолжил:

— Тебе сколько исполнилось?

— Пятнадцать.

— Так. Ну, а братья у тебя есть?

— Не, я один.

— Значит, ты теперь единственный в доме мужик!

— Это мне и мать уже сказала, — прошептал он. И потом: — А почему вы с ней с самой не захотели поговорить? Пришли бы к нам домой...

— Не могу, брат, некогда. Я занят, а вы живете далеко, на другом краю... Да и вообще — зачем? Ты уже парень взрослый. И мы говорим с тобой как мужчина с женщиной.

И опять он без слов покивал, смотря на меня снизу вверх.

В желтом потоке света, льющегося из окошка, видна была лишь половина его лица — краешек челочки, скула. Глаза его прятались в тени. И там, в этой тени, я заметил блеснувшую капельку, ко-со и медленно поползшую по щеке...

— А кто это сделал? — спросил он, внезапно зазвеневшим голосом. — Кто? Вы не знаете?

— Н-нет, — с легкой заминкой ответил я, — но ты имей в виду: за него еще отомстят... Я в это верю!

РАЗВЕ ЭТО МОЖНО НЕ ЛЮБИТЬ?

„Делишки” были, в принципе, закончены. Оставалось последнее — проверить отчетность и подготовить клубное имущество к

сдаче. Этим я занялся той же ночью. Я сидел, шурушал бумагами. И вдруг услышал какой-то новый, сторонний шорох. Он шел из-за двери; кто-то там шевелился, дышал.

Кто еще там, насторожился я, что за чертовщина? Я достал и раскрыл свой ножик, спрятал его под бумагами. И крикнул затем: — Войдите!

Дверь отворилась, и передо мной возникла женская фигура — знакомая, такая, которую я никогда бы не спутал ни с одной другой.

— Клава? — удивился я. — Ты зачем?

— К тебе, — сказала она, приближаясь, — проведать. Посмотреть. Ну и... — Она огладила ладонями — как бы обласкала — высокую свою грудь и бока. — За мной же должок!..

— Все долги ты уже отдала, — нервно проговорил я, — мы в расчете.

— Но теперь это мой личный должок, персональный.

Клава уселась, каким-то ловким, незаметным жестом подпернув юбку. Слегка раскинулась на стуле и положила ногу на ногу.

— Сколько бумаг, — проговорила она, озирая стол, — все пишешь, пишешь... Не скучно?

— Что поделаешь, — сказал я, — надо... И прости, я очень занят.

Она улыбнулась, опустив пушистые ресницы. И вдруг — рывком — расстегнула свою кофточку. И обнажила грудь.

И сейчас же я сказал:

— Закройся!

Нет, я вовсе не пуританин. Дело тут было в другом... Я знал свою слабинку и не хотел поддаваться Клавке. А разве же мог я устоять при виде этого чуда?!

Я видел тугую грудь ее и круглые, манящие, чуть раздвинутые и высоко открытые колени, — не мог всего этого не видеть! — и невольно шарил там взглядом, всем существом тянулся туда. И презирал себя за это. И мысленно проклинал ее.

И чем больше проклинал ее, тем сильнее хотел...

Это было, как бред, как наваждение.

И Клава, безусловно, угадывала, понимала, что со мною творится. А какая женщина этого не угадывает? Но все же была она сейчас не такой победительной, уверенной в себе, как раньше. Наоборот, во всем ее облике проскальзывало что-то смятенное, растерянное, даже — робкое...

Конечно же, она понимала, что я не забыл нашу прошлую встречу, и вечер в ее доме, и разговор с ее братом, Ландышем... И судя по всему, боялась, что я теперь напомню ей обо всем.

И я напомнил.

— Так ты, действительно, была убеждена, что я ручной? Что из меня веревки вить можно?

— Ах, ты не так понял...

— Я все понял точно! Но скажи: откуда у тебя вообще такая уверенность?

— Ну, не знаю. Я так привыкла. Все мужики, которых я встречала, они и вправду были ручные...

— Например, Васька Грач.

Она посмотрела на меня косым своим, странным, скользящим взглядом — и ничего не ответила. Прикусила губу. А я продолжал:

— Из каждой веревки, которую ты ухитряешься свить, получается затем — петля... Сколько людей попало в такую петлю из-за тебя, а? Интересно! Скольких ты, падла, уже угробила? Счет у тебя, наверное, большой? В одних только Очурах сначала был Грач, потом эти спекулянты. И я тоже стоял на очереди...

— Но я не нарочно, — сказала она, всхлипнув. — Это я для брата. Он просил, и я делала.

— Что ж, ты такая уж дурочка, что ни разу не поняла, в чем тут дело? И чем это все кончается?

И снова она промолчала в ответ.

— Тебе, очевидно, нравилось ощущать свою власть над дураками, испытывать свою силу, не так ли? Ты думала, что это все, — я оглядел ее с головы до ног, — это неотразимо?

— А разве это все можно не любить? — искренне удивилась она.

— Не знаю... Наверно, можно. Как видишь, сейчас это не действует.

— Но я же все равно тебе нравлюсь! Я вижу! И давай забудем обо всем прочем...

— Думаешь, это легко?

— А к чему вспоминать в такую минуту?

— Но чего ты, собственно, хочешь?

— А ты не соображаешь?

— Догадываюсь. Но мне одно неясно: какую роль ты сейчас играешь? Ты же ведь баба деловая, зря ничего не делаешь. Зачем это тебе?

— А ни за чем. Просто так, — повела она полуоткрытым плечом, — по-честному... Ты мне тоже нравишься.

— С каких это пор я стал тебе нравиться? — пробормотал я.

— Немножко даже с самого начала... Но тогда я тебя не знала, думала, ты фрайер, порчак.* А ты, оказывается, наш!

* Порчак — презрительное определение фрайера, от корня —порчен-ный, гнилой.

– Да какой же я ваш? Какой ваш? Вот еще чепуха! Не смеши-
вай, пожалуйста.

– Ты, конечно, не похож на других – и это-то меня и волнует!
Что-то есть в тебе особое...

– Ни черта во мне нет, – сказал я, – и если я, как сазан, понача-
лу поймался на твой крючок, то я ничем не лучше всех других сазан-
нов. Такой же был идиот... Но ты-то, ты-то! Ведь ты же красива...
Неужто ты не понимаешь? Очень красива! И живи ты иначе – какая у
тебя могла бы быть завидная судьба!

– Судьба у меня одна, – сказала она, неловко, прыгающими
пальцами застегивая кофточку. – И другой не будет... Даже если бы
я и хотела изменить ее – что я могу? Что я могу? Вот пришла к тебе,
а ты меня гонишь.

– Да я не гоню...

– Но и не принимаешь по-настоящему, не хочешь меня. Не ве-
ришь! А я думала у тебя остаться...

– Эх, Клавка, Клавка, – сказал я, – все так сложно... Ну, как
тебе верить? Ты же замешана в страшных делах. И что вообще тво-
рится в твоей душе, если она у тебя есть?..

Медленно, очень медленно Клава поднялась,правила на себе
одежду. Нежное, с высокими скулами лицо ее было полуопущено.
Прелестный рот – плотно сжат. И у края губ обозначились две си-
неватые морщинки.

– Ну, я пойду, – прошептала она, – прощай.

И я посмотрел ей вслед с жалостью, с горечью, с безотчетной
и шемящей тоской. Я чуть было не поддался порыву – позвать ее,
остановить... Ведь какая женщина уходила! Но все же сдержался,
переломил себя.

Нет, я все-таки не верил этой чалдонке и не хотел с ней связы-
ваться. Любой контакт с ней был по-настоящему опасен... Должен
сказать, что за всю мою бурную жизнь мне почти не встречалась еще
личность столь загадочная и хищная и с такой отчетливо выраженной
уголовной психологией. И я, естественно, ожидал сейчас какого-то
нового подвоха... Клавка была верной помощницей Ландыша; они
работали на пару! И она, наверняка, приходила по его поручению.
Ведь тогда, на малине, Ландыш дал мне сроку одну неделю, а с тех
пор прошло уже две...

К ВЕРХОВЬЯМ ЕНИСЕЯ

На следующий день я уезжал... Опасаясь Ландыша, который
мог попытаться перехватить меня и выкинуть какой-нибудь нежиз-

данный фокус, я заранее сговорился с шофером почтового фургона, курсирующим между селом и райцентром. Фургон должен был ждать меня рано утром в глухом переулке, на довольно далеком от клуба расстоянии.

Провожал меня Алексей. Было тихо, сумеречно, свежо. День еще только начинался, и небо было затянуто зеленой светлой мглой. И по зеленому этому полю — далеко, за селом — протекла, протянулась полоска зари. На ярко-красном ее фоне черно и четко выделялись силуэты сосен и крыш и низко кружащихся птиц. И, глянув туда, Алексей спросил, позевывая:

— Ты как до Абакана добираться думаешь — самолетом?

— Конечно. Если достану билет.

— Смотри, будет ветер...

— Плевать. Главное — побыстрее!

— Завидую я тебе. — Он вздохнул. — Новые места... Новые люди...

— Так и ты, старик, беги! Что тебя здесь, в конце концов, держит?

— Да я бы с радостью, — проговорил он задумчиво. — Только мать бросать жалко... Мы уж говорили... Она никуда не хочет! Здесь, твердит, мой дом и здесь я и помру, и желаю, чтоб ты меня похоронил над Енисеем... А года ведь у нее немалые. И здоровье плохое. Нет, куда уж там! Пока она еще жива, я остаюсь в проклятых этих Очурах. Вот скоро начну работать...

— Что? — сказал я быстро. — Работать? Ни в коем случае!

Он посмотрел на меня с изумлением.

— Да, да, — сказал я, — о работе и не думай! Пойми, чудак, кодла оставила тебя в покое только потому, что ты болен. И стало быть — не опасен.

— А в чем я вообще могу быть ей опасен?

— Ты друг Грача! А Грач, имей в виду, был действительно виновен... Так уж получилось... Это во-первых. И во-вторых, ты для кодлы все равно уже потерял, а знаешь много, слишком много!.. Но пока ты ходишь „в чокнутых” — это не страшно. С психа какой спрос? Словам его веры нет. Однако стоит тебе выздороветь, выйти на работу, — и все сразу изменится! Учти: Каин хоть и ушел отсюда, но связь со здешними ребятами имеет.

— Так что же, — пробормотал он в замешательстве, — я значит, теперь обречен?..

— Да. До тех пор, пока ты в Очурах. Уедешь, переменишь место — другое дело... Но здесь ты — законный псих. И таковым и должен оставаться!

– Но врач-то ведь все понимает, его я не смогу обмануть.

– Сможешь! Он-то как раз считает, что ты еще не вылечился полностью... Воспользуйся этим!

– Что ж я должен делать?

– Ну что... Придумай что-нибудь... Ходи по селу и изображай кипящий чайник.

* * *

В Алтайск я прибыл в ту самую пору, когда люди выходят на работу, когда открываются магазины и всякого рода забегаловки...

Велев шоферу остановиться у базара, я слез, попрощался с ним. И направился в „Чайную”. Она была еще тиха, чиста и пустынна. Только один человек успел прийти сюда раньше меня. Он сидел неподалеку от входа – за угловым столиком. И при моем появлении привстал и поманил меня к себе.

Это был старший лейтенант милиции Хижняк.

В одной руке Хижняк держал рюмку водки, в другой – зажженную папиросу.

– Вот уж не думал, – сказал я ему, – что работники органов так начинают рабочий день!

– Они начинают по-всякому, – ответил тот, – и так тоже неплохо... Почему бы и нет? В Одессе шутят: „Тот, кто пьет с утра, чувствует себя, как король”. Понимаете? Все вокруг суетятся, спешат делать карьеру, и только ему одному спешить некуда. Он уже всего достиг. Он уже – на вершине блаженства!

Хижняк произнес это с усмешечкой. Он пробовал шутить. Но вообще-то выглядел он неважно и казался еще более усталым, чем обычно. Лицо его осунулось, под глазами обозначились темные круги.

– И вы уже достигли блаженства?

– Пока еще нет, – ответил он, – попробуем достичь вместе... Присаживайтесь, наливайте.

И я охотно присел, и налил, и выпил. А потом, похрустывая свежим лучком (знаменитым местным „золотым”), я спросил:

– Что же с вами все-таки случилось? Видик у вас, должен признаться, такой, будто вы пьянствуете, по меньшей мере, вторые сутки.

– Вторые сутки не сплю, – сказал он. – Замотался вконец... Вот сейчас вернулся с операции и почувствовал: надо выпить. Иначе – помру.

– Так в чем же дело, если не секрет?..

– В чем дело? – он посмотрел на меня в упор. – Ну, что ж, вам я могу сказать. Но это уже – не для печати. Дело в том, что мы потеряли ценнейшего нашего агента. Ценнейшего! Такого провала давно уже не было... Помните, мы как-то говорили про одного здешнего жигана?

– Очевидно, вы имеет в виду этого вашего „блатного Азефа?“ – проговорил я с перехваченным дыханием, чувствуя короткие, гулкие толчки зашпешившего сердца. – Но что значит – потеряли?.. Он бежал? Исчез?

– Нет, найден убитым.

– Когда?

– Позавчера. Здесь, на окраине, на пустыре, есть овраг. И вот там мы его и нашли. Что с ним сделали! – он на мгновение зажмурился. – Экспертиза установила, что они заставили его есть собственное свое мясо...

Он умолк. Возникла тяжкая тишина. Я попробовал представить себе эту сцену... И не смог – почувствовал дурноту.

– Это не люди, – хрипло сказал Хижняк, – это звери. Даже хуже! Здешние места вообще считаются самыми трудными И я это знал, когда меня направляли сюда. Но такого я все же предвидеть не мог. Я как бы попал в дикий, темный, какой-то пещерный мир...

Он налил себе рюмку доверху, через край, расплескивая по скатерти водку. Опрокинул ее в горло одним толчком. И, наморщась, задымил папиросой.

Какое-то время мы сидели так – думали каждый о своем... Потом Хижняк сказал:

– В общем, хорошо, что мы встретились. Я как раз о вас думал...

Это мне не понравилось. Не люблю я, когда милиция начинает обо мне думать. И я сказал, настораживаясь:

– Мерси. Но, собственно, почему? В связи с чем?

– В связи со всеми этими обстоятельствами...

– А какое я имею к ним отношение? – забеспокоился я. – Причем тут я – клубный работник, журналист?..

– Не волнуйтесь, – махнул он рукой, – я вовсе не собираюсь подозревать вас в убийстве Ландыша. Назовем его теперь прямо – в открытую. Ведь вы его знаете.

– Откуда вы это взяли?

– Ну, как же, как же! Вы знакомы с его сестрой, Клавой, и бывали уже в их доме...

– Да, знаком. Но что это меняет? С ней многие знакомы.

Он между тем продолжал, как бы не слыша меня:

— И вообще у вас контакты всюду, со всеми. В пещерном этом мире вы чувствуете себя на редкость свободно, легко.

„Легко! — подумал я. — Побывал бы ты в моей шкуре...”

— Впрочем, — заметил он тотчас же, — это не удивительно, если вспомнить ваше прошлое.

— А что вы знаете о моем прошлом?

— Все, дорогой мой, все! У меня теперь имеется ваше досье. Довольно обширное и, признаться, весьма любопытное.

Я понял: выкручиваться бесполезно. И сказал, с трудом выдавливая из себя улыбку:

— Ну, хорошо. Вы знаете прошлое... Но ведь это то, что прошло! Это все позади! Зачем вам понадобилось мое досье! И, кстати, когда вы его раздобыли?

— Да сразу же после вашего второго посещения, — сказал, посмеиваясь, Хижняк. — Вы тогда предстали, как живой укор мне — профессиональному криминалисту! Вы прошли по тем путям, по которым должен был пройти я сам! И были еще кое-какие детали... Например, фразочка, которую вы произнесли о Граче, помните? „Сыграл на два метра под землю...” Это же чистая черноморская феня.* На меня сразу пахнуло Одессой. И вообще, восстановив потом в памяти весь наш разговор, я отметил, как вы весьма умело и ловко его направляли... Не знаю, чего вы добивались, какую цель преследовали. И, думаю, что если я даже и спрошу, вы все равно мне не скажете... Может быть, вы играли в сыщика? Не знаю... Но как бы то ни было, вы меня искренне заинтересовали. Я затребовал из управления ваше досье — и все прояснилось.

— Ну и что же в итоге?

— Могу вам только одно сказать: вы как раз такой человек, который нам нужен! У вас богатый опыт, хватка, сообразительность. Раз вы пишете — значит, умеете анализировать и связывать факты. И кроме того, у вас есть одно очень важное преимущество перед всеми нами... — Он похлопал себя по пуговицам форменного кителя. — Перед такими, например, как я сам...

— Это какое же преимущество? — с интересом спросил я.

— Я считаюсь неплохим специалистом, — медленно сказал он, — потому меня, собственно, и прислали сюда! Преступный мир я знаю.. Но все же знаю односторонне. Всю жизнь я находился как бы

* Феня — блатной жаргон. Он произошел от тайного языка „Офень”, бродячих торговцев в средневековой России, создателей первого в русской истории черного рынка.

по одну сторону стола, а блатные — по другую... Контакт наш заключался в том, что я спрашивал, а они отвечали... И этот барьер, разделяющий нас, почти непреодолим! Ну, а вы в течение долгих лет пребывали именно „на той стороне”. И вам, естественно, вполне понятно все, что там происходит. Ясны все те психологические зигзаги, которые мне недоступны...

— Так вы к чему клоните? — спросил я. — Хотите, чтобы я работал у вас?

— Ну, да. Ну, да. Идите к нам! Я предлагаю вам серьезную, важную работу.

— Нет, — сказал я, — извините, конечно, но такая работа не по мне.

— Почему? — прищурился он.

— Если вы изучали мое досье, вы должны понять. Да, я был блатным, это верно... Но как я попал на дно? Когда моя жизнь сломалась? Все началось в тридцать седьмом году; в ту пору, когда люди в вашей форме наводили ужас, олицетворяли собою террор... От этого террора погибли и разрушились тогда миллионы семей. И в том числе и моя... А теперь вы хотите, чтобы я эту форму надел!

— При чем тут форма? — торопливо возразил Хижняк. — Далась вам эта форма... Суть вовсе не в ней. И я приглашаю вас не в КГБ, не в политическое, так сказать, учреждение — отнюдь! У вас имеются, как мне кажется, все данные для того, чтобы стать незаурядным работником уголовного розыска... Так станьте им! И поймите в конце концов, что криминалистика — это такая же наука, как всякая другая. И борьба с преступностью — дело нужное, благое, служащее обществу и существующее при любых системах!

— Может быть, вы и правы, — сказал я, — может быть. Хотя, конечно, наш угрозиск несколько отличается от зарубежного; он гораздо ближе к политике... Но главное — в другом. Существует еще одна, пожалуй, самая веская причина, мешающая мне согласиться...

— Какая?

— Я просто боюсь.

— Вот не ожидал! Чего же?

— Вы сами знаете, как уголовники мстят своим за предательство.

— Но ведь вы для них уже не свой!

— Конечно. Но и не совсем посторонний... Все-таки бывший вор! К таким, как я, предьявляется особый счет. И я не хочу, чтобы меня однажды заставили есть свое собственное мясо.

Пока мы толковали, чайная постепенно обретала обычный свой облик. Наполнялась теплом, шумом, гомоном голосов. Под потоло-

ком поплыли, свиваясь, волокна сизого табачного дыма. Где-то рядом рухнул стул, задребезжала посуда... Я глянул на часы и встал.

— Уже десять, — сказал я. — Пора! Пойду... Хочу к обеду успеть попасть в Абакан.

Мы пожали друг другу руки. И я потащил из-под стола свой багаж. И, покосившись на него, Хижняк спросил:

— Надолго?

— Думаю, навсегда. Как видите, нам вместе блаженства не достигнуть... Не судьба!

— Но вы и там, в Абакане, подумайте над моими словами. Хорошошенько подумайте!

Я пошагал, протискиваясь меж столиков. А он остался и, покуривая, продолжал глядеть мне вслед. Черт его знает, о чем он думал? Наверное, что-то подозревал, о чем-то догадывался... Или же просто был огорчен, раздосадован тем, что ему не удалось меня завербовать. Он же был вербовщик классный, профессиональный, а тут вдруг такая осечка!

И пока я шел к выходу, я все время чувствовал его взгляд. И спине моей было неуютно...

* * *

Час спустя я уже сидел в кабине небольшого старенького самолета. Рассчитана была эта машина на десять человек, но набилось в нее много больше. И я сидел в тесноте. Слава Богу, у окошка. И в левый мой бок упиралась остроугольная корзина, а справа — вплотную ко мне — помещался громоздкий бородатый мужик. Он о чем-то толковал со своим приятелем и размахивал руками. Голос у него был хриплый, пропитый. Я невольно прислушался к этому хрипу, и уловил слово „овраг”...

В маленьких провинциальных городках все всегда всем известно. И слух о найденном в овраге на пустыре трупе докатился уже и сюда.

Однако теперь сцену чудовищного этого убийства я даже и не пытался вообразить себе... Самолет сильно болтало — было тошно и без того.

И внезапно я вздрогнул — словно бы очнулся от забытья... Я подумал о Клаве. Она явилась ко мне в ночь с воскресенья на понедельник. А Ландыш был убит в субботу... Стало быть, она уже знала об этом. Она знала! И в растерянности, в панике прибежала ко мне. Она искала у меня защиты, помощи, какого-то утешения. И если пыталась соблазнить, то вовсе не для игры, а потому что это был ее последний, единственный шанс... А я, дурак, не понял.

Ничего не понял! И дал ей уйти одной — в ночь, в темноту...
Что ее ждало в этой тьме? И каково ей сейчас?

Я дернулся, привстал. Снова сел. И голос, пришедший из глубины, сказал:

„Ну, что ж, теперь уже поздно... Это все позади”.

„Пожалуй... Но — жалко!”

„О чем жалеть? У вас все равно ничего бы не получилось. Вы слишком разные, вы совсем чужие. Помнишь твои рассуждения о Двух Уровнях жизни? Так вот, она даже не из сумерек, она из еще более мрачных глубин”.

„И все же она приходила ко мне просить помощи...”

„Она и в первый раз — в связи с машиной — тоже приходила просить помощи”.

„Но, может, ее нужно сейчас спасать?”

„Главное, от чего ее надо было спасать, — от нее самой... Но это тоже уже поздно”.

„Но какая это женщина! Впервые за многие годы я встретил такую красоту...”

„Вот эта красота — лучшая ей защита и утешение. И не дергайся, успокойся. Вспомни законы севера, законы собачьей стаи: чужого кобеля стая рвет на клочки, но самочку никогда не трогает. Никогда!”

„Но здесь — люди! И, как заметил Хижняк, они даже хуже зверей...”

„Что Хижняк. Он просто растерян, ему все внове. Но ты-то знаешь, что законы здесь те же самые. И Клава не пропадет, вывернется как-нибудь... А вот ты — благодари судьбу, что сидишь сейчас в самолете!”

Так я спорил сам с собою, и маялся, и томился. А за стеклом иллюминатора плескался ветер, и внизу широко зеленела тайга. Она была испещрена желтыми полосами дорог, пестрыми пятнами селений и перерезана густо-синевой лентой реки.

И по яркой этой земле — по синеве и по зелени — скользила крестообразная тень самолета.

Крошечный этот крестик стремительно уносился к югу, к верховьям Енисея, — все дальше от сумеречных Очур, от горького золота... Все дальше и дальше. Все дальше и дальше.

Часть 2
ЗОЛОТЫЕ ПРОСТОРЫ

ВЫРВАТЬСЯ ИЗ КОЛЬЦА

Интересное это все же занятие — писать. Особенно писать о себе, о пережитом. Сиди в тишине, вспоминай и пиши! Кури, пей крепкий кофе — и пиши! Погружайся в бездну былого, в хаос пролетевших лет. И отыскивай там, разглядывай далекую, бредущую в полутьме фигурку.

Фигурка эта — ты сам. И бредешь ты, в сущности, наугад, как в тумане. Оступаешься, падаешь, клянешь судьбу... Это потом, годы спустя, станет ясно, куда привела тебя и чем завершилась твоя дорога. А тогда, в начале ее, ты еще во многом был слеп.

И вот теперь я вспоминаю начало моей журналистской карьеры. И с беспокойством и удивлением, а порою с тревогой разглядываю себя тогдашнего... И одновременно вижу вновь то бурное время, тот особый период в истории моей родины, который обычно называют „хрущевским”.

Период этот тоже лишь начинался тогда. И мое появление в редакции абаканской газеты совпало с одним из первых мероприятий нового правительства — с так называемой „кампанией по освоению целинных и залежных земель”. В чем же заключалась ее суть? Подоплека тут сложная. И прежде чем перейти к описанию многочисленных своих приключений, я хочу вкратце рассказать об этом.

* * *

Пришедшему к власти партийному руководству (и в частности Никите Хрущеву) досталось по наследству от Сталина много трудных и нерешенных проблем. И самой главной, и самой большой была проблема сельского хозяйства.

Хрущев вообще был личностью любопытной, сложной, до сих пор еще не понятой по-настоящему. Некоторые называли его „гениальным бездумцем”... Что ж, в этом была своя истина.

Став вождем, он сразу же начал бороться с административной

рутиной, пошел как бы против течения. И самое любопытное заключалось в том, что ведь он — как персонаж — был типичным порождением этой именно рутинности! Профессиональный аппаратчик, исполнительный служака, он всю жизнь вел себя смиренно, держался в тени. Но вот обстоятельства изменились. И, обретя внезапно власть, он сам, своими руками стал ломать и переделывать многое из того, что раньше укреплял столь старательно...

Вариант этот, хочу заметить, очень русский, очень национальный! В образе Хрущева угадываются черточки, хорошо знакомые нам по классической литературе; тут явственно попахивает Достоевщиной.

В 1956 году он выступит на съезде партии с разоблачением культа Сталина. И подвергнет жестокой критике многие партийные грехи и ошибки. И потрясет страну. Да что страну — весь мир! И среди многочисленных упреков в его адрес со стороны советских и зарубежных коммунистов, например — китайских, прозвучит обвинение в ревизионизме, в отступничестве, чуть ли не в бунтарстве...

Но, конечно же, никаким бунтарем он не был. И он вовсе не посягал на принципы системы, а лишь хотел ее слегка подновить, подправить...

Дальнейшая жизнь показала тщетность хрущевских затей. Рутинность оказалась сильнее. Изю всех его начинаний почти ни одно не оправдало надежд, не дало конкретного результата... За исключением разве что критики сталинизма; вот что действительно принесло мгновенные и реально ощутимые плоды!

Однако и эти плоды тоже были не совсем такие, каких ждал новый вождь. Раскрепостив, так сказать, людские массы, он рассчитывал на то, что массы пойдут за ним, преисполненные благодарности и любви... Но произошло иное: началась пора свободомыслия. Возникли крамольные веяния. И было среди них одно, пожалуй, самое страшное для Хрущева: с посмертным разоблачением Сталина в народе кончилась, рухнула вера в вождей.

И получилось так, что Хрущев оказался в какой-то мере в пустоте... С одной стороны, ему противостоял мощный клан бюрократов, а с другой — новое поколение, отвергающее казенные авторитеты и зараженное пугающим нигилизмом.

Он словно бы выпустил джина из бутылки... А когда спохватился, было уже поздно. И все, что с тех пор и поныне творится в России (движение подпольных демократов, самиздат), все это в какой-то мере следствие хрущевских реформ. Наши диссиденты многим ему обязаны. Ведь это он впервые расшатал и ослабил механизм террора и таким образом открыл им дорогу. И одновременно

предопределил, подготовил свой собственный крах... Но все это случилось позже, потом! А пока что обратимся к сюжету. Вернемся в первый послесталинский год.

В том году, как мы знаем, Хрущев приступил к решению хлебной проблемы.

Он обратил внимание на восток. Решил распахать и засеять степные окраины державы. Мысль эта была дельная. За Уралом, простираясь на многие тысячи верст, лежали дикие ковыльные равнины. Там было где развернуться! И вот там-то приказано было теперь создавать не колхозы, а гигантские зерновые фабрики, мощные государственные предприятия, на которых отныне должны были трудиться уже не бесправные крестьяне, а обыкновенные рабочие.

Но в связи с этим вставал вопрос: как привлечь молодежь к новому, небывалому делу? Требовалось как-то уговорить ее, строить с места... Вот этим и занялась наша пресса.

Каждый день тогда звучали в эфире „целинные” песни, в каждом газетном номере появлялись стихи на эту тему. И было среди них немало и моих вещей. Я искренне писал в те дни о преобразовании Сибири.

Бездомный бродяга, вечный скиталец, я вдруг задумался о корнях, связующих всех нас с землей... Окружающий меня мир всегда был двусмысленным и противоречивым. Единой правды, правды для всех, я никогда не мог найти. Да ее и не было! Но вот пришел момент, когда мне на мгновение почудилось, что правда эта — в земле.

...Земля! В пыли, под проливным дождем,
сквозь сумрак вьюжный мы по ней бредем.
Цветы и злаки, руды и слова —
все в ней мы ищем. И удачи ждем.
Оттуда вышли и туда придем...
Ты верь земле. Она всегда права.

Но я писал, конечно, не одни только стихи. Прибыв в редакцию, я первое время работал в отделе писем, затем занимался оформлением газеты — рисовал заголовки, ретушировал фотографии. А позднее был назначен корреспондентом. И отбыл в глубинку — в отдаленные степные районы.

Правительственная кампания к тому времени была в полном разгаре. Первые партии новоселов, прибывших на целину ранней весной, успели уже освоиться и сделали немало... Дикая, веками дремавшая земля, дождалась, наконец, плуга. И ожила, расщедрилась, дала невиданный урожай!

В сущности, я был послан на целину для того лишь, чтобы как можно красочней описать уборку урожая. Потому-то редактор и выбрал меня, несмотря на мою неопытность. Ему ведь нужен был сейчас не столько квалифицированный газетчик, сколько поэт. Прежде всего поэт. Если бы он знал тогда, что из этого получится, он бы отрешивался от поэтов, как от нечистой силы!

ОБЕЗУМЕВШИЕ ПТИЦЫ

В России любят слово „золото” так же, впрочем, как сам металл. Его используют, как метафору, и применяют широко. Например, драгоценные сибирские меха издревле именуются у нас „мягким золотом”. Вода — это „голубое золото”. А, скажем, нефть — „черное”... В сущности, почти все природные богатства страны так или иначе подведены под золотую рубрику. И в ней находится, конечно же, и хлеб; так называемое „степное золото”, „плещущее золото полей”.

Обо всем этом я вспоминал, проезжая по хакасской степи. И тогда же подумал, что образы хлеба и золота, пожалуй, самые близкие, самые родственные; они совпадают не только символически, но также и зрительно, наглядно.

Я ехал на местном поезде в районный центр — Ширу. Дорога пролегла между спелых хлебов. Было утро, мутно-красное солнце висело над горизонтом. И желтая, окрашенная багрянцем рожь казалась сейчас и впрямь золотой!

Кое-где хлеба уже были убраны; там рокотали комбайны. И ветер доносил оттуда запах теплой земли и свежей соломы — это был запах осени.

„Богатая осень, — думал я, — изобильная!” Однако истинные масштабы происходящего я оценил лишь тогда, когда прибыл в Ширу... Она поразила мое воображение.

Захолустный этот степной городок был весь наполнен, завален зерном. Я знал, что здесь находится главный „ссыпной пункт”, но все же не думал, что увижу такое... Зерно было повсюду; толстым слоем покрывало оно улицы, шуршало и похрустывало под ногами. Оно вздымалось на окраинах грудями, холмами. „Золотые” эти холмы опоясывали городок, громоздились возле станции. И тянулись вдоль степных, уходящих вдаль дорог.

И была еще одна впечатляющая деталь. Несмолкаемый птичий гомон оглушал Ширу. Птицы слетелись сюда со всей степи; они обрушились на городок и первыми начали хлебное пиршество.

Их были здесь тысячи. Разжиревшие, распухшие, они бродили стаями по земле, вернее — по хлебу, и странно: почти не боялись людей... Не улетали. Может, они уже не могли летать, отяжелев от сытости и лени? Или же просто обезумели?

* * *

Усталый, томимый жаждою, я сразу же — сойдя с поезда — отправился в пивную. Она была набита битком. Впрочем, эти места вообще никогда у нас не пустуют! Там, конечно, пьют, но и не только — там еще и общаются, отводят душу в разговорах. Мужики снюхиваются там быстро, легко — как собаки на помойке. И пивные поэтому являются источником самой разнообразной информации. И именно там, как правило, рождается большинство отечественных анекдотов.

Я с трудом разыскал в дальнем конце зала свободное место. За столиком сидели двое мужчин. Один из них спал, уронив голову на грязную скатерть, другой же задумчиво потягивал пиво. Был он худ, костляв, с темным от загара морщинистым лицом и вислыми усами. Он улыбнулся мне и указал ладонью на стул. Мы легко разговорились и познакомились. Старик оказался местным жителем, агрономом, и звали его Семеном Архиповичем.

Я заказал водки, и мы чокнулись с ним — за встречу. И какое-то время потом покуривали, прислушиваясь к гулу голосов. Зал шумел. По соседству с нами веселилась пьяная компания. Чей-то бойкий тенорок рассказывал анекдот:

— Идут двое. Встречает их баба и спрашивает: „А где мой Ванька? Он ведь с вами вместе отправился пьянствовать...” Ей говорят: „Не беспокойся, он уже дома” — „Дома? — удивляется баба. — Но он же забыл взять ключи. Как он в квартиру-то без меня попал?” — „А мы твоего Ваньку под дверь подсунули!” — „То есть как это — под дверь?” — „Да, понимаешь ли, — объясняют бабе, — тут неподалеку асфальтируют улицу... Ну, мы проходили по ней — и Ванька случайно угодил под коток”.

За другим столиком тоже рассказывали анекдот. Но разобрать что-либо было трудно — слова заглушали взрывы хохота.

— Что-то расшумелся народ, — сказал я. — Пивные, конечно, у нас не пустуют, но все же есть определенное время. Полдень, например, или вечер... А теперь ведь четыре часа! Однако ощущение такое, будто вся Шира сюда собралась.

Спящий вдруг заворочался, всхрапнул. И поднял голову. Лицо у него было багровое, опухшее, к щеке прилипла яичная скорлупа. Он мутно посмотрел на нас и спросил:

— Четыре часа чего? Ночи?

— Дня, — отозвался я.

— А какой это день?

— Вторник.

— Ага, вторник! — прорычал проснувшийся. — Значит, последний день! Надо спешить пить! Пить, а не трепаться.

Он погрозил нам пальцем и рухнул лицом в стол.

— Почему последний день? — не понял я. — О чем это он? О конце света?..

— Нет, — усмехнулся старик, оглаживая влажные от пивной пены усы. — Но день, действительно, последний... Дело в том, что с завтрашнего дня, со среды, продажа спиртных напитков полностью прекращается. Вводится сухой закон!

— Это надолго?

— До октября.

— Но почему?

— Да потому что уборка, — пояснил старик, — начальство хочет, чтоб люди теперь работали, не отвлекаясь.

— Что ж, — проговорил я, — воспользуемся советом и поспешим выпить!

И разлив по стаканам водку, я произнес торжественно:

— Ну, за хлеб! Такого урожая Россия еще не видела.

— Урожай, это верно, редкостный, — медленно сказал старик. —

Но главное в другом...

Ни в голосе его, ни в лице, ни в чем не смог я уловить восторга; того самого, который обуревал сейчас меня самого. И я спросил удивленно и озадаченно:

— В другом? В чем же еще? Ведь собрать столько зерна...

— Собрать — полдела, — угрюмо ответил старик. — Гораздо важнее сохранить его, уберечь от порчи. А вот это, боюсь, нам не удастся.

— Вот как?

— Да, да. Хлебушек — он заботу любит, уход. И потому его надо держать в специальных хранилищах... Оставлять под открытым небом — опасно.

— Но... Черт возьми, — проговорил я, — почему же его оставляют? Где ж эти хранилища?

— Вот именно, — где? — прищурил глаз старик. Отхлебнул из кружки, со стуком поставил ее на стол. И потом, погодя: — Не знаю, — начал он неуверенно, — могу ли я с вами говорить откровенно, свободно...

— Можете, — заявил я, — даже должны! Без вас, я чувствую, мне во всем этом не разобраться.

— Ладно. — Он быстро, пристально глянул на меня из-под косматых бровей и, очевидно, что-то ощутил, почувал. И проговорил с коротким вздохом: — Ну, так вот. Вся эта история с хлебом — явная авантюра, понимаете?

Наш столик помещался у раскрытого окошка. За ним видна была городская площадь, вся желтая от рассыпанного зерна. Над нею крутился ветер, реяла пыль и неумолчно, пронзительно горланили птицы.

— Видите, что творится? — кивнул в ту сторону агроном. — Вот вам типичный пример разгильдяйства. Здесь, в Шире, с давних пор имелся один маленький элеватор. Это применительно к нуждам старого колхоза... И когда началась целинная кампания, никто почему-то не подумал о том, что теперь его следует переделать, расширить. Или еще лучше — построить парочку новых... Ну, и результат налицо! Элеватор загрузили в первые же два дня. И сейчас хлеб сыплют прямо на землю, сваливают как попало.

— Вы говорите, никто не подумал, — заметил я, — но вот вы, к примеру...

— А что я? — возразил старик. — Что я значу? Я же не начальник.

— Но все же специалист, агроном.

— Бывший! — он поднял палец. — Я уж давно на пенсии — это во-первых. И во-вторых, я человек беспартийный, а значит, фигура ничтожная. К таким, как я, не прислушиваются, нет. Таких, если они вмешиваются не в свои дела, попросту гонят.

— Значит, вы пробовали вмешаться — и вас...

— Именно, — усмехнулся он. — Теперь вот спиваюсь помаленьку. — И тут же спросил: — А вы, позвольте поинтересоваться, член партии?

— Нет... — я развел руками, — еще незрел.

— Ну так и вы не вмешивайтесь. Не советую! А то ведь тоже — попрут...

— Но разве можно в данном случае молчать? И почему начальство не желает ничего слушать? Я не понимаю... Может, тут какой-нибудь заговор?

— Да никакого заговора нет, — сказал он устало. — Все гораздо проще. Никто не хочет лишних осложнений, понимаете? Время, в сущности, уже упущено, и переделывать что-либо поздно. Поэтому местные власти предпочитают не поднимать этого вопроса. Ведь тогда начнется скандал. Надо будет искать виновных. А виновных много. Почти все... Отсюда — и круговая порука.

— Но чем же это кончится?

— Не знаю... Зерно теперь нужно как можно быстрее вывозить, грузить в вагоны. А транспорта мало. С транспортом плохо. Так что все зависит от погоды.

— Ну, а если дождь?

— Не дай Бог! Зерно может загореться... Знаете, от чего оно горит? От сырости. Сваленное в кучу и намокшее, оно постепенно преет и разогревается. А потом, когда температура достигнет пятидесяти градусов, сразу же начинает обугливаться...

Старик умолк и опять поглядел в окошко. Виднеющийся за ним пейзаж теперь окрашен был по-другому. Мир словно бы поблек, потускнел. Ветер пригнал облака, и они нависли над городом, роняя скользящие тени. И там, где тени касались зерна, золотой его блеск угасал, цвет становился мутным, грязноватым.

— Только бы не дождь, — прошептал он, отводя глаза, — только не это! Если погода испортится, боюсь, нашим хлебушком попользуются одни птички.

— И русский мужичок, значит...

— Да. Опять подтянет кушак.

ОТ ХЛЕБА ПАХНЕТ ГОЛОДОМ

То, чего боялся Семен Архипович, случилось довольно быстро. По степям поползли туманы, запахло сентябрьской сыростью. И небо заволочло свинцовой облачной мутью. И под этим низким, косматым, слезящимся небом по-прежнему лежал неприбранный, ничем не защищенный хлеб.

Кое-где зерно, правда, пробовали прикрыть от дождя брезентом. Но бессмысленность этой затеи была ясна даже такому профану, как я. Да и кроме того, брезента тоже не хватало.

И обеспокоенный, я отправил в свою редакцию очерк, где описал, в сущности, то, что видел. Ответ не заставил себя ждать. И вот что значилось в письме, подписанном главным редактором:

„Не дури и занимайся тем, что велено. Твоя задача — воспевать победу! Учти: правительство уже принимает решение о награждении орденами руководителей Хакассии за освоение целинных земель. Так что любая критика сейчас неуместна. О неполадках поговорим потом... А пока что старайся побольше ездить и как можно романтичней писать. В твоём очерке, который пришлось зарубить, мне все же понравилось начало. А точнее — то самое место, где ты рассуждаешь о золоте, сравниваешь его с хлебом... Вот и развивай эту тему! И запомни: главное качество журналиста — умение ловить момент”.

— Какой-то заколдованный круг, — сказал я, протягивая письмо агроному. — Такое ощущение, словно все происходит в бреду или во сне. Я ему толкую про одно, а он мне — про другое.

Все это время я ночевал у Семена Архиповича, и мы успели основательно подружиться. И теперь я сидел в избе его, в холостяцкой, неубранной горнице. Здесь было, во всяком случае, тепло, а на дворе — за окошком — дотлевал осенний вечер, висела пепельная пелена дождя.

— Я же ведь вас предупреждал, — проворчал старик, — не вмешивайтесь вы, ради Бога, ни во что.

Я понимал, что совет вполне резонный. Но, с другой стороны, кто-то же должен поднять тревогу, ударить в набат, и ведь недаром же я журналист! И я решил написать еще одну статью. Но уже не в свою газету, а в московскую „Правду”. Я так рассудил: „Советская Хакассия”, пожалуй, никогда не осмелится критиковать местную власть. Ну, а „Правда” — дело другое. Она в центре. Она — надо всеми. Там люди иного калибра, они не сробеют... И была у меня еще одна потаенная, сладенькая мыслишка: а может, там, наверху, поймут, оценят и самого автора этой статьи? И я не только спасу урожай, но еще и воспарю на крыльях удачи?

Я всю ночь просидел над статьей, обдумывая каждую фразу, отшлифовывая стиль. А рано утром поспешил на почту. И когда отправил письмо, вдруг почувствовал какое-то смутное беспокойство, безотчетную тревогу.

А может, не стоило все это затевать? — зигзагом прошло в голове, — может, все это зря? Но тут же я сказал себе: не трепещи, старик, не вибрируй. Дело сделано. Игра началась! И карты уже легли на стол крапом вверх...

* * *

А через час я трясся в открытом кузове грузовика. „Старайся побольше ездить”, — посоветовал, нет, вернее, приказал мой редактор. И теперь, изловив попутную машину, я отправлялся в соседний район.

Я был не единственным пассажиром в машине. Со мною ехала молодая ленинградская поэтесса Майя, так же как и я посланная на целину корреспондентом газеты. Сейчас-то она — известная российская писательница, маститый литератор, а тогда, двадцать с лишним лет назад, это была круглощекая белобрысая девчонка с удивленно раскрытыми блестящими карими глазами.

Дождь прошел, и небо очистилось. Из безоблачной его синевы

лились потоки спящего света. И степь дымилась, просыхая. На обочинах дороги громоздились груды зерна. Они были осыпаны крупной росой. И опять кружили, крича, стаи птиц над ними. И оттуда тянуло странным, терпким, чуть кисловатым запахом.

— Что это? — спросила, раздувая ноздри, Майя. — Чем это пахнет? Вроде бы солодом...

— Верно, похоже.

— Но откуда тут солод?

— По-моему, это начинает гореть хлеб, — сказал я медленно. — Знаешь, отчего он горит? От сырости.

И я пересказал ей вкратце все, что узнал от агронома. Она слушала меня напряженно, с застывшим лицом. Потом проговорила, бледнея:

— Понимаешь, я — ленинградка! И в сорок втором, во время ленинградской блокады, мне было всего десять лет. Но все же я многое запомнила... На всю жизнь запомнила... Запомнила, как мечтали люди о хлебе, молились на него. Да и теперь еще молятся! А тут он пропадает бессмысленно, зазря...

— Наверное у нас у всех, — сказал я, — у каждого русского, имеются грустные ассоциации, связанные с хлебом... Какие-нибудь трагические воспоминания.

— Конечно, — вздохнула она, — еще бы. — И добавила с усмешечкой: — Не представляю, что я теперь напишу в качестве корреспондента. Но стихи уже прорезаются. Уже звучат в душе... И они, это ясно, — не для газеты. Вот, хочешь послушать?

— Давай, — кивнул я.

И она начала негромко:

От хлеба пахнет солодом.

От хлеба пахнет голодом...

* * *

Хакасский ландшафт весьма типичен для Восточной Сибири. Степная эта область со всех сторон окружена горами. И посевы, таким образом, как бы находятся на дне гигантской котловины. Я проехал эту котловину из края в край. И повсюду — это уже явственно чувствовалось — витал кисловатый, пивной запах солода. И было такое ощущение, словно тут, как в настоящем котле, готовится, кипит какое-то дьявольское варево.

Варево, негодное уже ни для людей, ни для птиц.

И я частенько теперь вспоминал Майины строки о хлебе...

С ней мы недельку поездили по Хакасии вместе. И этот период запомнился мне... А затем журналистская судьба развела, разбросала нас в разные стороны.

РАННИЙ СНЕГ

Жизнь провинциальных журналистов во многом напоминает жизнь бродяг; своеобразные эти хиппи ночуют где придется, скитаются по дорогам, „голосуют“, ловя пролетающие машины. Они передвигаются как бы рывками и зигзагами, и иногда — невпопад... Вот так совершенно случайно очутился я однажды в Таштыпе, в глухом лесостепном районе, расположенном у отрогов гор.

Сыпал мелкий холодный дождик, и сквозь его завесу я не сразу разглядел детали. Как-то незаметно степь преобразилась, сузилась. Посевы сменились жестким кустарником. Впереди встал и заслонил полнеба косматый горный хребет

— Куда это мы? — спросил я шофера.

И он ответил, попыхивая сигаркой:

— Вверх!

Я сразу понял, что журналисту, пишущему об урожае, о хлебе, делать тут нечего. Но все же продолжал спокойно ехать. В конце концов о газете я больше уже не тревожился. Я уже знал, что ей нужно! Реальная правда, во всяком случае, начальству была не нужна. Редактор требовал от меня одного только — романтики. И я выдавал эту „романтику“ бесперебойно, как на фабрике. Штамповал метафоры — и печатался легко. О чем я писал? Ну, конечно, о плещущемся золоте полей. И еще о ночных огнях комбайнов, похожих на упавшие с неба созвездия; о созвездиях, блуждающих во ржи. Писал о жаворонке, разучившемся петь, ибо слабый его голос заглушил грозный рокот моторов...

— Вверх, значит, — проговорил я задумчиво. — Так. А что же там наверху?

— Сплошная дикость, — ухмыльнулся шофер. — Царство язычников!

— Ну, язычники, положим, здесь повсюду, — проговорил я лениво, — хакасы — они такие...

— Нет, не скажи, — с обидой возразил шофер, — разница есть. И еще какая! Хакасы — учти это, — народ цивилизованный. Я сам, к примеру, по матери хакас. Образование имею. А брат у меня инженер... Вот так-то, друг. Ты не путай! Там, в глубине гор, за Таштыпом, — другие люди.

— Какие же?

— Разные... Алтайцы, сайоны. В основном, сайоны, — так раньше звали горных тувинцев. Потому и здешние хребты называются Саянскими. Вот там, действительно, дикость! Там еще каменный век продолжается. Эти сайоны ни Бога, ни черта не признают. Молятся камню, поклоняются огню.

— Как, в самом деле, огню?

— Ну да, — сказал шофер, — а что тут такого?

И вот тогда я почувствовал, что в Таштыпе мне надо побывать непременно!

* * *

Переночевав в таштыпской маленькой грязной гостинице, я наутро пошел бродить по кривым улочкам старинного этого улуса.*

Я пошел бродить... И внезапно остановился, увидев за ближайшим поворотом снег. Он заседал мостовую, белел на кустах и оградах. Снег в середине сентября? Это было непонятно. В такую пору здесь, на юге Сибири, идут, как правило, дожди. И еще вчера над Таштыпом прошумел косой дождичек; и сейчас на земле блестели непросохшие лужи... Так откуда же эта пороша, эта белая пыль?

Я закурил и осмотрелся медленно. И увидел, что стою напротив продуктового магазина. Окошко его было растворено и оттуда глядела на меня милостивая хакасочка — продавщица, — смуглолицая, в белой косыночке.

Взгляды наши пересеклись. И сейчас же она сказала, налегая грудью на подоконник:

— Водки нет! И не ждите.

— Ого, — пробормотал я, — вот как! — До сих пор я о водке вовсе и не помышлял, но теперь мне вдруг захотелось выпить. — Куда же это она подевалась?

— Так ведь — сухой закон, — хихикнула продавщица. — Торговать запрещено.

— Ах, да, конечно, — вспомнил я, — завели порядки, как в старой Америке... Н-ну, ладно.

Хакасочка проговорила бойко:

— Но если уж вам невтерпёж, могу посоветовать. Бегите налево, вон туда! — Она высунулась из окошка и махнула рукою. — Видите, открытая дверь... Может, еще успеете, найдете что-нибудь.

Открытая дверь, как выяснилось, вела в помещение аптеки.

* Так по-хакасски называется селение или небольшой городок.

И едва я приблизился к ней, оттуда навстречу мне вышел скуластый приземистый человек в безрукавке из козьего меха. Голову его покрывал красный крапчатый туго завязанный платок. В углу рта торчала дымящаяся трубочка. А в руках он держал большую вишневого цвета коробку с надписью: „Косметический набор ”Красная Москва”.

Он толкнул меня плечом, но даже и не заметил этого, не посмотрел в мою сторону. Взор его был прикован к „Красной Москве”.

Девушка, торгующая в аптеке (внешне точно такая же смуглолицая и молоденькая, как и продавщица из магазина), сказала мне с явным сочувствием:

— Если вы за выпивкой, то опоздали. Ни спирта, ни одеколона не осталось... Понаехали утром горцы и выпили все. Разобрали даже косметические наборы. Они у нас три года лежали, накапливались, никто их брать не хотел. А теперь за три часа разошлись. Вот этот тип последнюю коробку унес.

— Зачем же ему целый набор?

— Ну как же, — ответила она серьезно, — там ведь полно всего. Есть и цветочный одеколон, и два флакончика духов.

— До духов уже добрались, — усмехнулся я. — Эстеты!

Отойдя в сторону, горец остановился и с треском вскрыл „набор”. Наземь посыпались какие-то тюбики и баночки. Затем он извлек из небольшой коробки еще одну — круглую и меньших размеров. Разъял ее и вытряхнул содержимое. Тотчас же вокруг него за клубилось белое облачко. Легчайшая пыль осела словно иней на сапогах его, на одежде, запорошила придорожные кусты.

И я догадался мгновенно: это же пудра! И еще я понял, сообразил: так вот откуда он, вот он какой — ранний таштыпский снег...

— Но для чего же все-таки высыпать пудру? — вслух подивился я. — Чудак человек. Отвез бы своей жене.

— Жена его этим не интересуется, — сказала девушка с легкой гримаской, — а ему самому посудина нужна. Коробочка-то ведь пластмассовая, любую жидкость держит. Вот, глядите!

И я увидел: склонившись к луже, горец зачерпнул своей „посудиной” немного воды. Затем вылил туда одеколон и духи. Тщательно все перемешал. И начал с жадностью пить.

Коктейль этот, судя по всему, был силен. Опустошив коробку, горец вздрогнул, сморщился и покачнулся... Но все же устоял.

Медленным, каким-то сонным жестом огладил он вислые, реденькие свои усы. Раскурил трубочку. И вдруг засмеялся и что-то громко запел.

А потом он пошагал нетвердо, вперевалочку. И вскоре скрыл-

ся из глаз. Но я еще долго слышал поющий его голос — гортанный, визгливый и радостный.

ПРАВИЛА ИГРЫ

Таштыпский район — лесостепной. Одним своим краем он смыкается с целинными землями, другим же — с дикой горной тайгой. И если сайоны, спускаясь с гор, искали выпивку в аптеках, то степные хакасы (как более цивилизованные) очень быстро приспособились гнать из зерна самогонку. Впервые я попробовал здешнюю самогонку совершенно случайно на хакасской свадьбе. И вот как это произошло.

Однажды ночью я ехал верхом по краю степи и мечтал о ночлеге... Я проделал за день немалый путь и сильно устал, и лошадь моя — тоже. Эту лошадь я выпросил у районного начальства, и была она, в общем-то, самой настоящей клячей. И теперь, на ночной дороге, она брела, спотыкаясь, роняя пену с удил. И вдруг впереди замаячили очертания улуса. Послышался хриплый брех собак. Я встрепенулся, и кляча пошла веселее.

Улус оказался маленьким и пустынным. Все уже спали в этот час, и окна были темны. И только в одном месте заметил я свет, уловил шум многих голосов...

Местные жилища своеобразны; веяния новых времен здесь наглядно сочетаются с вековыми традициями. Аборигены живут теперь в обыкновенных рубленых избах (они ведь больше уже не кочуют!), но возле каждой избы всегда, как правило, помещается пестро раскрашенная войлочная юрта... У любого хакаса, таким образом, имеется два дома — зимний и летний. Причем у входа в юрту устроена также и летняя кочевая кухня — по сути дела, простой очаг, сложенный из камней и накрытый железной жаровней.

И в той усадьбе, к которой я сейчас подъехал, освещены были изба и юрта, а в очаге пылал, треща, яркий огонь — там что-то жарилось, — и шаткие отблески пламени лежали на лицах толпящихся вокруг людей.

Один из них подошел к ограде и окликнул меня:

— Эй, откуда едешь?

— Из Таштыпа.

— А где вообще живешь?

— Далеко. В Абакане.

— Ну, а куда направляешься?

— Пока никуда, ищу ночлег...

В Хакассии, как и во всех азиатских областях, издавна принадлежавших России, население говорит, в основном, по-русски. (Ведь русский язык – официальный. Он преподается в школах, с ним связана вся общественная жизнь!) И потому, с человеком, окликнувшим меня, разговориться было нетрудно. С минуту он помолчал, разглядывая меня, потом сказал:

– Слезай с коня, будь гостем! Здесь и переночуешь, и выпьешь... Выпивки нынче много. Специально заготовили. Водки, правда, нет, но самогонка – первый сорт. Чистая, как слеза!

– А что вообще у вас тут творится? Праздник, что ли, какой?

– Сын мой женится. Видишь – пируем?

* * *

Вскоре я сидел уже в доме, в кругу гостей, скрестив по-восточному ноги. Передо мной на полу – на белой свадебной кошме – были расставлены широкие глиняные блюда с жареной кониной, отварной бараниной, стояли во множестве кувшины с кумысом и самогонкой. И я, как и все, охотно пил и ел, жевал пахучее сочное мясо и разглядывал молодых.

Хозяйский сын Степан был плотный широколицый парень. И рядом с мощной его фигурой невеста казалась совсем еще девочкой; худенькая, миниатюрная, она сидела, склонив голову, отягченную высокой сложной прической, какими-то широкими заколками, крупными длинными серьгами... Ей подносили самогонку – и она охотно пила. И каждый сделанный ею глоток сопровождался одобрительным ревом гостей:

– Грейся! Оттаивай! Намерзлась небось за вчерашнюю-то ночь!

Пьяные эти вопли перемежались игривыми шуточками. И прислушиваясь к ним, я, наконец, понял, в чем дело. Девушка, оказывается, была похищена.

Умыкание невест – старая традиция, почти уже исчезнувшая в центральных районах Хакассии и сохраняющаяся лишь в некоторых глухих ее уголках... Украденную невесту доставляют в улус жениха и запирают там в холодной юрте. Запирают, раздев предварительно догола... А сам похититель, который помещается с ней вместе, остается, наоборот, тепло одетым, закутанным в широкую меховую медвежью доху. Ночи в Центральной Азии холодны. И потому у пленницы, голенькой и зазябшей, нет иного пути, как под медвежью шкуру... Это ее единственный шанс согреться! И она, конечно же, быстро ныряет туда, в объятия претендента. И вот так молодые проводят свою первую брачную ночь.

Ну, а на следующий день устраивается уже официальная свадьба, на которую приглашаются родители невесты и все вообще родственники — члены обоих родов.

Здесь я сразу же должен добавить, что такие вот „умыкания” устраиваются по большей части с согласия невесты; по обоюдномуговору. Так что все эти детали — и холодная юрта и медвежья доха — не более, чем игра. Хотя, конечно, игра своеобразная, дикая, в которой явственно звучат отголоски пещерных эпох.

Если же говорить о настоящем похищении, о насильственном захвате, то такие случаи редки. И это понятно. Ибо есть ведь и другое правило, в соответствии с коим честь девушки обязан защищать весь ее многочисленный род! И погоня, коль уж она действительно начинается, идет стремительно и напоминает волчью облаву. И когда незадачливого „жениха” настигают в пути, его кончают тут же, без промедления. В безопасности он может чувствовать себя только тогда, когда проведет с похищенной первую ночь... И в общем-то, погоня по обыкновению запаздывает, подоспевает на следующий день... Но так бывает только в том случае, если соблюдены все правила игры!

Углубившись в раздумья, я долго сидел в кругу гостей — в центре избы. Потом меня потеснили. Центр расчистился и начались пляски.

Я не принимал в них участия. От усталости и от выпитого меня развезло, поклонило в сон. Прислонившись к стене, я лениво посасывал папироску, жмурился от дыма. Вдруг кто-то тронул меня за плечо. Я обернулся и увидел новобрачную.

Она спросила быстрым шепотом:

— Ты кто?

И я подумал тут же: ого, девочка заинтересовалась мною! А впрочем, понятно. Среди этих диких морд...

И ответил с кокетливой ухмылочкой:

— Обыкновенный человек — с головой, с руками. Сама видишь!

— Вижу, — сказала она, изгибая бровь, — но здесь ты зачем? Как ты сюда попал?

— Да случайно, — пожал я плечами, — завернул по пути, думал, переночую. Только вот не знаю, — я подмигнул, — не знаю, где положат...

— Тебя положат, — проговорила она странным голосом, — тебя так положат, что не встанешь...

И потом, пристально глянув мне в глаза:

— Беги! И не медли, если ты, действительно, с головой... Дело серьезное!

– Серьезное? – изумился я. – Но почему?

– Потому что тебя собираются бить.

– Кто же это собирается?

– Мои родственники – дядя, двоюродные братья. Они как раз сейчас сговариваются... Хорошо, я успела подслушать!

– Но, черт возьми, за что же они меня?..

– Ах, да ни за что, – махнула она рукой, – просто так... Это, понимаешь ли, свадебный обычай.

– Ничего себе – свадебный, – пробормотал я, мгновенно трезвея и настораживаясь.

Вот так я познакомился еще с одним – третьим – правилом данной игры. Оно заключается в том, что родственники девушки, отдавая ее в чужую семью, в другой род, стараются наглядно продемонстрировать, что она не беззащитна, что кровная ее родня сильна. В связи с этим они настойчиво ищут повод для драки. И традиционная хакасская свадьба почти никогда не обходится без скандалов и жертв... И самой лучшей „жертвой“, естественно, является посторонний, ни с кем здесь не связанный человек. Такой, например, как я.

– Что же получается, – проговорил я оторопело, – хозяин, стало быть, пригласил меня специально для битья?

– Не знаю, – прошептала она, – наверно.

– А где он, кстати? Что-то я его не вижу.

– Он давно уж упился и спит.

– Ну ладно. А ты? Ты-то сама разве не можешь их урезонить, уговорить?

– Ах, ничего я тут не могу. Старые законы сильны, как с ними спорить? И потом, пойми: если я начну за тебя заступаться, тогда и муж, и вся его родня тоже настроится против тебя. Тогда уж будут лупить все сообща. Муж у меня ревнивый. И он уже спрашивал, что это, мол, за русский? Не твой ли это, мол, старый знакомый? Я ведь училась в Абакане, жила в русском интернате и недавно только вернулась...

Она говорила приглушенно, торопливо, и весь этот наш диалог занял не более минуты. Затем девушка отошла, замешалась в толпу. А я загасил окурок и повернулся к дверям. Мне вдруг вспомнилась старинная поговорка одесских блатных: „В жизни самое главное – умение вовремя смыться“.

Я стоял теперь спиной к толпе и чувствовал, что на меня глядит много глаз. Они словно бы жгли меня – чужие, азиатские эти глаза. Да надо было смываться! И притом умеючи – без лишней спешки, без суеты. И покачнувшись, я сказал слабым голосом:

— Пойти, что ли, отлить... Где тут у вас уборная?
И медленно, тяжело шагнул за порог, в холодную предутреннюю тьму.

ЧЕРНЫЕ БЕРЕЗЫ

Мне вдруг начало везти на свадьбы! Не успел я прибыть в следующий улус, как сразу же и там наткнулся на шумное свадебное пиршество.

И опять гомонила и плясала толпа, и лилась рекою хлебная самогонка... Но теперь, наученный горьким опытом, я повел себя по-другому. Демократические замашки пришлось оставить. Я с ходу представился хозяину как государственный чиновник, своего рода начальство. И это в корне все изменило.

На тюрко-монгольских языках понятие „начальник” соответствует таким словам, как „бакша”, „сердар”, „дарга”. И став „даргой”, я превратился в почтенную персону! Больше уже никто не покушался на меня, не предназначал меня в жертву. И я мог отдыхать, наслаждаться покоем — и беспрепятственно наблюдать течение этой жизни...

В ней было немало любопытного; помимо свадебных обычаев, внимание мое привлек местный фольклор: предания и песни о битвах с маньчжурами, монголами, русскими, а также песенное искусство. В Хакассии распространено особое, двухголосое, или так называемое „горловое” пение. Искусство это древнее. Исполнитель поет здесь как бы на два голоса — баритоном и дискантом. И странно и дико слушать, как переплетаются разные эти звуки, рвутся, расходятся и затем сливаются, замирая на одной резкой ноте. На высокой ноте, похожей на крик.

Вот в таком исполнении довелось мне услышать песню о березе. Она заинтересовала меня. Я потребовал, чтобы текст перевели дословно. И узнал, что в здешней тайге березы всегда были не белыми, а черными. И побелели они внезапно, в одну ночь, — как раз перед тем, как сюда нагрянули русские... Настоящих черных берез теперь уже нигде не осталось. И с тех пор, вот уже много веков, народ хакасский плачет и ждет, когда же древние эти деревья обретут свой истинный, первоначальный цвет.

Занятная песня, не правда ли? С глубоким смыслом, с двойным дном... Я так об этом и сказал. И сейчас же в набитой битком юрте воцарилась странная тишина.

Сидящий рядом со мною певец заерзал обеспокоенно и боч-

ком, бочком начал отъезжать в сторону. Переводчик (его звали Никола) потупился. Помолчал недолго. И потом сказал, поднимая на меня узкие, холодно блеснувшие глаза:

— Это старая песня, понимаешь? Ее не мы сочинили. Да и вообще, — он растерянно оглянулся, — я, наверное, что-нибудь напутал, не все точно перевел...

Он смотрел на меня ледяным немигающим волчьим взглядом. И я сразу же понял, что опять влип в историю.

* * *

Здесь снова следует вспомнить — какая это была пора! Стояла осень пятьдесят пятого. С того дня как умер Сталин, прошло около двух лет и никаких видимых перемен еще не случилось в стране. Общий уклад сохранялся прежним, во всяком случае, в глухой провинции. А значит, и все бывшие понятия и нормы — они тоже еще оставались. И прежде всего оставался страх... Страх перед репрессиями, боязнь террора; в сущности, таков был дух тогдашней эпохи!

Боялись все, даже такие „окраинные” люди, как эти хакасы. Впрочем, люди окраин знали, что такое террор, пожалуй, получше многих других... Ведь именно в дикую эту Азию, в сибирскую глушь гоняли каторжников и ссыльных.

Основные, самые мощные лагеря располагались, конечно, в арктической зоне, но и здесь, на юге Сибири, их тоже хватало. Метастазы Гулага успели проникнуть всюду. И ни для кого не было секретом, за что попадали люди в мясорубку террора... За что? Да за что угодно! За малейшее высказанное вслух сомнение, за случайно оброненное слово. Да даже и не за слово — за мысль!

Достаточно было указать в доносе, что такой-то сосед или друг, или родственник грешит недозволенными мыслями, и сразу же приходила в движение бездушная милицейская машина. И человека, указанного в доносе, ничто уже спасти не могло. Информация, поставляемая осведомителями, проверке не подлежала; она служила сигналом к немедленному действию! И в этом было что-то мистическое и жуткое. И неотвратимое, как снежный обвал.

И именно этого и испугались теперь хакасы; испугались, что я донесу на них, обвиню их в антисоветских, антирусских настроениях... За такие настроения по существующему тарифу давалось обычно от десяти до пятнадцати лет. И данный тариф был тоже известен здесь! Вот почему столь тягостной стала воцарившаяся в юрте тишина. Она дышала отчаянием и ненавистью. Хакасы теперь видели во мне врага — и в этом я сам был виноват! Ведь я же представился

им как „дарга”, как государственной чиновник. А к чиновникам отношение всегда и везде одинаковое; им не верят и добра от них не ждут.

И глядя в ледяные, волчьи глаза переводчика, я подумал: если в первом случае — в предыдущем улусе — мне удалось уйти безнаказанно, то здесь вряд ли удастся. Я переиграл. И живым меня отсюда, пожалуй, уже не выпустят. И надо сейчас что-то срочно придумать, как-то выкручиваться...

* * *

В конце концов я выкрутился. Но далось мне это нелегко. Пришлось долго объяснять, что я — чиновник особый, занимающийся не политикой, а литературой. И интересуюсь местным фольклором просто как поэт. И собираю его для себя лично...

Для вящей убедительности я даже показал им старый номер газеты с опубликованными там моими стихами, а затем прочел новое стихотворение — из хакасского цикла:

Здесь заря идет с границ Китая.
Сумеречь вечерняя — с Алтая.
И подать до Индии рукой.
И такой простор, такой покой...
Зной. Гортанный говорок ручья.
Светлая Хакассия моя!
По степной стерне, по горным склонам,
вьются тропы — прошлого следы.
Говорят, что ханы из Орды
к Енисею ездили с поклоном...

И по мере того как я декламировал, лица хакасов становились мягче, добрее. Угрюмая настороженность сменялась медленными улыбками. Я заметил: стихи им понравились. Ведь речь здесь шла об их земле! И еще я заметил: они помаленьку начали верить мне... И тут я мысленно возблагодарил Господа Бога за то, что Он послал мне дар поэта! Ведь в самом деле, не будь я стихотворцем, как бы я смог иначе убедить хакасов в том, что я человек неопасный, чиновник с душой?..

Потом опять мы выпили. И снова начался разгул. Когда пляска кончилась, мы вышли с переводчиком покурить и проветриться.

Присев возле юрты на корточки, я сказал:

— Вообще-то я очень люблю легенды и сказки. И, знаешь, верю

им... Ну и вот, по поводу этой вашей песни... В ней говорится о черных березах... Но где они росли? Скажи, они действительно были?

— Были, — устало, сонно пробормотал Никола.

— Где же? — допытывался я.

— В горах.

— А что это за горы?

— Абаканский хребет.

— И огнепоклонники? — я вдруг вспомнил давний мой разговор с шофером. — Они тоже реальны? И тоже там водятся?

— Тоже... Там, вверху, чего только нету! Только смотри, не сверни себе шею по дороге. Одному по тем местам шляться рискованно.

И он, прищурясь, посмотрел на запад, туда, где на фоне желтого заката виднелись черные крутые гребни гор.

И на следующий день, распрощавшись с хозяевами, я отправился вверх — на закат.

В МИРЕ ТАЙН

Я отправился вверх, на закат. И постепенно мне открылся дикий сумрачный мир хвойных зарослей, буреломов, путаных охотничьих тропинок. По ним надо было двигаться осторожно, по большей части ведя коня в поводу. И так я и шел, плутая в зарослях, ночуя где придется. То под открытым небом, то в редких туземных стойбищах.

Никола был прав, говоря, что одному по тем местам шляться рискованно... Одинокого путника в южной тайге ожидают всевозможные сюрпризы. Особенно ночью. Особенно — во время сна!

Там водится лукавый зверь из породы кунных — росомаха. В облике ее есть что-то от небольшого медведя, хотя хвост не медвежий — длинный и лохматый. А спина горбатая, как у гиены. Своеобразная эта таежная гиена необыкновенно зла и всеядна и уничтожает все, что может. Она самая сильная в своем семействе и, бесспорно, самая пакостная. Какая-то даже порочная... Среди сибиряков распространено поверье, что в ней живут злые духи. Росомаха не останавливается перед убийством даже тогда, когда совершенно сыта. И в этом случае она любит такую игру: подкрадется сзади, прокусит затылок и затем уходит, выевав у жертвы один только затылочный мозг.

В верховьях Енисея бывали случаи, когда росомахи нападали на людей, ночующих в лесу...

И нехорошей известностью там пользуется ласка, маленькая и юркая родственница росوماхи. Они принадлежат к одной фамилии. Но если первая — полный убийца, то вторая — своеобразный тихий вампир. Задушив, к примеру, кролика, ласка обычно не ест его мясо, а только лижет кровь.

Известно, что азиатская разновидность ласок гораздо активнее и кровожадней, чем европейская. Может, потому что здесь их слишком много. И на юге Сибири их считают опасными не только для птиц и кроликов, но также и для спящих путников...

Этого я, впрочем, на личном своем опыте не проверил. И слава Богу! Несмотря на всю мою любовь к приключениям, я все-таки держался настороженно. И старался как можно реже ночевать под открытым небом. А когда это случалось, засыпал лишь под самое утро.

А ведь я вообще-то не из пугливых. И тайгу уже знал достаточно. Но знал я север, а это совсем другое дело. На севере все было проще, понятнее. Здесь же обычная флора и фауна странным образом изменилась, словно бы стала чуждой, враждебной.

Человеку, засыпающему под саянскими звездами, надо помнить о многом и, в частности, — о рыси, об этом сером призраке ночи. Она бесшумно прыгает с деревьев и клыками впивается в шею, а тяжелой кошачьей своей лапой норовит ударить по глазам.

Впрочем, рысь не всегда бывает столь агрессивной и кидается на людей, в основном, лишь зимой — накануне весны...

Но это все известные животные, классические случаи. А есть здесь еще и таинственные монстры, принадлежащие к миру ночных демонов.

В сайонских и алтайских стойбищах рассказывают о каком-то странном оборотне, умеющем превращаться в огромную хищную птицу (но не в сову, а скорее — в орла). Вылетает оборотень в светлые лунные ночи. И горе тому, кто встретится с ним в такую пору. Он обрушивается на человека как черный вихрь... И рассказывают также о загадочном существе, сплошь поросшем шерстью, с волчьими ушами, но имеющем человеке лицо и передвигающемся на двух ногах. Причем появляется и исчезает он внезапно и только во тьме. И зовут этого троглодита по-монгольски Аламасом.

Водится тут и еще одно таинственное животное по имени „олгой-хорхой“, что в дословном переводе означает „кишка-червяк“. Животное в самом деле похоже на белесую, метровой длины кишку, одинаково ровно закругленную с обоих концов. Олгой-хорхой обладает способностью убивать на расстоянии. Он словно бы чем-то выстреливает во врага. Причем в этот самый момент он темнеет

и сворачивается в спираль. Легенды о нем распространены по всей Центральной Азии. Это ужас монгольских пустынь. Впрочем, живет он не только в песках, но и в каменных осыпях, в глубине горных ущелий. Сайоны убеждены, что жуткий этот червяк вообще существо пещерное и не любит яркого света и выползает наружу только в сумерках. И в местных горах есть несколько ущелий, отмеченных табу. Туда нельзя заходить после заката солнца, ибо это равносильно смерти.

Что обо всем это можно сказать? Фольклорные образы бывают порой фантастичными. Но в табуированных местах люди ведь и действительно погибали! Погибали странно, необъяснимо...*

* * *

Здесь имеется немало коварных хищников, призраков ночи и порождений тьмы... Но, конечно же, страшнее всего встретиться в дикой чаще с человеком!

По сибирской тайге бродят личности самого разного сорта. Некоторых можно не опасаться — это простые охотники, оленеводы, лесники. Люди гостеприимные и приветливые. Однако помимо них попадаются там и браконьеры, и бандиты, и беглые каторжники, и контрабандисты.

Вот эти жалости не знают! И с ними лучше не сталкиваться. Они убивают без раздумий, с легкостью. Чаще всего с целью грабежа. А иногда просто так, без видимой причины.

Хотя причина все-таки есть. Стоит вдуматься, приглядеться, и можно понять, в чем тут дело. Для лесных авантюристов опасным представляется всякий незнакомец. Ведь это почти всегда или предполагаемый преследователь, или же нежелательный свидетель!

В тайном этом мире (так же, как и в мире животных) есть свои особенности; пути миграций, локальные места обитания.

* Если сам олгой-хорхой остается до сих пор загадочным, то один его родственник науке все же известен. Это маленькая червеобразная многоножка из семейства кивсяков, которая обладает железами, вырабатывающими синильную кислоту. И она разбрызгивает смертельный свой яд, именно свиваясь в спираль! И при этом темнеет... Так что разница тут только в масштабах. Многоножка очевидно поздний, выродившийся вид. А где-то в азиатских ущельях сохранилось первоначальное чудовище. Чрезвычайно редкое, но, безусловно, реальное! Как реален, скажем, знаменитый „дракон” острова Комодо, представитель мира древних ящеров.

К примеру, браконьеры попадают всюду, во всех концах страны — так же, как и беглецы из лагерей... Бандиты же, крупные их банды, как правило, концентрируются в „богатых” районах, там, где добывают золото и алмазы. А стало быть, дальше к северу — у берегов Енисея, Лены, Алдана. Ну а контрабандисты, наоборот, обитают преимущественно на юге Сибири и Дальнем Востоке, в тех местах, где проходят границы Монголии и Китая.

Оттуда доставляются в Советский Союз наркотики — опиум, тирьяк, гашиш.

Китай во все века был и остается самым крупным в мире поставщиком наркотиков.

Именно там, в провинции Юньнань, в специальных концлагерях и так называемых „школах 7 Мая” выращивается мак и добывается опиум-сырец марки ”999”. Причем опиумная промышленность Юньнана огромна, и волшебная цифра 999 известна по всей Азии!

Произнесите ее в присутствии любого южноазиатского бродяги и вы увидите, как радостно и хищно вспыхнут узкие его глаза...

Опиум и тирьяк приготавливают в виде маленьких, меньше ногтя мизинца, шариков. В тюркоязычных странах такой шарик называют „баш”, что значит — голова.

Название это мне кажется остроумным. В нем чувствуется юмор. Конечно, черный, ибо за крошечный „баш” любитель нередко платит собственной своей головой или же — чужой! И бог весть сколько таких голов полегло на контрабандных тропах Востока.

Гашиш производится из конопли — это, я думаю, всем известно. И особенно ценные ее сорта произрастают на плоскогорьях Кашгарии. И вот этот кашгарский гашиш — самый знаменитый в Сибири!

Он очень популярен среди блатных. И у него есть свое жаргонное название — „план”. Упоминание о плане встречается в старинном русском воровском фольклоре. Вот как, например, поется в одной песне:

Планчик ты, планчик, ты божья травка,
отрада бродяжьих ночей.
Закуришь, спланиешь, все горе забудешь...
Верти, брат, по плану скорей!
Все подлое, злое, что мы повидали,
теперь поминать ни к чему...
Иные, веселые, светлые дали
откроет нам планчик — в дыму.

Но, конечно, курят план не одни только блатные. Активным потребителем наркотиков является население Кавказа и всей Средней Азии. У Кавказа имеются свои давние связи с Турцией и Ираном. Ну, а Средняя Азия, та во многом зависит от Китая...

Причем с Китаем граничат несколько азиатских республик, а Киргизия, например, непосредственно соприкасается с самой Кашгарией.

Но вся сложность тут в том, что китайская граница всегда (даже в годы самой пылкой дружбы!) охранялась весьма строго. В тех краях советские войска вели постоянную кровопролитную борьбу с басмачами! Особенно яростной борьба эта была в двадцатые и тридцатые годы. Потом поослабла, но вовсе не кончилась. И для черного рынка, а этот промысел требует тайны и тишины, данная ситуация, конечно, не очень-то подходила. Надо было искать иных, более легких путей...

И пути эти нашлись! Они пролегли через Монголию.

Сама Монгольская республика к подпольной торговле наркотиками, в принципе, никакого отношения не имела. Но она являлась как бы дверью в Сибирь! Дверью незапертой, почти не охраняемой... И этим, конечно, воспользовались контрабандисты всех рас и мастей.

Главная, столбовая их дорога шла по краю Гобийской пустыни — ее называют „страною ведьм”. Затем проходила по Монгольскому Алтаю. Горная эта область — одна из самых диких и пустынных в мире! Затем пересекала Убсунурский Аймак. И у советской границы разветвлялась.

Основная тропа вела напрямиком на территорию Алтайского края. Край этот граничит со Средней Азией, и вот почему он так нужен контрабандистам! Другая же — через Туву — выводила к Таштыпскому району.

Второй этот путь был гораздо более долгим, кружным. Но все же его проложили недаром! Он являлся запасным вариантом. Причем надежным, тихим, спокойным.

Если взглянуть на карту, то сразу видно, как удобно расположен Таштыпский район. Он находится на перекрестке. Неподалеку от него на юге лежит Монголия. Прямо на западе — Алтай. А совсем рядом с Таштыпом протекает Абакан, крупнейший верхний приток Енисея.

И отсюда, таким образом, открывается дорога на все другие стороны света.

В МИРЕ ТАЙН (продолжение)

Контрабандный бизнес, однако, связан был не только с наркотиками; вблизи Монголии встречались, скрещивались два встречных потока. И с севера на юг шли крупные ценности. В основном, это было, конечно, золото. Якутские алмазы в 1955 году на черном рынке еще не появились — добыча их тогда только лишь начиналась...

Главными пунктами, откуда утекал „товар”, являлись енисейские и ленские золотые прииски, а также — россыпи Алтая.

Алтай — тюрко-монгольское название. И оно как раз и происходит от слова „золото”. Разработки драгоценного металла здесь, пожалуй, самые древние во всей Центральной Азии!

Об этом крае поминал еще Геродот. Великий греческий историк сообщал, что на вершинах Алтайских гор — выше племени „иссидонов” и „одноглазых аримапсов” — обитают огромные хищные „стерегущие золото грифы”. (Не об этих ли самых птицах говорится и в нынешних легендах? Помните „ночного черного оботня”?)

Как бы то ни было, знаменит был Алтай задолго до того, как в Сибири появились славяне... Но потом „золотая” его слава поблекла, потускнела. Многие выработки истощились и теперь заброшены.

Уж очень все-таки стар Алтай! Золотишко там, правда, моют и по сей день, но количество местного песка не идет ни в какое сравнение с северным, например, с енисейским...

И вот когда я подумал обо всем этом, я как-то сразу припомнил Ваньку Жида.

Вы, надеюсь, не забыли рассказ о том, как мы с ним встретились? Он приезжал тогда из енисейских золотоносных районов и имел какие-то дела в Очурах. А ведь село Очуры — это был крупный центр черного рынка.

И чем больше я размышлял, тем отчетливее становилась для меня связь явлений.

Ванька Жид, бесспорно, был причастен к контрабанде. Золотишко, добытое в низовьях Енисея, вывозилось им вверх по реке. Где-то там товар попадал к профессиональным перекупщикам. И дальше, до самой южной границы, переходил из рук в руки — шел, так сказать, „по цепочке”.

И у одного конца золотой этой цепочки стоял мой старый приятель Ванька Жид. Ну, а кто находился на другом, — знал один лишь Господь Бог...

Или, скорее всего, дьявол. Рыжий дьявол.

А, впрочем, некоторые соображения и догадки у меня все же имеются.

Кое-что я узнал здесь, в горах, кое-что вспомнил. И затем сопоставил. Я ведь в прошлом, когда был блатным, немало пошатался по дальневосточным притонам. И побывал в самых темных, тайных местах. И наслушался там всяких историй. Так, например, я давно уже знал о существующей в Индокитае гангстерской организации „Братство нищих“, которая, судя по слухам, была причастна к торговле наркотиками.

Помнится, во Владивостоке, в окраинном китайском квартале, именуемом „Шанхай“, один парень жаловался на трудность работы. Говорил он по-русски скверно и понимал я его с трудом... Но все же понял, что времена теперь не те, и старые чистые пути через Хейлудзян на Уссурийск, Иман, Бикин — засорены, перегорожены заставами. И ходоки горят один за другим. И „Братство“ испытывает в связи с этим некоторые затруднения.

Что ж, времена действительно были тогда „не те“ — шел первый послевоенный год. И Дальний Восток был битком набит войсками. Но в Южной Сибири и тогда и потом все оставалось мирным, безоблачным. И конечно „Братство“ быстро это поняло и преодолело затруднения без особых хлопот.

И немало слышал я также о „пиратской империи“, руководимой некоей мадам Вонг.

Империя эта во многом связана с „Братством“. У них общие корни. И в сущности, обе эти организации являют собою неодолимую силу. Силу, которой подвластна вся Юго-Восточная Азия!

Люди мадам Вонг — помимо пиратских своих дел — тоже занимаются контрабандой. Они проникают на север, то есть в Монголию и Сибирь. И в основном, скупают золото.

И стало быть, мы теперь можем представить себе и те руки, которые держат Золотую Цепочку... Руки эти женские, изящные, но, судя по всему, вовсе не слабые, отнюдь!

Рыжий дьявол многолик и легко перевоплощается. И если попробовать представить его в виде женщины, то образ этот, безусловно, совпадет с портретом мадам Вонг.

Вот кстати о ее портрете. Полиция многих стран — Японии, Португалии, Таиланда, Филиппин давно уже искала эту дамочку, и за один только ее портрет предлагала в 1955 году пятнадцать тысяч фунтов. Говорят, что с тех пор сумма эта значительно возросла.

Несмотря на то, что мадам Вонг — фигура совершенно реальная,

она была и остается существом легендарным, почти мистическим. Поразительное дело — никому из властей не знаком ее истинный облик!

В этом смысле ей, как ни смешно, помогло отсутствие таланта. Начинала-то ведь она в качестве ганцовщицы! Выступала в ночных кабаре, но внимания знатоков и журналистов так и не привлекла. И поначалу это ее, наверное, сильно огорчало... Но затем она сменила ремесло, ушла „под землю”, и реклама стала для нее уже лишней, опасной.

* * *

И тут я могу признаться: мне ее облик знаком.

Знаком, правда, не лично, а с чужих слов. Но описан он был подробно, обстоятельно и сомневаться в истинности портрета нет оснований. Ибо человек, обрисовавший внешность мадам Вонг, хорошо ее знал. И он ненавидел ее и одновременно боялся. И разумеется, он нипочем бы не открыл мне этой тайны, если бы не накурился до одури кашгарским планом.

Произошло это уже не здесь, а в Туве, месяца четыре спустя. Но я сознательно забегаю вперед — чтобы потом не повторяться.

Хочу специально подчеркнуть: хотя я и стремлюсь в своих воспоминаниях к достоверности и точности, все же мне приходится организовывать материал, подчиняясь строгим правилам построения сюжета. И потому-то, к примеру, все сведения о тайнах Юга, добытые мною в разное время и при различных обстоятельствах, я выкладываю сейчас, ведя вас с собою по тропам Абаканского хребта.

Итак, об этом парне... Имени его я не назову. Могу только сказать, что он — метис. Отец у него русский, белоэмигрант, а мать китаянка. Родился он в Кантоне и молодость провел, шляясь по тамошним притонам. Вот тогда-то — в конце тридцатых годов — он и увидел впервые эту женщину. Она еще не была тогда замужем, танцевала в ночных кабаках и называлась красавицей Шан. Потом в судьбе Шан произошел перелом. Она познакомилась с господином Вонг Кунг-Китом...

Перед Второй мировой войной Кунг-Кит служил чиновником в чанкайшистском правительстве и, кроме того, принадлежал к знаменитому „Братству нищих”. В 1940 году он оставил государственную службу, опочковался также и от гангстерской организации и занялся самостоятельным пиратским промыслом. Несмотря на все трудности „частного” пиратства во время войны, он все же преуспел.

И к 1946 году его состояние достигло десяти миллионов фунтов стерлингов. Ну а вскоре он вдруг погиб — был застрелен. Причем случилось это при обстоятельствах темных, запутанных... И с этого момента на авансцену выходит его молодая жена. Вернее, вдова.

Многие в ту пору думали, что фирма старика Вонга распадется. Но тотчас же распространился слух, что дело взяла в руки сама красотка Шан. И она, действительно, взяла! И когда к ней на дом явились два ближайших сподвижника Вонга и потребовали, чтобы она передала бразды правления им, безутешная вдова мгновенно пристрелила их обоих. Искусство меткой стрельбы, судя по всему, было ей гораздо ближе, чем хореография!

История эта наделала шуму. И желающих спорить с мадам Вонг больше уже не нашлось.

Нет, фирма не распалась — наоборот. Вдова начала активно расширять ее. Флот был обновлен и увеличен. Пиратские базы возникли на разных островах в Южно-китайском, Целебесском и Молуккском морях. И так постепенно образовалась знаменитая „империя мадам Вонг“.

Изменились также методы работы. При старике пираты грабили, в основном, только джонки и мелкие суда. Теперь же нападениям стали подвергаться крупные пароходы. И не только в открытом море, как раньше, а прямо в гаванях.

Бандитские налеты стали нередко происходить и просто на берегу — на торговые склады. Мадам Вонг не брезговала ничем. И если хорошей поживы не было, ее суда, снабженные лебедками, вытаскивали ночью с морского дна куски подводного кабеля, соединяющего Гонконг с Сингапуром.

Медь, сталь, свинец, снятые с этого кабеля, продавались на черном рынке. Вообще контакты со спекулянтами и контрабандистами всяких мастей и рас разрослись и укрепились необычайно. Начиная приблизительно с пятидесятого года, мадам Вонг приняла участие в торговле белыми рабами, а также стала владелицей публичных домов и опиекурилен... В ту самую пору как раз и попал в ее организацию мой знакомый метис! Но карьеры там не сделал. В пятьдесят третьем году что-то с ним стряслось нехорошее. Он, видимо, провинился в чем-то... В чем именно — я так и не выяснил. Знаю одно: ему срочно пришлось бежать из Кантона. Он перебрался в Харбин и какое-то время скрывался там среди русских... А когда после смерти Сталина советское правительство разрешило харбинским белоэмигрантам вернуться на родину, он сразу же, одним из первых, воспользовался этой возможностью... Все-таки ведь он по отцу принадлежал к старой русской дворянской фамилии!

„Возвращенцев”, как известно, встретили радушно, но большой воли им не дали. В центральные города попали немногие. Большинство же осталось в Сибири. Кое-кто угодил в лагерь — за старые грехи. Кое-кто был отправлен на принудительное поселение в глухие районы Хакассии и Тувы. В Туве я с ним и познакомился. Мы оказались в одной шумной компании. И крепко выпили. А потом пошли с ним побродить. Я пригласил его к себе в гостиницу. И там он вдобавок ко всему еще накурился плану. И от этой жуткой смеси наркотика и алкоголя метис как-то вдруг ослаб, отключился... Незадолго до того я расспрашивал его об Индокитае, о легендарной мадам Вонг, и метис что-то невнятно бормотал, уклонялся от темы. Но вот теперь он внезапно заговорил! В нем как бы прорвалось, выплеснулось наружу все самое сокровенное...

* * *

Так какова же она на вид, эта пиратская императрица? Ее еще называют иногда „царицей ночи”. И в народной молве она, таким образом, давно уже приравнена к сатане... Или, может быть, отдана ему в жены? Она элегантна, стройна, но склонна к полноте. Рост имеет средний, лицо продолговатое с небольшими скулами. Глаза азиатские, раскосые, длинные, но уголки их не приподняты к вискам, а наоборот — чуть скошены вниз. Рот у нее яркий, крупный. И улыбается она, не разжимая губ. И когда задумывается или нервничает, то обычно прикусывает уголок нижней губы. А также имеет привычку часто нервно потирать одну о другую маленькие свои ладони. Есть и другие приметы. Но стоит ли их перечислять? Ведь то, о чем я пишу, происходило в пятьдесят пятом году. Мадам Вонг тогда было сорок с небольшим. А теперь ей уже за шестьдесят.

Воды с тех пор утекло много. И многое изменилось и в облике мадам, и в окружающем ее мире. Изменилось, конечно, не к лучшему, нет. Азиатский хаос продолжается, растет. И у стареющей „царицы” сейчас, по слухам, появляются новые, напористые соперники.

Но как бы то ни было, она пока еще держится, она еще опасна. И организация ее по-прежнему сильна.

И кроме того, у мадам имеются информаторы в полицейских управлениях всех юго-восточных стран. И даже кое-где в Европе. Кто-то ее постоянно прикрывает, кто-то все время поддерживает. И это еще одна нераскрытая тайна...

Вот, например, характерный случай, приобретший на востоке широкую известность.

Как-то раз японская полиция почти напала на след мадам Вонг.

Некий тип из ее окружения согласился достать портрет вдовы, а также разведать адреса всех ее резиденций. Переговоры происходили на конспиративной квартире с соблюдением всех мер предосторожности. Был назначен день и час свидания и место, куда должны были быть доставлены фотографии и прочие материалы.

И человек этот прибыл точно в срок. Но как он на сей раз выглядел! У него были отрублены руки и напрочь вырван язык. Полицейские подобрали его в полубессознательном состоянии, истекающего кровью. И спустя несколько дней он умер в больнице. Умер, так и не сумев рассказать ни о чем — ни о своей госпоже, ни о том, кто же и как сумел его разоблачить.

Так что портретный жанр, как видите, иногда бывает делом сложным и рискованным.

ДРЕВНИЙ ДУХ ОГНЯ

Я чувствую, что начинаю отвлекаться, уходить в сторону от главной сюжетной линии... А она ведет нас все дальше. Но идет уже не по тропам контрабандистов, а по следам туземных племен и религий.

С самого начала, с тех пор, как только я попал в эти места, я все время хотел повидать таинственных язычников, живущих скрытно, обособленно и поклоняющихся огню... Почему я так настойчиво стремился к встрече с ними? Право, не знаю. Меня всегда гнала куда-то, не давала покоя, неуемная моя любознательность. Нередко это приносило мне одни только хлопоты и неприятности. И все же перед Зовом тайны я никогда не мог устоять. И вот теперь. Ну, как мне было не прийти сюда? Все-таки ведь подумайте: огнепоклонники! Люди, исповедующие один из самых древних на земле языческих культов! Пожалуй, даже самый древний...

И когда я оказался у подножия высокого гольца* и впервые увидел священную пещеру, в которой мерцали тусклые багряные отсветы, я почувствовал себя как бы персонажем фантастического романа. Неким путешественником во времени, переместившимся из двадцатого века в эпоху мезолита.

Где-то в стороне, на востоке, остался сумбурный мой мир со всеми своими тревогами и противоречиями. Со своими пиратскими империями и политическими лагерями. С нацеленными в небо атом-

* Голец — лишенная растительности каменная круча или скалистая вершина горы.

ными ракетами и гибнущим, рассыпанным по земле зерном... Все это ушло, кануло за гребни гор. А тут царили тишина и покой.

Вечерело. Сквозь голые ветви берез, обступивших поляну, сквозило закатное зарево. Резко, порывами дул холодный ветер. Он посвистывал в кронах и ворошил разноцветные тряпицы, развешенные у входа в пещеру. Тряпицы эти были непростые. Они являли собой ритуальные подношения Духу Огня.

Дух обитал в глубине пещеры, и люди приходили к нему с нехитрыми своими просьбами. Они верили природе, искали в ее проявлениях особый, высший смысл. И отстав от нашей цивилизации на десятки тысячелетий, отнюдь не спешили нас догонять!

* * *

Я не один пришел к Священной пещере; меня сопровождал коренастый кряжистый человек с лицом, испещренным шрамами, с маленькими медвежьими глазками и густою рыжею бородой. Звали его Денис Потапов.

Блуждая в горах, я набрел на деревню, в которой находилась охотничья артель. Здесь добывали „мягкое золото” — горностаю, каменную куницу, светлого хоря. Председатель артели и его помощник были русскими, коренными сибиряками. А помощник Денис оказался к тому же выходцем из семьи сектантов — староверов. Когда-то в недавнем прошлом я дружил с сектантами. Теперь мы разговорились, и выяснилось, что у нас с Денисом есть общие знакомые... И вот это обстоятельство сразу же нас сблизило, связало. Старый таежник как бы взял меня под свою опеку. И рассказал немало интересного. Именно с его помощью я приобщился к некоторым здешним тайнам... А также — познакомился с религиозными верованиями местных племен.

В этих краях существовала весьма любопытная смесь ламаизма с шаманством. В Центральной Азии, как известно, все северные области находятся под влиянием Тибета. Влияние это чувствовалось и тут. Однако рядом с ним каким-то образом уживались древние языческие культы. Что являлось внутренней сутью такого смешения, симбиоз или антагонизм — непосвященному понять было трудно. Но похоже было: ламаистская линия здесь угасает...

— Странно, — сказал я, — где бы я ни бродил, всюду, по всей Сибири гудят шаманские бубны. Вместо того, чтобы исчезнуть с течением времени, шаманы, наоборот, процветают! И никакая власть — ни церковная, ни политическая — ничего не может с ними поделать.

— Так наша, к примеру, власть, — отозвался Денис, — она сама их плодит!

— То есть как это — сама?

— Обыкновенно, — вздохнул он. — Ты вспомни историю. Когда русские впервые явились в Сибирь, они сразу же крестили язычников. И дали им взамен идолов Единого Истинного Бога! Ну, а потом пришла советская власть — и от Бога напрочь отсеклась. И азиаты опять вернулись к идолам.

Тема эта видимо волновала Дениса. Медвежьи глазки его разгорелись, рыжая борода встала торчком.

— Люди не могут жить без веры, понимаешь? Им всегда нужен духовный пастырь. А после революции каких им пастырей дали? Особенно здесь, в тайге... Председателей колхозов?! Смех один. Смех и слезы. Вот тогда-то они и поднялись, шаманы. И набрали силу.

— Но власть и с ними тоже ведь борется...

— Конечно. Но что она может? Это с христианами ей было легко расправиться. Или, скажем, с ламаистами. У нас — церкви, молешни. У тех — монастыри. Все, стало быть, на виду... А шаманство, наоборот, дело скрытное, непонятное. Это, в сущности, нечто вроде черной магии! И капища дикарей разбросаны повсюду: в лесах, в пустынях, на горах.

Разговор этот происходил по дороге к Священной пещере. И, приблизившись к ней, Денис добавил, поигрывая рыжей бровью:

— Вся природа — ихнее капище... Вот, к примеру, языческий храм! Что ты с ним сделаешь? Сломаешь скалу?

— Кстати, об этом, — проговорил я, — об огнепоклонниках... Я давно интересуюсь, какие же у них обряды?

— Ну, какие... Собираются, пляшут, бормочут что-то. Заклинают, стало быть, огненного духа... И он иногда является.

— Является? — удивился я. — Дух?

— Ну, да. Он вообще-то небольшой. В нем сантиметров пятнадцать всего... Шустрый такой, красненький чертик.

Я глянул на Дениса с недоумением. Мне непонятно было: смеется он или бредит? Неужели он все-таки верит во все это? Странно. Вроде бы толковый мужик...

— Ты что же, — спросил я, — видел его, что ли?

И Денис ответил просто:

— Да, один раз...

— Но ты уверен в этом? — проговорил я, запинаясь. — Ты не ошибаешься?

— Чего ж тут ошибаться? — пожал он широченными плечами. — Другие-то видели. А я что, хуже их?

— И я, значит, тоже... могу... посмотреть?

— А почему бы и нет? — ухмыльнулся Денис. — Если тебе повезет...

И тогда я, осторожно пригибаясь, шагнул под каменные своды.

* * *

Вход в пещеру был невелик, но сама она оказалась просторной. Дальний конец залы терялся в багровой мгле, а пол круто — ступами — спускался вниз. И там, внизу, мерцали и переливались огненные блики; казалось, там тлеют раскаленные угли. Их было много этих углей! Оттуда тянуло сухим душным зноем... Но странно, дыма почти не было. Его относило куда-то внутрь. Очевидно, на противоположной стороне пещеры имелось еще одно, сквозное отверстие.

— Ого! — прошептал я. — Красиво! Настоящее огненное озеро... Это что же здесь горит?

— Какой-то горячий сланец, — сказал Денис из-за моей спины. — Или, может, каменный уголь. Черт их тут разберет. Давно уж так тлеет.

— Ну, а где же сам дух?

— Внизу таится, в углях.

— И как же его вызвать? — я просительно посмотрел на Дениса. — Попробуй, а? Сможешь?

— Вообще-то попробовать можно, — неуверенно проговорил Денис. — По-шамански бормотать я, конечно, не умею, не обучен. Но видел: они не только бормочут. Они еще сыплют туда всякую траву, щепочки, березовую кору. Береза — это у них главное!

— Ну, так в чем же дело? — воскликнул я. — Березы тут рядом...

Он быстро выбрался из пещеры. И затем — спустя минуты три — воротился, держа в охапке сухую, прихваченную инеем траву и хрустящие белые берестяные рулоны.

Сопя, протиснулся он мимо меня. Спустился на нижний уступ. И швырнул всю охапку вниз, в багровое мутное море.

И тотчас же оттуда, треща и разбрызгивая искры, взлетело высокое веселое оранжевое пламя.

В лица нам пахло нестерпимым жаром. Мы с Денисом отшатнулись. Но на какое-то мгновение мне показалось, что я вижу юркую, пляшущую, вьющуюся в огне фигурку.

Денис почему-то считал, что это „чертик“... Но нет, пляшущая фигурка больше всего походила на ящерицу. И я уже догадывался, в чем дело. Очевидно передо мною плясала саламандра.

Гудящие острые языки огня вознеслись и опали. Видение

исчезло. Но перед внутренним моим взором по-прежнему вился и блистал образ огненного зверя.

И встал из глубины памяти где-то читанный и давно забытый текст магического заклинания:

„Духи огня, Саламандры! Могущественные и своевольные! Вас призываю именем Невыразимого и заклинаю знаком Соломона”...

И еще мне вспомнился дневник великого скульптора и ювелира Бенвенуто Челлини, в котором автор рассказывает о том, как впервые в детстве увидел он Саламандру... Однажды он сидел у камина, смотрел в огонь. И вдруг разглядел там пляшущего зверька. И в тот самый момент увлекшийся мальчуган получил от отца неожиданную крепкую затрещину! Бенвенуто заплакал. Тогда отец стал его утешать. И объяснил сыну, что ударил его не со зла, а для того, чтобы укрепить ему память... После такого удара он уже никогда, дескать, не сможет Саламандру забыть!

Историй подобного рода немало имеется в мировой литературе. И как-то трудно предположить, что все они продукт чистой фантазии, что они основаны на одном только вымысле...

Культ Огненного Духа, судя по всему, существовал на земле вечно. Он переходил, этот культ, из поколения в поколение – видоизменялся, трансформировался. Но основа всегда оставалась та же! И конечно, саламандру встречали самые разные люди. Разглядывали ее, ужасались, дивились.

„Но вот что странно, – тут же подумал я, – видели ее многие, но почему-то никто никогда не мог подтвердить это. Никто не оставил ни малейших доказательств! И я сам, например, – как я смогу доказать, что вот только что воочию видел диковинное это создание? А может, саламандра мне попросту почудилась? Ведь я давно уже мечтал ее увидеть. И думал о ней, направляясь сюда. И возможно – заранее создал ее в своем воображении”.

И толкнув локтем Дениса, я спросил:

– Эй, ты заметил что-нибудь?

– Да вроде бы...

Он поскреб ногтями в бороде. Насупился задумчиво. И потом, покосившись в мою сторону:

– А ты?

– Тоже, вроде бы... Что-то как будто промелькнуло, только очень уж быстро. Может, попробуем еще раз, а?

– Нет, нет, – торопливо сказал Денис, – теперь надо уходить, и побыстрее! Дикари вообще-то не любят, когда сюда заглядывают посторонние. А с ними лучше не ссориться...

– Но ты же ведь был здесь раньше?

– Да, три раза. Но всегда вместе с шаманом. А так приходиться, как мы сейчас, – тайком, украдкой, – это, брат, рискованно.

И он повернулся круто и направился к выходу.

– Но все-таки ведь с шаманом, – сказал я, поспешая за ним, – с шаманом-то у тебя, как я понимаю, дружба?

– Да какая там дружба, – отмахнулся Денис, – откуда ей быть? У нас с ним деловой контакт. Старик мне разные лекарственные травки достает, а я ему – хороший дорогой трубочный табак „Золотое руно”. Знаешь? Который медом пахнет... Ну, вот. Очень он „Золотое руно” обожает. И я этим иногда пользуюсь. Но все же все-му есть свой предел. И зря рисковать никогда не следует, и судьбу искушать ни к чему!

– Ну, а если нас тут застукают, – погода спросил я, – что с нами могут сделать?

– Да что угодно, – усмехнулся Денис, – может, просто прогонят, простят. А может, и нет... Они тут на все способны! Кинут нас в огонь – и кранты. И даже праха не останется.

ЯЗЫЧНИКИ

Денис не любил язычников и побаивался их – это было заметно. И в то же время огненный культ вызывал у него какой-то странный интерес. Судя по всему, туземное капище очаровывало его и ужасало. Влекло и отталкивало.

И когда я заявил, что хочу познакомиться с огнепоклонниками поближе, Денис поначалу отнесся к этому с неодобрением.

– Думаешь, ты их поймешь? – усмехнулся он, вороша пальцами бороду, – разгадаешь?

– Надеюсь, – пробормотал я. – Это что за люди, какого племени?

– Кажется, сайонского, – сказал он медленно.

– Стало быть, это просто – горные тувинцы?

– Да вот в том-то и дело, что – не просто... Здесь они вроде бы смешаны с алтайцами. В этих местах вообще такая каша – ничего не разберешь! Да и вообще, если вдуматься: никто из нас не сможет разгадать этих дикарей до конца. Никто! Это как с животными. Они рычат – ты слышишь, а о чем они думают, не ведаешь. Мы – это один мир. А они – другой...

– Вот, вот, – подхватил я, – другой! Они неразрывно связаны с природой. И очевидно, знают что-то такое, что мы давно уже забыли. Или вовсе никогда не знали.

— Ну, как хочешь, — устало сказал тогда Денис, — если уж так тебе надо — сходи, пообщайся. Передашь от меня привет председателю артели...

— Так там, значит, тоже артель? — удивился я.

— А что же ты думал? — Он посмотрел на меня сощурился. — Конечно. Такая же, как и у нас, промысловая организация. Только артель там — одна видимость! В сущности, все у них осталось по-старому. Официально они подчиняются председателю, но в действительности всем заправляет шаман.

— И председатель мирится с этим? Ведь стоит ему только заявить...

— Для председателя главное — выполнить план по заготовке пушнины, понимаешь? Если бы шаман мешал, другое дело. Но он, наоборот, помогает... Хитрый старичок. И дисциплинка там железная! И артель эта, учти, добывает „мягкого золота” побольше, чем наша.

Так мы толковали какое-то время. И затем остановились на развилке дорог. День уже сторел и в горах за клубились синие сумерки. Над шумящей таежною чащей повисла узкая полоска месяца. В этот момент он мне напомнил что-то азиатское, дикое... Звериный коготь? Охотничий лук? Кривое лезвие ножа?

— Ты когда к ним хочешь пойти? — спросил Денис.

— Да сейчас, — сказал я, — время еще не позднее.

— Ладно. Значит, поворачивай налево. Стойбище недалеко. Да ты услышишь, там собак полно! Ну, и сразу топай к председателю. Его дом — третий от края.

Мы попрощались. И уже уходя, я вдруг остановился, охваченный внезапной мыслью:

— Послушай, Денис. Ты, кажется, говорил, что тамошний шаман любит хороший трубочный табачок?

— Да. А что?

— Так, может, у тебя найдется немного „Золотого руна”? Я бы прихватил с собой...

— Ну, ты ловкач, — смеясь, покрутил головой Денис. — Конечно, найдется. Я в эти чертовы места без него не хожу.

* * *

В стойбище меня встретили радушно. Тут, бесспорно, главную роль сыграла моя дружба с Денисом, а также припасенный загодя табачок... Получив его, шаман сразу же с видимым удовольствием набил короткую гнутую свою трубочку.

Был он стар, шаман. Невысок, сутуловат, узколиц. И одет весьма просто — в меховую тужурку, в высокие кожаные, подвязанные под коленями сапоги „бродни”. Лысый его череп прикрывал мохнатый треух. Встретив такую фигуру случайно, в толпе, никто никогда бы и не заподозрил, что это человек, общающийся с духами и исполненный странного могущества...

На нем — на его тужурке — не было никаких отличительных знаков. И я подумал: „Наверное ритуальную „шаманскую” одежду он надевает только тогда, когда творит свои заклинания. А может, и вовсе не надевает. Не такие теперь времена”.

Да, встретили меня радушно, угостили кок-чаем* и свежими лепешками. Но все же настоящего контакта, к сожалению, не получилось. Старик, как выяснилось, русского языка не знал. А председатель, тот тоже был азиат и тоже далеко уже не молод, хоть и говорил по-русски, но плохо и с неохотой. И потому диалог наш состоял, в основном, из жестов и улыбочек.

Но как бы то ни было, я своего все-таки добился! Узнал, что завтра назначена Большая Охота, и попросил разрешения принять в ней участие... Председатель поворотился к шаману и что-то быстро проговорил. Старик вынул изо рта трубку, огладил концом мундштука редкие седые усы, росшие по краям рта. И потом сказал, прикрывая глаза морщинистыми веками:

— Ча.**

* * *

Большая Охота устраивалась здесь, как правило, дважды в месяц; целью ее была не только добыча ценных мехов, но также и заготовка мяса — отстрел горных коз и оленей. И в такие дни в охоте принимало участие все мужское население стойбища.

Однако прежде чем выходить на промысел, полагалось по традиции задобрить духов, выпросить у них удачи...

И шаман всю эту ночь провел возле капища — стучал там в бубен. К сожалению, меня туда не допустили. А настаивать я не стал; мне отнюдь не хотелось напрасно портить с этими людьми отношения.

Бубен гудел унывно, глухо, прерывисто. Звук его то учащался, то медленно затихал. На рассвете он замолк окончательно. И сразу же в тайгу, поодиночке и группами, потянулись охотники.

* Зеленый чай с молоком и солью, распространенный по всей материковой Азии.

** Слово это по-тувински означает — „ладно”, „хорошо”.

Бредя в кустах в холодной рассветной мути, я с любопытством разглядывал живописные их фигуры. И вдруг заметил среди них человека, одетого в безрукавку из козьего меха. Голову его обтягивал красный, пестрый, туго завязанный над ухом платок. „Где же мы встречались? — подумал я. — Когда?“ Напрягся и вспомнил. Ну, конечно! Это ведь он на моих глазах в Таштыпе покупал косметический набор „Красная Москва“ и приготавливал в коробке из-под пудры адский свой коктейль...

Меня он не узнал, не запомнил; скользнул по мне равнодушным взглядом и отвернулся. Но все же я остался в той группе, где был и он. И потащился следом.

* * *

Мы поднимались к водоразделу — туда, где рождаются реки Хакассии и Алтая. Тайга понемногу редела, сходила на нет. Мир становился пустынным и каменным. Над ним простиралось бескрайнее небо, подсвеченное тусклой зарей. И только одно оживляло безжизненный серый пейзаж — стремительно падающие с откосов, блистающие, ревушие потоки воды. Казалось, они падают прямо с небес.

Потоки были невелики — метра три в ширину, но в них ощущалась особая сила, безудержная ярость и мощь... В пути нам дважды пришлось через них переправляться. Дело это было нелегким. Мосты тут заменяли тонкие, небрежно брошенные жерди. В это утро — а оно выдалось морозное — жерди обледенели, стали скользкими. И потому каждый неверный шаг грозил бедою.

И беда случилась — на второй переправе.

Мне часто и отчетливо вспоминается эта сцена. Пожалуй, ее мне вообще никогда не забыть...

В нашей группе было шестеро охотников. И половина перебралась через ручей благополучно. Но четвертому не повезло. Это был, кстати сказать, знакомый мне горец в меховой безрукавке и красном платке. Он поскользнулся вдруг и какое-то мгновение балансировал на шатких жердях. И потом сорвался и рухнул в воду.

В этом месте ручей изгибался и чуть дальше, за поворотом, слышался грозный гул порога. Там вскипала белая пена, стояло облако мельчайших брызг.

Упавший попробовал было подняться, глубина была здесь небольшая — по грудь, и не смог. Слишком сильным оказался напор воды. Я сверху видел, как сбивает она с ног и тащит его по дну... Наконец он все же нашел опору и уцепился за камень. И отчаянным рывком подтянулся — поднял над водою лицо.

Красную повязку с него смыло, но красный цвет остался; волосы его теперь окрашивала кровь. Очевидно он сильно ушибся, падая, и ослабел. И держался из последних сил.

И я закричал, повернувшись к стоявшему рядом со мною охотнику:

— Спасайте его! Чего ж вы, черти, смотрите? Делайте что-нибудь!

Но тот не ответил, не шелохнулся, даже бровью не повел. Он молча глядел на тонущего, и лицо у него было как каменное, и глаза — недвижимы и тусклы...

И другой оставшийся на нашем берегу тоже молчал. И на противоположной стороне потока царил такая же немота. Туземцы стояли в каком-то странном оцепенении — застыв, как сомнамбулы, — и безучастно следили за погибающим товарищем.

И удивительное дело, за все это время погибающий также не проронил ни слова! Он никого не звал на помощь; он боролся за свою жизнь одиноко и молча... И все это походило на сон, на ночной кошмар. Ведь только в скверном сне возможна подобная ситуация! Но в том-то и суть, что здесь я столкнулся с реальностью совершенно непостижимой и пугающе нелепой...

Глядя на окровавленное его лицо, на побелевшие пальцы, судорожно цепляющиеся за камень, я понял, что долго ему не продержаться. Надо было что-то делать — и немедленно. На мои призывы и вопли дикари никак не реагировали. А ведь у одного из них висел на плече аркан, и стоило только кинуть его утопающему, как тот был бы сразу спасен! Оставалось одно: спасти его самому.

Я посмотрел, поеживаясь, на клокочущий, плюющийся пеной поток. И со вздохом стащил с себя меховую куртку, купленную недавно у Дениса, ввиду наступивших холодов. Окунаться в ледяную воду мне ужасно не хотелось. И я мысленно проклял дурацкое это племя и собственную свою судьбу. А потом, стоя над откосом, пригнулся — приготовился прыгать...

И в этот момент кто-то цепко ухватил меня за ворот рубашки. Я оглянулся и увидел знакомое лицо охотника — скуластое, неподвижное, похожее на маску.

Хватка у него была железная. Он поднял меня, как щенка. Я дернулся, попытался вырваться — и не смог.

— Пусти! — зашипел я в ярости. — Эй ты, питекантроп! Слышишь, что тебе говорят?

Но он словно бы не слышал. Или не понимал. Или же не хотел понимать... И тащил меня все дальше от берега. Зачем, недоумевал я, и куда? И что вообще все это значит?

Я напрягся изо всех своих сил. Уперся и нырнул ему под руку. Дважды перекрутился так и наконец выскользнул из цепких пальцев. И тотчас же потянулся к ножу.

Изо всех участников Большой Охоты я был единственным, кто не имел при себе оружия. Если, конечно, не считать финского ножа, который я по старой бродяжьей привычке всегда носил за голенищем. Но что значил нож в облавной охоте на копытного зверя?

Еще на заре, покидая стойбище, я, помнится, пожалел о том, что не обзавелся вовремя ружьишкой. Что мне делать тут с одним финяком, думал я, вряд ли он пригодится... И вот теперь, как видите, он пригодился!

Едва лишь я выхватил нож, как туземец отшатнулся от меня, попятился. И я наконец обрел свободу действий.

И стремительно поворотился в сторону ручья — шагнул к нему.

Но вдруг что-то там изменилось. Неподвижные фигуры туземцев зашевелились. Послышались оживленные голоса. Люди словно бы очнулись от сна. И двинулись дальше в горы.

И я тотчас понял: все кончено. Я опоздал. И спасти мне теперь уже некого!

ПОД ВЛАСТЬЮ СТРАХА

— Ничего не понимаю. Абсолютно ничего!

Взволнованный, еще не пришедший в себя после случившегося, я сидел на лавке в избе у Дениса, старательно скручивал папиросу. И никак не мог скрутить; рвалась бумага, просыпался табак...

— Кто эти люди — больные? Ненормальные? — Наконец я закурил, затянулся жадно. — Ничего не могу понять... А ты? — я в упор посмотрел на Дениса. — Ты-то хоть понимаешь что-нибудь?

— Так я ж тебе уже говорил, — усмехнулся он сумрачно, — мы — это один мир, а они...

— Да, да, знаю, — нетерпеливо перебил я его, — но это еще не объяснение. Существуют же все-таки какие-то общечеловеческие нормы! И во все века и у всех народов спасти товарища считалось доблестью, было делом святым. А у этих сонных идиотов — наоборот...

— Не так все просто, — покачал головой Денис. — И люди эти вполне нормальные. Вполне! Кое в чем они, пожалуй, даже поумнее нас с тобой. Ну а если они порою выглядят идиотами, так тут виною всему их дьявольская религия...

Он посмотрел на меня внимательно.

— Ты вообще-то знаком с языческими культурами?

— Немного... И в основном — с культурами северных племен.

— Ну, это все похоже, — махнул он рукою. — Схема всюду одна.

Мир туземцев делится на три части — подземную, земную и небесную. На небе и кое-где на земле живут добрые духи. Но их немного. А все остальное — царство злых... И в общем-то разницу между Добрыми и Злыми — провести трудновато. Все азиатские духи без исключения мстительны, ревнивы. И постоянно требуют жертв. Понимаешь? Вот тут-то и причина... И с этим охотником — как было? Ты припомни! Человек упал по дороге в горы, сразу же после камлания...* А это что значит? Это значит, что духи потребовали жертву. И естественно, спасти упавшего в такой момент было нельзя азиатом. Было грешно! Потому-то они и сами не двигались, и тебя держали...

И потом, помолчав, добавил, усмехаясь:

— И скажи еще спасибо, что вели себя с тобой вежливо.

— Н-да, понятно, — проговорил я. — Хотя нет, постой... Объясни мне, кстати, такую вещь: почему упавший охотник никого ни разу не позвал на помощь? Он ведь все время молчал, вот что было самое жуткое! Все время молчал.

— Ну, во-первых, упавший знал, что ему все равно никто не поможет, — сказал задумчиво Денис. — И к тому же он сам, конечно, верил в то, что приговорен, отдан в жертву. И, в сущности, почти уже мертв...

— Стало быть, он и не искал спасения?

— Стало быть так.

— Какой странный фатализм, — пробормотал я. И вдруг осекся, вспомнив северные поверья о таинственном „Мюлене“.

Когда-то, скитаясь по Якутии и Чукотке, я слышал о Мюлене и даже читал о нем кое-что в старых сибирских журналах. Но все это в ту пору мало меня интересовало. Слишком много было других проблем... И вот оказалось, что все прочитанное и услышанное надежно хранилось в моей памяти. Материал не забылся — он как бы ждал своего часа. И это понятно; тогда ведь я был простым бродягой. А теперь стал писателем, журналистом. И стало быть, час этот пробил!

* * *

Уже много веков по всей Восточной Сибири ходили легенды и слухи о таинственных Мюленах — полуживых-полулюдях, — внеза-

* Камлание — колдовской ритуальный обряд, при помощи которого шаман общается с духами.

пно появляющихся весной и исчезающих куда-то поздней осенью... Куда? Среди некоторых якутских племен бытовало мнение, что существа эти — злые духи, скрывающиеся в пещерах Станового хребта. Зимой они якобы спят и выходят наружу с началом лета. И переезд через Становой хребет считался поэтому особенно опасным.

Впрочем, эти духи появлялись и в других местах, по большей части — на побережьях морей. И нападали на охотничьи стойбища и на жилища оленеводов — крали пищу, угоняли оленей. А иногда похищали женщин.

Бродили они обычно поодиночке. И вот любопытная деталь! Это всегда были только мужчины. Ни жен их, ни детей не видел ни разу никто.

И когда в сибирской прессе поднялся разговор о Мюлене — произошло это в начале нашего века, — этнограф-якутовед Г. Ксенофонтов заявил, что пресловутый Мюлен — существо мифическое, сказочное. И не случайно он всегда — мужчина! Это такой же похотливый самец, как и многие другие языческие демоны. Как, например, древнегреческий Пан или Фавн. Тот тоже ведь скитался по лесам в одиночку, пугал народ и преследовал женщин... И потому Мюлен, или Чучуна, как его иногда называли в Якутии, по мнению Ксенофонтова, „должен быть отнесен к первобытным верованиям якутов и отчасти к народному фольклору”.

Все было бы просто, если бы не одна существенная деталь. Дело в том, что с Мюленом в разных местах и в различное время сталкивались лицом к лицу многие. И нередко убивали его! А ведь дух бесплотен и, стало быть, бессмертен!

Причем в эвенкийской и якутской тайге множество свидетелей такого рода убийств.

Проблемой Мюлена занимались также известный исследователь Сибири профессор Петр Драверт, этнограф Дмитрий Тимофеев и другие. Ими был произведен опрос этих свидетелей... И дело это, надо заметить, оказалось хлопотливым, нелегким. Все осложнялось тем, что в народе было не принято рассказывать о встречах с Мюленом и, тем более, о расправах с ним. Таежники упорно скрывали факты убийства, боясь уголовной ответственности. В советский период боязнь эта особенно возросла. И потому большинство такого рода сведений записано было со слов немощных стариков, либо людей тяжело больных — чувствующих, что жить им все равно осталось уже немного...

И повсюду таежники, рискнувшие пойти на откровенность, давали один и тот же портрет и описывали сходные детали.

Каков же на самом деле облик загадочного этого монстра?

Он невысок ростом и очень темен лицом. Шапку он не носит, ее заменяют косматые, длинные развевающиеся волосы. Одет он в звериные шкуры шерстью наружу. Вооружен луком и копьем. Чрезвычайно быстро бегает. Припадении оглушительно свистит. И бросает камни из пращи.

Реальное существование Мюлена можно было считать доказанным! И иркутский профессор Драверт вполне резонно предположил, что речь здесь идет не о духе и не о фольклорном образе, а о древнем пещерном человеке, странным образом сохранившемся на Севере.

Вместе со своим учеником Тимофеевым Драверт в 1929 году выступил на заседании Западно-Сибирского отдела географического общества и прочел нашумевший свой доклад о Мюленах. Профессор призывал спасти живые древнейшие человеческие существа Северной Азии — взять их под охрану закона... По его мнению, явление это было уникальным и имело огромное научное значение. И его призыв вызвал многие отклики. Число приверженцев Драверта мгновенно возросло.

Но и противников у него несмотря ни на что имелось немало. И возглавлял их все тот же Ксенофонов. Дравертская мысль об особой дикой породе людей, о „живых неандертальцах”, представлялась ему абсолютно фантастической. Он утверждал, не без основания, что несколько десятков отдельных особей не могли бы преодолеть тысячелетия, пережить ледниковый период и сохраниться до наших дней.

Но тут же возникли возражения...

Если Мюлены существуют, значит это целое племя. И достаточно численное, чтобы поддерживать свой вид в природе. Они должны иметь жен и детей, иметь какое-то хозяйство, устраивать стоянки с кострами... И странно, что всего этого ни разу никто не смог обнаружить.

Аргумент был веский. Это признавал и сам Драверт. И при всем своем старании он так и не смог выбраться из тупика...

В самом деле, почему Мюлен никогда не бывает с семьей? И куда он скрывается осенью? Ведь не может же все-таки человек впадать в зимнюю спячку, как барсук или бурый медведь!

Та часть Станового хребта (Джугджур), где, по мнению якутов, обитает это существо, представляет собою пустынную высокогорную страну, мало пригодную для жилья. Зверья в ней почти нет. Рыбных озер тоже не имеется. Так что вполне понятно, почему Мюлен проникает в иные, обжитые места и ворует у других туземцев пищу. Но отчего же он ворует только летом? В самый, так сказать, легкий сезон? Полагалось бы вроде бы наоборот — зимою...

И в конце концов — кто же это? Персонаж легенд и сказок? Или возникший из бездны доподлинный Демон? Или же и впрямь троглодит, пещерный житель, родственник „снежного человека“?

Точные ответы на все эти вопросы найти было не так-то просто. Ученый спор затянулся надолго; с начала его прошло тридцать с лишним лет.

Спор этот затянулся. И тут имелись свои причины! Не следует забывать, что речь идет о Северной Азии, о стране далекой и дикой.

Советская власть пришла туда поздно и, главное, она шла особыми путями. Путь „Гулага“. Самое крупное в республике управление арктических лагерей „Дальстрой“ возникло в 1937 году и распростерлось от Восточно-Сибирского моря до берегов Охотского.

Действия милицеских властей там напоминали кое в чем действия оккупационной армии. Они следили за общим порядком и контролировали работу золотых приисков. Их интересовало именно золото и прочие ценные металлы, а вовсе не жизнь туземных племен. Оба этих мира — цивилизованный и примитивный — почти не смешивались. Они существовали как бы в разных измерениях... Однако вся огромная территория „Дальстроя“ превратилась как бы в особую „запретную зону“. На многие районы Крайнего Севера было наложено жесткое милицеское табу.

Но время шло и несло свои перемены; железный механизм режима понемногу расшатывался. И с каждым годом в орбиту ученых споров и поисков вовлекалось все больше специалистов. И опыт их суммировался. И в конце концов древняя тайна раскрылась!

* * *

На Крайнем Севере — у береговых чукчей важную роль в экономике играет весенняя охота на припае.* Туземцы промышляют там морского зверя: нерпу, белуху, моржа. Промысел этот выгоден, но зато опасен.

Лед в конце зимы слабеет, а ветер, наоборот, становится особенно яростным! И большинство ветров дует там весной на запад. И случается так, что под их ударами береговой припай ломается, рушится. Ледяные поля начинают дрейфовать и порою уносят зазевавшихся охотников.

Впрочем, это все не так уж безнадежно. Чукча — истинный сын Севера! — во льдах не пропадает. Он может продолжать там охотиться,

* Припай — полоса прибрежного льда, спаивающая замерзшее море с землей.

ловить рыбу. Да и мороза он не боится; особая „сплошная” меховая одежда позволяет спать на снегу... Главная беда тут в другом. В том, что по чукотским поверьям охотник, унесенный льдами, оказывается во власти злых духов. И становится с этих пор „терраком”, проклятым!

И он, такой, уже не имеет права возвращаться домой! Душа его пожрана духами и как бы подменена. В сущности, это — живой мертвец. Оборотень. И его начинают бояться и ненавидеть в родном селе. В том числе и мать, и жена, и дети.

И поразительно: потерпевший прекрасно это знает и принимает случившееся как должное. Душа его, в самом деле, как бы перерождается. И когда дрейфующую льдину прибывает течением к берегу, то на землю сходит уже не человек.

Сходит странное существо — одичалое, пугливое, злобное, на лице которого виден волчий оскал...

И все же общий внешний облик Мюлена на удивление совпадает с образом чукчи-охотника. На Чукотке как раз ведь и носят глухую одежду мехом наружу. И волос, как правило, там не стригут. И тамошние юноши специально упражняются в быстром беге. И есть еще одно доказательство: метание камней из пращи. Якуты, эвены и юкагиры искусства этого вовсе не знают. Зато на Чукотке оно распространено широко.

Может возникнуть вопрос: отчего же современный чукча всегда вооружен столь примитивно? Но это объясняется просто. Израсходовав патроны, охотник поневоле карабин свой бросает. Зато пращу, копье или лук со стрелами он изготавливает легко. Материал для этого у него всегда под руками. В приморской тундре спокон веков луки делают из полярной карликовой березы, тетиву — из оленьих жил, древки стрел — из плавника,* а наконечники к ним — из рыбьей кости.

И вот теперь, наконец, становится окончательно ясным, почему Мюлен одинок. Женщины и дети на ледовый промысел никогда не выходят. Это — дело мужчин.

Он исчезает с приходом зимы... И это тоже понятно! Одинокий, отверженный, полубезумный, долго скитаться он ведь не может. И рано или поздно гибнет — от пули, от голода. Или же просто от тоски.

Между прочим, за последние годы Мюлены стали появляться все реже и реже. И этому есть свое объяснение. Ведь отныне на помощь промысловикам приходит в случае нужды передовая техника — специальный флот, полярная авиация.

* Плавник — вынесенные прибоем обломки досок, бревна в изобилии встречаются на всех полярных побережьях.

Я вспомнил обо всем этом и подумал, что жестокие обычаи, превращающие человека в „террака”, распространены в Сибири широко и имеют общие исторические корни. И эти корни уходят в Центральную Азию. Сибирское шаманство несомненно зарождалось где-то в здешних местах или же неподалеку... И еще я подумал о том, что когда гудят шаманские бубны, то они не веселят и не радуют, а скорее, грозят. Безусловно, язычники близки к природе. Но эта близость их — странная. Они не столько верят природе, сколько боятся ее. И вся повседневная их жизнь проходит под властью страха.

И в общем-то я ошибался, надеясь увидеть здесь благоденствие, счастье, покой.

Ошибался — как и всегда почти и во всем...

Так я размышлял, покуривая. И глядел в окно. Оно было обращено к востоку. Там разгорался день; косматое негреющее солнце выкатывалось из-за гребней гор. Где-то за ними лежал покинутый мною мир — тоже далеко не рай! — мир противоречивый, сумбурный, во многом бредовый... Со своими пиратскими империями и политическими лагерями. Со своими демонами и своими „терраками”. Еще не так давно — два года назад — таким терраком был я сам. Но все же сумел спастись и выбраться из беды. И мой дальний мир несмотря ни на что был гораздо ближе мне и понятней, чем здешний, и сейчас он звал меня. Пора было возвращаться!

ТОСКУЮЩИЙ ”МУСОР”*

На обратном пути я сильно спешил. Меня одолевало беспокойство. Только теперь я вдруг сообразил, что в редакции, наверное, меня давно уже ищут. Ведь я исчез непонятно куда — и надолго! Когда я впервые попал в эти места, начинался период осенних дождей, а возвращался я уже по первому снегу...

И прибыв в Таштып, я сразу же побежал на почту — звонить.

— Наконец-то! — сказал редактор. — Где же ты, голубчик, шлялся? — голос его не понравился мне, он был холоден, в нем слышался металл. — Где пропал? Тебе в Таштып было послано письмо. Оно вернулось обратно.

— Когда было послано?

* Жаргонное слово, относящееся к сотрудникам милиции.

— Да месяца полтора назад. Мы уж тут не знали, что и подумать... Так что же все-таки случилось?

— Ничего особенного, — пробормотал я, — просто я набрел здесь, в горах, на интересную тему...

— Какую же?

— Это, понимаете ли, связано с жизнью туземных племен, — начал я.

Но он оборвал меня сухо:

— Ты, наверное, забыл, какое задание тебе было дано, а? При чем здесь „туземные племена“? Впрочем, теперь это все уже не имеет значения... Возвращайся немедленно. Слышишь? Не-мед-лен-но!

— Ладно... А письмо-то, — спохватился я, — письмо-то было о чем?

Но в ответ я услышал гудки; разговор окончился. И я подумал, вешая трубку на рычаг:

„Ого! Кажется, начинаются неприятности“.

* * *

И все же Таштып я покинул не сразу. Мне пришлось задержаться тут еще на сутки, и виною этому было одно неожиданное приключение.

Таштып, как вы уже знаете, селение весьма крупное. Оно является районным административным центром. В нем сосредоточена вся местная власть, милиция, имеются две школы — начальная и десятилетка, — ну, и конечно, есть несколько закусовых и пивных.

В народе пивные почему-то зовутся „гадюшниками“. Может быть, тут намек на зеленого змия? Или прозвище это отражает обычный облик пивных, царящую в них нечистоту и сырость? А может, речь идет о посетителях, о типажах?

С почты я направился в ближайший гадюшник. И сразу же приобщился к благам цивилизации. Я ведь был путешественником во времени и только воротился в наш век из эпохи мезолита! И теперь мне истинное наслаждение доставляло сидеть за столиком, пусть даже и грязным, и заказывать выпивку и закуску.

„Сухой закон“ кончился. Как, кстати, выглядели гадюшники во время его действия, не знаю, не могу даже вообразить... Но как бы то ни было, все быстро вернулось на „круги своя“. И зал, в котором я сейчас сидел, был, как и прежде, набит битком и содрогался от гомона... Кто-то пел, кто-то плакал, где-то — как водится — затевался скандал. Час был вечерний, поздний, и шум достиг уже предельного накала.

И вдруг все разом смолкло.

В дверях гадюшника появился милиционер — рослый, затянутый в ремни, с желтой кобурой нагана на боку. Вид у него был строгий. Он постоял с минуту, озирая притихший зал. И пошел, придерживая кобуру, прямо ко мне.

— Ваши документики, — сказал он, приблизившись. И козырнул небрежно. — Папашу!

Я подал ему редакционное удостоверение. Он просмотрел его внимательно. И спрятал в карман.

— Ну, правильно. Журналист. Пройдемте-ка, гражданин!

— А в чем, собственно, дело?

— Придете в отделение — узнаете, — усмехнулся он, — а я что могу сказать? Я человек подчиненный. Выполняю приказ.

— Какой приказ?

— Разыскать и доставить приезжего журналиста.

— Что значит — доставить? Арестовать, что ли?

— Пока доставить, — веско сказал милиционер, — а там — как начальство решит.

— Но почему все-таки меня? — проговорил я, вставая и с тоской оглядывая тарелки с закусками. — Мало ли на свете журналистов!

— Нет, — качнул головой милиционер, — вы здесь один такой. Я всех этих кроликов... — он широко повел рукой, — наперечет знаю. Каждый день их вижу.

И затем жесткой своей ладонью хлопнул меня по плечу:

— Ну ладно, хватит базарить! Потопали!

„Чего они от меня хотят? — недоумевал я, шагая по вечерним сумеречным улицам и косясь на конвоира. — Что им надо? И в чем я, черт возьми, успел провиниться? Я же ведь нынче только спустился с гор, вернулся издалека...” И тут же возникла и обдала меня холодом новая стремительная мысль. А может быть, все дело именно в этом? Я не только побывал в „мезолите”, я еще прошел по тайным тропам контрабандистов. И в пути у меня случилась одна встреча, такая, о каких говорить не полагается.

А впрочем, я могу здесь, в скобках, рассказать вам кое-что... В данной встрече самым забавным было ее начало.

* * *

Я сидел вечером у костра, курил, полудремал. И вдруг затылком, всей кожей своей ощутил беспокойство. Кто-то стоял за моей спиной — это чувствовалось явственно! Кто-то смотрел на меня в упор.

Я обернулся. И увидел высокого, средних лет человека с русским лицом, но одетого по-монгольски. На нем был теплый зимний халат, меховая остроконечная шапка и высокие сапоги — гуталы, с загнутыми носками. И он был вооружен. За его плечом, прикладом вверх, висел скорострельный карабин.

Незнакомец появился совершенно бесшумно и, судя по всему, он давно уже стоял тут, разглядывая меня... Конечно, я забеспокоился поначалу. Но потом сообразил, что если б он хотел меня прикончить, он легко мог бы это совершить и раньше. И тогда широким гостеприимным жестом я пригласил его к костру.

Он подошел, уселся, скрестив ноги. И повел неспешный, традиционный таежный разговор — о погоде, об охотничьих делах... Лицо у него было русское, но изъяснялся он с сильным китайским акцентом. И все время он приглядывался ко мне, шарил по моему лицу светлыми своими глазами. Потом заявил:

— А я тебя знаю! Все совпадает.

— Что совпадает? — удивился я.

— Да все. И длинный твой лик, и залысины, и вислые губы.

— Ну, положим, губы у меня не вислые, — обиделся я, — немного толстоваты, это верно... Но, собственно, о чем разговор? Что с чем совпадает? Может, ты меня с кем-нибудь спутал? Я тебя, во всяком случае, не знаю.

И вот что выяснилось в результате.

Я столкнулся здесь с любопытным явлением, именуемым „узун-кулах“, что означает в переводе „длинное ухо“. А попросту говоря, эта метафора является синонимом сплетен... Сплетни, это ясно, существуют повсюду, но в таежном мире они играют особую роль. Они заменяют телеграф. Их творит людская молва — а у нее нет преград. И слухи разносятся тут с поразительной быстротой.

И когда я впервые появился в таштыпском районе, „узун-кулах“ отметил это сразу. И по округе пронесся слух о некоем молодом журналисте, с длинным ликом и вислыми губами, который бродит без ружья, собирает местные легенды и сам сочиняет стихи. Стихи о тайге, о Хакассии...

Нет, незнакомец меня ни с кем не спутал. Он быстро понял, кто я таков. Правда, для точности, на всякий случай, он потребовал, чтобы я почитал ему стихи. И именно — о Хакассии! И я с удовольствием согласился. Вот и еще раз меня выручила поэзия. И на этот раз стихи явились как бы моей визитной карточкой, послужили паролем... И когда я окончил декламацию, он сказал, улыбаясь:

— Ладно... А теперь — спать!

И укладываясь возле костра, добавил скороговоркой:

— Я пока прилягу, а ты постереги... Я, брат, уже вторые сутки не сплю.

— Ложись, — сказал я, — спи. Не беспокойся.

— Ну и отлично. Мне вообще-то немного надо: часа три-четыре всего... Но если ты что-нибудь заметишь, услышишь — буди меня сразу, понял — сразу!

Затем он потянулся, зевнул протяжно. И поник, засопел. А я еще долго сидел, озирая таежную чашу и прислушиваясь к шорохам.

И странное дело, приключение это принесло мне чувство удовлетворения. Мне было приятно сознавать, что незнакомец мне верит, спокойно спит; что пресловутый „узун-кулах” создал мне, в сущности, добрую славу, хотя и исказил слегка мой портрет.

Да и кроме того, я сам стал чувствовать себя как-то уверенней, спокойней. Я ведь тоже был теперь не один!

Мы провели с ним вместе трое суток. Спали по очереди, охраняя друг друга, ели из одного котелка, одной ложкой. Потом пути наши разошлись. Но даже и этого срока вполне хватило бы для того, чтобы обвинить меня в контакте с контрабандистами и Бог знает с кем еще...

Может быть, подумал я, за этим человеком следили? Может, он уж задержан?

Настороженный, терзаемый темными предчувствиями, я вошел в районное отделение милиции. Конвоир сейчас же скрылся, оставив меня под надзором дежурного. А я уселся на лавку и опустил лицо в подставленные ладони.

„Да, — размышлял я, тоскуя, — начинаются неприятности. У меня они всегда идут одна за другой! Утром был нехороший разговор с редактором, а теперь вот — арест... Что же будет дальше?

* * *

Появился конвоир, поманил меня пальцем. Мы прошли по пустынному коридору и остановились у крайней двери. На ней висела табличка: „Зам. начальника отделения капитан Соколов”. Милиционер постучал деликатно. Отворил дверь и впихнул меня в кабинет.

Здесь было тихо, полутемно; комната освещалась настольной лампой, затененной большим абажуром. За столом сидел человек в расстегнутом мундире. Косой свет лампы обливал его шишковатую лысину, длинный извилистый нос, краешек золотого погона. Он был в очках, и стекла их отсвечивали слепым белым блеском. Увидев меня, он поднялся и сказал, протягивая руки.

— Милости прошу! Присаживайтесь. Вот в это кресло...

Я уселся и какое-то время разглядывал его, напряженно наморщась, катая в зубах папироску. А он продолжал:

— Очень рад увидиться с вами, право же, очень! Мы вас оторвали от стола, лишили ужина... Но не огорчайтесь. Здесь у меня найдется кое-что. Могу предложить превосходный армянский коньячок, ветчинку, копченую спинку хариуса — знаете эту рыбку? Сибирская форель! Европейской худосочной форели с нашей ни в жизни не сравниться. Даже и речи быть не может! За такую спинку, хе-хе, все, как говорится, отдашь — и то будет мало...

Он говорил быстро, напористо. Но слова его звучали как-то дико, походили на бред. И я подумал оторопело: „Какая еще „спинка“? О чем он?.. Это, что же, новый, ”хрущевский” стиль ведения допросов?”

Капитан в этот момент умолк, посмотрел на меня пристально. И вдруг засмеялся:

— Я знаю, о чем вы думаете! По лицу вашему вижу. Нет, нет, все не так... От вас мне сейчас ничего не надо! Просто узнал, что в Таштыпе появился журналист, и вот решил пригласить...

— Ничего себе „пригласить”, — проворчал я, гася папиросу.

— Ах вот вы о чем. Ну, ну, не обижайтесь. Это все дурак сержант напутал. Перестарался... И я приношу свои извинения. Я, в сущности, чего хотел? Увидеться со свежим человеком, немного выпить, поболтать о литературе. Абакан — это, конечно, не Москва и не Париж, но все же столица области. Культурный, так сказать, центр. У вас там жизнь кипит. А я здесь полностью оторван от мира. Лишен общения... И, знаете, от этого иногда тяжело становится — тоска берет за душу... А от тоски и от скуки есть только одно лекарство!

И он жестом фокусника извлек откуда-то бутылку коньяка. Мы начали пить. Коньяк действительно оказался превосходен. И спинка хариуса тоже была неплоха. И постепенно я отмяк, оттаял, перестал топорщиться. Нелепая ночная эта беседа с тоскующим мусором начала меня даже забавлять.

Он был вполне, как мне показалось, искренен, расспрашивая о книжных новинках, о современных веяниях в литературе... Когда-то он, оказывается, учился в Томском университете, на филологическом факультете. Потом ушел... Но вкуса к литературе не потерял! Особенно его интересовал поэт Константин Симонов, стихи которого он знал неплохо. Разгорячась от коньяка, он процитировал знаменитые симоновские строки: „Жди меня, и я вернусь. Только очень жди”. Потом поинтересовался, не встречал ли я его лично?

На всякий случай я соврал, сообщив, что да, встречал, но — редко...

— Завидую, — вздохнул Соколов. — Вы ездите всюду, видите всех! А мне и словом перекинуться не с кем... У нас тут, правда, есть один старичок учитель, бывший профессор московского университета, доктор наук. Его сослали сюда в сорок восьмом году. Человек действительно высокообразованный. Столичная штучка! Но чудак. С февралем.* — Соколов покрутил пальцем возле виска. — Понимаете? Разговориться с ним и раньше-то было не просто, а в последнее время старичок вообще отключился... Увлёкся вдруг фольклором, местными легендами и ни о чем другом не говорит.

— А все-таки о чем же он говорит, к примеру?

— Да чепуху городит! Про огнепоклонников что-то лопочет, про каких-то саламандр...

— Что-о? — встрепенулся я. — Про саламандр? Так это же очень интересно!

— Вы думаете? — пробормотал Соколов с сомнением. — Что же тут интересного?

— Да все, — воскликнул я, — сама эта тема! Кстати, профессор преподает какой предмет?

— Историю.

— Где?

— В здешней десятилетке.

— Мне непременно надо с ним увидеться!

— Что ж, это можно устроить, — с легкостью отозвался капитан. — Если хотите, вызовем его сейчас.

— Но ведь сейчас ночь! — я взглянул на часы. — Начало второго. Не будете же вы его будить, подымать с постели?

— А почему бы и нет? — усмехнулся капитан. — Поднимем. Не впервой! Прибежит сразу... Ссылные интеллигенты народ послушный, исполнительный.

— Он все еще ссылный? — удивился я. — Разве послесталинская амнистия сюда не дошла?

— Дошла, — покивал капитан, — а как же? И профессор Ивлев официально в ссылке уже не числится, но...

— Но?

— Но документы ему еще не выданы. Так что он пока проходит по моему ведомству.

— Понятно... Однако будить старика не стоит, — сказал я, — лучше я завтра сам его разыщу.

И добавил, помедлив:

— Странная у вас все же манера общаться с людьми...

* Старая шутка. В феврале, как известно, не хватает одного дня.

— Странная? — хохотнул капитан, — Не знаю. Это смотря на чей вкус... А, впрочем, не будем отвлекаться. Давайте-ка ваш стакан!

Мы чокнулись с ним и выпили. И я подумал, глядя на этого безумца в золотых погонах: „А все же права поговорка — „Нет худа без добра“! В самом деле, не задержи он меня силой, я наверняка бы уехал с первой попутной машиной этой же ночью. Или рано утром...”

КОГДА ЗЕМЛЯ БЫЛА ЮНОЙ...

Рано утром я разыскал профессора Ивлева. И сразу же понял, что встретил занятного чудака.

Мой рассказ о Священной пещере и Пляшущей Ящерице вызвал у него неподдельный восторг.

— Значит, вы видели! — воскликнул он. — Видели. Наконец-то!

— Да вот в том-то и дело, что я не знаю — было ли это в действительности или же просто померещилось... Может быть, мы с Денисом попали во власть галлюцинаций?

— Может быть, — усмехнулся старик, — а может, и нет...

Тщедушный, сутуловатый, с седой всклокоченной бородкой, он чем-то вдруг напомнил мне шамана. Того самого, которому я недавно дарил „Золотое руно“. Разница меж ними заключалась в том, что шаман был мистиком и свято верил в духов. А профессор считал себя материалистом и верил в существование на земле остатков древней кремнийорганической жизни.

— Кремнийорганические существа, — рассуждал он, шагая по шумной улице к школе, — представляли собою первую, уникальную форму жизни, зародившуюся в ту давнюю пору, когда земля была еще юной, горячей...

— Горячей — это в смысле: огненной?

— В общем, да. Представьте себе период, когда формировались материка, шли горообразовательные процессы... На планете тогда действительно было горячо! Ну, а затем вулканические силы ослабли. И огненная жизнь эта начала помаленьку угасать. И некоторые ученые, к числу коих принадлежу и я, полагают, что обыкновенная глина, знаете, которая встречается в оврагах и на откосах рек, — образована из кремнийорганических существ. Так, например, каменный уголь — это кладбище первобытных папоротников и хвощей. А, скажем, пласты известняка...

— Да, да, — сказал я, — из ракушек! Знаю! Но кремнийорганическая жизнь — это ново, ничего подобного я и не слыхивал! Хотя, конечно, в дочерей огня, в Саламандр, судя по литературе, верили многие...

— Многие и давно, — подхватил профессор. — О них писали Аристотель и Плиний. Ими всерьез интересовались средневековые ученые. Да и не только средневековые... Не только... Наш современный, академик Вернадский, например, утверждал, что „жизнь на земле существовала всегда”. Но ведь он же прекрасно знал, что белковая жизнь возникла не сразу... Значит, он имел в виду какую-то другую форму... Какую же? Безусловно, кремнийорганическую!

— Признаться, я всегда думал, что данная тема — сугубо поэтическая, — пробормотал я, — связанная с мистикой, с магией. И уж во всяком случае, к строгой науке отношения не имеющая... А тут, оказывается, целая теория!

— К сожалению, официально не признанная, — развел руками Ивлев. — Но сторонников у этой теории немало! И доводов в ее пользу достаточно.

И он начал говорить, неторопливо и размеренно, словно читая лекцию:

Кремнийорганическая жизнь, как мы уже выяснили, стала угасать, но все же исчезла не полностью! На похолодавшей планете сохранились горячие точки — вулканы. И там по-прежнему жили дочери огня... Но подлинным их спасителем оказался человек. Он зажег костры — и Саламандры вновь завоевали мир! Люди бережно хранили огонь и передавали от одного очага к другому. И всякий раз вместе с жаром углей переходили на новое место семена кремнийорганической жизни. Но затем были изобретены кресало и огниво, а позднее — спички... И совершенно ясно: цивилизация убила Саламандр... Но опять же — не всех! Не до конца! На земле еще и поныне горят кое-где неугасимые костры, например — в храмах Индии и Тибета, в глубинах Африки, в тайге. И о местных огнепоклонниках я тоже кое-что слышал... Но сам проверить все это — уйти в горы, — к сожалению, ни разу не смог. Я же нахожусь тут в ссылке, под строгим контролем.

Старик умолк, перевел дух. И я сейчас же спросил:

— А, кстати, за что вас? Если это не секрет...

— Да нет, — поморщился он, — какие тут могут быть секреты. Дело известное. Ведь я — космополит.

— Так вы, значит, попали в ту самую волну?

Он молча кивнул. И потом мы шагали и думали каждый о своем. И скорее всего об одном и том же. Дом, где жил профессор, и школа, где он работал, находились в противоположных концах Гаштыпа. А селение это протянулось на три километра, так что времени для раздумий у нас хватало... И вот сейчас я хочу воспользоваться паузой и поделиться с вами мыслями о „той самой волне”.

Волна эта была, по сути, одной из последних при жизни Сталина. А вообще-то сталинский период, продолжавшийся четверть века, был самым мрачным в тысячелетней истории России. Такого чудовищного террора страна не знала ни при татарах, ни при Иване Грозном. Как известно, Сталин начал с того, что полностью развалил, разрушил сельское хозяйство. В результате возникла сложная ситуация, при которой он должен был или уйти с поста генсека, или как-то оправдаться перед партией, или же просто пресечь, подавить любую возможность критики.

Именно этот, третий путь и выбрал „кремлевский горец”. И быстро и весьма ловко организовал массовые внутрипартийные репрессии. Он повернул это дело так, будто бы речь шла о борьбе за чистоту партийных рядов. Внешне он не мстил, а просто разоблачал предателей... И множество коммунистов поверили Сталину слепо! И они сами, своими руками помогли ему расчистить дорогу к беспредельной диктаторской власти.

Сталин видел врага в каждом, кто держался независимо и пользовался широкой популярностью. А таких в ту пору имелось немало — это все были старые кадры революционеров и героев гражданской войны. Почти все они, в конечном счете, были уничтожены.

Репрессии совершались тогда непрерывно, под вопли толпы, жаждущей крови, требующей „смерти предателям!”. Вперемежку с „партийными” волнами прошумели, прошли волны дипломатов, инженеров, хозяйственников. Вдруг начались аресты среди ученых и писателей. Потом наступила очередь военных.

Случилось это перед второй мировой войной. В короткий срок были расстреляны все выдающиеся полководцы, уничтожен почти полностью Генеральный штаб. Армия оказалась обезглавленной — и такой она встретила начало войны. И все же Россия устояла и выиграла войну. И вот когда с фронта домой воротились счастливые воины, герои, — поднялась новая волна террора.

Это уже никак, ничем нельзя было объяснить. В самом деле, старых врагов и влиятельных соперников у вождя больше уже не осталось. Какой же смысл был в новых репрессиях, направленных, к тому же против интеллигенции? Прослойка эта почти не имела касательства к партийным делам...

Тут все дело в страхе — в Великом Страхе, — всю жизнь державшем вождя за глотку и не отпускавшем его ни на миг. Сталин и его клика боялись не только предполагаемых „врагов” и заговорщиков; в неменьшей степени пугал их дух свободомыслия. Ведь имен-

но этот дух постоянно плодил фрондеров и ревизионистов! В предвоенную пору дух этот вроде бы ослаб, но после победы опять начал крепнуть... Сталин прекрасно понимал, что люди, прошедшие по Европе и повидавшие свободный Запад, непременно должны заразиться сомнениями и впасть в опасную ересь.

Рассадником свободомыслия и разных ересей всегда, при любых системах была творческая интеллигенция: ученые, артисты, писатели. Вот по ним-то и ударила новая волна! И особенно на сей раз — по ученым.

Вскорости после войны партийная пресса повела разговор о том, что среди советских интеллигентов имеется огромное количество поклонников буржуазного Запада — скрытых и явных. Такие люди — утверждалось в газетах — крайне опасны! Преклоняясь перед зарубежной культурой, они принижают свою. И предают, таким образом, интересы родины. И развращают гнилыми космополитическими идеями здоровых советских патриотов.

Произошел небывалый взрыв шовинизма. Началась охота за ведьмами... В категорию „космополитов” попали все те, кто отличался „невосторженным образом мыслей”. Ну и конечно же, люди с нерусскими именами, преимущественно — еврейскими. Период этот продолжался вплоть до смерти вождя. И потери, которые за это время понесла интеллигенция, попросту не поддаются учету.

* * *

Я покосился на старика. Он шел, опустив голову, занавесив глаза седыми бровями. Судя по выражению его лица, он мысленно был весь в прошлом...

Чтобы как-то развлечь его, развеселить, я сказал, закуривая:

— Кстати, есть такой анекдот. Считается, что рентгеновский аппарат и телевизор изобретены на Западе. Но это вранье. В действительности же их изобрел русский царь Иван Грозный. Он еще в шестнадцатом веке кричал опальным боярам: „Я вас, сволочей, вижу насквозь и на расстоянии!”

Ивлев вздохнул, словно бы просыпаясь. И поднял ко мне лицо.

— Забавно, — проговорил он, — и весьма типично... Мы так много боролись за русский приоритет в науке, что утратили всякую меру и докатились до анекдотов.

Он улыбался, но как-то кисло. Губы его постепенно начали складываться в гримасу. И я понял: нет, развеселить мне его не удастся.

— Чего я только не насмотрелся в минувшие годы, — продолжал

старик, — уму непостижимо! Все мировые научные достижения или приписывались русскому гению, или же просто отвергались. Как порочные и „ненужные народу”. Вот так была, например, разгромлена молодая наука генетика. Да и не только она. Беспощадному разгрому подвергались также кибернетика, биология, отчасти — химия...

— Ну, а вы, — сказал я, — вы-то, простите, на чем специализировались?

— На изучении античного мира. Я — эллинист.

— Но это же предмет отвлеченный!.. Вполне, так сказать, невинный... В чем же, собственно, могли обвинить вас?

— А меня лично ни в чем и не обвиняли, — пожал он плечами, — обвиняли других. Моих коллег по университету. А я просто должен был подписать один документик, разоблачающий их всех...

— То есть — донос?

— И какой донос! Настоящее художественное произведение... Но я отказался, и вот — я здесь.

И тогда я произнес с оттенком торжественности:

— А вы знаете, что ваша ссылка, в сущности, окончена? Хочу вас, кстати, поздравить! Капитан Соколов сообщил мне давеча, что скоро вам выдадут „вольные” документы.

Я думал, что это известие потрясет старика, обрадует его. Но он отнесся к сказанному до странности спокойно.

— Да? — Он пожевал губами. — Наконец-то. Я уже и ждать перестал... Ну, что ж, спасибо за новость.

И потом, быстро, пристально глянув на меня из-под нависших бровей:

— Вы, стало быть, знакомы с капитаном?

Я вкратце рассказал старику обо всем, что случилось со мною минувшей ночью. И тот покивал, наморщась:

— Это на Соколова похоже. Весьма! Ведь у него — типичный административный психоз. Он отождествляет себя с занимаемым местом... Таких монстров во множестве плодят бюрократические системы. С его милицейской точки зрения все штатские люди — клиенты, которых полагается вызывать в кабинет. И иногда он и меня вот так же вызывает поболтать и выпить. А пить мне нельзя — большое сердце.

— Но это все уже кончено, — успокоил я его, — скоро вы уедете.

— Ох, не знаю, — проговорил он медленно, — куда мне ехать-то? В Москву? Но там никто меня уже не ждет. Жена померла. И друзья тоже — кто поумирал, кто угодил за решетку, а дети...

— Что — дети?

— У меня, понимаете ли, есть сын. Он такой же, как и вы, молодой, журналист. Работает в Москве. Так вот, когда начался террор,

он сразу отрекся от „грешного” отца. Испугался за свою карьеру... Так что и сына, в общем-то, тоже у меня нет. Никого нету! Я один, как перст. А начинать все заново, одному, в мои-то годы, — это, батенька, выше человеческих сил.

Дорога кончилась. Мы приблизились к школе. И глядя на шумящую во дворе детвору, Ивлев сказал задумчиво:

— Я уж привык тут, корни пустил... Не-ет, уезжать мне незачем. Да и нельзя. Ведь места, где царит культ Огня, — они рядом, поблизости! И теперь я смогу все сам повидать...

— Вы что же, — поинтересовался я, — этими саламандрами и раньше занимались?

— Специально — нет, не занимался... Но знал о них давно. И вообще говоря, образ саламандры меня постоянно волнует. Согласитесь, в нем что-то есть символическое, грозное... Оно как бы является воплощением зла! Ведь кремнийорганическая жизнь совершенно чужда нам, людям, и даже враждебна. Все, что для нас губительно, — катастрофы, война, пожарища, — для нее благо! То есть наш „ад” был бы для саламандр истинным „раем”. И наоборот. Представляете?

Старик всплеснул руками. Глаза расширились и остекленели. И опять он напомнил мне шамана — теперь уже впавшего в транс, творящего заклинания. Или же охваченного безумием...

— Дочери огня! Они гаятся в глухих закоулках планеты и ждут своего часа... И час этот когда-нибудь настанет. Не забывайте, в какое время мы живем!

В этот момент грянул школьный звонок. Шумный двор опустел. И шаман торопливо пошел проводить занятия в классе.

УЖ ЕСЛИ НЕ ПОВЕЗЕТ...

Сутки спустя я находился уже в кабинете главного редактора газеты.

Когда я вошел туда, там толпилось много народу. Очевидно, только что кончилась летучка. Журналисты галдели, перебрасывались шуточками. И вдруг все разом смолкли — увидели меня...

— Ага, — воскликнул редактор, — явился все-таки! Ну, иди сюда, голубчик, садись. Потолкуем.

Затем он коротким взмахом руки отослал ребят. И мы остались вдвоем.

„Почему они все на меня так странно смотрели? — подумал я,

беспокойно ворочаясь в кресле. — Ох, это неспроста...” И словно бы услышав мои мысли, редактор проговорил:

— Ты, брат, легок на помине... Только что о тебе шел разговор.

— Какой разговор? В связи с чем?

— В связи с твоим увольнением...

— Как же так? — Я вскочил. Снова сел. Заморгал растерянно. — Вы меня увольняете? Но почему же? Неужели из-за моей отлучки?

— Ну, отлучка еще не самая большая беда... Хотя, конечно, то же было бы достаточно. Все-таки два с половиной месяца — не шутка!

— Но я в результате привез вам отличный материал, — забормотал я. — Редкостный...

— Это о чем же? — прищурился редактор. О жизни туземцев? О дикарях?

— Ну, да. Но и не только... О языческих религиях, о культуре огня, о саламандрах.

— Но ты все перепутал, — возразил он резко. — Такая тема подошла бы, может быть, для молодежного приключенческого журнала, но нам-то она зачем? Нет, голубчик, саламандры нас не интересуют, это во-первых. И во-вторых, все равно уже поздно...

— Поздно? — повторил я дрогнувшим голосом.

— Да, — сказал редактор, — нынче утром я подписал приказ.

Мы сидели на противоположных концах огромного канцелярского стола, сплошь заваленного корректурными листками, пачками всяческих бумаг. Порывшись в них, редактор достал и перебрал мне небольшую — трехстраничную — рукопись. И я мгновенно узнал свою собственную статью. Ту самую, которую я когда-то послал из Ширинского района в Москву, в газету „Правда”. Ту самую, которая, как я рассчитывал, должна была спасти урожай и круто изменить мою судьбу...

— Как видишь, твое послание вернулось, — ровным голосом сказал редактор.

— Странно. — Я помолчал, разглядывая рукопись. — И давно?..

— Месяца полтора назад. Собственно, тогда-то я и писал тебе в Таштып. Хотел побыстрее вызвать...

— И что же? — не поднимая глаз, спросил я. — Были какие-нибудь комментарии?

— Да, в общем-то, никаких, — ответил он. — В сопроводительной записке просили разобраться в обстоятельствах — и все... Причем учти: записка эта была адресована не мне, а секретарю обкома. Можешь представить себе реакцию партийного начальства! Ведь ты, по существу, накапал на нас на всех.

— То есть как — накапал? — смутился я.

— А как же иначе это назвать? Ты раскритиковал все областное руководство. Обвинил его в нерадивости, в бездарности... А ведь такое обвинение серьезно. Очень серьезно! Да и своего редактора ты тоже не пощадил.

— Это неправда! О вас лично я ни одним словом...

— Ну как же, — перебил меня редактор. — Перечти-ка заново статейку; там есть место, которое я подчеркнул... Ну! — он подался ко мне, твердо глянув в глаза. — Читай! Вслух!

И я прочитал запинаясь:

— „О надвигающейся катастрофе я уже пробовал сигнализировать, обращался в свою областную редакцию. Но это оказалось делом бессмысленным, безрезультатным. И вот тогда, не желая терять понапрасну времени...”

— Хватит, — редактор поднял ладонь. — Вполне достаточно! И потом, хлопнув ею по столу, по бумагам. — Надеюсь, ты понимаешь, что после всего этого оставлять тебя в редакции я уже не могу?! Да даже если бы я и примирился с тобой, другие люди все равно бы помешали... В обкоме, например, меня уже кто-то спрашивал: как же ты, мол, можешь держать такого склочника, интригана?

— Но, черт возьми, — сказал я, раздражаясь, начиная закипать, — какой же я интриган? Я хотел как лучше... Боялся, что хлеб погибнет и опять не достанется людям. И он, действительно, почти весь погиб!

— Верно, — покивал редактор. — Почти весь... Ну и что?

— Как то есть — что? — Я даже растерялся на мгновение. — Разве для вас это все не имеет значения?

— Да пойми ты, чудак, — с досадой сказал редактор, — зерно, даже и сгоревшее, все равно не пропало. Оно пригодится нам.

— Как же это оно сможет пригодиться? Для чего?

— Для пропаганды.

— Но что же тут пропагандировать-то? Нашу немощь?

— Наоборот — нашу мощь!

Я вдруг подумал, что в последнее время я беспрерывно сталкиваюсь со всякими странностями, с загадками... И разговоры, которые мне приходится вести, по большей части мутны и бредовы. И я не перестаю удивляться происходящему. И все меньше понимаю, что же происходит?

— Что же все-таки происходит? — спросил я поговя. — Я как-то не улавливаю... Не вижу логики.

— Сейчас объясню, — усмехнулся редактор. — В принципе, все просто. Хотя логику ты тут ищешь напрасно. — Коренастый, грузный, бригоголовый, он сидел, прочно упершись в стол локтями, по-

пыхивал папироской и шурился от дыма. — Странно, что ты не улавливаешь, — редактор посмотрел на меня с прищуром, — глуповат, что ли? Ну, ладно... Пойми: дело вовсе не в том, сколько хлеба мы добыли. Если бы мы даже спасли весь урожай, две трети его так или иначе ушли бы на сторону. Мы же ведь кормим Китай, Корею, кое-какие другие страны... Неужели ты этого не знаешь?

— Знаю... Это всем известно!

— Ну, вот. И русскому мужичку все равно досталось бы, в результате, немного... Так что суть здесь в другом... Победа на целине имеет особый, символический смысл. Мы распахали колоссальные площади, освоили дикие просторы — и доказали всему миру, что неразрешимых проблем у нас нет. И если понадобится, распашем еще больше... Земли у нас хватает и силы имеются. Вот такова пропагандная схема! И ты ее запомни на будущее. Приучайся мыслить широко, если, конечно, хочешь продолжать журналистское поприще... Ведь хочешь?

— Хочу, но я же теперь безработный, — пробормотал я. — Какое у меня будущее?

— Видишь ли, дружок, — медленно проговорил редактор, — по идее, я должен был бы на тебя рассердиться... Ведь ты же меня подвел! Но нет — не сержусь. Уж больно ты наивен. Во всяком случае, даже совет могу дать: поезжай-ка в Туву. Она рядом. И в тамошней газете как раз не хватает людей. Это я точно знаю! А ты хоть и глуповат и суетлив излишне, но перо у тебя хорошее. Такого там сразу возьмут.

— Так я же выгнанный! Карьера моя, судя по всему, теперь закончена...

— Чепуха! — небрежно отмахнулся редактор. — Я могу тебе выдать справку, что ты уволился по собственному желанию. Это сделать несложно. А с такой справочкой ты вольный орел! Лети, куда хочешь, трещи оперением... Только не задерживайся в наших краях.

Он загасил папиросу. И потом покрутив головой:

— Саламандры! — сказал, ухмыляясь. — Ну, ты, брат, юморист!

* * *

Получив расчет и заветную справочку, я направился в ближайший бар. И долго сидел там, потягивая пиво и размышляя о незадачливой своей судьбе.

Хоть я и был теперь „вольным орлом”, я все же чувствовал себя скверно. Опять — в который раз уже! — мне приходилось бросать насиженное место, обрывать все связи и уезжать в неизвестность...

А уезжать было нельзя, никак нельзя! Я только недавно сдал в Хакасское областное издательство рукопись первой своей стихотворной книжки. Наконец-то начал сближаться с местной писательской братией... Дверь в литературу — куда я так долго и безуспешно стучался, — теперь приоткрылась мне. Медленно, со скрипом, но все же приоткрылась! И вот все внезапно осложнилось. Я опять выбывал из игры. И виною этому оказалась моя наивность или, может, действительно, — глупость?

В бар, топоча, ввалилась группа типографских рабочих. Некоторых я знал. И один из них, линотипист Алеша, сказал, останавливаясь возле моего столика:

— Что, старик, грустишь?

— Да, понимаешь ли, не везет мне, — пожаловался я, — ни в чем не везет! Искал правду, а нашел беду. Надеялся на перемены — и они произошли. Только совсем не так, как мне бы хотелось. Не такие, как надо... Все повернулось наоборот!

— Н-да, бывает, — пробормотал Алеша. — С судьбой не поспоришь. Уж если не повезет...

И тотчас же другой парень из наборного цеха подхватил:

— Уж если не повезет, как говорит пословица, и на родной сестре триппер поймает!

Я разговорился с ребятами, и мы, естественно, выпили. И затем я поинтересовался: бывал ли кто-нибудь в Тувинской области и знает ли, что там за газета?

— Эта область вообще интересная, новая, — сказала Алеша, — Тува, учти, советской стала недавно — в сорок четвертом году.

— Так. А газета?

— Газета там тоже своеобразная...

— Знаменитая, — хихикнул наборщик.

— На каком языке она выходит?

— На русском.

— Значит, и она — недавняя?

— Лет семь всего как возникла.

— Ну и чем же она знаменита?

— Да, собственно, ничем особенным, — дернул плечом Алеша. — Просто туда почему-то съезжаются все те, кто оскандалился, в чем-то провинился...

— Редакция неудачников, — подмигнул наборщик.

И я тотчас же подумал с невольной грустной усмешечкой: теперь все понятно. Что ж, это точно для меня! Поеду, попробую. Может, устроюсь. Ну, а уж если не повезет и там...

Редакция тувинской газеты оказалась именно такой, какой ее описывали мои приятели. В ней, и правда, в течение долгого времени находили себе приют безработные, оскандалившиеся журналисты. К моменту моего приезда там, например, служило трое пострадавших за так называемые „редакционные казусы” и типографские ошибки.

Один из них (Сергей Анисимов) работал в свое время на Дальнем Востоке в портовом листке. Как-то раз, когда началась путина, он выступил со статьей, в которой призывал всех береговых чиновников и бюрократов оказать посильную помощь рыбакам, принять личное участие в весеннем лове трески... В основной своей массе чиновники были людьми партийными. И потому Анисимов назвал статью просто и ясно: „Всех коммунистов – в море!”

Конечно, сразу же разразился скандал. Журналиста изгнали. И он долго потом пытался доказать, что в данное название он не вкладывал никакого крамольного смысла, что произошла роковая ошибка. Ему не верил никто. Некоторые из самых близких его друзей сочувственно улыбались ему, понимающе подмигивали. И эти дружеские гримасы доводили журналиста до исступления. Они казались ему еще худшим бедствием, чем грозный ропот начальства. Словно бы по общему сговору, Анисимов был произведен в бунтари, в заговорщики. И он вскоре понял, что надо не оправдываться, а бежать...

Другая жертва „казуса” журналистка Нина Брагина, прибыла в Туву из уральской газеты. Она возглавляла там отдел культуры. И погорела тоже из-за заголовка.

Здесь следует предварительно объяснить: в России существует много различных жаргонов. Есть жаргон уголовный. Есть артистический, молодежный, военный. И имеется также бюрократический. Его обычно называют „протокольным”. И на протокольном этом языке крупные областные города именуются „кустами”, в связи с тем, что у каждого такого города в подчинении находится множество мелких, районных городков и селений.

И вот когда в областном городе Свердловске закончилось совещание районных учителей, местная газета вышла, украшенная лозунгом: „Будем чаще и активнее обмениваться опытом в кустах! Встречи в кустах – лучшая форма контакта!”

Автором страстного этого призыва была Нина Брагина. И редакционное начальство не простило ей конфуза...

В партийных газетах, вообще говоря, ошибок не любят. Считается, что любая неточность в тексте опасна. Она почти всегда таит в себе подтекст – политический или скабресный. И это правило отно-

сится не только к стилистическим погрешностям, но и к простым опечаткам, к мелким типографским ошибкам.

Вот так, например, в читинской многотиражке произошел любопытный случай: в статье, посвященной Сталину, из слова „главнокомандующий” вдруг выпала буква ”л”. Можете представить, что произошло!

Тираж газеты был конфискован. Началось расследование. В итоге, подозрение пало на метранпажа — технического редактора — Марка Полянского. Его арестовали. Но, к счастью, сразу же выпустили.

Было это летом 1953 года, и следователь, отпуская Марка на волю, проговорил с тоскою: „Эх, если бы вождь не помер, я бы с тобой по-другому потолковал, я бы тебя, сукин сын, научил, как свободу любить!”

В конце концов Марк тоже очутился в Туве. После этой истории в родных своих местах он уже устроиться нигде не смог. С ним произошло то же, что и с Брагиной, и с Анисимовым; никто не верил, что ошибки, ими допущенные, случайны. И ответственные партийные чиновники, и главные редакторы газет — все теперь опасались их, боялись с ними связываться...

И, пожалуй, единственной личностью в Сибири, не боявшейся ни черта, был тувинский редактор. Он охотно принимал к себе всех проштрафившихся. И основное, самое жесткое требование, предъявляемое им, было: умение хорошо писать!

Его, конечно, можно было понять. В пустынном, полудиком этом краю обитали, в основном, кочевники — скотоводы (тувинцы) и всякого рода строители и геологи (русские). Творческой же, „лишущей” интеллигенции в ту пору там почти не было. И вряд ли можно было ожидать, что она появится в ближайшее время...

Слишком уж далеко лежала Тува — у самых границ Монголии. Слишком суров был ее облик. Промышленность только еще создавалась в тех местах. И был всего лишь один культурный центр — город Кызыл. Небольшой деревянный этот город находился в саянских горах, в том самом месте, где сливаются реки Каа-Хем и Бий-Хем, и откуда берет свое начало Енисей.

Вот там-то, в центре Тувы, над рокочущим Енисеем, и располагалась знаменитая Редакция Неудачников.

Неудачники, впрочем, работали весьма успешно! И тамошняя газета выглядела интересной, даже нарядной. Как бы то ни было, оформлением и версткой ее занимались мастера. И публикации также были не казенными, не скучными — ведь люди там не боялись случайных ошибок и казусов.

И я тоже вздохнул свободно. И наконец-то занялся тем, к чему меня всегда влекло, что меня искренне интересовало. А более всего интересовала меня история, этнография, фольклор. И сейчас я думаю, что в этом-то и заключалось мое настоящее призвание. Однако судьба уготовила мне иные пути. Совсем иные – путаные, трудные, ведущие непонятно куда...

Но пока-то они привели меня в Туву, и здесь мне удалось собрать и обработать несколько любопытных легенд. И одна из них вскоре появилась в печати. Она называлась весьма поэтично – „Рожденный из слез”.

В легенде рассказывалось о двух братьях, двух могучих богатырях. Старший брат – свирепый и угрюмый Бий-Хем – жил в Саянах, в замке Кара-Балык. А младший – Каа-Хем, весельчак и песельник – бродил беспечно в монгольских горах. И вот однажды они оба заметили в небе необычную, яркую, падающую звезду. И отправились вдогонку за нею... Звезда упала на широкую травяную равнину. И добравшись туда, братья увидели прекрасную девушку – вот в кого звезда превратилась! – одиноко бредущую по траве. И конечно, оба с ходу влюбились в незнакомку. А с любовью возникла ревность. И не успели богатыри сойтись, как меж ними возникла жесткая схватка. Старший брат был мощнее, но зато младший – ловчее, увертливей... И бой затянулся надолго, на много дней. А когда он окончился, красавица увидела, что богатыри – мертвы... И она заплакала, склонясь над их телами. И так она горько рыдала, что застыла, закаменела, превратилась в скалу. Но слезы ее не иссякли, нет, – они и поныне льются...

И поныне в том месте, где погибли соперники, висится гранитная чуть наклоненная скала. И из женских, неиссякаемых слез рождается великий Енисей.

Публикация эта вызвала в редакции разговоры... Нина Брагина, например, восприняла легенду как романтическую поэму. И с увлечением рассуждала о кочующих сюжетах, о вечных темах любви и смерти. Полянский же интересовался так же, как и я, фактической, реальной подоплекой произведения. Он считал, что фольклор всегда содержит в закодированной форме определенную историческую информацию. И задача заключается в том, чтобы этот код расшифровать.

Такой вот расшифровкой мы с ним и занялись; попытались совместить сказочный сюжет с подлинной историей.

Собственно говоря, древнейшая история Тувы изучена слабо; в ней имеется немало темных мест... В глубокой древности, очевидно, на территории Тувы существовал прочный союз урянхайских племен. Потом союз этот распался. Началась долгая полоса междоусобиц. И вот об этом-то, решили мы, как раз и рассказывается в легенде. И сцена, где братья убивают друг друга, отнюдь не проста, символична!

Ослабленная раздорами Тува становится с тех пор постоянной добычей захватчиков. В основном, это — выходцы из Северной Монголии; древние тюрки, уйгуры, полчища Чингисхана... Были в Туве также и джунгары и маньчжуры. И кого там только не было! Ну, а в двадцатом веке Тува вплотную соприкоснулась с Россией. В начале Первой мировой войны она попадает под русский протекторат, а в конце Второй мировой — входит в состав Советского Союза.

— Ты смотри, какой емкий образ, — сказал я Полянскому. — Енисей рождается из слез... Конечно! Здесь как бы отражена вся судьба этой страны.

— Да, да, — кивнул тот, — сделано ловко. Одно только мне не нравится — дурацкая эта звезда. На кой черт она? Это же явная банальность, дешевая метафора.

— Не знаю, не знаю, — усомнился я. — Может, и в дешевой метафоре тоже кроется определенный смысл.

— Какой же?

— Ну, предположим, что конфликт между союзными племенами впервые возник из-за женщины... Это же вполне допустимо, а? Вспомни хотя бы древнюю Троию. Она погибла из-за Елены Прекрасной. И подобных примеров множество.

— Ах так, — пробормотал Марк. — Признаться, я об этом не подумал. Стало быть, „звездная“ эта красотка...

— Наверняка была реальной фигурой! Скорее всего, она являлась дочерью какого-нибудь местного князька. И свара началась среди претендентов...

Разговор этот происходил в редакции. И комната, где мы сидели, была полна людьми. Стоял немолчный гул голосов, треск машинок. Но кое-кто сквозь этот шум прислушивался к нашей беседе.

Молодой репортер Гриша, например, среагировал весьма неожиданно.

— Вот что бабы делают с людьми! — воскликнул он. — Вот что они, гадюки, вытворяют! Целые страны из-за них гибнут.

А затем к нашему столу приблизился старый разъездной корреспондент, Семен Кычаков.

– Вы ищете реальную подоплеку, – сказал он, – правильно! Она тут есть. Это заметно.

– Ага, – встрепенулся Марк. – Ты так считаешь? Но дай хоть какой-нибудь пример...

– Да взять хотя бы географические подробности. Они на удивление точны. А для простой сказочки подобная точность вовсе не нужна! Здесь же вы можете проследить путь этих братьев по карте – и все совпадает! Вы наверняка знаете, что Бий-Хем именуется также Большим Енисеем, а Каа-Хем – Малым... Так вот, Большой в самом деле многоводен, свиреп. Он рождается в Саянах, и там есть озеро Карабалык. И то же самое, в принципе, можно сказать о Малом Енисее...

Он о многом нам рассказал, старый корреспондент. И заметил, что истоки Каа-Хема, находящиеся в Монголии, до сих пор еще плохо исследованы. И вообще в монгольских горах кроется немало тайн.

„Эх, – подумал я тогда, – побывать бы в тех краях, глянуть бы на них хоть разок!”

И конечно, в эту минуту я не догадывался, что желание мое очень скоро исполнится...

Мне как-то даже и в голову не приходило, что это возможно. А ведь все, в сущности, объяснялось просто. Если на земле и имелось место, где могли бы исполниться мои желания, то оно как раз и должно было бы находиться здесь, в пресловутой Редакции Неудачников!

ПЕССИМИСТЫ И ОПТИМИСТЫ

Однажды ранней весной меня вызвал к себе главный редактор и предложил написать серию очерков о работе крупной комплексной экспедиции, ведущей изыскания у границ Монголии на юго-западе Тувы.

– Какой же срок вы мне даете? – спросил я.

– Месяц. Запланируем четыре подвальных очерка, по одному в неделю, и хватит... Согласен?

– Ладно, – я постарался сдержать ползущую по лицу улыбку. – Так экспедиция, вы говорите, комплексная?..

– В основном, этнографическая. Но там есть и антропологи, и историки.

– И где же ее база? Куда мне, собственно, ехать?

– Ехать пока никуда не надо. Сейчас ты пойдешь оформлять

документы и получать деньги. А потом дуй в гостиницу, знаешь, которая возле базара? Там спросишь Гринберга или Овчаренко. Они из этой самой экспедиции. Ребята свойские, простые, я с ними знаком... Они тебе все объяснят!

* * *

Овчаренко и Гринберг, действительно, оказались ребятами свойскими. Я появился в гостинице в тот самый момент, когда они собирались идти ужинать. И они с ходу пригласили меня с собой. И я согласился охотно.

В ресторане к нам присоединилась девушка — тоненькая, коротко стриженная, с золотистой челочкой, закрывающей лоб. Звали ее Катя. И спустя некоторое время она спросила меня:

— Так это, значит, я ваши стихи читала в местной газете?

— А нравится? — в свою очередь поинтересовался я.

— Да как вам сказать... — Она тряхнула челочкой и усмехнулась лукаво. — Вообще-то ничего. Только очень уж обще, отвлеченно. Все у вас какие-то пейзажи, полустанки... Дальние пути, трудные дороги... А что-нибудь более личное, интимное, что-нибудь о жизни вы можете, а?

— Но ведь наша жизнь — это как раз и есть дорога, — ответил я, — дальняя, трудная.

Сейчас же Осип Гринберг сказал, поднимая над столом бутылку:

— Катька! Кончай флиртовать. О более личном, интимном ты можешь беседовать со своим Серегой... Не трогай корреспондента! И вообще, братцы, давайте-ка ужинать.

И он аккуратно, бережно разлил по стаканам водку.

Ужин прошел весело. За столом шумели, говорили все наперебой. И я с любопытством прислушивался к разговорам.

Новые эти мои друзья — молодые этнографы, — как выяснилось, только что вернулись с берегов озера Тоджа и направлялись теперь к хребту Танну-Ола. Там находилась главная экспедиционная база. И туда-то, стало быть, и я должен был отправиться вместе со всеми.

Познакомился я также с работой и планами экспедиции. Она состояла из трех отрядов. И все они занимались, в общем, одним делом: изучали загадочный и сложный этногенез Тувы — старинного урянхайского края.

Дело в том, что в этом краю существовала редкостная смесь почти всех языковых и расовых элементов Южной Сибири и Север-

ной Азии. И данное обстоятельство озадачивало ученых... А Гринберг, тот попросту полагал, что именно здесь-то и надобно искать следы палеазиатской расы; останки таинственных „протомонголоидов”, когда-то обитавших, судя по всему, в тибетских и саянских горах.

Однако эту его идею решительно опроверг Антон Овчаренко:

— Ты, Осип, как всегда, перебарщиваешь, несешь чушь... Сибирский очаг расообразования, как известно, вторичный. И стало быть, все эти языки не возникли здесь, а пришли сюда. Ведь Урянхай лежит на пересечении древнейших путей... Это великий исторический перекресток!

— Ну вот, — поморщился Гринберг, — опять ты мне прописные истины читаешь... Учись, старик, мыслить широко, поэтично.

— Я не поэт, — резко сказал Антон, — я ученый.

— Не ученый ты, а начетчик. Во всяком случае, меня лично теория „перекрестка” никак не устраивает... Слаба эта теория, слаба!

— Но другой-то ведь нету, — тихо проговорил Антон. — Приходится пока мириться. И по правде говоря, что мы знаем? Грумм-Гржимайло не зря писал о тувинцах: „Эта народность останется для нас навсегда неопределенной”. Слова эти, заметь, принадлежат метру, генералу от науки! А мы кто? Рядовые...

— Однако плох тот рядовой, кто не хочет сам стать генералом!

— Ты опять меня не понял. Я ведь не гонюсь за чинами.

Ребята продолжали спорить. И я слушал их с интересом. Но предпочитал не вмешиваться в спор — помалкивал.

Катя тоже в разговор не вмешивалась; с аппетитом ела, пила. Затем закурила. И улыбнулась мне, шуря глаз от дыма:

— Вот так они всегда. Один оптимист, фантазер, романтик. Другой — скептик, пессимист.

В этот момент к нам подошел коренастый, приземистый парень в кожаной куртке — шофер отряда. Он живо присел к столу, выплеснул в стакан остатки водки из бутылки. И тронул за плечо Антона:

— Эй, пессимист, подвинь-ка мне салат.

— Да какой я, к черту, пессимист? — дернулся Антон. — Что за манера навешивать ярлыки? Просто я не люблю пустого фантазерства.

— Ладно, остынь, — пробормотал шофер примирительно, — шуток, что ли, не понимаешь?

Он выпил, отдулся. И помаргивая, оглядел собравшихся.

— А знаете, ребята, какая разница между оптимистом и пессимистом?

— Тут много вариантов... — заговорил Антон.

Но Гринберг перебил его:

— Давай, Митя! Выкладывай!

— Пессимист считает, что все женщины бляды. А оптимист только на это и рассчитывает.

— Здорово, — смеясь, воскликнула Катя, — самый остроумный ответ.

Потом она повернулась ко мне — отбросила со лба непослушную прядку.

— Ну а ты, — спросила она, — ты вообще-то кто по натуре?

И я ответил, посмотрев на нее долгим взглядом:

— Конечно же оптимист!

ДОРОГИ ТУВЫ

Отряд покинул город на следующее утро. В распоряжении исследователей был небольшой грузовичок с кузовом, крытый брезентом. Там уселись Осип, Антон и я. Катя поместилась рядом с шофером. И машина покатила, увязая в густой, весенней, непролазной грязи.

Настоящих дорог в современном понимании в Туве почти еще не было. На всю республику имелся тогда, в 1956 году, лишь один Усинский тракт, связывающий Сибирь с Монголией. Но он проходил восточнее и был нам ни к чему. А на нашем юго-западном направлении встречались только старые караванные тропы да глухие проселки.

Однако современная техника начала уже вторгаться в Туву; это подтверждалось обилием всякого мусора... Повсюду на обочинах валялись автомобильные покрышки, какие-то детали моторов. А иногда и целые составы погибших грузовиков и автобусов.

— У здешних водителей, — сказал шофер Митя, — как и у минеров, участь одна... Они могут ошибиться один только раз! И если уж сплеховал — кранты. Помощи тут ждать не от кого. И неоткуда. Я знаю случаи, когда ребята застревали здесь зимой, и только потом, спустя несколько месяцев, отыскивали их черепа.

— А затем какие-нибудь энтузиасты, — подхватил Антон, — изучив эти черепа, создавали оригинальные теории.

— Это на кого же ты намекаешь? — спросил Гринберг. И сейчас же они заспорили.

Они всегда спорили. По любому поводу. И внешне тоже были совершенно несхожими, разными. Причем самое забавное заключалось в том, что „пессимист” Овчаренко был рослым, спортивным,

розовощекиим парнем, с чистыми голубыми глазами и кудрявой „стильной” бородкой. А в „романтиках” ходил маленький, сутулый, длинноносый Гринберг, похожий в профиль на ворона. Они словно бы поменялись ролями; каждый взял себе чужое амплуа... А впрочем, это не мешало им крепко дружить. Они были неразлучны, два этих антипода! И вот так — споря и перебраниваясь, ездили вместе уже третий год.

Что же касается Кати, то она была еще студенткой, писала дипломную работу о вымерших тюркских языках. И в экспедицию прикатила вместе с мужем — антропологом Сергеем Новиковым.

Дипломная эта работа как раз и загнала ее в Тоджинский район. Там сохранились кое-какие надписи „Орхоно-Енисейского” периода. Но вообще-то научные проблемы интересовали ее мало... И когда я спросил Катю: „Какова же твоя специальность?” — она ответила, поигрывая бровью: „Женщина!”

Ну, что ж. Такая специальность тоже существует. И Катя, как я убедился вскоре, была в этой области мастерицей.

Как-то раз на ночной стоянке, после ужина она шепнула мне:

— Хочешь, пойдем побродим вон в тот лесок? Почитаешь стихи.

Я согласился. И она добавила, тряхнув челочкой:

— Только чтоб тихо... Дождись, когда все уснут.

Спустя часа два мы уже пробирались с ней сквозь сырые темные заросли. Шуршал под ногами непросохший хворост, хлюпала грязь. Глухо вскрикивала ночная неведомая птица. Катя вздрагивала и прижималась ко мне, и глаза ее в лунном свете мерцали маняще и плотоядно. Я сказал, поеживаясь:

— Холодно, неудобно... Какие уж тут стихи!

— Это верно, — усмехнулась она, — стихи потом. Давай-ка займемся делом.

— Но где? — озираясь, спросил я. — И как? Такая сырость...

— Ничего, — мигнула она, — давай! Прямо здесь!

Да, она оказалась большой специалисткой! Она умела устроиться в любых условиях, в самых неудобных местах. Причем все она делала азартно, с ненасытной жадностью и в то же время деловито и ловко.

— Откуда у тебя, крошка, такая выучка? — поинтересовался я затем. — Ты тут прямо — доктор наук.

— А что, разве плохо? — лениво отозвалась Катя. — Это современный стиль. Я вижу, ты отстал здесь в глуши от цивилизации... Мы, новое поколение, все можем и все знаем! Любви, дружочек, нет, есть просто секс. Есть удовольствие. Удовольствие — главное. И надо уметь его получать... Или давать... Вот смотри, как я еще умею!

И она продемонстрировала, как она еще умеет. А потом мы побрели обратно в лагерь. Я шел усталый, расслабленный и какой-то опустошенный. Она словно бы выпила из меня все соки. И ничего не дала взамен — ни нежности, ни тепла.

Простилась она со мной без сантиментов, как будто ничего между нами и не было! И я подумал с невольным вздохом: н-да, новое поколение... Действительно, я сильно от него отстал. Что же такое теперь там творится, в цивилизованном мире?

С этими мыслями я забрался под брезентовую крышу кузова к ребятам. Мужчины ночевали здесь все вместе, а Катя одна в кабине. И тотчас же Антон, приподнявшись на локтях, спросил деловито:

— Ты где же бродишь?

— Да с Катькой был, — ответил я, разуваясь.

— Ну и что?

— Да ничего. Она вообще-то деваха приятная, сладкая — как банка из-под меда. Но очень уж деловая какая-то...

— Слушай, — перебил он меня, — ты о чем тут лопочешь? А ну, замолчи!

Я умолк растерянно. А он, закуривая, продолжал уже более спокойным голосом:

— По идее, я должен был бы встать и набить тебе морду. Понимаешь?

— Нет... за что? Ведь она же не твоя жена!

— Она жена нашего товарища по работе. А ты — посторонний. И унижаешь сейчас и его и всех нас...

— Ну, не такой уж я и посторонний, — пробормотал я, — но все равно... Что я могу возразить? Если надо — бей! Наверно, ты прав.

— Но бить я тебя тоже не хочу.

— Так что же ты хочешь?

— Чтоб ты заткнулся! И никогда не смей при нас говорить об этом, мы ничего не хотим знать.

Я думал, что все остальные давно уже спят... Но тут вдруг откуда-то из темноты послышался голос Гринберга:

— И имей в виду: Сергей Новиков — человек опасный. Остерегайся его. Зря ты вообще все это затеял.

* * *

На следующее утро я ждал, что упреки продолжатся. Но нет, никто из ребят о вчерашнем и не поминал! Все словно бы забыли неприятную эту историю. И я тоже постарался ее забыть как можно скорей. Теперь я искренне сожалел: зачем я, в самом деле, все это затеял.

„Ты болван, — сказал я себе, — ты прибыл сюда не для любовных авантур, а для работы. Так пользуйся случаем: гляди, размышляй, набирайся впечатлений!”

И я глядел, размышлял. Машина бежала теперь по Чаданской степи. Кое-где голубели дымки над юртами. И мелькали языческие каменные „бабы”. Вот эти бабы особенно меня интересовали. Они тоже являлись одной из многих загадок Тувы. Кто их поставил? Когда? И зачем? На это толком ответить и до сих пор ведь никто не может...

Да и „бабы” эти, собственно, вовсе не бабы! Назвали их так, очевидно, по привычке, случайно. Это не обычные примитивные идо-лы, а весьма абстрактные, вытянутые ввысь, гладко обтесанные ка-менные глыбы. На них высечены непонятные знаки и изображены небесные светила — солнце, луна, звезды. С какой идеей все это свя-зано? С какими представлениями о мире?

На заостренной верхушке одной такой глыбы, возле самого проселка сидел нахолившись степной орел-беркут. И чуть подалее, и опять же у проселка, виднелся другой.

А над нами, что-то высматривая, низко и медленно кружил третий...

Беркуты водились тут в изобилии; я никогда не видывал тако-го их количества! А это птица редкостная, ценнейшая, самая стреми-тельная в семье пернатых хищников. Монгольские и тюркские кня-зья приручали, в основном, не соколов, а степных орлов. Ведь это именно с ними, с беркутами устраивалась знаменитая охота на вол-ков! Сокол хоть и хорош, для такого дела все же не подходит.

И соколы тоже водились в степи над Чаданом. Мне встретил-ись тут разнообразные хищники: коршун, сарыч, пустельга... И все они почему-то слетались к нашей дороге, рассаживались окрест. И застывали в угрюмом оцепенении.

И все время мне казалось, что птицы упорно следят за маши-ной, за нами. И это вызывало странное, беспокойное, какое-то даже тревожное ощущение.

Откуда их столько, недоумевал я? И что им здесь надо? При ви-де машины, нормально, дикие птицы пугаются и улетают. А эти — наоборот...

* * *

Осип сказал, отвечая на мой вопрос:

— Это птичий парад. Так встречает Центральная Азия почетных гостей.

Но тут же в разговор включился рассудительный Антон. И вот что я узнал в результате.

Пернатые разбойники действительно следили за машиной. Но привлекали их не мы — не люди, — а всевозможные грызуны, во множестве гибнущие под колесами. Птицы собирали здесь обильную жатву! И особенно — на закате, когда в наплывающих сумерках загорались машинные фары. Попавшие в слепящий свет фар, перепуганные зверьки — тушканчики, зайцы, полевки — оказывались как бы в капкане. Они метались на дороге, но вырваться из светового плена уже не могли.

А день, между тем, догорал, затмевался. И с последними проблесками зари машина поворотила круто на юг, к Танну-Ола.

И на новом пути „птичий парад” продолжался по-прежнему. Только состав его стал теперь другим. Дневные хищники уступили место ночным. И началось царство сов.

Страшноватое это было царство! Темнота поминутно оглашалась воплями, уханьем, сатанинским хохотом. Реяли какие-то неясные тени. И иногда впереди над дорогой вспыхивали вдруг желтые, круглые совиные глаза.

— Словно городские светофоры, — прошептал я, — желтый свет! Это означает: внимание, осторожно...

— Тут и впрямь надо быть осторожным, — сказал негромко Антон. — И хорошо, что мы в машине, а над нами — крыша! Неуютно было бы сейчас идти по этой тропе пешком.

— Особенно в одиночку, — пробормотал Гринберг, — да, не хотелось бы...

Осип затих, попыхивая папиросой. И затем, щелчком швырнув ее за борт, в ночь:

— А впрочем, все это пустяки, — сказал он весело. — Лагерь-то уже рядом. Вон — глядите! — слева.

И я, перегнувшись через левый борт, увидел невдалеке мерцающие огоньки костров.

САМЫЙ УВЛЕКАТЕЛЬНЫЙ ДЕТЕКТИВНЫЙ РОМАН

Лагерь экспедиции был многолюден, окружен огнями и походил на табор кочевников... Машина ворвалась в самый центр табора. И едва лишь остановилась, ее обступила веселая, шумная толпа. И первым, кто пожал мне, знакомясь, руку, оказался Катин муж, молодой изыскатель Сергей Новиков.

Я сказал молодой... Но в общем-то возраст его по внешнему

виду определить было трудно. Знаете, есть такие личности, у которых все как-то неотчетливо, неопределенно; они не высоки, но и не низки, не толсты и не худы. Глаза их и волосы бесцветны и лица тоже неопределенные, невыразительные, замкнутые... Вот таковым и являлся Сергей.

И все же в нем чувствовалась некая скрытая сила; был он сдержан, подтянут и весьма скуп на слова и жесты.

И с женой своей, нежно прильнувшей к нему, он тоже был сдержан, даже суховат. Слегка мазнул ее губами по щеке, погладил логонько. И супруги ушли куда-то в ночь...

Странная это была парочка! Что их связывало, что объединяло? Понять было невозможно. Во всяком случае, впечатление они производили забавное. Вокруг молчаливого, малоподвижного Сергея Катя вилась словно змея... И уходя, она ухитрилась, змея, обернуться и подмигнуть мне украдкой.

Ну, а затем я с Антоном и Осипом побрел по лагерю отыскивать ночлег. И через четверть часа мы уже сидели, покуривая и попивая чаек, в большой, набитой людьми палатке.

Здесь помещались антропологи и этнографы. И как обычно разговоры их вращались вокруг центральной волнующей всех темы — темы поисков прародины человека...

— Постойте, ребята, — сказал я погодя, — не галдите все разом. Вы мне вот что растолкуйте. Сибирь считается вторичным очагом расообразования. Не так ли? Ну а где же, в таком случае, первичный?

— Ха, если б знать, — отозвался кто-то с коротким смешком, — я бы сам хотел, чтобы мне это растолковали.

— Так что же, — спросил я, — науке, стало быть, ничего не известно?

— Ну как ничего, — возразил Гринберг, — существует целый ряд идей и предположений...

— Идей-то много, да что толку! — Реплика эта, конечно, принадлежала Антону.

— Вообще-то главное тут в чем заключается? — погодя добавил он. — В том, чтобы найти промежуточное звено... Ты хоть немного знаком с данной проблемой?

— Вот именно — немного, — пожал я небрежно плечами.

— А по правде?

— А по правде, ни черта не знаю...

И Осип заговорил тогда с укоризной:

— Ай-яй-яй, нехорошо, браток. Такие вещи надо знать! Это же, в сущности, самая большая философская проблема современности, вот уже сто лет не дающая покоя ученым! Ты только подумай. Пе-

ред нами стоит вопрос: что есть человек? Как и откуда он явился на земле? Если это творение Божие — задумываться не над чем... Если же он, как утверждал Дарвин, простой продукт эволюции, то надо искать его следы в прошлом. И вот мы ищем! И иногда находим кое-что... Но главного доказательства — промежуточного звена, отделяющего человека от обезьяны, — до сих пор еще отыскать никому не удалось! За ним, за этим „звеном“, гоняются по всему миру. И если написать обо всем этом умеючи, то мог бы получиться увлекательный детектив. Пожалуй, даже самый увлекательный. В котором роль воображаемого беглеца, скрывающегося преступника, играл бы таинственный наш предок, прачеловек, а роль „Интерпола“ — мировая наука.

* * *

Гринберг пристыдил меня и заинтересовал этой „самой большой“ философской проблемой. И я занялся ее изучением. В здешней экспедиции, кстати, для этого имелись все условия: и необходимая литература, и непосредственные, живые знатоки вопроса. И история, которую я узнал, оказалась действительно увлекательной, захватывающей.

Где только не искали следы пресловутого „беглеца“! С тех пор, как впервые было заведено на него „досье“, минуло больше ста лет. И за это время антропологи обшарили чуть ли не всю планету...

Было создано множество гипотез, пытающихся ответить на вопрос: где же и как началось формирование человечества? Существовала, например, „Сибирская“ гипотеза. Были, кроме того: „Индийская“, „Африканская“, „Европейская“, „Австралийская“ и т. д. И даже гипотеза, связанная с мифической Лемурией, погребенной на дне океана!

В конце XIX — начале XX века появилась также „Центрально-азиатская“ гипотеза. В ее создании принимали участие представители самых разных стран, в том числе и американцы. И ученых Нового Света прежде всего заинтересовала тогда Монголия...

Вообще-то Монголия была к тому времени уже известна русским; они вели там палеонтологические изыскания, занимались археологическими раскопками... Но все же для меня в данном случае важны именно американцы! Ибо „Великой Прародины“ никто до них в Монголии не искал.

Мысль о том, что Прародина эта должна находиться в суровых районах Гоби, высказал Генри Осборн. В сущности, он первый увидел в данной стране „Главную биологическую лабораторию“, где развивались предки высших животных, а также и человека.

Если Осборн высказал лишь идею, то детально обосновал ее Вильям Мэтью. А проверить все это на практике решил известный естествоиспытатель, путешественник Рой Эндрюс.

В двадцатых и тридцатых годах в Центральной Азии побывали три больших американских экспедиции. И каждая проводилась при участии Роя и под его руководством.

Результаты экспедиции оказались внушительными. В районе Гобийского Алтая были найдены кости древнейших млекопитающих, живших в эпоху динозавров, и кроме того — гнезда и яйца самих динозавров. А затем неподалеку от того же Гобийского Алтая изыскатели наткнулись на колоссальное скопище обработанных каменных орудий — ножей, наконечников, копий. Их там были сотни тысяч, а может, и миллионы. Такого количества никто никогда доселе не встречал!

Вскоре выяснилось, что подобные скопища имеются и в других долинах Гоби. И ученым стало ясно, что перед ними — следы палеонтологической индустрии. Места, где впервые в мире началось массовое „фабричное” производство орудий труда и войны. В основном — войны.

Да, находка была поразительной! Но, к сожалению, останков искомого прачеловека найти в Гоби не удалось.

Открытие „переходного звена” опять отодвигалось на неопределенное время...

* * *

— Ну, а как же обстоит дело сейчас? — спросил я у своих друзей.

— Ищут, — усмехнулся Антон. — Теперь вот особенно сильно Африкой увлеклись... Полматерика перекопали.

— Ну и?..

— Ну и, конечно, кое-что обнаружили. Но все же тут пока еще много неясностей..

— Да, — задумчиво протянул Гринберг, — дело еще не закрыто. Розыск беглеца продолжается.

— Где же теперь его надо, по-вашему, искать?

— Я лично твердо уверен в одном, — сказал Гринберг. — Монголию, эту „биологическую лабораторию”, забывать все-таки нельзя. Ни в коем случае! Разгадка кроется где-то там! Ну и еще на Тибете и в других местах по соседству. И не случайно ими так заинтересовались американцы.

— Ну, начинается, — поморщился Овчаренко и подмигнул мне. — Осип у нас, знаешь — американист. Влюблен в ихнего исследователя Эндрюса.

— Замечательный человек! — сказал Осип. — Я вот все собираюсь проехать по его путям — по Южному Гоби — и никак не получается. Только завернешь в Монголию, сразу что-нибудь начинает мешать. Вот и теперь, надо ехать в Улан-Батор. Приказано отвезти кое-какие материалы в монгольский университет. И маршрут не изменишь, не усложнишь, верно, Антон? Слишком жесткие даны сроки.

— А когда вы отправляетесь? — быстро спросил я.

— Завтра после обеда.

Он вдруг посмотрел на меня внимательно. Черные, влажные, выпуклые глаза его сузились, блеснули сквозь дым. Очевидно, он понял мое состояние. И сказал, улыбаясь:

— Хочешь, поедem с нами?

— Да, но как? — замялся я. — Все-таки ведь заграница...

— Да какая там заграница, — беспечно махнул рукой Антон. — Чепуха. Нас на погранпосту знают, пропускают без всяких бумаг.

* * *

Рано утром я шел умываться к ручью и встретил Катю.

За последнее время мы с ней почти не общались. После той дорожной истории у нас была всего лишь одна „интимная” встреча, и затем я решительно все это пресек. Я не забыл того урока, который преподали мне Антон и Осип. И к тому же теперь я был лично знаком с ее мужем...

— Приветик, — сказала она, — как спалось одному?

— Да ничего. А тебе как вдвоем?

— Скучно, — ответила она. И тряхнув головой, отбросила прядку, закрывающую глаза. — Скучно было...

— Удовольствия, значит, не получила?

— А ты, оказывается, ехидный, — протяжно проговорила она. — Да и трус... — и посмотрела на меня, сощурилась. — Все вы тут трусы!

Я давно уже заметил, что Катя не только со мной, но и со всеми молодыми ребятами экспедиции находилась в отношениях более или менее интимных... Со всеми! И каждый так же, в принципе, как и я, разок или два соприкоснувшись с нею вплотную, потом старался как-то увильнуть, отойти в сторону... И Катя, в итоге, была обижена на всех. И бродила по лагерю, как разгневанная тигрица.

— Чего вы все боитесь? Не понимаю. Неужто, в самом деле, Сергея?

— В какой-то мере, — сказал я. И добавил мысленно: „И тебя саму тоже”.

— Но это просто глупо! Сергей же тихий... Он ни разу со мной

даже и не заговорил на эту тему. Хотя, конечно, знает все... Но — ни разу!.. Да кроме того, он сегодня уезжает.

— Когда? — перебил я ее.

— После обеда.

— Уж не в Монголию ли?

— Да. На недельку.

Вот те раз, нахмурился, подумал я. Этого только мне не хватало! Не дай Бог, еще помешает, подгадит как-нибудь. Ведь я же еду, в сущности, нелегально. А Сергей — педант, сухарь. Да и притом весьма возможно, он уже давно затаил на меня злобу... Катя говорит, он тихий. Пожалуй. Но, как известно, в тихом болоте водятся черти!

"СТРАНА ТАЙН, ПАРАДОКСА И ОБЕЩАНИЙ"

Нет, Сергей не помешал мне, не подгадил! И вообще все обошлось благополучно.

На самой границе, правда, произошел небольшой инцидент с властями. Но не серьезный, а, скорее, комический.

Друзей моих здесь знали и пропускали без всяких бумаг. Однако у меня вдруг потребовали паспорт.

— Скажи, что нету, — шепнул Гринберг. — Вообще нету никаких документов.

Я так и сказал. Тогда стоящий на посту солдат раскрыл ладонь левой своей руки и пальцем правой постучал по ней. Жест: был известный, классический. И я сейчас же полез в карман за деньгами.

— Ты что? — быстро проговорил Антон. — Брось, не чуди.

— Но он же взятку требует!

— Да нет. Он хочет, чтобы ты протянул ему свою левую ладонь.

— Зачем?

— А вот увидишь... Ну, протягивай!

Удивленный, я последовал совету. Пограничник живо достал из сумки большую круглую печать, подышал на нее и хлопнул по моей ладони.

На ней появился густой фиолетовый оттиск монгольского герба. И Осип сказал:

— Так пограничники метят местных диких кочевников. Теперь ты — настоящий потомок Чингисхана!

— И учти, — заметил, ухмыляясь Антон, — отныне ты не имеешь права ни мыться, ни купаться. Держи левую руку в кармане и береги печать до конца поездки.

Печать, конечно, быстро стерлась. Но больше она и не понадо-

билась... Спустя неделю я вернулся, но уже не в машине, а самолетом, и не на базу, а прямо в Кызыл.

Но не будем забегать вперед. Пока перед нами лежит Монголия, и надо проехать по ней. И этот путь важно проделать еще и потому, что в конце его меня будет ждать потрясающая и мрачная новость...

* * *

Итак, поездка началась. Машина одолела горный перевал и вырвалась в низину, в долину, поросшую кустарником и камышом. Потянуло сыростью с берегов озера Убса-Нур. По дороге поползли предвечерние тени.

Гринберг сказал, озираясь:

— Как только я попадаю сюда, сразу дышится по-другому... Знаете, братцы, как Эндрюс писал о Монголии? Это, — писал он, — страна тайны, парадокса и обещаний, страна великих просторов и возможностей.

— Страна обещаний, — Антон поджал губы. — Вот именно! Обещаний-то много...

— А что же ты хочешь, — горячо заговорил Осип. — Чтоб тебе все сразу? Надо искать! И найдем с течением времени...

— Ну, ну, — сказал Антон и присвистнул насмешливо. — Посмотрим... Учти только: земля крепко хранит свои секреты.

Они снова заспорили... Но потом Гринберг умолк. Антон стал перечислять всевозможные загадки, нераскрытые тайны природы, и перечень этот оказался долгим, большим.

— Взять хотя бы ледниковые периоды, — рассуждал он неторопливо, — в судьбе земли они играли чрезвычайно важную роль... Но сколько их в точности было? И как они чередовались? И какова вообще их природа, что их порождает и что тормозит? Мы этого до сих пор ведь не знаем... Но самая интригующая, самая непостижимая загадка, — заключил он, — связана с нашим пращуром, жившим как раз тогда, в ледниковые времена.

— Ты имеешь в виду что? Его деграцию? — спросил Гринберг.

— Да, и это... Но главное, его последующее перевоплощение.

— Какую деграцию? — спросил я, приподнимаясь. — Какое перевоплощение?

До сих пор я мало обращал внимания на друзей. Перед дорогой я хорошо выпил и потом примостился в глубине кузова, рядом с Сергеем. Тот спал, убаюканный мерным, шатким ходом машины, а я полеживал и лениво размышлял о своем, отвлеченном... Теперь же

разговор вдруг заинтересовал меня и как бы встряхнул, вернул в реальность.

— О чем вы, ребята?

И поворотясь ко мне, Антон пояснил:

— Речь идет о неандертальце. Как ты, наверное, знаешь, он появился что-то около двухсот тысяч лет назад. И быстро завоевал всю землю. И это неудивительно. Объем мозга у неандертальца был огромен, больше даже, чем у современных людей! Но внешность все-таки он имел пугающую, почти что звериную... Впрочем, далеко не у всех неандертальцев был такой облик, вот что поразительно! В результате многочисленных раскопок выяснилось, что самый древний, самый, так сказать, ранний неандерталец вид имел гораздо более человеческий. И чем ближе к нам по времени он становился, тем все примитивнее делался, все отчетливее начинал походить на обезьяну... Развитие его как бы шло обратным ходом! И эта непонятная дегенерация продолжалась почти полтораста тысяч лет! Тут опять возникает вопрос: почему? И откуда сорок тысяч лет назад взялись кромашонцы? Это уже были вполне современные люди, такие же, как мы... И они сменили неандертальцев повсюду и почти одновременно. Словно бы на миг опустился театральный занавес, а когда снова поднялся, то на сцене уже играла другая, совершенно новая труппа... Перемена разительная, пахнувшая подлинным чудом!

— Что-то ты, Антошка, все время о чудесах и тайнах твердишь, — усмехнулся Гринберг. — Ты их прямо коллекционируешь! Может, ты в глубине души верующий? Тебе бы и впрямь надеть сутану, взять Библию...

При этих словах Антон заморгал растерянно. Брови его поднялись, борода отвисла. Он сказал, запинаясь:

— Это уже, старик, нечестно. Это удар ниже пояса. Может, вся моя беда в том, что я вообще неверующий. Ни во что не верующий... А может, и не беда... Но как бы то ни было, а дурацкая эта Библия здесь ни к чему.

И внезапно, внезапно для себя самого, я сказал:

— А почему, собственно, Библия — дурацкая? Вот уж она-то все может объяснить! Нельзя только многие вещи в ней воспринимать буквально; произведение это сложное, символическое, там полно метафор. И если в них хорошо разобраться...

Медленный голос из-за моей спины произнес:

— Ого! Ты это серьезно?

Я обернулся. И встретился взглядом с глазами Сергея. Оказывается, он не спал и внимательно слушал нас.

— Что значит — серьезно? — пожал я плечами. Мы разговариваем, спорим... Почему бы не поиграть мыслью?

— Ну, поиграй, — сказал Гринберг. — Так что все-таки может Библия объяснить?

— Да все! Мы вот никак не можем найти „промежуточное звено“... Конечно! Его и нет. И не было.

— Был, значит, Адам?

— Был человек, единственный на всем свете, получивший в подарок удивительный, неповторимый, поистине божественный мозг!

Здесь мне бы следовало остановиться. Тема была все-таки рискованная... Но я уже не мог — не хотел. Меня одолевало какое-то странное озорство. Может быть, прорвался затаенный мой, инстинктивный протест против общих, стандартных, казенных мнений? Или же меня возмутила реакция Антона — его растерянность, его испуг? А может быть, тут было еще что-то, более глубокое...

— И почему бы в конце концов неандертальцу не быть потомком Адама? — упрямо продолжал я. — Мощный его мозг — первое тому свидетельство! И то, что он потом стал вырождаться, тоже объяснимо. В Библии говорится о всемирном потопе... Кто знает, возможно, один из ледниковых периодов сменился особенно резким потеплением. И земля оказалась затопленной... И предкам нашим пришлось тогда худо; выжили лишь немногие. Те, кто обитал в горах. А далее следует долгий процесс одичания. И следы этого мы теперь и находим... Ну, а затем — по библейской же схеме — человечество возродилось вновь! И вот на авансцену выходят великолепные кроманьоны.

— Ну ты даешь, — улыбнулся, разглаживая бороду, Антон, — новый теоретик выискался! Скажи мне тогда: почему же возрожденное человечество так долго и трудно шло к прогрессу? Это с божественным-то разумом...а?

— Так ведь сказано: В поте лица своего...

— И кстати, по поводу „великолепных кроманьонцев“. Ты ими не очень-то обольщайся! Они на авансцену вышли не с цветами, а с ножами и копьями. И были свирепы и безжалостны. И охотились не только на животных, но и на таких же, как они сами, — людей. По существу, друг на друга.

Антон помолчал недолго. И потом задумчиво:

— Да... Были темные века. Плодились злые поколения.

— Самые злые плодились в глубинах Азии, — подхватил Гринберг.

— Да почему же именно тут? — сейчас же спросил Антон, и в голосе его прозвучало уже знакомое мне раздражение.

— А потому, что тут заваривалась вся каша, — спокойно сказал Осип. — Тут было теснее всего... Не знаю, где находится прародина человечества, но кочевые цивилизации зародились тут, уж это точно. И отсюда началось когда-то великое переселение народов.

Он оглянулся. И широко повел рукою:

— Вы представьте себе, ребята: дикие всадники... В звериных шкурах, на низких косматых конях... Они пронеслись с воем и грохотом по травяному плато. Вот по этому самому, где катит сейчас наша машина.

А машина наша катила все дальше. Озерный край остался уже за спиной. И впереди — на востоке — закружилась ночная синяя мгла.

И низко над древней пастушеской степью повис бледно-желтый осколок луны, похожий на отпечаток конского копыта.

“СТРАНА ТАЙН, ПАРАДОКСА И ОБЕЩАНИЙ”

(продолжение)

Машина катила все дальше на восток. Ночь миновала и на горизонте опять замаячили горы. И вскоре дорога крутыми зигзагами пошла по тенистым ущельям и альпийским лугам высокогорного Хангайского хребта.

По сторонам дороги попеременно мелькали то стропила новостроек, то старинные монастыри. Монастырей я повидал там немало. Но за отсутствием места и времени описывать их все не буду; расскажу лишь об одном, но зато самом главном, самом интересном, возникшем перед нами на пятый день пути.

На пятый день пути Хангайский аймак кончился. Горы понизились, сгладились — сменились зелеными холмами. Распахнулась тихая ковыльная равнина, перерезанная руслом Орхона. И над берегом реки поднялись и заперстели крыши храмов монастыря Эрдени-Цзу.

А вокруг монастыря раскинулся легендарный Кара-Корум, столица монгольской империи, построенная когда-то Чингисханом.

Впрочем, Кара-Корума как такового не было — были груды развалин, занесенные пылью, поросшие диким бурьяном. Так что увидеть этот город я смог лишь в воображении...

Зато Эрдени-Цзу предстал во всем своем реальном великолепии! Однако был он столь ярок и необычен, что показался мне тоже выдуманным, сказочным, словно бы сошедшим со страниц каких-то детских, давних, полузабытых книжек.

Дорога, вильнув, подошла к самым стенам монастыря. И машина здесь замедлила ход. И я на какое-то мгновение услышал, как

звенят серебряные колокольчики, подвешенные под карнизами изогнутых многоярусных крыш. Звон этот был нежен, чист, переливчат; казалось, где-то течет и прядает ручеек. А может, это я услышал, как течет само время? Ведь так же точно, как сейчас, колокольчики храмов раскачивались и вчера, и много веков назад. И они будут звенеть еще долго после меня, после всех нас...

— Нравится? — тихо спросил меня Гринберг.

— Еще бы! — отозвался я. — Очень! Надо бы заглянуть туда...

— Если хочешь, сходим.

— Когда?

— Да вот остановимся, отдохнем, поужинаем, ну, и потом...

— Но потом будет поздно. Скоро ведь вечер!

— Ничего, — усмехнулся Осип, — меня в монастыре знают.

В этот момент грузовичок наш взвыл и рванулся, забирая влево, в степь. И ухватившись за борт, я спросил:

— А куда ж мы теперь?

— В Хара-Хорин, — сказал Осип.

— Что? — не понял я. — Как ты сказал?

— Ну, Хара-Хорин — это новый, строящийся город, — пояснил Осип. — И название ему дали хитрое. Вроде бы похожее на имя ханской столицы, а вроде бы и нет...

— Где же он, этот город?

— А вон, — протянул руку Антон. — Гляди!

И указал на темнеющие неподалеку очертания двух низких барраков.

— Стройка только еще начинается. И пока имеется всего два здания: столовая да гостиница. Но нам-то ведь большего и не надо!

* * *

Поздно вечером, когда ребята уже улеглись, мы с Гринбергом тихо выбрались из гостиницы и пошли в полумраке, в лунном дыму к темнеющей неподалеку громаде монастыря.

— А остальные что же, — поинтересовался я, — не хотят? Или ты с ними не хочешь?..

— Да понимаешь ли, — проговорил он, — им это ни к чему. Серега — ты сам видишь, какой... У него есть лишь один критерий: партийный. Митьке, шоферу, вообще на все наплевать... Ну а Антошка, тот просто бы стал нам мешать! Он же скептик, рационалист. Да и спорщик ужасный... С ним тяжело ходить по священным местам, по таким вот музеям.

— Музеям? — повторил я вопросительно.

— Ну да. Здесь теперь музей! После контрреволюционного ламского восстания монгольские власти прикрыли почти все монастыри.

— Давно это было?

— В начале тридцатых годов. Мятеж вспыхнул в хангайских монастырях и охватил затем всю страну. Его с трудом подавили, и это в какой-то мере понятно. Ведь в ту пору в Монголии насчитывалось что-то около ста тысяч лам.

— Н-да, — кивнул я, — приличное войско...

— И сражались ламы яростно. Но все-таки не устояли. А потом, как водится, начался террор. Ну, ты сам, я думаю, знаешь, что это такое! Однако монахов все-таки истребили не всех.

Осип проговорил это медленно, внятно. И в голосе его прозвучала нотка удовлетворения.

— Да, не всех, — повторил он. — Некоторые попрытались, некоторые ушли за рубеж, в Тибет, в Гималаи. А кое-кого власти все же пощадили, не тронули... Вот в этом монастыре, к примеру, осталось двое лам. И один из них — Дамдин — мой хороший приятель. О, это настоящий монгольский интеллигент! Как раз перед самым восстанием он получил ученую степень агамба, то есть стал профессором мистики. А ведь для этого надо проучиться минимум тридцать лет! Надо прочитать сотни тибетских и индусских книг. И, конечно, требуется изучить всю древнемонгольскую литературу.

— Профессор мистики! — пробормотал я. — Все-таки странно как-то звучит... И что же он теперь делает?

— Служит смотрителем музея.

Профессор мистики оказался высоким, худым человеком — на вид ему было лет шестьдесят — с жестким, костлявым, морщинистым лицом. Улыбаясь всеми своими морщинами, он сразу же повел нас во внутренний двор монастыря. Там помещалась белая войлочная юрта „Гэр” — жилище Дандина. В гэре было уютно, пахло благовониями. Вдоль стен стояла низкая деревянная мебель: шкафчики, сундучки, покрашенные в красный и зеленый цвета. А пол устлали бараньи шкуры.

Мы расселись на шкурах, закурили. Старик угостил нас традиционным чаем с солью.

К моему великому удивлению Гринберг заговорил с ним по-монгольски. И какое-то время они перебрасывались короткими, непонятными, невучими фразами... Причем я заметил, что Осип держится крайне почтительно и величает старика учителем — это слово „бакш” я уже знал.

И еще я заметил, что Дамдин сообщил Гринбергу нечто такое,

что весьма удивило его и заинтересовало. И Осип стал о чем-то торопливо спрашивать — придвинулся к старику, вытянул шею, но тот уже допил чай. Перевернул пиалу вверх дном. И поднялся, все так же улыбаясь. И затем мы пошли осматривать главный храм.

* * *

В храме был полумрак. Дымились курильницы. Мигали масляные светильники и слабые отблески пламени скользили по бронзовым и глиняным изваяниям богов. Из темноты проступали странные, загадочные лица; трехглазые, оскаленные, с бычьими рогами и птичьими клювами... И чудилось: они дышат, живут.

Дамдин что-то быстро и тихо сказал Осипу и отошел от нас, растворился в зыбкой тени.

Я потянул Осипа за рукав:

— А ты, я вижу, настоящий монголовед, — шепнул я. — Отлично знаешь этот язык... О чем вы давеча в юрте толковали?

— Потом, — отмахнулся Осип, — ты о другом сейчас думай, по сторонам смотри! Ведь Эрдени-Цзу, учти, творение уникальное. Это самый первый ламаистский монастырь в Монголии. И он возник на развалинах первого в мире фашистского государства... Тут, брат, большая символика!

— Постой, ты это о чем? — спросил я озадаченно. — Какое еще фашистское государство?

— Ну, я имею в виду империю Чингисхана.

— Ты, старик, действительно, фантазер, — сказал я. — И какой! Был бы с нами Антон, он бы тебя раздолбал в два счета.

— Вот потому-то я его и не взял, — усмехнулся Гринберг. — А что касается Чингисхана, то тут все точно! Я нисколько не фантазирую.

— Но помилуй, что же общего?..

— Да все! — воскликнул Осип. — Ну, посуди сам...

И он начал перечислять, поочередно загибая пальцы:

— Жестокий внутренний режим — это раз. Абсолютное единоначалие — два. Постоянная агрессивность, тяга к экспансии — три. Ну, и конечно, убеждение в своей исключительности...

— Таких систем, по-моему, имелось множество, — перебил я его. — Например, империя Александра Великого.

— Там кое-что совпадает... Но не все. Нет. Александр не только разрушал города, он еще и сам их строил в завоеванных странах. И вообще он всегда старался как-то приспособиться к чужим культурам... Монголы же не щадили никого и ничего. По выражению

средневековых писателей, они „пожирали государства, как траву”. И оставляли после себя развалины, пепелища...

— Хорошо, а древняя Спарта? Вот уж где образец тоталитаризма!

— У спартанцев все же не было расовой теории.

— А у Чингисхана была?

— В том-то и суть, — сказал Осип и потряс крепко стиснутым кулаком. — В том-то и дело, что была! Ну, если не теория, то во всяком случае — определенная идея... В ту пору еще не писали книг о расизме или же о гуманизме... Тогда вполне искренне верили в священное право силы. И самой могучей расой, истинной „расой господ”, монголы считали свою. Родственные им тюрки и татары были уже рангом ниже. К примеру, все крупные командные посты в армии и в имперской администрации занимали чистокровные монголы. Ну, а прочие народы являлись как бы пылью и плесенью, по которым ступали копыта ханских коней.

— А какая у них была религия? — поинтересовался я.

— Да почти никакой, — с усмешкой ответил Осип. — Конечно, монголы были язычниками... Но Чингисхан не отличался религиозностью и в других ее тоже не одобрял. Религию при нем заменила идеология.

— Как, собственно, заменила? — усомнился я. — Ведь оставались же все-таки какие-то идолы, фетиши, религиозные символы, не правда ли?

— О, да, — кивнул Осип. — Например, знамя войны: лунный круг и девять черных лошадиных шкур... Но скажи мне, чем это отличается от современных „партийных” знамен? От таких символических изображений, как, допустим, фашистский знак или же серп и молот?

Он сказал так и сейчас же застыл, напрягся. Поглядел на меня пристально. И затем зашептал торопливо:

— Ты, брат, не подумай, что я намекаю... Это у меня случайно сорвалось. Никаких специальных параллелей я проводить не хотел. Да тут и в самом деле есть разница: фашизм основан на расистских идеях, а советские лозунги — интернациональны...

— Да ладно тебе, — сказал я небрежно, — успокойся! Я не стучаю, я все-таки бывший блатной, старый лагерник.

— Ах вот как? — восторженно воскликнул Гринберг.

— Да, да. И прежде чем начать журналистскую карьеру, мне пришлось немало поскитаться, повидать кое-что. Такое, что тебе и не снилось... Уж поверь мне!

— Верю, — пробормотал Осип.

— Ну, вот. И хватит об этом. Давай-ка вернемся к азиатам. Я сейчас вспомнил: был же ведь еще Аттила. И гораздо раньше.

— Эй, — прищурился Осип, — да ты, я вижу, как Антошка: любишь спорить!

— Нет, просто хочу все понять, — возразил я.

— Так что ж Аттила, — медленно сказал тогда Осип, — Аттила не создал настоящей империи. И вообще идеи государственности были ему чужды. Он лишь возглавил союз кочевых племен, а это совсем другое дело. В сущности, это была очередная „переселенческая“ волна... Одна из последних волн... Вот и все. Хотя, конечно, страху он на Европу нагнал! Его не зря называли „бичом Божьим“.

Гринбергу, видимо, надоели мои вопросы. И он, передохнув, сказал резко и нетерпеливо:

— А теперь хватит болтать. Ты же в храме! Смотри... Второго такого случая, может, тебе и не представится... Видишь ту большую икону? На ней изображен сам Зонхава, основатель ламаизма. А среди его учеников — вот тот, лысый, улыбающийся, виден великий Занабазар, первый национальный глава желтой церкви, причисленный к сонму святых.

* * *

Я рассматривал лики святых и богов. И думал о тщете земного...

Когда Чингисхан возводил руками сотен тысяч рабов величественный свой город, он, конечно же, думал о бессмертии... Он был убежден, что строит на века. На тысячелетия. Ведь Кара-Корум должен был стать как бы памятником ему самому и символом созданной им империи. Вероятно, ему и в голову не приходило, что символический этот город может постигнуть забвение... А оно постигло — и на удивление, быстро! Через тридцать три года после его смерти столица империи переместилась на восток, в Пекин. А впоследствии к западу, на Волгу. И ветер стал заносить пылью роскошные руины.

Да и сама империя тоже понемногу менялась; она начала распадаться на отдельные ханства. И северная Монголия — Халха — оказалась в стороне от главных дорог истории. И тогда здесь люди потянулись к вере. К высокой вере Тибета. И вот в XVI веке на берегу Орхона поднялся первый ламаистский монастырь Эрдени-Цзу. Причем Абатай-хан, правитель Халхи, приказал взять для его постройки камни из останков полузабытого Кара-Корума... Вот систему, где зло было возведено в закон, сменила другая — основанная на гуманных тибетских верованиях. Монастыри затем покрыли всю страну. И если при Чингисхане два монгола из трех были солдатами, то в вос-

ледствии чуть ли не каждый второй стал монахом. Ламаизм призывал к созерцательности, к смирению; он порицал мирскую суету и пороки. И одновременно способствовал развитию национальной культуры. Особенно яркого духовного расцвета достигла страна при внуке Абатай-хана, Занабазаре. Занабазар являлся не только главою церкви, он был еще и гениальным скульптором и создал немало великих произведений.

Но Великая Монголия при нем утратила силу и независимость... Она попала под власть своих соседей — маньчжуров. И маньчжурское это иго длилось двести двадцать лет.

Монгольский народ, естественно, воспринял нашествие чужеземцев как тяжелое бедствие, как позор. И в нем с особенной силой ожила память о грозном былом величии нации...

Однако воспоминаний этих желтая церковь никогда не одобряла — наоборот. Легенды о Чингисхане считались кощунственными. В образе его как бы воплощено было мировое зло: созданная им держава являла собою бездушную военную машину, губящую все живое. А ведь ламаистская религия запрещает убивать даже мотылька!

Но вот в 1910 году пришло освобождение. А вскоре началась революция. И над древней Халхой снова поднялись дымы пепелищ...

А затем настал час новых испытаний. И смиренные монахи сами вдруг взяли за оружие. И страна тогда опять потонула в крови.

И так оно всегда и ведется, думал я, все в этом мире путанно, двойственно, противоречиво. И нет ничего по-настоящему прочного. Прочны, неистребимы одни только наши иллюзии!

“ЧАС БЫКА”

Наутро за завтраком Гринберг заявил, что он намерен слегка задержаться в Эрдени-Цзу, и предложил ребятам добираться до Улан-Батора уже без него.

— И без меня! — сейчас же отозвался я. — Мне тоже хочется побродить по монастырю, по этим развалинам.

Гринберг посмотрел на меня искоса, хотел, видимо, что-то сказать... Но промолчал. И полез, сопя, за папиросами.

— А сколько вообще-то осталось до Улан-Батора? — поинтересовался я затем.

— Четыреста пятьдесят километров, — сказал Митя. — Пустяки!

— Вот именно, — сказал, закуривая, Гринберг. — И к тому же, тракт здесь большой, хороший, машин ходит много. Так что проблем нету. Ждите нас к завтрашнему утру!

Когда мы наконец простились с ребятами и грузовичок ушел, утонув в пыли, Осип хмуро поворотился ко мне:

— Ну чего ты вяжешься, черт возьми? У меня дела, а тебе что надо?

— Да ничего, просто любопытно, — пожал я плечами. — Но я не пойму: боишься ты, что ли? Какой-то ты стал нервный...

— Если и боюсь, так не за себя, — проворчал он.

— А за кого же? За Дамдина?

— За него, главным образом...

— А еще за кого?

— Ладно, — сказал со вздохом Осип. И выплюнув окурок, сильно растер его каблуком. — Объясню... Но — уговор! — Он погрозил пальцем. — Ничего не записывать и вообще не трепаться. Идет?

— Идет, — покивал я, — о чем речь! Повторяю: можешь мне верить.

— Тогда слушай. К Дамдину, оказывается, приехал один родственник, тоже монах. Причем человек знатный. Он является специалистом по предсказаниям; должность эта называется Гуримч. И кроме того, это крупный астролог, звездочет, Зурхайч.

— Зурхайч — его имя? — спросил я, начиная смутно догадываться кое о чем.

— Нет, тоже ученое звание. Одно из самых высоких!

— А как же монаха зовут?

— Не знаю, — замялся Осип, — не запомнил... Да и какая разница? Назовем его просто звездочетом.

— Так. И приехал этот звездочет издалека, не правда ли? Откуда-нибудь с гор...

— Если уж быть точным, то с Каракорума...

И, оглядевшись, медленно добавил:

— Ты, наверное, знаешь, что существуют два Каракорума? Один — вот он лежит, погребенный в пыли... А другой — это высочайшая горная страна у западных границ Тибета.

— Знаю, — сказал я, — что ж, будем считать, что наш звездочет возник, словно дух, из здешних развалин... Такой вариант тебя устраивает?

— Вполне. — Осип похлопал меня по плечу. — Ты, я вижу, парень понятливый.

— И когда же должна состояться встреча с этим духом?

— Да вечером. Как только стемнеет, мы и пойдем.

— Ого, у вас настоящая конспирация!..

— А что ж ты думаешь? Иначе, брат, нельзя. Встречи с „духами“ строго запрещены... И Дамдину, естественно, надо беречься, а мне со-

всем не хочется его подводить! И того — другого — тоже... Да и вообще было бы крайне обидно потерять доверие этой касты.

— А как ты, собственно, добился ее доверия?

— Ну, оказал кое-какие мелкие услуги Дамдину, — отмахнулся Осип. — Долго рассказывать... Да это и неважно. Главное в том, что мне повезло, понимаешь? Случайно удалось сблизиться с людьми, хранящими древние тайны, принадлежащими к одной из самых загадочных культур... Согласись, на долю простого этнографа такие удачи выпадают редко. Может быть, раз в жизни!

Весь этот день мы слонялись по развалинам ханской столицы — ждали вечера. И, казалось, он никогда не наступит. Наконец стало смеркаться. Мы пошагали к монастырю. Однако остановились не у главного входа, как в прошлый раз, а возле низкой калиточки, за углом... И Осип здесь сказал озабоченно:

— Мы вот о чем не подумали: Дамдин, очевидно, ждет меня одного. Может получиться конфуз... Надо что-то придумать.

— Скажи, что я тоже монголовед и потому интересуюсь...

— Но он уже видел тебя и знает: ты полный профан.

— Ну, тогда представь меня просто как поклонника Будды!

— Как поклонника? — Осип оглядел меня скептически. — Будды? Думаешь, этот номер пройдет? А впрочем, рискнем. Только ве-ди себя соответственно...

— То есть как же?

— Будь сдержан, не суетись. И на всякий случай запомни такую фразу: „Ом-ма-ни-пад-мэ-хум”, что означает: „О, благословен ты, сидящий на лотосе!” Это заклинание должен знать каждый поклонник Будды... Повторяй его время от времени — и все будет в ажуре. А ну повтори!

Я повторил. Осип сказал строго:

— Чего тебе не хватает, так это благочестивого выражения. Но тут уж ничего не поделаешь. Таким уж уродом ты, видать, родился... Ладно, пошли!

И он усмехнулся, поджимая губы. И постучал в дверь тихим, условным стуком.

* * *

И вот опять мы сидели в юрте Дамдина. Помещение было теперь нарядно убрано и повсюду вдоль стен дымились серебряные курильницы. И воздух пропитывал терпкий, чуть сладковатый, дурманящий аромат. А на полу, поверх бараньих шкур, постелен был новый яркий ковер с традиционными синими и красными цветами. И на нем на деревянном подносе стояли блюда с сыром, с творогом, с

„бовами” (монгольскими коврижками) и пиалы, полные молока и чая.

Я прихлебывал душистый чаек и разглядывал таинственного гостя. Был он примерно одного возраста с хозяином, но на этом их сходство кончалось. Ничего родственного, во всяком случае, я в их облике не нашел. В отличие от длинного, костлявого Дамдина человек этот был приземист, плотен, широкоскул. Плоское лицо его казалось выкованным из темной бронзы. Узкие, чуть запухшие глаза были полуопущены. Он сидел, скрестив ноги, перебирая в пальцах коралловые четки, и не спеша вел беседу с Осипом.

О чем они толковали? Трудно было угадать. Звездочет казался спокойным, невозмутимым; бронзовое лицо его было неподвижным, как маска. Но зато Осип заметно нервничал, он то всплескивал руками, то настораживался, поникал...

Затем на какое-то время разговор их прервался; Дамдин приготовил новый сорт чая. В Монголии, вообще говоря, существует множество вариантов этого напитка. Есть чай с молоком, с солью, с бараньим салом, с мукой, а также с рисом, пшеном, ячменем. На сей раз был подан ячменный вариант. И вот тут звездочет оживился, охотно принял пиалу в широкие твердые свои ладони... Воспользовавшись паузой, Осип негромко сказал, обращаясь ко мне:

— Знаешь, он поразительные вещи рассказывает... Даже как-то жутко.

— Какие вещи? О чем?

— О нашем мире... О силах зла...

— Но что он конкретно-то говорит?

— По его словам, в некоторых монастырях Каракорума и Тибета монахи давно уже ведут своеобразную летопись „зла”. Понимаешь? Регистрируют всякие бедствия, войны... Началось это после Чингисхана, а потом вошло в традицию. И сейчас они продолжают вести эту хронику уже в масштабах целой планеты.

— Но они же отъединены от мира! Что они знают о нем?

— Не беспокойся. Они все-таки ведь живут не в каменном веке.

Дамдин, например, регулярно читает газеты, слушает радио.

— Так это здесь...

— А там — тем более. Там-то они сами себе хозяева! И возможности у них большие.

— Ну, допустим, — сказал я, — и что же?

— В общем, монахи эти убеждены, что на земле существует закон сохранения зла, ну, такой же, как, скажем, закон сохранения энергии... Насилие не исчезает, оно лишь трансформируется. То оно предстает в форме античного рабства, то в виде чингисхановского

нашествия. Иногда оно оборачивается расистским террором. А порою — классовой борьбой. В наши времена его особенно активно плодят политические фанатики, всякие террористы... И есть помимо политического еще и террор уголовный. Но разница тут только внешняя, а глубинная суть одна. В основе всего — древняя тяга к насилию... И главное, она неискоренима в людях!

— Мрачная философия. Хотя я как-то уже думал об этом...

— Слушай дальше! Зло не исчезает, наоборот, оно постепенно накапливается, растет. И ламаисты подсчитали, что уровень его уже приближается к предельной черте.

— Ну, ясно, — сказал я, — дальше начинается апокалиптический сюжет! А кстати, ты интересовался: они с Евангелием знакомы?

— Знакомы, — кивнул Гринберг. — Звездочет говорит, что черные ламы... Прости, — спохватился он, — я не объяснил. Черными ламами монголы называют христианских священников... Так вот, черные ламы приобщены ко многим истинам. Но все же не знают точных дат и сроков.

— А им, стало быть, известно все!

— Вот именно. И не стоит иронизировать...

Звездочет в этот момент допил чай. Отдулся. Обтер рукавом халата бритый череп и седые вислые усы. Затем взял с ковра четки и опять застыл, закаменел.

Сейчас же Осип придвинулся к нему и что-то проговорил. И странный гость, помедлив, ответил. А потом Осип начал переводить... Но тут я хочу упростить ситуацию. Надо как-то избавиться от ненужных подробностей. И потому диалог пойдет прямо между мной и Звездочетом. А Гринберга мы как бы упрячем в суфлерскую будку.

* * *

— В монгольском „зверином” календаре, — сказал Звездочет, — сутки делятся на двенадцать часов. Каждый двухчасовой отрезок совпадает с образом какого-нибудь животного. И время от двадцати четырех до двух — называется „Ухэр цар”, то есть Час Быка. Это самый тоскливый и самый опасный период ночи; это пора, когда пробуждаются духи смерти, демоны тьмы... И все это имеет также символическое значение, философский смысл... Ну, так вот. На земле, по нашим подсчетам, вскоре должен наступить Час Быка. Он уже близится, этот Час...

— Какая-то мистика, — вздохнул я. — Не пойму... Что, собственно, должно наступить? О чем идет речь?

— О мировой катастрофе, — медленно сказал Звездочет и впервые за весь вечер поднял узкие, чуть припухшие глаза.

— Вы имеете в виду войну, что ли?

— Нет... Беда придет из космоса. Случится это в тысяча девятьсот восемьдесят втором году. Осталось двадцать семь лет — не так уж много...

— Но какая беда?

— В том году все планеты солнечной системы сойдутся в одну линию, выстроятся прямо против нашего светила. И это вызовет на солнце гигантскую ответную приливную волну... Ведь сила тяготения объединенных планет будет огромна! И солнце тогда обрушит на землю всю свою ярость и всю свою мощь.

— И что же станет с землей?

— Она содрогнется в конвульсиях, — сказал Звездочет, — по ней пройдут чудовищные землетрясения. — И он передвинул на четках коралловый шарик. — Пробудятся все вулканические пояса. Оживут все „огненные” зоны. Но, мало того, — он передвинул еще один шарик, — спустя четыре года после первой катастрофы может произойти вторая... В тысяча девятьсот восемьдесят шестом году вблизи земли пронесется большая комета. Причем очень близко. И возможно, вызовет новые беды — наводнения, ураганы...

— Господи, — пробормотал я с перехваченным горлом. — Наступит, значит, конец?

— Не думаю. Мир, скорее всего, не погибнет, но сильно изменится.

— Вы так спокойно об этом говорите...

— Эмоции тут все равно не помогут.

— Но вы уверены, что не ошиблись?

— Через двадцать семь лет сможете сами во всем убедиться...

Время у вас есть!

Я закурил. Пальцы у меня подрагивали. Теперь я уже больше не топорился, не пытался иронизировать. И Осип тоже казался растерянным, каким-то придавленным. На нас обоих словно бы легла непомерная тяжесть...

— Вы говорили о переменах, — заговорил я после минутного молчания. — Каковы же они, по-вашему, будут?

— Трудно что-нибудь сказать, — задумчиво ответил Звездочет. — Но не забывайте о силах зла! Они и так уже переполняют мир. И когда придет Час Быка, они могут вырваться на волю и станут царить безраздельно. А это будет, пожалуй, страшнее всяких вулканов.

— Странно, — сказал я, — до сих пор я ничего об этом не читал и не слышал...

— Еще услышите, — пообещал Звездочет. — Ваши астрономы тоже не такие уж плохие.

— Ах так, — усмехнулся я, — что ж, это утешает! Ну, а сейчас...

— А сейчас, — сказал Звездочет, вставая, — остается только одно: молиться!

Что-то быстро шепча, он стал перебирать четки. Дамдин молча воздел руки над головой. Гринберг потупился. А я произнес заунывным голосом: „Ом-ма-ни-пад-мэ-хум!“

ОБРЕЧЕННЫЕ

Мы покинули монастырь потрясенные, растерянные. И всю эту ночь, покуда ловили попутную машину и покуда ехали в Улан-Батор, думали только об одном...

— Неужели же правда, нас ждет беда, может быть, гибель? — спросил я, поеживаясь. — Как-то трудно в это поверить... Не хочется верить... А что если Звездочет ошибается? Ведь мог же он как-то спутаться...

— Ох вряд ли, — угрюмо ответил мой приятель. — Тибетская астрономия, учти, одна из самых древних... Там накоплен огромный опыт! И вообще ты только представь себе Каракорум; самые высокие горы, самая чистая атмосфера. И тысячелетний покой...

— Н-да, надежды, значит, нету.

— А может, все-таки есть хоть какая-то, а? Звездочет же, помнится, сказал, что мир не погибнет, а лишь изменится.

— Да, но изменится-то он отнюдь не к лучшему! — возразил я. — Вспомни его же слова о „последней черте“, о „силах зла“, которые будут страшнее всяких вулканов...

Осип медленно достал папиросу. Чиркнул спичкой, прикуривая. Затем посмотрел мельком на часы. И вдруг проговорил странным голосом:

— Ровно два часа.

— Час Быка, — отозвался я. — Время, когда пробуждаются демоны смерти... А, кстати, ты знаешь, что большинство людей в обычных условиях умирает в такое именно время. Глубокой ночью, под утро.

— Кто тебе об этом сказал?

— Один врач знакомый.

— Любопытное совпадение, — пробормотал он. И почему-то быстро огляделся по сторонам.

Мы сидели с ним в грузовой машине на каких-то жестких тюках. И вокруг простиралась черная степь. А над нею кружилась звездное небо.

Там, в вышине, в темной бездне мерцающим туманом стлался Млечный Путь, пылал голубой ковш Медведицы. И мрачным, кроваво-красным огнем светился Марс.

— Наверху идет работа, — проговорил я с хрипотцой. — Идет безостановочно...

— Какая работа? — не понял Осип.

— Планеты кружат, спешат по своим путям. И однажды пути эти встретятся, сойдутся... И земля содрогнется!

Некоторое время мы оба помалкивали. Потом он сказал протяжно:

— Эх, лучше не думать об этом... Давай-ка, брат, переменим пластинку!

— Но как же не думать? — воскликнул я. — Как не думать? Вот чертовщина... Раньше я был вольный орел; трещал опереньем, летал по свету и не знал никакой мистики, никаких апокалиптических страхов... А теперь я уже отравлен. Мне как бы подрезали крылья.

— Ничего, мы еще потрещим опереньем, — похлопал меня по плечу Осип, этот неисправимый оптимист. — Двадцать семь лет — срок немалый. Ну, а там видно будет. Учти, Земля не раз уже содрогалась. И ничего... Как-то все обошлось... А ведь она переживала катастрофы поистине страшные!

И вот так незаметно мы затронули тему мировых катастроф.

* * *

Их было в истории множество... Память о большинстве из них сохранилась в легендах. О некоторых же мы знаем точно. Например, мы знаем, что на планете когда-то резко менялся климат; земная ось смещалась. И причины тут, бесспорно, были космические.

На севере сибирской платформы, в долине реки Папигай, находится крупнейший в мире метеоритный кратер — знаменитая древняя Папигайская котловина. Диаметр котловины равен ста километрам. Трудно даже представить себе, какой мощности взрыв здесь произошел! Однако он вполне мог покачнуть планету.

Следы давних столкновений с гигантскими метеоритами есть также и в Германии, и в Канаде, и в Северной Америке. Наш бедный шарик подвергался когда-то чудовищной бомбардировке!

В ту далекую пору в мире царил хаос. Разверзались пропасти, бушевали огненные бури. А потом вдруг ожили и поползли ледники.

И вот тут мы приближаемся к первой тайне.

Известно, что северные полярные области были в свое время тропическими. Но в таком случае и Антарктика тоже должна была

быть теплой, свободной ото льда! И не об этой ли „теплой” Антарктиде рассказывает старинная легенда? Она рассказывает о том, что за две с половиной тысячи лет до нашей эры к фригийскому царю Мидасу явился некий путешественник из далекой Южной Земли, богатой золотом и населенной гигантами.

Конечно, к этой легенде можно отнестись, как к простой сказке... Но вот гиганты. Их изображения можно встретить в Камбодже, в Индонезии, в Южной и Центральной Америке. О них упоминает древнеримский историк Иосиф Флавий. В одной из глиняных вавилонских книг утверждается, что все астрономические знания жрецы Вавилона получали от неизвестных пришлых людей гигантского роста... Словом, предания о великанах высотой в три метра и больше существуют у многих народов. И почти всегда это бродяги, странники, люди без родины... Почему? Уж не потеряли ли они свою родину после какого-нибудь катаклизма? И может быть, таким катаклизмом явилось внезапное, стремительное оледенение их материка...

И вот еще одна любопытная деталь. Америка была открыта случайно — по дороге в Индию. Так же случайно обнаружили и Австралию. До того об этих материках и не слыхивали! И к Северному полюсу прорывались тоже наугад, вслепую. Никто из исследователей не знал точно, что его там ждет... А о Южном полярном материке люди знали всегда! В его существовании не сомневался ни один географ. И моряки всех времен и стран искали его сознательно, целеустремленно... Чем же это можно объяснить? Только тем, что смутная память о земле антарктов жила вечно, переходя из поколения в поколение.

А впрочем, страна эта слишком уж далека от нас во времени, слишком проблематична, таинственна, труднообразима... Но вот другое погибшее государство. Такое же, в сущности, легендарное. Однако кажущееся нам гораздо более реальным... Я имею в виду знаменитую Атлантиду.

Она настолько знаменита, что здесь нет смысла пересказывать все те подробности, которые изложил Платон в своих диалогах „Тимей” и „Критий”. Сведения об Атлантиде достались ему от великого Солона. А тот в свою очередь получил их от египетских жрецов во время путешествия по Африке... По словам египтян, когда-то у Геракловых Столпов находилась огромная островная страна — „великая и грозная держава царей”. Она повелевала всем тогдашним миром. А затем в „один день и бедственную ночь” исчезла, погрузившись в воды Атлантики.

Произошло это, судя по легенде, 12 тысяч лет назад. И с тех пор как Платон сообщил об этом, тема Атлантиды не дает людям

покою. О ней написано огромное количество книг. Появилась даже специальная наука — Атлантология. И среди ее представителей идут долгие, не прекращающиеся споры о том, как и отчего погибли атланты? И где они вообще обитали?

В Америке, в районе Флориды зафиксированы следы падения колоссального метеоритного роя. Одних только крупных кратеров (объемом более километра) — несколько тысяч. Мелких же — полмиллиона! Очевидно в землю здесь когда-то врезалась комета. Причем одна часть кометного роя задела материк, другая же — обрушилась в Атлантический океан... И астроном О. Мунк на этом основании решил, что тут-то и кроется тайна гибели Атлантиды. Он даже вычислил точное время катастрофы, происшедшей якобы 5 июня 8499 года до нашей эры.

С ним, однако, многие не согласны... Большинство атлантологов считают, что остров погиб в результате действия вулканических сил. Кстати, об этом же говорится и в легенде.

О вулканах и землетрясениях можно рассказывать бесконечно. Но побережем время. Остановимся на одной из самых крупных геологических катастроф, случившейся за полторы тысячи лет до нашей эры в Эгейском море.

В ту пору там существовала могучая минойская цивилизация на Крите. Минойцы знали секрет выплавки железа, были превосходными строителями и мореходами. И задолго до всех других средиземноморских народов владели линейным, слоговым письмом. К сожалению, прочитать их тексты до сих пор еще не удалось. Минойский язык не входит ни в одну из известных нам языковых групп. И мы так и не знаем в точности, что же они представляли собой, эти люди? Но судя по сохранившимся фрескам и золотым маскам из гробниц, — это были не греки. И вообще не европейцы, а скорей азиаты. Почти всюду на Крите встречается одинаковый тип лица — широкоскулый, с приплюснутым носом, с характерным разрезом глаз... Загадочные эти азиаты владычествовали надо всем средиземноморьем. Но внезапно началось извержение вулкана Санторина — и великая империя перестала существовать.

Волны сокрушительных землетрясений прошли тогда по всем эгейским островам. И некоторые из них погрузились в море. А Крит был засыпан пеплом и превратился в пустыню.

Крито-минойская культура, являющаяся, по сути, колыбелью европейской цивилизации, была обнаружена Артуром Эвансом в самом начале нашего века... И вот когда человечество познакомилось с результатами раскопок, у некоторых ученых возникла мысль, что легенда Платона наверняка связана с этой самой островной державой.

Уж очень много тут совпадений... А разница заключалась лишь в датах, да еще в названии. Но ведь даты можно спутать, а название — это всего лишь простая условность!

Так родилась теория „Атлантида без Атлантиды”, приверженцы которой поспешили исправить „ошибку” Платона. Легендарная держава царей получила как бы новую прописку... Причем данная теория, на первый взгляд, выглядит весьма убедительной. Но только — на первый взгляд! Ибо остается уйма вопросов, на которые она так и не может дать вразумительного ответа.

Вот первый вопрос: почему в мифах американского материка сохранились рассказы о гибели земли, находившейся за океаном на востоке, а в легендах европейских — об утонувшей земле за океаном на западе?

Вот второй: почему обычай делать мумии был распространен не только в Египте, но и у Майя, в Центральной Америке? И кстати — о Египте. Каковы вообще истоки его удивительной культуры? Мы не находим здесь видимых следов эволюции. Египетская цивилизация появилась как-то сразу, взрывоподобно. И самые первые пирамиды были к тому же и самыми крупными...

И вот еще: как попало в Европу слово „атлас”? У него нет ничего общего с европейскими языками, а между тем на языке пагуа, издавна живущих в Мексике, слова с тем же корнем обозначают „море” и „гибель”.

Или взять, например, ботанику. Где родина маиса? Современная кукуруза не может размножаться самосевом. Растение это было окультурено в незапамятной древности. И нам не известна его предыстория. Известно только то, что маис всегда произрастал в Южной Америке и в некоторых районах Африки.

И то же самое можно сказать о банане...

Или, к примеру, скульптура. В Перу найдены древние изваяния львов и прочих зверей, в Америке никогда не живших, но являющихся типичными обитателями африканской саванны. Как могли образы этих зверей попасть за океан?

Вопросов много. И в общем-то, совершенно ясно, что в Атлантике все же была (должна была быть!) какая-то неведомая земля, которая как бы связывала два континента...

Так мы толковали с Осипом и не заметили за разговором, как начало светать. Когда машина въезжала в Улан-Батор, над крышами города уже протекла косая, бледно-зеленая полоска зари. И, шурясь на нее, жуя потухшую папиросу, Осип сказал:

— Черт возьми, какая тяжкая была ночь!

— И потом:

— Очень уж мрачную тему мы с тобой, брат, выбрали... Подумать только: история мировых катастроф.

— Так куда же денешься? — сказал я. — Тема катастроф теперь самая актуальная.

— Актуальная, да... Но, впрочем, история эта свидетельствует, знаешь, о чем?

— О том, — сейчас же проговорил я, — что мир наш непрочен и призрачен. И судьбы людские всегда на волоске...

— И еще о том, что жизнь все-таки неистребима! Одни цивилизации гибнут, другие рождаются. И так оно и идет... И может быть, тут есть определенная закономерность, а? Некая высшая логика?

— Что ж, может быть. — Я пожал плечами. — Но от этого ведь не легче! Особенно тем, кто обречен...

ДОНОС

В Улан-Баторе, едва мы туда прибыли, я вдруг вспомнил, что срок моей командировки истек. И наученный давним горьким опытом, решил не задерживаться... Несмотря на то, что мне очень хотелось побродить по новой монгольской столице! Надо было немедленно возвращаться в редакцию. И в тот же день перед вечером я простился с ребятами и поспешил на аэродром.

В последнюю минуту, пожимая мне руку, Осип Гринберг шепнул, подмигивая:

— Значит, как условились: обо всем, что ты услышал, молчок!

— Но о восемьдесят втором годе, об этой дате, — начал было я...

Но он перебил меня поспешно:

— Тем более — об этой дате! Во-первых, тебе сразу не поверят. А во-вторых, потребуют объяснений. И тогда поневоле придется называть имена, давать все подробности... Понимаешь?

И теперь, сидя в самолете, я мысленно вновь увидел сухое, горбоносое, птичье его лицо. И подумал, что он хорошо знаком с правилами подполья, этот ученый еврей! И в его связях с монгольскими ламами есть немало таинственного... Да, там, бесспорно, сокрыта какая-то тайна! Но какая? И как и когда доведется мне ее разгадать?

Самолет шел над отрогами восточно-сайнского хребта, подрагивал под ударами ветра. Прислонясь плечом к бортовому окошку, я поглядывал на белесые волокна облаков... Но потом веки мои отяжелели, мысли спутались. И незаметно я задремал.

И во сне возникла передо мною картина странного, безлюдного, распадающегося мира. И я увидел какие-то мертвые города, ру-

шашисея башни, груды камней, озаренные бушующим пламенем. И в клубах дыма и пепла — пляшущие, огненные фигурки саламандр.

Не знаю, сколько времени я так дремал. Самолет внезапно накренился, его сильно встряхнуло, и я очнулся, исполненный беспокойства и щемящей тоски.

Еще не вполне придя в себя, я вздохнул, повернулся к окошку и обомлел: снаружи все было охвачено огнем!

Прижавшись лицом к запотевшему стеклу, я в ужасе глянул вниз и увидел багряные, как бы пылающие горные склоны, погруженные в красный туман... или дым?.. Этот дым застилал широкую равнину, открывающуюся на северо-западе. Он пенился и клубился, и клубы его отливали то розовым, то темно-вишневым цветом. Казалось, там текут по земле потоки кипящей лавы.

И в этот момент кто-то рядом со мною воскликнул:

— Смотрите, смотрите! Какой роскошный закат!

И тут я проснулся окончательно.

И услышал еще один — металлический голос, отчетливо прозвучавший из динамика: „Внимание! Идем на посадку. Просьба пристегнуть ремни”.

* * *

За время пребывания в экспедиции я успел написать и отправить в газету два больших очерка. И был уверен, что они давно уже напечатаны... Но, как выяснилось, начальство мое не спешило.

— Понимаешь, старик, текучка заела, — сказал мне ответственный секретарь редакции. — Все время шли официальные сообщения, тассовская информация, то да се... Но ты не беспокойся, пристроим, найдем место! У тебя запланировано сколько материалов?

— Четыре.

— Ну вот и дописывай последние. А через недельку потолкуем.

Неделю спустя я вошел, посвистывая, к ответственному секретарю и небрежным жестом положил перед ним объемистую рукопись.

— Так, — пробормотал он, — чудненько. — Сунул рукопись в ящик стола. И добавил, быстро глянув на меня исподлобья: — Да, кстати, зайти-ка к главному, он тебя спрашивал...

Секретарь произнес это скороговорочкой, словно бы между прочим. Но взгляд его, острый, внимательный и какой-то прячущийся, показался мне странным.

– Привет, – сказал главный, – я тебя с утра разыскиваю.

– Так я все утро дома провел – заканчивал отчет об экспедиции. А в чем, собственно, дело?

– Дело вот в чем, дружок...

Он поднялся, подошел к двери и запер ее на ключ. Затем, возвратясь, уселся за стол и усталым жестом снял очки.

– Вот в чем... Скажи-ка, какие у тебя отношения с Сергеем Новиковым?

– С Сергеем? – растерялся я.

– Да. Какие у тебя с ним отношения?

– Н-не знаю, – проговорил я, настораживаясь. – По-моему, никакие... Просто знакомы. Не более того.

– Значит, столкновений у вас не было?

– Да говорю же!..

– Странно, – протянул редактор, – очень странно. С какой же стати он тогда написал донос?

– Какой донос?

Редактор медленно протер очки, надел их. И затем, взяв со стола лист бумаги:

– Большой донос, – проговорил он, нахмурясь, – серьезный... Причем, написанный в нескольких экземплярах. У меня в руках, видишь, копия...

– Но что же там?

– Там много всего. Во-первых, Новиков обвиняет тебя в моральном разложении. Во-вторых, в нелегальном переезде через границу.

– Чепуха какая! – возмутился я. – Все было вполне легально! Что он там врет? Я ведь поехал не один, а с ребятами. И они же сами меня и пригласили!

– Но все же официального разрешения ты не имел, ведь так? А Монголия, как-никак, чужая страна, заграница.

– Да какая это заграница! – отмахнулся я, невольно повторяя слова Антона.

– Ладно, ты погоди. Есть еще третий пункт. Оказывается, ты в дороге вел религиозную „поповскую” пропаганду, что-то там болтал насчет Библии... Это было?

– Ну, допустим. Но это же было не всерьез! Я именно болтал, трепался...

– А зачем же ты все-таки трепался? – строго спросил он, глядя на меня поверх очков. – На такую тему? Да еще при нем, при Сер-

гее... Неужели никто не предупредил тебя, что он — человек опасный?

И тотчас же с потрясающей точностью я вспомнил давнюю, ночную сцену в кузове экспедиционного грузовичка, ту самую, когда я после первого свидания с Катей вернулся к ребятам и получил жестокую отповедь... Осип Гринберг произнес тогда такую же точно фразу: „Сергей — человек опасный”. Почему же я не прислушался к этим словам, не вник в их смысл, не внял предупреждению? Конечно, Сергей мстит мне за жену!

И только я об этом подумал, редактор тихо спросил, перегибаясь через стол:

— А с женой его, Катей, ты знаком?

— Немного...

— Путался с ней?

— Ну, чего уж вы так, — забормотал я, ерзая на стуле. — Причем здесь это?

— Ты не увливай, говори начистоту! — сказал он. — Ведь если ты с ней путался, это объясняет все. Катерина, пойми, ненормальная. Какая-то нимфоманка, что ли... И в экспедиции все это знают. И побаиваются ее.

— Верно, — кивнул я задумчиво. — Я тоже заметил.

— Но боятся-то, главным образом, почему? Она беспрерывно затевает всякие истории, а потом сама же рассказывает обо всем Сергею.

— Ого! Странная семейка!

— Более чем странная. И ей он все прощает. А вот мужиков не щадит...

— Так значит, этот донос не первый?

— О, нет. Далеко нет! Сергей — человек очень опытный. У него точный прицел. Смотри, как он тебя бьет, какие обвинения навешивает! Но, конечно, самый тяжелый здесь третий пункт! Дух поповщины в рядах журналистов! Религиозный дурман, распространяемый одним из работников партийной прессы! Представляешь, как все это звучит?

Редактор снова снял очки. Потер покрасневшие веки. И с минутой мы молча смотрели друг на друга. Он был голубоглаз и светловолос, этот мой начальник. Но светлый цвет его волос скрашивал обильную седину, а голубые глаза давно уже выцвели. Я знал кое-что о его биографии, знал, что жестокая наша эпоха не пощадила и его, и сюда, в азиатскую эту глушь, он попал тоже не случайно... Но все же в отличие, скажем, от меня, он оставался главным редактором и отвечал за многое. И я видел, какой он был напряженный и измученный.

И еще я видел, чувствовал, что он хочет мне что-то сказать, но как бы не решается. И тогда я сам ему помог:

— Стало быть, мне, очевидно, придется уйти?

— Да. Очевидно, придется. — Редактор крякнул, развел руками. — Ничего не поделаешь...

И затем, помедлив:

— Какой ты все-таки невезучий! Поразительно! У меня здесь публика специфическая... Но ты, право же, перекрыл все рекорды. Разумеется, тебе надо уезжать. И вообще, с Южной Сибирью ты пока протись, перебирайся-ка лучше на Север!

* * *

А еще через час я сидел за столиком единственного в Кызыле ресторана. Как иные люди отмечают в кабаках праздники и торжественные даты, так и я привык отмечать в них свои личные катастрофы. И это уже превратилось у меня в своеобразный ритуал. Официанты меня здесь знали. Они все были русские и, наверное, тоже принадлежали к клану неудачников. Один из них учтиво склонился надо мной, и я процедил сквозь зубы:

— Вина и фруктов!

— Слушаюсь, — весело ослабилась официант. На минуту исчез. И появился, таща на подносе графинчик водки и соленые огурцы.

И я начал пить — завивать горе веревочкой... Проклятая жизнь, думал я. Да пропади оно все пропадом! Если и стряется со всеми нами беда — не жалко. Чего, в сущности, жалеть? Все на свете давно уже прогнило, погрязло в дерьме...

Но помаленьку я успокоился, остыл. И после третьей рюмки начал думать о делах.

Как бы то ни было, мир пока еще не рухнул и жизнь продолжалась. И надо было приспособливаться к ней, как-то устроиваться, бороться... Надо было отыскивать новые пути на этой гиблой, грешной, проклятой земле.

Часть 3
РЫЖИЙ ДЬЯВОЛ

ЗИГЗАГИ СУДЬБЫ

Надо было отыскивать новые пути на этой гиблой, грешной, проклятой земле... С Южной Сибирью все теперь было кончено — редактор рассудил правильно. И я сам это отлично понимал. После всего, что случилось, после хакасского скандала и этого тувинского доноса, меня не приняли бы отныне ни в одну из южных газет, даже в самую паршивую многотиражку... Да, конечно, надо было уезжать, и немедленно. Но куда? Куда?

Куда? В Москву? Но я же поклялся вернуться туда с триумфом, въехать, так сказать, на белом коне! Я пережил там достаточно унижений, и эта моя клятва была вполне резонной.

Нет, о Москве пока рано было думать. Час мой еще не пробил. И покуда я так или иначе должен был оставаться в Сибири. Ну, если не в Южной, так в Северной, редактор был прав и в этом. Тем более, что путь туда, к высоким широтам, был мне открыт и к тому же знаком...

Но прежде чем направиться северным этим путем, я решил остановиться ненадолго в Абакане и выяснить, как же обстоят дела с моей книгой?

* * *

Как это ни удивительно, оказалось, что с книгой все в порядке. Она была уже набрана. И в издательстве меня поджидали корректурные гранки...

Забрав гранки, я направился в гостиницу. И в течение трех дней неустанно перечитывал их, правил, прихватывал даже с собою в ресторан. И там, примостившись в уголке, подальше от шума и толчеи, подолгу сидел, погружившись в мир поэзии. В мир туманных озер и живописных метафор.

Теперь, когда стихи были собраны воедино, выявились недо-

статки сборника — излишние повторы, затянута отдельные места, рыхловатость общей композиции. Все это надо было решительно исправить! И я трудился над гранками, не отвлекаясь, не обращая ни малейшего внимания на мельтешащие вокруг лица.

И как-то раз перед вечером, ресторан в тот час был еще сравнительно тихий, полупустой, я услышал чей-то голос:

— Эй, молодой человек! Извините за беспокойство. Но хочу вас спросить кое о чем...

Я поднял голову и увидел за соседним столиком светловолосого круглолицего человека, в опрятном синем костюме и с университетским значком на лацкане пиджака.

— Я за вами третий день наблюдаю, — сказал он. И улыбнулся, собрав лучистые морщинки у глаз. — Вы что же, работник издательства? Это ведь у вас корректура?

— Да, — сказал я, — корректура стихотворного сборника.

— И как же он называется?

— „Под незакатным солнцем”.

— А, простите, кто же автор?

— Я сам.

— Ах так, — проговорил он, вставая. — Ну, тогда поздравляю!

И подойдя ко мне, протянул руку:

— Давайте знакомиться! Миронов Андрей Павлович.

Мы обменялись рукопожатием и я назвал себя. И сейчас же он пробормотал задумчиво:

— Постойте, постойте, а ведь я ваше имя вроде бы знаю... Что-то когда-то читал... Ну, конечно! Вы, кажется, служите в местной областной газете?

— Служил, — уточнил я, — в прошлом году. А потом перебрался в Туву.

— Ну, а сейчас?

— А сейчас, как видите, вернулся.

— По делам? — он покосился на разбросанные по столу листки. — На время?

— Нет, насовсем. Как-то, знаете, не ужилась там, не удержался.

— Почему?

— Долго рассказывать, — проговорил я уклончиво.

— А все-таки, — прищурился он, — расскажите. И вот что. Давайте-ка пересядем ко мне. Тут бумаги, не будем их трогать. А у меня коньячок... Выпьем за вашу книжку! Это ведь первая?

— Ага, — кивнул я.

— Ну вот. За нее! Чтоб была не последняя...

Я вдруг почувствовал, что устал, что мне и впрямь не мешало

бы немного выпить, отдохнуть и поболтать с забавным этим типом. Удивительное дело, когда он окликнул меня, первым моим желанием было послать его к черту. Но почему-то я сдержался. А минуту спустя мы уже болтали, как старые приятели. С ним было легко, спокойно, и я охотно принял его приглашение.

Усевшись, Миронов аккуратно разлил по рюмкам коньяк. Мы дружно выпили. И потом:

— Значит, вы сейчас без места, — сказал он. — А я, к вашему сведению, все последнее время занимаюсь как раз тем, что ищу людей. Любопытное совпадение, вы не находите?

— Ищете людей? — живо спросил я. — Куда? Для чего?

— Для моего района.

— А что у вас за район? И вообще, кто вы?

— Ах, да, извините, я забыл объяснить, — усмехнулся он. И добавил с легким поклоном: — Я работаю в Енисейском райкоме партии инструктором по пропаганде. И сейчас мы обновляем кадры. Нам нужны свежие силы. Причем нужны всюду, на всех участках идеологического фронта: в районной редакции, на радио, в отделе культуры.

— А вы сами давно в инструкторах ходите? — поинтересовался я.

— Да не особенно, — ответил Миронов. И охотно рассказал мне, что он два года назад окончил Томский университет. Затем уехал в Москву, в Высшую партийную школу. А после нее, нынешней весной, был направлен в таежный город Енисейск. Направлен не зря, так как родом он оттуда, из тех самых мест. Можно сказать, коренной енисеец...

Мы снова выпили — теперь уже за „те самые места“. И я проговорил, закуривая:

— Енисейск... Там ведь, кажется, золотые прииски?

— Большие прииски, — воскликнул Миронов, — старинные! Енисейск вообще один из самых старых сибирских городов. Заложен он был еще в тысяча шестьсот девятнадцатом году. А в середине прошлого века стал даже центром золотой промышленности. Его называли „Золотой столицей Сибири“. В ту пору прииски Енисейской губернии добывали почти девяносто процентов всего сибирского золота. О, Енисейск — городок знаменитый! О нем легенды по всему Северу ходят.

— Любопытно, — сказал я. — Так, значит, если бы я поехал туда, дело бы мне нашлось?

— Ну еще бы! Конечно. Но сначала все-таки расскажите, что же произошло в Туве, а?

Я посмотрел на него внимательно и понял: нет, ловчить здесь ни к чему, „делать голубые глаза” не стоит... И, собравшись с духом, поведал ему обо всем без утайки, обойдя молчанием лишь те обстоятельства, что были связаны с монгольским монастырем.

Миронов выслушал меня, не перебивая. И то, что он сказал затем, прозвучало весьма неожиданно:

— Стало быть, вы знакомы с Библией, разбираетесь в вопросах религии... Это неплохо! В нашем районе, видите ли, живет много староверов, кержаков и прочих религиозных сектантов. При Сталине их прижимали, преследовали. Мы же хотим, наоборот, наладить с ними добрый контакт.

— Ну, если говорить о сектантах, — отозвался я, — то тут я могу назвать себя знатоком. Когда-то я был тесно связан со староверами... Знавал также и хлыстов и скопцов.

— Тесно связан — это в каком же смысле? — насторожился он.

— В самом простом, невинном, — успокоил я его. — Жил в одних с ними краях, дружил кое с кем... Читал даже ихнюю литературу — „Соловецкие тетради”, письма протопопа Аввакума... Не забывайте, я ведь литератор! Меня интересует многое.

— Да, вы, действительно, находка, — восхитился Миронов, — как сказали бы староверы: вас сам Бог послал! Такие люди нам нужны.

— Кому это — вам? — осторожно спросил я.

— Партии, — ответил Миронов, — ну, может, не всей партии, но нам — хрущевцам.

Я давно уже слышал о том, что в партийных рядах началась некоторая перетасовка. Придя к власти, Никита Хрущев решил опереться на молодых. И кое-где они уже начали активизироваться. И вот, наконец, впервые и совершенно случайно я встретился с одним из таких молодых хрущевцев.

И неожиданную эту встречу я склонен был сейчас расценивать как особую милость Судьбы.

С Судьбой у меня отношения всегда были странные, непростые. Она, как известно, никогда меня не баловала. Она ничего мне не дарила. Она вечно создавала вокруг меня ситуации бедственные, крайние, вела меня как бы по краю катастроф.

Да, она не баловала меня, но и пропасть тоже не давала! И всякий раз, когда я оказывался в скверном положении, она вдруг посылала мне неожиданную помощь, поддержку.

— Значит, по рукам? — сказал я.

— По рукам, — кивнул Миронов.

— И когда же мне отправляться?

— Да чем скорее, тем лучше... Завтра я сам туда возвращаюсь. Хотите, поедем вместе?

ЗИГЗАГИ СУДЬБЫ (продолжение)

На следующий день я сдал в издательство гранки, получил аванс, первый в своей жизни аванс за книгу! — и отправился вместе с Мироновым в путь.

...Но тут я хочу, забегая вперед, сказать несколько слов об этом новом моем приятеле. С Андреем Мироновым мы впоследствии довольно часто виделись. Человек он был вполне интеллигентный, начитанный, знающий и любящий поэзию. И по всем своим данным, по душевным качествам он, право же, никак не походил на партийного функционера. Уж очень был он прост... Я быстро подметил это и с любопытством наблюдал за его карьерой. Мне казалось чудом, что такие, как он, люди могут пребывать в партийно-чиновничьей среде. Ведь данная среда — особая, очень сложная, исполненная хитросплетений, странностей и интриг. Там, в закулисном сумраке, идет постоянная, незримая война; война всяческих мелких группировок, блоков, объединений. Война за места, за продвижение, за власть... В замкнутом этом мирке следует держаться настороже и всегда быть готовым к отпору. Ибо там не жалеют друг друга и не прощают слабостей. Ну, а интеллигентная мягкость и простота Миронова являлась, конечно же, явной слабостью. Таков был один его недостаток. Но имелся и другой, гораздо более серьезный, — независимость суждений и рискованная широта взглядов... Это уже должно было вызывать противодействие всей среды в целом! И впоследствии я напоминал ему об этом, предупреждал его. Но приятель мой всякий раз отмахивался беспечно: „Чепуха. К чему нам осторожничать? Сила — за нами! Мы же ведь олицетворяем новое время. Время всеобщей демократизации”.

Странно, он как бы не замечал реальности, не понимал того, что старые сталинские кадры чрезвычайно сильны и опыты. И у чиновничьей рутины глубокие корни. И небольшая кучка молодых реформистов все равно нипочем не смогла бы сейчас одолеть эту рутину. Слишком мало их еще было.

Естественно, они рассчитывали на поддержку своего лидера, Хрущева. Но тот и сам помаленьку начал ими тяготиться; очень уж многого они хотели, на многое посягали. Да и спешили чересчур...

И в общем-то, почти никто из них не удержался, не сделал карье-

еры. Новая эта волна поднялась и опала, не оставив заметного следа.

Своего апогея волна эта достигла во время нашумевшего партийного съезда, на котором Никита Хрущев выступил с критикой сталинского режима, а опала она и окончательно сошла на нет сразу же после трагического венгерского мятежа 1956 года, породившего весьма суровую реакцию.

Об этой реакции я расскажу позже, здесь же отмечу лишь одну подробность, связанную с неудачей, постигшей моего приятеля. Деталь эта анекдотична, нелепа. На первый взгляд она может даже показаться неправдоподобной...

Готовилось большое совещание партработников, на котором должны были присутствовать представители Москвы. И наши прогрессисты решили воспользоваться случаем и дать сокрушительный бой бюрократам. Договорились они так, что Миронов выступит с докладом, а друзья, сидящие в зале, шумно поддержат его.

Друзей было пятеро. Немного, конечно. Но ведь главное в таком деле — начать! Главное — взбудоражить толпу, создать нужную атмосферу в зале.

Итак, совещание началось. Проходило оно в помещении городского клуба. И дождавшись своей очереди, Андрей Миронов взошел на трибуну. Неторопливо разложил перед собою бумаги. Пошуршал ими. Откашлялся. Начал было говорить — и вдруг осекся.

Запинка эта произошла оттого, что старенькая клубная уборщица внезапно вышла, шоркая, из-за кулис и поставила перед Андреем стакан с водой.

Все дело в том, что на такого рода совещаниях перед ораторами всегда ставится графин с водой или же подаются им стаканы с лимонадом, иногда с чаем. Такова старая традиция. И на сей раз в клубе подавался лимонад. Напиток желтого цвета... Но Андрею Миронову уборщица почему-то принесла обычную, простую водопроводную воду.

И в зале это сразу заметили. И Миронов заметил тоже. И тотчас же все решили, что это неспроста, что тут кроется какой-то особый умысел. Решили потому, что подобные случаи ведь уже бывали и раньше... Вообще искусство недомолвок, подвохов и тонких намеков развито там до крайности. И теперь людям тоже почудился некий намек; над Мироновым, судя по всему, иронизировали, им явно пренебрегали. Его как бы отделяли от общей массы. И организовал это, бесспорно, кто-то из тайных закулисных заправил. И невольно каждый задумался, — кто? Может быть, кто-то из здешних, своих? А может, уже начала действовать чья-то рука из Центра?

И в итоге, доклад не получился... И никто из друзей не поддер-

жал его — все они затихли, затаились. Они уже больше не решались шуметь.

А самое смешное и печальное заключалось в том, что данный фокус с водой, действительно, произошел случайно, по ошибке уборщицы.

Я затем все точно выяснил. Человек беспартийный, я обычно на такие сборища не хаживал, но тут специально пошел. И оказался, таким образом, свидетелем глупого мироновского провала. И когда поздним вечером собрание кончилось, я разыскал уборщицу и допросил ее строго.

И она объяснила, что к тому времени, когда на трибуну поднялся Миронов, а он выступал далеко не первым, запасы лимонада уже кончились, и она сама, по своей воле, поспешила в туалет за водой... Она хотела сделать, как лучше! Она старалась! И я подумал тогда, не зря старинная поговорка гласит, что дорога в ад вымощена благими намерениями.

* * *

Ну, а теперь вернемся к сюжету. Я с радостью принял предложение Миронова и на следующий день отправился вместе с ним в путь.

Отправился по самой лучшей, самой веселой из северных дорог — вниз по течению Енисея.

Енисей шумел широко и мощно. Он бежал среди высоких, крутых, поросших тайгой берегов. Особенно крут был правый берег. И там, в вышине, увидел я вдруг мутные очертания села Очуры.

Очуры промелькнули быстро, но все же я успел на какое-то мгновение разглядеть высокую крышу деревенского клуба. Или, может быть, это мне просто почудилось?

Скорее всего, почудилось! День ведь был уже на исходе, и над береговыми кручами стлался сизый туман... Но как бы то ни было, видение это взволновало меня и вызвало обвал воспоминаний.

И тотчас же я вспомнил, сообразил, что ближайшим пунктом, куда очурские спекулянты возили лук, был Енисейск.

И еще я вспомнил, что Ванька Жид приезжал сбывать свое, добытое грабежом золотишко, именно оттуда — из Енисейска.

Там, в Енисейске, творилось немало темных дел. Это было очевидно. И судьба теперь посылала туда меня... Нет, она, конечно, меня не баловала, не давала мне успокоения!

Ладно, подумал я, будь что будет. Посмотрим, какая мне выпадет карта. В этой жизни, в сущности, никто никогда не знает, где суждено найти, где — потерять...

И прошла еще одна ночь. И вот впереди, по левому борту нашего суденышка поднялись из рассветной розовой мглы кресты и купола легендарной „Золотой столицы”.

СТАРОВЕРЫ

В редакцию газеты „Енисейская правда” я устроился без хлопот и сразу же — при содействии Миронова — был назначен специальным „таежным” корреспондентом. Отныне моей обязанностью было посещать селения староверов и, так сказать, освещать в печати их быт и дела.

Староверы, как известно, самые многочисленные из всех прочих религиозных сект. Они возникли в результате церковного раскола, происшедшего в России в XVII веке, в годы царствования Алексея Тишайшего. При нем и затем при временном правлении его дочери, царевны Софьи, обновленная „никонианская” церковь подвергла раскольников жестоким гонениям. И большинство из них тогда ушло в леса, на восток. Когда же на престол взошел Петр Первый, российский „раскол” уже окончательно сложился, обрел свою историю, свои легенды, свои специфические традиции. Среди этих традиций была и такая, которая повелевала — „спасаясь от антихриста” — добровольно сжигаться живым. Причем всем семейством, с женщинами и малыми детьми... Это называлось „отплывать в царствие небесное”. И долгие годы над петровской эпохой стоял жутковатый запах раскольниковых гарей.

„Отплывали” порою целыми посадками — по 100, по 200, по 300 семей. И так продолжалось до тех пор, пока Петр Великий не обнаружил специальный указ. Он предложил староверам платить двойной налог и пообещал „откупившимся” полную неприкосновенность.

С того момента на протяжении трех столетий раскольники мирно трудились, заселяя и осваивая просторы севера. Основным их промыслом была охота на пушного зверя, смолокурничество, а когда началась золотая лихорадка, многие из них занялись старательством.

Старателями в Сибири называют всех, кто добывает золото. Но тут существуют две категории. В одну входят те, кто работает на рудниках и в шахтах. В другую же — те, кто занимается вольным поиском золота в тайге. И так как староверы всегда предпочитали держаться подальше от властей предрежащих, то среди них особенно распространен был именно этот, второй тип, — вольный...

С приходом советской власти ситуация кое в чем изменилась. Вольное старательство, например, осталось, но теперь это было уже не частное предпринимательство, а работа по государственным договорам.

Заключая такой договор, старатель выбирал себе определенный „квадрат” на карте района и обязывался все добытые там образцы представлять в местную приисковую контору.

Существовала твердая такса. За находку больших самородков полагалась премия. И особенно крупную премию давали тому, кто обнаруживал золотую жилу или перспективную россыпь.

Старатели, таким образом, зарабатывали неплохо. Хотя, конечно, разбогатеть, как встарь, уже не могли.

Хозяином золота и всех природных ценностей отныне стало государство. И заботясь об охране своей собственности, оно ввело суровые законы.

Что же касается социального положения староверов, то оно в какой-то мере стало еще более тяжким... До революции раскольники были отщепенцами, изгоями, и такими остались при новой системе. Но если раньше они могли хотя бы „откупаться”, то теперь эта привилегия была у них отнята. Любопытное обстоятельство: новая атеистическая власть стала преследовать религиозных сектантов гораздо активнее, чем старая.

В годы свирепого сталинского режима дело дошло даже до того, что кое-где над тайгой снова запахло раскольничьими гарями...

После смерти „кремлевского горца” режим смягчился. Новый вождь, Хрущев, упорно подчеркивал, что он не жаждет крови. И так оно, в общем-то, и было. И для многих тогда настала пора надежд.

Староверы, конечно, не рассчитывали на то, что им предоставят полную свободу вероисповедания. Они были бы вполне довольны, если бы их просто оставили в покое. Перестали бы вмешиваться в их личную жизнь. Прекратили бы постоянные издевки и травлю... И надежды эти в какой-то мере оправдались. Кое-где, например, в Енисейске, с газетных полос стали исчезать устаревшие, примитивные лозунги, сохранившиеся с двадцатых годов, вроде: „религия — опиум...” И вот вместо „воинствующих атеистов” в тайгу, в глухие раскольничьи места стали теперь наведываться люди иного сорта — отказавшиеся от казенных стандартов и сознающие всю сложность религиозных проблем.

Не знаю, принес ли я староверам какую-либо ощутимую пользу. Но, во всяком случае, я их не корил за отсталость и не брался перевоспитывать. А время от времени, по мере сил своих пытался да-

же помогать в делах практических, житейских... Так, однажды случилось мне помочь одному вольному старателю, Семену Потанину.

* * *

Был Семен мужик на редкость невезучий. Неудачи преследовали его постоянно. За что бы он ни брался, все распадалось, рушилось, шло наперекосяк... И происходило это отнюдь не по его вине. Он не был ни глупцом, ни лентяем, ни пьяницей. Староверы, кстати сказать, вообще презирают алкоголь так же, как и табак. Известная поговорка — „человек — кузнец своего счастья” в данном случае была неприменима.

Детство Семена прошло в раскольничьей общине, в низовьях Ангары. И он натерпелся там лиха... Преследованиями и поборами власти вконец разорили общину. Начался голод. Тогда он переехал в таежное село Ручьи, расположенное в 16 километрах от Енисейска. С великими трудами купил там дом. Три года назад женился. И вот после свадьбы по непонятной причине в доме начался пожар...

Изба сгорела дотла. И в первую зиму с молодой женою он провёл, ютясь у соседей на задворках — в холодном сарае. Затем он все-таки отстроился. Но влез в большие долги. И до сих пор еще не мог с ними расплатиться полностью. В прошлом году, желая поправить дела, Семен вышел на охотничий промысел. Он заключил договор с кооперативом „Заготпушнина” и получил там денежный аванс и охотничий провиант. Но внезапно случилась новая беда.

В том году в тайге Енисейского края кедровые орехи уродились мелкие, плохие и в малом количестве. А так как эти орехи — основная пища белок, то все они откочевали в другие районы. Ушли также и бурундуки, и мыши. А ведь ими кормится все семейство кунных, в том числе и драгоценный соболь. И в итоге Семен, проплутав два месяца, вернулся домой, в сущности, ни с чем. Только зря израсходовал дорогие патроны да оборвался весь, лазая по кустам. И потерял в „Заготпушнине” доверие и кредит.

Теперь он с начала весны искал в тайге золотишко. Но пока безуспешно. Удача в руки не шла.

Причем участок ему выделили западный — на Сорок седьмой версте. Места там были тяжелые, сырые, болотистые. И Семен за это лето уже два раза просил дополнительную ссуду. „Надо же ведь как-то самому жить и жену обеспечивать! Ну, я-то ладно, прокормлюсь охотой... А она? Ей много чего нужно”.

Так он объяснялся в конторе местного прииска. И в первый раз его просьбе вняли и ссуду выдали. Но во второй — отказали.

Обычно сдержанный, немногословный, Семен вдруг разбушевался, нашумел... И вот тут-то я как раз и подросел. И вовремя вмешавшись в конфликт, сумел уладить дело! Я говорил от имени газеты, а ссориться с ней приисковому начальству, конечно же, не хотелось.

И в конце концов Семену деньги выдали. И отойдя с ними от кассы, он оглядел помещение, отыскал меня взглядом. И коротко сказал, кивнув на дверь:

– Пойдем!

Мы вышли. И я спросил:

– Куда ж теперь?

– В чайную, – ответил он.

– А стоит ли, – замялся я, – тратить лишние деньги?..

Но он оборвал меня резко:

– Перестань! Я угощаю... Ты ж меня, знаешь, как выручил!

И тут же добавил с усмешечкой:

– Или ты, может, с нами, верующими, не пьешь, гнушаешься?

В чайной он заказал мне водочки, а себе взял кружку пива. И так состоялось наше знакомство. А потом мы долго сидели с ним, толкуя о жизни. И тогда-то я и узнал подробности всех его передрыг и бедствий.

Судьба его чем-то напомнила мне мою собственную. Нас обоих как бы роднила фатальная невезучесть. И я смотрел на него с искренним сочувствием, с интересом.

Он был некрупен, невысок ростом, но крепок, жилист, с выпуклой грудью, сильной шеей и твердым взглядом карих, широко поставленных глаз. Лет ему на вид можно было дать немного – не более тридцати. Однако в черной его челочке, косо спадающей на лоб, уже поблескивала седина. И виски тоже заметно серебрились. От неудач, подумал я, от разочарований. Что ж, понятно...

И немного погодя спросил:

– Ну, а как на твоём участке? Наклеивается что-нибудь?

– Да пока ничего, – проговорил он устало. – Хотя, конечно, надо искать. Места здесь вообще-то перспективные. Может, Бог даст, мне еще улыбнется фортуна... Должна же она когда-нибудь улыбнуться?!

– Конечно, должна, – убежденно сказал я. – Тем более – здесь! Эта тайга, говорят, на диво богата. О ней, знаешь, сколько легенд?

– Знаю, – махнул он рукой. – Мои предки на север попали еще при патриархе Никоне. Тогда здесь в „каменных людей” верили, „Золотую Бабу” искали...

– Ее, кажется, искали в низовьях Оби?

– Сначала там, а потом повсюду... Был, понимаешь ли, слух, будто самоеды увезли ее тайком вниз по реке Туруханке. Стало быть, на Енисей. Тогда-то и хлынул сюда народ. Что говорить, легенд было много!

– И если вдуматься, были они не зря!

– Да, пожалуй.

– Золотую Бабу не нашли, ладно. Но весь этот край действительно оказался золотым.

– Да, – повторил Семен, – пожалуй... Вообще-то жить здесь можно было бы, если б не мешали. – Он коротко вздохнул. – Мешают уж очень. Мочи нет.

– Это ты о ком? – спросил я, понижая голос. – О начальстве? О местных бюрократах?

– И о них тоже, – усмехнулся Семен. – Но тут всякого дерьма хватает... Народ, понимаешь ли, зажат, как в тисках. С одной стороны начальнички, с другой – жиганы.

Он отхлебнул пива, утер губы ладонью. И помолчал:

– Есть у меня дружок, Иннокентий Бровкин. Тоже, как и я, все время бедствовал, искал свой фарт.* А когда наконец нашел – жиганы его в тайге прихватили. И все золотишко забрали. Все! Подчистую! Без жалости! Ну, а в конторе ему не поверили, решили, что он схитрил, обманул... Ну и оформили на него уголовное дело.

– И что же с ним теперь?

– Да что? Дождается суда. А здешние органы тоже ведь жалости не знают! Это известно. Суд всегда дает полную катушку.**

– Вот чертовщина, – проговорил я, – действительно, ситуация, как в притче о воробушке. Знаешь, который в навозе завяз... Он клюв вытащит – хвост застрянет, хвост вытащит – застрянет клюв.

Потом мы заговорили о жиганах. И я поинтересовался, много ли их здесь? Семен ответил, усмехнувшись, что достаточно, хватает с избытком...

– В позапрошлом году, – добавил он, – появилась новая банда. „Черная кошка“, таково ее имя. О ней жуткие вещи рассказывают.

– „Черная кошка“? – сказал я, внутренне весь напрягшись. – В позапрошлом году, говоришь?

И опять мне припомнились далекие Очуры и все, что я слышал там об этой банде и о ее вожаке...

* Фарт – удача, счастье.

** Полная катушка – приговор, вынесенный с максимальной суровостью.

- Кто же в этой „Черной кошке” верховодит? Уж не Каин ли?
– Верно, – удивился Семен, – Каин... Откуда ты знаешь?
– Слышал.
– О нем вообще-то многие слышали. А вот каков он на вид, никто не знает.
– Отчего ж так?
– Да он, говорят, бережется, прячет свой лик от посторонних... Ну, а тех, кто его увидит, сразу кончает. Не любит оставлять живых свидетелей.

ЗОЛОТАЯ ЛИХОРАДКА

Но я не только разъезжал по тайге и по разным приискам, у меня хватало дел и в самом Енисейске.

Помимо корреспондентских обязанностей, на меня была возложена также организация традиционной „воскресной литературной” полосы. Эта полоса заполнялась публикациями творений местных авторов. В Енисейске – как, впрочем, и повсюду – имелся свой, весьма обширный кружок начинающих... Были среди них люди способные, но были и явные графоманы. И возиться с ними приходилось немало. И возня та была нелегка.

Словом, каждый уикенд – с вечера пятницы по понедельник – я проводил в городе. И день ото дня все ближе знакомился с ним, все лучше узнавал историю „Золотой столицы Сибири”.

* * *

История эта своими корнями уходит в глубину веков... Семен Потанин не случайно в разговоре со мной вспомнил легенду о „каменных людях” и о „Золотой Бабе”.

С нее-то, с этой Бабы, все и началось.

Первые упоминания о ней встречаются в древних скандинавских сказаниях и в фольклоре славян – новгородцев, архангельцев, холмогорцев. Проникая за полярный Урал, на восток, в поисках драгоценной пушнины, все они слышали многочисленные рассказы туземцев о каких-то странных людях, живущих в горных пещерах, осыпанных рубинами и алмазами. И хранящих в тайном своем капище гигантского идола из чистого золота.

Затем эти сведения попадают в русские официальные летописи.

В „Софийской летописи” четырнадцатого века сказано: „...Племена за Уралом поклоняются огню, камню и Золотой Бабе”.

В „Повести временных лет”, например, было даже указано более или менее точное место обитания этих племен. Насколько можно понять, речь здесь шла о том районе, где горы вступают в устье Оби (в старину гигантское это устье называлось Обским морем) и где образуется так называемое Лукоморье...

Сказочное Лукоморье тревожило и манило многих; его как бы окутывал драгоценный туман, над ним мерцали слепящие отблески золота.

И в 1601 году на поиски его отправилась из далеких Холмогор морская экспедиция, возглавляемая казаком Левкой Шубиным.

Ни алмазных пещер, ни Золотой Бабы путешественники не обнаружили в устье Оби. Но все же осели там, освоились. И вскоре вблизи Лукоморья возник городок Мангазея.

О происхождении этого слова спорят до сих пор. Но, по-моему, все тут просто. Дело в том, что окрестные северные народы (угорские самоеды, обские ненцы и другие) называли таинственных обитателей гор именами Сиртя или же Монгомзи... Вот от этого слова „Монгомзи” как раз и образовалось русское название нового города.

Судя по слухам, эти Монгомзи или Сиртя, напуганные нашествием чужестранцев, ушли в недра гор, в глубину, под землю.* И отныне разыскать их уже было невозможно...

Что касается священного золотого идола и всех прочих драгоценностей, то „каменные люди”, уходя, якобы оставили их на поверхности. И этим тотчас же воспользовались какие-то соседние племена... Но какие? И когда? И где они эти сокровища прячут? Ответить на это никто из туземцев не мог.

А может быть, не хотел?

Как бы то ни было, поиски данных сокровищ продолжались...

Впрочем, они никогда и не ослабевали; Золотой Бабой интересовался покоритель Сибири Ермак, ее разыскивал тобольский митрополит Филофей — мрачный фанатик, настойчиво разорявший туземные капища. И толпы авантюристов, хлынувшие вслед за отрядом Шубина в низовья Оби, тоже обшарили и опустошили немало ненских селений. Для местного населения это было подлинным бедствием.

* Самое удивительное здесь то, что в XIX веке некоторые ученые (академик Лепехин, Щренк и др.) действительно обнаружили в тех местах множество пещер со следами материальной культуры, принадлежащей таинственному исчезнувшему народу.

Загадка Сиртя и сейчас еще остается нераскрытой и волнует этнографов.

А тем временем городок Мангазея рос и ширился и расцветал. И вскоре стал крупнейшим торгово-промышленным центром Заполярья. И у причалов мангазейского порта швартовались корабли из Ганзы, Голландии и Англии. Сюда доставлялись европейские ткани, пряности и оружие. А в Европу отсюда уходило „мягкое золото” — всевозможные меха.

Затем наступили мрачные дни. Указом государя Михаила Романа северные моря были „закрыты” для иностранцев... И богатый город пришел в запустение. Начались пожары, голод, мор. Население разбредлось. Некоторые двинулись вверх по Оби, а большинство людей — дальше на восток, к Енисею.

Среди многих причин, обусловивших движение масс к востоку, была также и общая вера в то, что пресловутые сокровища тайно увезены самоедскими шаманами вниз по Туруханке — западному притоку Енисея... И, стало быть, искать их отныне надо на берегах великой этой реки!

Первым крупным поселением на Енисее был Туруханский острог — его называли поначалу Новой Мангазеей. Затем землепроходцы стали подниматься все выше по течению реки. И там, где они задерживались, отдыхая, возникали таежные села — станки. И наконец, людской поток на какое-то время приостановился. И вот тут, неподалеку от места впадения в Енисей Ангары, родился острог — Енисейск.

Острог этот вскоре стал оплотом местной колонизации. А затем превратился в административный центр Енисейской губернии.

Славе молодого губернского города немало способствовало развитие пушного промысла. В енисейской тайге были обнаружены великолепные, редкостной породы, черные соболя.* Тогда же возник и герб города с изображением этого зверя. И „мягкое золото” отсюда стало поступать преимущественно в царскую казну..

Но подлинного расцвета достиг этот город после того, как в его окрестностях нашли настоящее золото — чистейшее, первосортное, так называемое червонное. И в масштабах поистине сказочных, небывалых...

С невероятной быстротой стали возникать тогда таежные прииски и шахты. Началась золотая лихорадка. Вскоре она охватила Якутию и Дальний Восток. Но первенство по-прежнему оставалось за Енисейском.

Достаточно сказать, что в 1860 году с приисков Енисейского промышленного округа поступило 16,126 пудов золота, что состав-

* В Сибири и на Дальнем Востоке такой соболь называется „казак”.

ляло 67,7 процента всей сибирской золотодобычи. Впоследствии она поднялась до 89,5 процента. Но это в период самого разгара... А началось все, конечно, скромней и гораздо раньше.

Изо всех золотых лихорадок, потрясших цивилизованный мир (калифорнийская, австралийская, клондайкская), сибирская — наименее известная и, пожалуй, самая ранняя. Если, например, золото на Клондайке впервые было обнаружено в 1896 году, то в Восточной Сибири его понемногу начали добывать еще в конце двадцатых годов. А первые заявки на участки в Енисейской губернии были сделаны в 1832 году. И вот именно эта дата и считается началом массовой золотодобычи.

Началось все вроде бы совершенно случайно... По преданию, какая-то женщина, домашняя хозяйка, однажды стала потрошить гуся и вдруг увидела в его зобу золотой самородок!

Так, конечно, тоже могло быть. Но вообще-то истинные причины лежали здесь гораздо глубже. Дело решил вовсе не случай, отнюдь. Золото в Сибири искали давно и упорно и всюду. Сначала люди шли по следам легенды. Потом стали приглядываться к земле. И оказалось, что здешняя земля как бы вся насквозь пропитана драгоценным металлом.

Древний золотой мираж отражал, как выяснилось, вполне реальную суть.

Ну а что же знаменитая Золотая Баба? Как же распорядилось время с самой этой легендой?

Она, сколь это ни удивительно, уцелела, осталась жива! И время от времени в тайге появлялись люди, продолжающие искать таинственные сокровища... И последние упоминания о них относятся к периоду революции 1917 года и гражданской войны.

И новая жизнь похоронила старые сказки.

Похоронила, впрочем, не сразу... Именно тогда, во время гражданской войны, объявился некий партизанский отряд, прошедший с огнем и мечом по всему Лукоморью. Отряд этот был странный; он сражался с белыми и с красными. Лозунг его был: „Советы — без коммунистов!“ Но, судя по всему, интересовала партизан вовсе не политика. Они разыскивали Золотую Бабу. Причем вели себя жестоко, безжалостно — жгли, пытали, пролили реки крови... Но ничего не нашли. И непонятно куда сгнули, оставив по себе страшную память.

* * *

Я бродил по Енисейску и с любопытством приглядывался к

нему. Здесь повсюду виднелись следы бывшего богатства. В небольшом захолустном городке, затерянном в приполярной тайге, стояло пять больших каменных церквей и около десятка мелких, деревянных. Возле одной из них в северной части города помещался дом, где я жил. Между прочим, в том же самом районе располагались когда-то знаменитые китайские притоны! Там курили опиум и там же производилась тайная перекупка золота.*

Контрабандные тропы, по которым шли теперь посланцы Ваньки Жида и мадам Вонг, были, как я узнал, старые, испытанные, надежные... Но вернемся к истории самого города. В гораздо большей степени, чем Божии храмы, истинное лицо Енисейска определяли такие вот притоны и прочие злачные места.

На территории города, протянувшегося на восемь километров, находилось более трехсот кабаков! Половина из них были одновременно борделями. Причем сюда во множестве наведывались курочки из Москвы, Питера, Одессы. И даже из восточной Европы — из Варшавы и Бухареста.

Сохранились архивы старой городской Управы, в частности — книги регистрации проституток. Так вот, иностранные курочки официально отмечались как „остановившиеся в городе проездом”. И это „проездом” выглядело самым смешным, ибо куда же было им дальше-то проезжать? Дальше ведь лежал Полярный круг, а за ним — Северный полюс!

Разгул здесь когда-то царил дикий, безудержный. За игорными столами просаживались колоссальные суммы. В борделях по желанию клиентов шампанским и коньяком замывались полы... Вырвавшиеся из глухой тайги старатели как могли отводили душу в отчаянных попойках, дебошах, шумных скандалах. Существовала определенная такса, по которой, скажем, за поломанную мебель полагалось платить пятьдесят—семьдесят граммов золотого песка, а за битые стальных зеркал — не менее ста. Можно было также позабавиться и с официантом — например, вылить ему суп за воротник. Или же заголить попку у какой-нибудь курочки и вымазать ее горчицей... Но это стоило дороже — от двухсот до трехсот пятидесяти граммов. Погуляв таким образом пару месяцев, старатели затем возвращались в тайгу — обнищавшие, разбитые, отравленные спиртом. И опять на долгий срок впрягались в работу: долбили камень, спускались

* Добыча золота в старой российской империи всегда находилась под государственным контролем и облагалась значительным налогом. Поэтому тайная перекупка являлась, по сути, беспощинной торговлей и была основой черного рынка.

в сырые штольни... И все повторялось сначала. Жизнь большинства из них шла по замкнутому кругу, вырваться из которого они не могли. И может быть, отчетливое чувство безнадежности и несбывшиеся мечты — все это как раз и порождало бешеный их разгул, нередко оканчивавшийся кровью...

И вот тогда-то и родилось определение золота: „Рыжий дьявол”!

Дьяволу этому поклонялись по-всякому. Можно было тихо спиваться. Можно было скандалить и глумиться над людьми. А можно было и убивать.

В ту пору имела особая расценка убийств — нечто вроде ресторанного меню... Считалось, что если преступление совершено не с целью грабежа, а просто по пьянке, на почве ревности, в обычной драке, то от него можно откупиться, выплатив определенную сумму родственникам убитого или же его друзьям, а за отсутствием их — казне.

Естественно, Енисейский городской суд присяжных подобных правил не признавал... Однако в народе они были сильны, живучи! Помимо официального суда существовал ведь еще и тайный народный самосуд. И власти так или иначе вынуждены были считаться с местными традициями.

Но как подобные традиции сформировались? Откуда пришли? Тут следует обратиться к старинному своду уголовных законов „Русская правда”. Свод этот был создан в середине тринадцатого века и особенно широко распространен в северной (Новгородской) Руси.

Вот характерная выписка из „Русской правды”:

„Если придет в суд человек в крови или в синяках, то свидетелей не искать, а обидчик пусть платит штраф — три гривны”.*

А вот еще любопытный преискуронт убийств, сохранившийся в „Новгородской летописи”:

„Если убьют рабочего — пять гривен. Если убьют крестьянина — пять гривен. Если убьют купчину немца, то за его голову — десять гривен. Если же кто убьет княжьего конюха или повара — сорок гривен за голову”.

Князя любили хорошо и сытно поесть и особенно дорожили поварами.

Если вспомнить, что русские обитатели енисейской тайги — это потомки мангазейцев, а те, в свою очередь, приплыли когда-то из областей, подчиненных Великому Новгороду, то становится понятным, как и откуда проникли в „Золотую столицу” столь странные правила.

*Гривна — старинная монета, представлявшая собою кусок серебра весом в полфунта.

По этим правилам прощались многие грехи. Но только не явный разбой, не вооруженный бандитизм. Тут уж откупа не существовало! Самосуд карал налетчиков безжалостно.

Хотя это, конечно, мало что меняло. Бандитизм процветал, и традиции его были так же стары и неискоренимы, как и все прочие... Ведь бандиты поклонялись тому же самому бесу!

Жиганы терроризировали всю тайгу, все ее населенные пункты. Но, в первую очередь, интересовали их, естественно, не те бедолаги, что просаживали последнее золотишко в кабаках, а другие, более удачливые...

Удачливых тоже ведь хватало. До нас дошло немало имен знаменитых золотопромышленников. Например, братья Поповы, Мошаров, Голубков, Малявинский, Соловьев и другие.

А вообще, как свидетельствует статистика, число таких любимцев фортуны постоянно и неуклонно росло. В 1841 году их было 326 человек. А уже в 1861 году — 1125. К началу нашего столетия эта цифра увеличилась приблизительно втрое.

И большинство золотых королей имело резиденции в Енисейске.

Среда эта состояла не только из владельцев приисков и шахт, но также и из хозяев игорных домов и борделей. И был еще один бизнес, приносивший сибирякам гигантские барыши, — это транспорт. Ведь Енисейск стоял в стороне от железных дорог и выручала его, в основном, река.

По реке отправлялись караваны барж, груженных золотом и мехами. Пушной промысел все же не был забыт окончательно. А прибывал хлеб. И всякие редкостные штучки вроде спаржи, артишоков, шампанского. И тончайший немецкий фарфор. И критский мрамор, и крымский дуб, и экзотическое красное дерево для „королевских особняков”.

Особняки возвышались в центральной части города, и он выглядел тут вполне по-европейски... Многие старые здания сохранились; в них теперь размещались различные правительственные учреждения. В том числе и местный комитет партии, и редакция газеты.

Неподалеку от редакции раскинулась центральная городская площадь. Когда-то ее окружали пышные кабаки, казино, ночные притоны. Теперь же на их месте размещались скромные советские пивные и чайные.

Сменились эпохи, пришла новая власть, неузнаваемо преобразился весь уклад жизни, но кое-что все же осталось от прошлого. Какой-то душок былого сохранился. И люди, как и встарь, любили выпить и пошуметь.

Хотя, конечно, шумели уже не так...

Но пили по-прежнему лихо! Когда я впервые подплывал на пароходе к Енисейску, навстречу вверх по реке прошли две открытые буксирные баржи, доверху наполненные пустыми бутылками.

Капитан, помнится, крикнул в рупор:

– Эй, вы откуда?

И ему ответили с буксира:

– С прииска Северо-Енисейск!

И кто-то из стоявших на палубе проговорил:

– Ох, старатели, ну пьют, ну хлещут! И до революции тоже вот так вывозили посуду – целыми баржами. Один купчик на этом состоянии сколотил.

И другой голос добавил:

– Да что говорить. Тут повсюду были рассыпаны миллионы...

И теперь, бродя на енисейским улицам, я думал о том, как жалко, что о золотой лихорадке в Восточной Сибири почти ничего не написано.

Снежные пустыни Аляски, многолюдный Доусон-сити, такие реки, как Юкон и Клондайк, – они известны всем, отображены в книгах Джека Лондона, в поэмах Роберта Сервиса. А что знает мир о Сибири?

Только то, пожалуй, что Сибирь – страна концлагерей. Это, конечно, верно. Но этого мало. Тема Сибири имеет много аспектов, и каждый из них интересен и важен. А лагеря – что ж... Они были всегда. Знаменитый старинный „Разбойный Приказ”, ведающий тюрьмами, каторгами и ссылками, в том числе политическими, возник в Сибири еще в 1588 году, почти сразу же после ее присоединения. По существу, это был первый вариант ГУЛага. Но данный аспект давно уже разработан, о лагерях писали бесчисленно... А что же знает мир о русском золоте, о здешних реках, об удивительном городе Енисейске? Его когда-то называли то „Сибирским Парижем”, то – „Северным Вавилоном”. Он понемногу приходит в упадок. Время, как вода, точит всякий камень и смывает любые следы. А ведь тут каждая мелочь уникальна, каждый камень мостовой – пахнет историей.

Вот кстати – о мостовой...

Одна из главных улиц города некогда была вымощена особыми „торцовыми плитками” из заморского мореного дуба; в сущности, здесь был настелен своеобразный, очень дорогой паркет. Паркет этот отличался тем, что гасил звуки... Кроме того, он был необычайно красив и прочен. Созданный еще в конце прошлого столетия, он сохранился в целости вплоть до пролетарской революции. И когда

она пришла, разбушевавшийся народ вдруг взломал мостовую и торжественно сжег „буржуазный” паркет.

Погалдев, толпа разошлась. А улица так и осталась развороченной. И после первого же дождичка превратилась в болото. Ее затопила жидкая грязь.

С тех пор и поныне ходить по ней в дождливую погоду стало нелегко. Людям приходится пробираться по обочинам, прижимаясь к заборам.

* * *

Однажды вечером я пробирался, прижимаясь к заборам, по заболоченной этой улице. И наконец дошел до угла, за которым начиналась площадь.

На углу помещалась знакомая мне чайная. И отскоблив у крылечка грязь с сапог, я торопливо толкнул дверь и шагнул в тепло, в облака табачного дыма.

Было начало августа — лучшая летняя пора. Но здесь, у шестидесятой северной параллели, в эту пору уже начинали сыпать холодные дожди и ветер был хлесток и зол.

Стащив с себя мокрую кепку и тяжелую, остывшую тужурку, я уселся за ближайший свободный столик. И поманил пальцем официантку Верочку — сероглазую, улыбчивую. Она спросила, подойдя:

— Как обычно — вина и фруктов?

— Точно, — кивнул я. — И еще пельменей. Побольше! И погорячей!

Когда заказ был принесен, я налил большую стопку водки. Медленно поднес ее к губам... И вдруг рука моя дрогнула и опустилась, проливая водку на пиджак.

Случилось вот что. В вечерний этот час, как обычно, чайная была полна и в зале стоял ровный, несмолкаемый гул голосов. Но внезапно слева от меня раздался взрыв смеха, голоса возвысились. Отчетливо прозвенел женский голос. И мне почудились знакомые интонации.

Невольно я покосился в ту сторону. И увидел старую мою очурскую знакомую Клаву. Узнал прекрасный, страшный ее профиль.

ВСТРЕЧА С КОДЛОЙ

Клава сидела в окружении каких-то типов. И по общему виду их, по манерам, по выражению лиц я легко распознал жиганов. Опыт у меня в этом смысле был немалый и глаз наметанный. Да, конечно, как я и предполагал, после гибели брата она не пропала. И быстро разыскала новую кодлу и присосалась к ней.

„Но что она делает в Енисейске? — подумал я. — Неужто живет теперь здесь? Черт возьми, только этого не хватало”.

Когда-то эта женщина мне сильно нравилась. Но время прошло и теперь я глядел на Клаву по-другому... Она, конечно, была поразительно хороша! Однако это уже не волновало, не влекло, а скорее, настораживало. Как настораживают, скажем, красивые узоры змеиной чешуи.

Словно почувяв мой взгляд, она медленно поворотилась. Зрачки ее вдруг расширились. Какое-то мгновение она смотрела на меня не мигая. Затем воскликнула, приподнимаясь:

— Ты?!

И пошла ко мне, высоко неся пышную, чуть колышашуюся грудь. На ней была красная в обтяжку кофточка, широкая клетчатая юбка и желтые полсапожки.

* * *

Я ожидал, что Клава с ходу начнет меня упрекать. Ведь она, безусловно, знала, должна была знать, что я повинен в смерти Ландыша...

Но нет, она заговорила о другом: вспомнила Очуры, старый клуб, смешную историю с обожженной задницей баяниста. Потом заинтересовалась, как я, собственно, попал сюда?

— Вот это самое, — сказал я, — мне бы хотелось и у тебя спросить. Ты разве в Очурах не живешь больше?

— Нет, — лениво повела она плечом. — Я давно уже переехала.

— Куда? В Енисейск?

— Здесь я тоже, как видишь, бываю... Но вообще-то дом у меня в Подтесове. Знаешь? Это рядом, в двадцати километрах.

— Знаю, — покивал я, — заезжал несколько раз. Там ведь большой деревообделочный комбинат. И еще золотые прииски...

— Ну, верно, — сказала она. — И что ж ты там делал?

— Да по работе надо было... Я сейчас вообще много езжу.

— А кем же ты работаешь?

— Корреспондентом. В здешней газете.

— Ого, — мигнула она, — растешь!

— Стараюсь...

Так мы болтали с ней некоторое время. И Клавина компания, притихнув, наблюдала за нами. А я, в свою очередь, украдкой поглядывал на этих типов. И морды их все больше не нравились мне.

Ребята перешептывались, кривились. Их, видимо, задевало то обстоятельство, что Клава так неожиданно и легко покинула их и пересела к незнакомому фрайеру. Но как это обычно бывает, раздражение их было явно направлено не против нее, а против меня.

— Послушай, Клавка, — проговорил я, — это что за парни с тобой?

— Друзья, — ответила она. — Сам знаешь, у меня их всегда навалом... Я вас сейчас познакомлю. Но сначала давай договоримся.

Клава усмехнулась и потупилась. Опущенные ресницы ее затрепетали. Она откровенно со мной кокетничала. И я спросил с беспокойством:

— Договоримся о чем?

— Да все о том же, — медленно сказала она. — О чем мы раньше толковали... Помнишь?

И, подняв глаза, она посмотрела на меня чуть искоса, вполоборота, прежним скользким, загадочным своим взглядом.

— Ты забыл? За мной же ведь старый должок! А долг платежом красен. Так вот, в любое время, когда захочешь...

„Ну, нет, — сейчас же подумал я, — на этот крючок ты меня уже не зацепишь”. Но мыслей своих я ничем не выдал. И она продолжала с улыбочкой:

— Будешь в Подтесове, заходи. Мой дом сразу за лесопилкой. Первый переулочек налево. Красная крыша. И у крылечка старая сона. Ну и на всякий случай запомни, номер восемнадцать.

— Ладно, — пообещал я, — когда-нибудь...

— Но не тяни, — сказала она. И опять послала мне лукавый, призывный взгляд. — Опоздаешь — упустишь шанс...

„Ах ты паскуда! — подумал я. — О каком же ты шансе можешь говорить, хитесница!”*

— А этот твой дом, — спросил я погодя, — он чей? Ты одна там?

— Одна, одна, — небрежно сказала она. — Не сомневайся! — И, повернувшись к своим парням, махнула рукой.

Их сидело там четверо. И двое тотчас встали и не спеша, впервалочку подошли к нашему столику.

* Хитес — особая форма грабежа, в котором женщина играет роль приманки, наводящей жертву на бандитов.

Один из них был грузен, плечист, с толстым, красным, каким-то опухшим лицом. Другой же, наоборот, худощав, жилист, сутуловат. У него были белесые, узкопосаженные глаза, запавшие щеки, острый подбородок. И над губою щетинились рыжеватые, подбритые усики.

Подойдя, они разделились. Толстый встал за моей спиной, тяжело облокотясь о спинку стула. А худощавый уселся напротив. Огладил ребром ладони усики. И осмотрел меня жестким оценивающим взглядом.

Потом он сказал коротко:

— Ну?

И перекатил глаза в сторону Клавы.

— Вот мальчики, — торопливо проговорила она, — познакомьтесь: старый друг Ваньки Жида...

— Ах так? — поднял брови худощавый. — Друг Ваньки?

Жиганы растерялись, это было заметно. За моей спиной послышалась какая-то возня и густое сопение. Усатый спросил удивленно:

— Это где ж вы познакомились?

— У хозяина,* — пояснил я. Недалеко отсюда. На Енисее когда-то была знаменитая Пятьсот третья стройка. Надеюсь, слышал? Так вот, там...

С минуту царило общее молчание. Затем усатый сказал:

— Ну, ладно... А сейчас ты где шустришь?

— Он не шустрит, — быстро сказала Клава, — он теперь честно работает!

— Так ты завязавший, что ли? — прищурился парень с усиками.

— Точно, — сказал я, — а в чем дело? Завязал честно, на Красноярской пересылке, в пятьдесят втором году. Тогда там много воря собралось. И разговор был большой...

— Ну и что же кодла?

— И кодла меня отпустила.

— Так вот просто взяла и отпустила? — поджал губы мой собеседник. — Сомнительно.

— Почему же? — возразил я. — По правилам ведь можно. Или ты забыл закон?

— Ну, закон одно, — пробормотал он, — а жизнь — другое. Это как и всюду и везде.

Тяжелая лапа легла мне сзади на плечо и низкий сиплый голос прогудел над самым ухом:

* У „хозяина” — в заключении.

— Ты, брат, хорошо устроился, а? Чистенький, как новый гри-
венник... И воровал честно, и отошел честно, и работаешь честно, а?

— Да ну вас к черту, — сказал я. И резким движением освободил плечо. — Не верите мне, спросите у Ваньки! Кстати, где он?

— Далеко, — махнул рукой рыжеволосый, — все ездит...

— Как и ты, — сказала мне Клава, поигрывая бровью.

И сейчас же она склонилась к рыжеволосому и о чем-то негромко заговорила. Всех ее слов я разобрать не мог и сквозь шум уловил лишь отдельные, обрывочные фразы: „Корреспондент газеты”... „Полезный человек”...

И в конце концов все встало на свои места. Атмосфера разрядилась. Жиганы признали меня. Я стал теперь для них если и не совсем своим, то все же уже не чужим...

И каждый из них обменялся со мной церемонным рукопожатием. И я узнал, что толстый парень носит забавную кличку Скелет. А рыжеволосый зовется соответственно Рыжим. Впрочем, я заметил, что он, называя себя, как бы запнулся слегка... И подумал, что тип этот вероятно хитрит, что у него, пожалуй, есть и другое постоянное прозвище.

Мы засиделись в тот раз допоздна. И уходили из чайной последними. Дождь давно прошел и над крышами в прозрачной синей мгле тускло замерцали бесчисленные звезды — словно бы кто-то рассыпал там золотой песок.

В зыбком звездном сиянии лицо Клавы стало еще милее и загадочней. Печальные тени легли у глаз... Прощаясь со мной, она шепнула:

— Так заходи! Буду ждать.

Затем блатная компания свернула в ближайший переулок, а я пошагал прямо к дому. Путь до него был не близок. И по дороге я о многом успел поразмышлять.

* * *

Больше всего меня озадачила одна неясность: почему Клава ни единым словом не упомянула о Ландыше, о его смерти? Она словно бы сознательно обходила эту тему. Почему? Может быть, она не хотела меня огорчать? Ведь упоминание о ее брате связано со многими неприятными для меня деталями. Например, с Ландышевским шантажом... А сейчас она, вероятно, решила снова меня как-то использовать. Ведь не зря же она шептала Рыжему о том, что я „человек полезный”. И она, конечно же, твердо уверена, что по-прежнему сохраняет власть надо мной.

И тут я внезапно остановился. Откуда-то из нутра моего, из глубины пришел новый голос. И я весь напрягся, прислушиваясь к нему.

„А разве это не так? — спросил голос. — Брось, старик, кривляться. Не стоит перед самим собой... Власть ее сильная, и ты сам это знаешь! Оттого ты так и нервничаешь, и бранишь ее. Это все от бессилия... Ты как мышь перед удавом. И рано или поздно ослабнешь, не устоишь... Но подумай и о таком варианте: может быть, она просто хочет отомстить? Хочет расквитаться с тобой за старое?“

„То есть иными словами — за Ландыша?“

„Именно! И вот этим-то и объясняется ее поведение... Упоминать о брате сейчас, действительно, не в ее интересах“.

„Стало быть, главное — заманить?“

„Конечно. А напомним она обо всем погоды, потом“.

„Н-да... И чем же это может кончиться?“

„Трудно сказать. Но, надо думать, останется от тебя немного... Как говорят в Одессе, кучка дерьма да пара ботинок. Не забывай: Клавка участвовала в самых разных делах, и опыт у нее богатейший. И крови она не боится, пожалуй, наоборот“.

Постояв недолго, я снова зашагал. И потом опять остановился, задумался... И так я долго добирался до дому, непрерывно застревая в пути и беседуя сам с собою.

„Если она готовит западню, ей кто-то должен помогать“.

„Кто-нибудь всегда найдется! У Клавки любовников — по ее собственному выражению — навалом“.

„Но, с другой стороны, привлекать к этому делу блатных ей невыгодно. Она же должна бояться огласки... В конце концов Ландыш был кто? Стукач, предатель. И они работали на пару. А кодла, наверное, не знает всех этих деталей...“

„Вот это-то и есть самое странное! Если кодла ничего не знает, стало быть, Клаву прикрыл Ванька Жид... А ведь о Ландыше знали только вы двое. И поскольку Ванька ей не опасен, остаешься теперь один ты“.

„Ну, что ж, — усмехнулся я, — со мной тоже не так-то просто...“

„Нет, просто, — сказал внутренний голос, — весьма просто! Ведь ты же — бывший! Ты — завязавший! Хоть ты и не совсем чужой для этой публики, но все же и не свой... В сущности, для нее ты вне закона. И потому берегись! И с Клавкой покуда не связывайся. Дождись приезда Ивана“.

Но Ивана я так и не дождался!

Спустя неделю я зашел в угловую чайную. Там я частенько обедал и ужинал, и неожиданно встретил того самого толстяка, что носил забавную кличку Скелет. Мы разговорились. И он сказал мне, закурив и сморщась от дыма:

– А ты знаешь, что твой старый кореш Ванька Жид сгорел, кончился?..

– То есть?

– Ну, он попал в перестрелку и неизвестно, то ли убит теперь, то ли тяжело ранен...

– Когда же это произошло? – встревожился я. – И где?

– Да в Абакане, – сопя пояснил Скелет, – дня три назад. Он пришел на малину, а там внезапно началась облава. Кто-то навел мусоров... Ну, а Ванька почему-то замешкался, растерялся и не успел отвалить.

– Но что значит: „то ли убит, то ли ранен“? – спросил я. – Тело-то его где?

– Тело подобрали легавые.

– Значит, ничего толком не известно. Может, он еще оклемается?

– Эх, да что, – махнул рукой Скелет, – если даже он и оклемается, все равно ему крышка. Он же ведь большими делами ворочал... Через его руки столько золота прошло – ого! И легаша, я знаю, давно уже за ним охотились.

– Жаль, – вполне искренне сказал я, – жаль парня. Не вовремя, да... Ну, что ж. Раз такое дело, давай хоть выпьем за него. Что еще нам остается?

– Давай, – согласился Скелет, – помянем жигана!

Я подозвал Верочку. И она хмуро и молча выслушала меня. И так же хмуро потом принесла заказ.

После того как я познакомился тут с блатными, отношение ее ко мне изменилось. Она больше уже не шутила, не улыбалась. Я конечно заметил это сразу. И решил при случае объясниться с ней... Но сейчас, откровенно говоря, мне было не до нее.

Для меня сейчас важнее всего было выпить со Скелетом. Вызвать его на откровенность. И по возможности сблизиться с ним. Мелькнула даже мысль: а вдруг мне удастся помаленьку приручить краснорожего этого увальня? Физическая сила у него была огромная, а интеллект – цыплячий. В мозгу его, судя по всему, имелось только две извилины; одна, связанная со жратвой, и другая – с вы-

пивкой. И теперь я усердно потчевал его, подливал ему водочки...

— Да-а, судьба, — проговорил, закуривая, Скелет. — Она странные фокусы выкидывает... Ведь вот Ванька, он же был самым хитрым, самым фартовым. А гляди-кось: спекся раньше нас всех. Кто бы мог подумать?

— Так оно часто и бывает, — заметил я. — Не зря ведь говорится: „Судьба играет человеком, а человек играет на трубе”...

— Ха! — Он разинул пасть и коротко хохотнул. Но тут же опять посерьезнел, насупил: — Вот так живешь и не знаешь, что тебя ждет впереди? Что там — счастье? Или беда?

— Счастье, — усмешливо поморщился я. — В блатной жизни об этом не думают. По себе знаю. Да и вообще — где оно? Одна баба, моя старая подруга, любила говорить: „Счастье впереди... а как нагнешся — все сзади”.

На этот раз Скелет по-настоящему развеселился. Я сейчас же снова наполнил стаканы. Выпив и переведя дух, он спросил:

— Старая подруга, это какая же? Уж не Клавка ли? Вы ведь давно знакомы?

— Нет, я имел в виду другую, — отмахнулся я. — А кстати о Клавке... Она с кем же тут путается?

— Хрен ее знает, — пожал он плечами. — Привез ее сюда Ванька Жид, это точно... А что у них там было дальше — не в курсе, не интересовался.

— Так, — проговорил я медленно. — Ну а Рыжий?

— Рыжий? — удивился Скелет. — Какой Рыжий? — И тут же спохватился: — Ах, да, Рыжий!

И опять я подумал, что у странного этого Рыжего, без сомнения, есть какое-то другое имя, которое он почему-то прячет, таит.

— Да, да, — забормотал Скелет, — ну, как же! Так что же ты хотел?

— Мне в прошлый раз показалось, что он тоже с Клавкой связан, а? Не правда ли? И вообще, он кто? Откуда?

— А какая тебе разница? — внезапно и резко спросил Скелет. — Не будь любопытным! И об этом парне забудь, понял? Забудь начисто!

— Но почему? Может, мы еще увидимся?

— Вряд ли, — покрутил головой Скелет. — Он же ведь в Енисейске не живет. И бывает здесь редко. В тот раз, учти, все случилось случайно... И лучше тебе с ним встреч не искать.

Я заметил, что мой знакомый что-то очень уж разнервничался, повел себя беспокойно, и поспешил переменить тему. В конце кон-

цов не стоило его понапрасну отпугивать. Он еще мог здорово пригодиться!

Бутылка опустела. Я немедленно заказал новую. И мы немного посидели, болтая о разных мелочах... Между прочим Скелет поинтересовался моим прошлым, и я рассказал ему кое-что. И мы расстались вполне по-приятельски.

* * *

После этого мы еще несколько раз встречались. И постепенно он привык ко мне, стал почти совсем ручным... Немалую роль здесь сыграло, очевидно, то обстоятельство, что я всегда угощал не скупясь. А Скелет был большой любитель закусить и выпить на дармовщину.

И вот как-то в пятницу, на исходе дня, я забежал в чайную. Дел у меня в тот день было много и пообедать вовремя я не успел. И теперь хотел перехватить что-нибудь наскоро.

Я вовсе не собирался застревать тут надолго. Но все-таки застрял! Увидел в дальнем конце зала знакомую громоздкую фигуру: широкие покатые плечи, маленький череп, оттопыренные уши... Скелет был не один, и это показалось мне особенно интересным.

Рядом с ним сидел какой-то седой бородастый мужик, одетый в парку — эвенкийскую куртку из оленьей замши. На шее у мужика повязан был пестрый, грязный платок. В углу рта торчала гнутая трубочка. И вообще весь облик мужика выдавал человека сугубо таежного, только что вышедшего из глубинки.

Они о чем-то увлеченно толковали, подавшись друг к другу и сблизив лица... Соседний с ними столик оказался свободным. И я не колеблясь пошагал туда.

— Привет, — сказал я. — Эй, Скелет! Своих не узнаешь?

Скелет шевельнулся, взглянул на меня исподлобья. И толстые, вывороченные его губы расплзлись в улыбочке.

— А-а, — прохрипел он, — это ты...

И сейчас же он похлопал по плечу таежника, покивал ему успокаивающе: дескать, не сомневайся, дескать, все в порядке!

Я уселся за свободный столик. Спросил деликатным голосом:

— Ну как дела? Надеюсь, вы не заняты? Я не мешаю?

— Да нет... Не очень, — пожал плечами Скелет, — подожди минутку...

И повернулся к собеседнику, продолжая прерванный разговор:

— Значит, в воскресенье?... Так, так... Но ты уверен, что это точно? А может, пустой треп, а?

— Да повторяю — дело верное, — сказал бородатый, попыхивая трубочкой. — Куда уж вернее! Потанинская баба по всему селу бега-ет с его запиской. Там теперь только и слышно: „Семену счастье под-валило. Он нашел золотую жилу... Приезжает в воскресенье, велел баню истопить!”

Это они о том славном парне, старовере, догадался я. Семену Потанину ведь всегда не везло... Ну, а теперь, видать, выпал фарт.

И вдруг меня словно бы обдало холодом. Я вспомнил, с кем сижу. И понял, о чем идет здесь речь... „Ах вы, гады, — зигзагом про-шло у меня в голове, — ах вы, шакалы! Ну, нет, Семена я вам не дам!”

А жиганы веселились.

— Так она, говоришь, по селу бегаёт? — хрипел, ухмыляясь, Скелет. — Семену, дескать, счастье привалило? Хо-хо. Счастье — оно, конечно, впереди. А как нагнешься — все сзади...

И посмотрев на меня, он подмигнул игриво. И потащил меня за рукав:

— Ты чего там в сторонке жмешься? Подсаживайся к нам. Да-вай-ка тяпнем по чарочке!

— Ребята, — тихо сказал я, — вы что это задумали?

— А ничего, — быстро проговорил человек с трубкой, — просто шутим...

— Бросьте, ребята, — сказал я, — эти шуточки я знаю. И предуп-реждаю вас: Семена не троньте!

— Ого! — удивленно произнес Скелет. И улыбка сползла с его лица. — Вон ты как заговорил! А я-то, дурак, тебе верил...

— Верь, да оглядывайся, — пробормотал бородатый.

— Ну, в самом деле, скажи, — настаивал Скелет, — какого черта ты всюду лезешь, во все суешься? Тебе что, больше всех надо? Или ты не понимаешь...

— Понимаю, — сказал я. — Но и вы поймите: Семену, может, впервые в жизни достался этот фарт. Впервые в жизни!

— Ну, ладно. — Бородатый резко встал, выколотил трубку о каблук. — Надоело... Я пошел.

И покосился на Скелета:

— Так что передать?

— Скажи: буду. — Скелет на миг задумался. И потом торопли-во: — Впрочем, погоди-ка, я с тобой...

И с грохотом двинув столик, он вскочил и поспешил за боро-датым вдогонку. И затем они пошагали, не простясь со мною, не ска-зав мне более ни слова. Но это их молчание было достаточно крас-норечивым!

И, глядя, как они идут — уверенно, небрежно, твердо вбивая в пол каблуки, — я почувствовал, что они от своего не отступятся. Что игры кончились... Что это шагает, гулко стуча каблуками, сама Семенова Судьба.

В дверях блатные почему-то задержались. И оба разом обернулись, посмотрели в мою сторону.

Но в эту минуту я думал не о себе, а о Семене. Надо было немедленно предупредить его, постараться как-то его спасти.

ВОПРОС ЖИЗНИ И СМЕРТИ

Времени в моем распоряжении немного, в сущности, одни сутки. И конечно я не успел бы за этот срок разыскать Семена в тайге. Ведь участок у него был обширный. Каждая сторона „квадрата” равнялась пяти километрам. Да и местности этой я еще не знал. Так что же мне оставалось? Заявить в милицию? Но, во-первых, связываться с властями мне пока не хотелось. А во-вторых, что бы я мог там сказать? Никакими точными фактами я же не располагал! Были только подозрения, догадки... А для закона этого мало.

„А может, — подумал я, — взять да приехать к Семену домой? И поговорить с его женой, с болтливой этой дурой? Хотя нет... Она же не знает меня. И скорее всего, мне не поверит. Да к тому же опять, пожалуй, начнет болтать по всему селу. А у бандитов связники имеются повсюду. И разумеется, им все мгновенно станет известно! И тогда может случиться самое худшее: Семена постараются перехватить в тайге..

Облокотившись о стол и подперев кулаком подбородок, я сидел в раздумье. Пытался найти какое-то решение и не мог его сыскать.

Кто-то легонько, ласково коснулся моих волос. И я, не глядя, сразу же понял — это Верочка!

— Ну, чего загрустил? — спросила она. — Или ты, что ли, не поладил с этими... — Она брезгливо поджала губы. — С этой шпаной. Я заметила...

— Что? — спросил я, распрямляясь. — Что ты заметила?

— Заметила, с какими мордами они уходили. Чем-то ты их здорово разозлил! А публика эта — знаешь какая? С ней связываться опасно.

— Тут ты, в общем, права...

— А зачем же связывался? — строго спросила она. — Зачем искал приключения?

— Ничего я не искал, — горячо возразил я, — просто так получилось. Совершенно случайно. Да ты сама небось помнишь, как все началось.

— А как же, — усмехнулась она, — помню! Видела, какими глазами ты тогда глядел на эту Клавку и как она с тобой кокетничала... Только ты, между прочим, не обольщайся. У нее есть хахаль, имей это в виду! Страшный тип.

— Это кто ж такой?

— Да тот, с рыжими усиками, — сказала она, — похожий на крысу... Ты же с ним однажды разговаривал.

— Ну и что ж в нем страшного?

— Да все. — Она зябко передернула плечами. — Не зря же его боится эта шпана! Он у них — за главного.

— Откуда ты все это знаешь? — удивился я.

— Да уж знаю. Я как-то ездила в Подтесово, там у меня крестная живет, и встретила их всех вечерком на пристани. И этого типа, и других ребят. И Клавку твою тоже.

— Причем здесь Клавка? — досадливо сказал я. — Вовсе она не моя. И не о ней сейчас речь! Так продолжай! Значит, ты встретила их, и что?

— У них там какой-то спор начался. Ну, и этот тип как на них цыкнул, так они сразу все притихли. А потом он стал их упрекать в чем-то...

— В чем?

— Ну, этого я не поняла. Не разобрала... Слышала только, как он бранился. Мол, все — зола! Мол, я плевать на это хотел!

— Что-о? — встрепнулся я. — Он так и сказал: не плевать, а „плевать“? Ты не ошиблась? И это словечко: „зола“...

— Ну да, — кивнула она, — так и сказал. Какая тут может быть ошибка? Слава Богу, на память я пока не жалуюсь. Но в чем дело? — она посмотрела на меня внимательно. — Почему ты вдруг переполошился?

В этот момент ее кто-то позвал из глубины зала, и она убежала. А я остался сидеть, взволнованный внезапной догадкой.

С глаз моих словно бы спала пелена. Все мгновенно прояснилось... Я опять припомнил Очуры и несчастного Алешу Болотова, и его рассказ о таинственном главаре „Черной кошки“. Стремясь точнее обрисовать этого типа, Алеша привел тогда некоторые характерные для него выражения. И вот сейчас я совершенно неожиданно услышал их в пересказе Верочки. Оба они говорили об одном и том же человеке, это было бесспорно! И я теперь отлично знал, кто это такой.

И с содроганием я подумал о том, какая грозная опасность нависла над Семеном Потаниным...

* * *

Закончив дела — обслужив очередного клиента, — Верочка снова подошла ко мне. И глядя на милое ее лицо, простодушное, свежее, окрашенное нежным румянцем, я почувствовал, что вся моя надежда теперь только на нее.

— Послушай, Верочка, — сказал я осторожно, — нам надо серьезно поговорить. Присядь-ка, пожалуйста. Скажи, ты откуда родом? Ты здешняя?

— Да, — сказала она удивленно. Енисейская. И вся моя родня тоже. Мы коренные.

— А район этот ты хорошо знаешь? В тайге ведь бывала?

— Бывала. — Она дернула плечиками. — Не везде, конечно. Но, может, ты все же объяснишь?

— В ближней тайге, на запад отсюда, есть место, называемое Сорок восьмая верста.

— Ну, так. Знаю. И дальше что?

— Мне необходимо срочно добраться туда, — пояснил я. — Или, еще лучше, найти бы кого-нибудь, кому это место знакомо, кто уже бывал там не раз.

— Г-м, кого же тебе порекомендовать? — Верочка задумалась на минуту. — Тебе, конечно, соваться туда не стоит. Еще утопнешь! Там много мелких озер, есть зыбуны... А вообще-то наши охотники на Сорок седьмую часто навещают — стреляют уток... Но кого же? — она вздохнула. — Так сразу, право же, трудно сообразить.

— Надо подыскать человека надежного, которому я мог бы довериться.

— Но что ты задумал? В самом-то деле!..

— Просто хочу передать одному парню записку. Предупредить его... И учти: для него это вопрос жизни и смерти.

Очевидно, в лице моем что-то дрогнуло при этих словах, что-то слегка изменилось. И Верочка тотчас же это уловила. Вероятно, она начала уже кое о чем догадываться...

— Так говоришь — вопрос жизни и смерти? — повторила она медленно. — Да, тут требуется хорошо подумать.

— Думай. Только не тяни, дело спешное!

Верочка покивала рассеянно. И вдруг всплеснула руками.

— Ну, конечно, — воскликнула она, улыбаясь, — как я могла забыть? Есть такой человек. Вот уж кто абсолютно надежный.

- Ты о ком?
- Об одном биологе, студенте.
- Но, позволь, какое же отношение может иметь студент?..
- Самое прямое.

И она, близко придвинувшись ко мне и обдав меня медовым запахом волос, торопливо стала объяснять, что там, на Сорок седьмой версте, учреждена звероводческая ферма, на которой постоянно дежурят молодые биологи, наблюдающие за какими-то водоплавающими животными, то ли за бобрами, то ли за норками. И один из этих ребят, Витя, каждую пятницу приезжает в Енисейск. Берет почту, закупает продукты. И сейчас он еще может быть в городе, если, конечно, не поспешил уехать.

– Ну так идем немедленно к нему! – я вскочил нетерпеливо. – Ты знаешь, где он тут обитает?

– Конечно, – сказала она, – ихний отряд снимает постоянный номер в центральной гостинице.

– Стало быть, это рядом.

– В двух шагах. Но погоди. – Она оглянулась озабоченно. – Я ведь не могу так сразу уйти, надо отпроситься...

* * *

Малое время спустя мы уже были в гостинице и беседовали с Витей. Мы застали его буквально в последнюю минуту.

Долговязый, худой, в квадратных очках, в сером свитере с отвисшим воротом, он сказал, завязывая тесемки большого, плотно набитого рюкзака:

– Это просто случайность, что я оказался здесь. Вообще-то я давно уже должен был бы быть в тайге. Но застрял. Сами понимаете: город, соблазны всякие... В кино вот ходил, не утерпел.

Затем он поинтересовался целью столь позднего визита. И я заговорил о старателе Семене Потанине, который, судя по всему, бродит где-то в тех же самых местах...

Витя сказал сейчас же:

– А! Этого знаю. Мы иногда у него свежее мясо покупаем, дичину всякую. Глухарей, куропаток, уток.

– И часто вы с ним видитесь?

– Не очень. Так, от случая к случаю.

– Но если, скажем, он вам срочно понадобится, вы его можете разыскать?

– Разыскать вряд ли... Но сигнал ему подать могу.

– У вас, значит, существует определенная система сигнализации?

— Самая примитивная, — сказал усмешливо Витя, — какая была еще у неандертальцев... Делаем два костра — два дыма. И все. Ну, и Семен обычно отзывается, приходит. Если, конечно, не очень занят.

— У меня к вам большая просьба: завтра утром, как рассветет, непременно постарайтесь его вызвать. Зажгите самые дымные костры. Это очень важно. Понимаете, очень!

— Вопрос жизни и смерти, — быстро вставила Верочка.

— Вот даже как! — проговорил Витя. И сразу же лицо его посуровело.

— Да, да, — подтвердил я, — именно так. И когда он явится, передайте ему эту записку.

Я тут же достал блокнот, вырвал чистую страничку и написал размашисто:

„В воскресенье домой не приходи. Будь осторожен. Помни о Каине“.

И, аккуратно сложив листок, протянул его Вите. Тот крепко зажал записку в кулаке. И проговорил, выпячивая нижнюю челюсть:

— Ладно. Если уж такое дело, разыщу. Передам.

— А на чем вы, кстати, едете? — спросил я. У вас есть транспорт?

— О, насчет этого не беспокойтесь, — ответил Витя беспечно, — машина у меня отличная: экспедиционный вездеход. Он хоть и ветеран, существует со времен войны, но работает безотказно. Тянет, как зверь.

— Так у вас, что же, военная машина?

— Ну да! И нам еще не очень повезло. А вот у геологов, в соседнем районе, имеется настоящий танк. Конечно, без пушек... Но пушки здесь и не нужны, ведь правильно?

— Как знать, — тихо проговорила Верочка, — как знать... Может, и здесь тоже они могли бы пригодиться...

ПОСЛЕДНИЕ ТИХИЕ ДНИ

Теперь мне оставалось только ждать.

Я сделал все, что было в моих силах. И дальнейшее уже зависело не от меня, а от обстоятельств, от сторонних людей. От того, например, насколько активен биолог Витя, насколько умен и расторопен сам Семен...

Так, в ожидании, прошли суббота и воскресенье.

Они тихо прошли. И я не знал, не догадывался, что это последние тихие мои дни в Енисейске!

Впрочем, и в тихие эти дни у меня тоже хватало забот. Виной всему тут была Верочка.

Отношения у нас сложились дружеские, весьма нежные... Началось это как-то незаметно, сразу же после моего приезда. Случайно заглянув в угловую чайную, я затем зачастил туда. Стал постоянным Верочкиным клиентом. Не могу сказать, чтобы я в нее влюбился, но что-то было в ней такое, что зацепило, затронуло меня. Какая-то ласковость, теплота, какая-то почти родственная заботливость... Старый бродяга, я всем этим не был избалован. И сердце мое дрогнуло.

Сердце дрогнуло, и однажды (это было полтора месяца назад) я пригласил ее к себе в гости. Она спокойно меня выслушала. И согласилась прийти в один из ближайших вечеров... Но я напрасно прождал ее тогда; она так и не явилась!

Я был, конечно, сильно раздосадован. И на некоторое время прекратил даже посещение чайной. Но потом все-таки заглянул туда и потребовал у Верочки объяснений.

Однако она ничего мне толком не объяснила. Сказала только, что хотела прийти, но не смогла...

— Почему? — допытывался я. — Что тебе помешало? Родители?

— Ну что ты, — усмехнулась она, — родители вообще ничего не знают! И слава Богу. Они ведь люди старой веры... Если бы мой отец узнал, что у нас с тобой шашни, он бы, честное слово, тебя убил, а меня прогнал бы из дому.

— Во всяком случае, — пробормотал я, — мне бы хуже пришлось... Ну, ладно. Так что же все-таки помешало?

— Да так, одно обстоятельство, — уклончиво пробормотала она. И больше я ничего не смог от нее добиться.

Потом постепенно история эта начала забываться. Несмотря ни на что дружба наша сохранилась. А последние события ее еще подогрели, упрочили.

И вечером в пятницу, после того как мы побывали у Вити, я предложил Верочке немного пройтись, прогуляться...

Было уже без четверти одиннадцать. И город понемногу затихал, пустел, погружался в сон. Шумели только пивные на площади; там слышались вопли, кто-то пел, тягуче звенела гармоника. Но я не пошел туда, свернул в ближайший переулок. И вот когда я свернул, Верочка вдруг спросила:

— А куда мы, собственно, направляемся?

— Ко мне, — сказал я.

— Нет, нет, — она остановилась, затрясла головой. — Не сейчас...
— А когда же? — спросил я нетерпеливо.
— Ну, не знаю... Ну, хотя бы завтра.
— А сейчас ты что, не можешь? Или не хочешь?
— Да пойми: у меня дела, — торопливо заговорила она, — надо забежать в чайную. А потом сразу домой. Там сегодня меня ждут...

— Ну, хорошо. Завтра, — с некоторым раздражением сказал я, — но смотри — без обмана! Или ты, может, играешь со мной? Может, с этим Витей у тебя получше получается?

— Что ты, дурачок, выдумываешь? — удивилась она. — О чем говоришь? Ничего у меня с Витей не получается и не может получиться! Мы просто приятели. И он, и все другие студенты, когда приезжают в город, обедают у меня... Я их кормлю. И все!

— Так-таки все? — прищурился я. — И что же, этот Витя, к примеру, ни разу не пробовал?..

— Пробовал, — ответила она с улыбкой. — Мужики все на один манер... Но если я стану каждому давать, меня, пожалуй, надолго не хватит.

— Значит, ты и со всеми, как со мной, а? Обещаешь, но не даешь?

— Нет, — резко сказала она, — я редко когда обещаю. И хватит об этом!

— Но завтра ты все же придешь? Это точно?

— Ну да, ну да, — проговорила она нетерпеливо, — мы же договорились. Чайная закрывается в одиннадцать, значит, где-то в половине двенадцатого жди!

Я вернулся домой окрыленный... И на следующий день вечером прибрал у себя в комнате. Накрыл стол. Приготовил чай, печенье, бутылочку сладкой вишневой наливки.

Затем закурил и стал ждать.

Из окошка видна была часть улицы, чей-то покосившийся забор. И за ним — высокий, узкий, заостренный силуэт церкви. Силуэт этот смутно белел в сгущавшихся сумерках. Вскоре за церковью возшло голубое зарево луны. И на дорогу легли косые тени.

Какая-то смутная женская фигура мелькнула среди лунных теней. Я привстал, взгляделся — но нет, то была вовсе не Верочка.

Так я сидел и ждал, время летело. Минула полночь. И еще несколько фигур показалось на дороге. Но Верочки не было, она все не шла...

Я заснул поздно, с трудом. И поклялся, засыпая, порвать навсегда с лукавой этой бабенкой, с этой подлой обманщицей!

В понедельник утром я приплелся в редакцию невыспавшийся, хмурый... И сразу был огорошен новостью. Оказывается, минувшей ночью в таежном селе Ручьи произошла перестрелка. Туда явилась банда и натолкнулась на сопротивление. Бандитов, как выяснилось, кто-то поджидал... И в результате, они бежали, оставив двух убитых и одного раненого.

Новость эту мне сообщил городской репортер Афанасий Баландин, которого все в редакции звали просто Афоня. Был Афоня парень шустрый, пронырливый, любящий всяческие „происшествия“ — убийства, пожары, аварии. В связи с этим он постоянно терся в отделениях милиции, дружил со многими следователями, с работниками прокуратуры. И в результате ухитрялся поставлять в редакцию такие сведения, которые власти обычно предпочитали не разглашать. В советской прессе вообще рубрика „Происшествия“ — одна из самых редких. Существует широко распространенное мнение, что она потакает дурным вкусам читателей и не содержит в себе ничего позитивного. Редактор нашей газеты Серов придерживался такого же мнения. И Афоне всякий раз приходилось с трудом отвоевывать себе место на газетных страницах.

— Но теперь-то я уверен — материальчик пройдет легко, без скрипа, — сказал Афоня, — редактор возражать не будет.

— Почему? — спросил я с интересом.

— Так ведь в чем здесь соль? В том, что бандитам оказано сопротивление... И подумай только: один человек сумел защитить все село!

— Откуда ты знаешь, что человек был один?

— Доказано, — веско сказал Афоня, — все выстрелы произведены из одной винтовки. — Он раскрыл блокнот и затрещал страницами. — Вот заключение экспертизы: семизарядный нарезной охотничий карабин. Причем стрелок бил с небольшого расстояния и как бы снизу. Судя по всему, он сидел на огороде, в кустах. И оба смертельных попадания были в область живота.

— Ого, — пробормотал я, — серьезный мужчина. Кто ж он таков?

— Неизвестно, — поджимая губы, сказал Афоня, — ищут... Может, оружие наведет на след?

— Ну, это вряд ли, — усомнился я, — охотничьих карабинов в здешней тайге много.

— Но все они на учете. Не забывай! Нарезной карабин не купишь без специального разрешения. Это одно. И кроме того, патроны...

Тут я сразу насторожился. И стал слушать с особым вниманием.

— Есть некоторые признаки, по которым опытный эксперт всегда может определить: где, на каком заводе производилась закатка данного патрона, понимаешь? Так вот, судя по стреляной гильзе, найденной на огороде, человек этот пользовался патронами из уральской партии, присланной сюда в начале лета. И продавались они всего лишь в двух магазинах. Так что круг, как видишь, сужается.

— А найдена только одна гильза?

— Да. Парень постарался подобрать все гильзы, но одну как-то пропустил, не заметил... А вообще, знаешь, он мне чем-то нравится!

— Мне он тоже нравится, — проговорил я машинально. Но тут же спохватился и поспешил переменить тему: — Допустим, его все-таки найдут. И что с ним сделают? Будут судить?

— Обязательно. Хотя, конечно, приговор может быть самый разный... Это уж как судьи посмотрят. Если решат, что тут была необходимая самооборона, то могут дать минимальный срок. Или же условный. Ну, а если...

— Что?

— Кое-кто в милиции сомневается, — тихо проговорил Афоня, — подозревает, что здесь обычное сведение счетов... Есть мнение, что ночной этот стрелок такой же бандит.

— Ну, брат, милиция всегда во всем сомневается, — сказал я. — А ты сам-то что думаешь?

— Так ведь все может быть, — проговорил Афоня. — Чему ж тут удивляться? Но мне лично вторая эта версия ни к чему. Мне главное, чтоб прошел материал! „Бандитскую перестрелку” редактор может не пропустить, а „деревенскую самооборону” схватит с радостью.

— Это ты мудро рассудил, — похвалил я его, — кстати, о бандитах... Они кто? Откуда? Их личности установлены?

— В общем, да, — сказал Афоня и опять раскрыл свой блокнот. — Оба убитых, например, известные рецидивисты, профессионалы. У одного кличка Татарин, у другого — Скелет.

— Скелет? — повторил я, нахмурясь.

— Ага. Вообще-то он мужик был толстый, здоровый, как бугай. Так что прозвище дали ему, вероятно, по контрасту — Афоня осклабился, обнажая крупные лошадиные зубы. — Вот тебе образец блатного юмора.

— Черный юмор, — пробормотал я. — Да-а... Скелет... А каково его настоящее имя?

— Настоящее — Иннокентий Бугров.

„Бедный Иннокентий, — подумал я, — ты все спрашивал: что же ждет впереди? И вот дождался... Попал под пулю. А впрочем, что ж. Я предупредил тебя: не тронь Семена. Просил: не отнимай его

удачи... И теперь тебя — это ясно — покарала сама судьба. И сейчас же, отодвигая эту мысль, возникла у меня другая, тревожная: необходимо срочно разыскать Семена и сообщить, что следствие интересуется патронами, идет по этому следу.

— Послушай, Афоня, — как бы между прочим спросил я, — там ведь был еще раненый... Он где сейчас?

— В отделении. Дает показания.

— Рана, стало быть несерьезная?

— Да как сказать... Раздроблено бедро.

— Ну и что же он говорит?

— Пока ничего определенного.

— Так, — проговорил я удовлетворенно. — Ладно.

Я узнал все, что было мне нужно. И торопливо простясь с Афоней, пошел к дверям.

— Эй, ты куда? — удивленно крикнул он мне вдогонку.

— В тайгу, — пояснил я, — как обычно. Иду ловить попутную машину. Хватит, брат, болтать, надо работать!

* * *

Село Ручьи находилось недалеко от города, и я добрался туда за полчаса. Разыскать дом Потаниных также не составило труда. Но, к сожалению, я никого уже там не застал.

Дом выглядел покинутым; на двери висел замок. И никто из соседей не мог или не хотел ответить мне, куда же подевались хозяйева? После многих расспросов мне удалось все же разыскать единственного родственника Потаниных. Это был дядя жены Семена — Анциферов, угрюмый, болезненного вида мужик, живший на отшибе, в самой крайней избе... Но и здесь тоже меня постигла неудача. Он ничего мне не сказал, не стал вообще со мной разговаривать. И так не солоно хлебавши я воротился в Енисейск.

Было уже за полдень. Я устал и проголодался. И когда вылез из машины, то сразу же направился в угловую чайную.

Вчерашней ночью я твердо решил: буду гордым! И никогда больше не загляну сюда, никогда! Но теперь, озабоченный, погруженный в раздумья, я как-то забыл об этом... И ноги сами помимо воли привели меня в знакомое место.

Едва лишь я вошел, меня окликнула Верочка. Вид у нее был смущенный и одновременно встревоженный.

— Ты не сердись? — спросила она, подбежав ко мне.

— Да нет, — отмахнулся я.

— Не сердись. Я тебе потом все объясню.

— Хорошо, хорошо, — проговорил я рассеянно. — Найди-ка мне местечко. И принеси...

— Вина и фруктов? — улыбнулась она.

— Что хочешь, только поскорее!

— Я для тебя специально держу столик вон там, в углу. Видишь? Там уже и закусочка приготовлена... И да, ты знаешь, тебе пришло письмо! Оно там же лежит под скатертью.

— Какое письмо, — дернулся я, — кто принес?

— Какой-то мальчишка.

„Наверное это от Семена“, — подумал я, подойдя торопливо к столику и доставая конверт.

Очевидно письмо писалось в тайге, у костра; конверт был помят, запачкан смолой и копотью. Я вскрыл его. И оттуда выпал небольшой листок бумаги с одним только словом: „Держись!“

И как только я прочел это, во мне словно бы что-то оборвалось...

Нет, послание было не от Семена. Его отправила бандитская кодла. Я сразу это понял, ведь мне хорошо было известно, что означает слово „держись“!

Это слово — старинная блатная формула мести. Она восходит к тем отдаленным временам, когда еще жили воровские романтические традиции.* В современных условиях, в больших городах традиции эти давно угасли. Блатные нынешней формации таких записок уже не шлют; они предпочитают мстить втихую, без предупреждений... Но кое-где в глубинке, в сибирской тайге старая романтика, как видно, еще не полностью отжила.

— Что там, что? — с тревогой спрашивала Верочка, глядя на злополучное письмо.

* Слово „вор“ в старой Руси трактовалось широко. Под эту категорию попадали не только уголовники, но и политические заговорщики и бунтовщики. „Воровское“ подполье тогда было гораздо более колоритным, чем сейчас. Достаточно сказать, что во главе почти всех крестьянских восстаний стояли профессиональные бандиты. Например, Степан Разин. Или Хлопуша, ближайший соратник Пугачева. Или же неуловимый Кудеяр, прозванный „Волжским Робин-Гудом“. Вот этот Кудеяр особенно славился своими письмами-предупреждениями...

Данный перечень велик, его можно протянуть вплоть до начала нашего столетия. На Украине были, например, два крупных налетчика, сыгравших заметную роль в истории гражданской войны. Один из них — Григорий Котовский — стал после революции красным комбригом. Другой же — Нестор Махно — поднял черное знамя анархии.

И все они в равной мере были склонны к пафосу, любили театральные жесты.

Я протянул ей листок. Она прочла и подняла ко мне удивленные, расширенные глаза:

— Ничего не понимаю... Что это значит?

— Это значит, — сказал я, — что мирная жизнь кончилась. И тебе лучше всего держаться от меня подальше... И ты правильно сделала, что не пришла этой ночью; приходите ко мне теперь нельзя. Это опасно.

ТЫ ЗНАЕШЬ, ЧТО ТАКОЕ СТРАХ?

Поразительное дело! Если бы я даже был настоящим, опытным бабником, завзятым юбочником, был бы самым Казановой, все равно я не смог бы придумать лучшего трюка, чтобы полностью покорить сердце Верочки! Едва лишь она услышала слова „нельзя” и „опасно”, как сразу же ее отношение ко мне изменилось.

Обычная ее пассивность сменилась вдруг бурной страстностью. Она порывисто прижалась ко мне. И прошептала, дохнув в самое ухо:

— Вот что. Приходи-ка сегодня ужинать. Обязательно! И не спеши... Можешь прийти попозднее.

— То есть когда?

— Ну, к закрытию.

— Ладно.

День промелькнул незаметно. И поздно вечером я явился в чайную, уже тихую, пустую. Двух последних алкоголиков выпроводили из зала при мне... Здешний вышибала — он же швейцар, он же гардеробщик, — уходя, подмигнул мне всею щекой. Затем густо крикнул и сказал: „Счастливого твоего Бога, корреспондент!”

И мы остались с Верочкой вдвоем.

— Послушай, — сказал я, — что же происходит? Ты боялась, как бы твои родители не узнали, а тут — я вижу — уже всем известно! Этот швейцар так сейчас подмигнул, что я даже испугался, не начался ли у него нервный тик?

— Ну, милый, Енисейск — не Москва, — ответила она, поигрывая бровью, — здесь все, как на ладони. От людей не спрячешься... Но насчет этого гардеробщика я не беспокоюсь. Он меня не выдаст. Нипочем не выдаст!

— Это почему?

— Очень уж он не любит моего жениха... И вообще в ссоре со всей его семьей.

— Так у тебя есть жених? — Я на мгновенье застыл, пораженный. Потом проговорил, запинаясь: — Вот те раз... Где же он?

— В армии.
— Где?
— Во Владивостоке.
— И долго ему еще служить?
— Осталось полтора года.
— Он, что же, офицер?
— Младший лейтенант.
— Ну, и... Какие же у вас отношения?
— Нормальные, — усмехнулась она. — Переписываемся...
— Значит, ты его все-таки ждешь?
— Жду... — Она пожала плечами. — Как видишь. Да и он там тоже не скучает, я точно знаю! Но зачем ты затеял этот разговор? Я сейчас свободна, и я с тобой. Чего тебе еще надо? Давай-ка ужинать. И не будем отвлекаться!

...Потом мы лежали на полу, на разостланной медвежьей дохе. Было тихо, тепло. Свет мы выключили, и комната освещалась отблесками огня, бушевавшего в печке. Легкие розовые блики скользили по лицу Верочки, по ее плечам и груди. Я глядел на нее, и мысли мои путались.

„Какие все-таки странные, непонятные существа женщины, — думал я. — Вот как определить Верочку? Кто она? Имеет жениха и ждет его, и в то же время спокойно ему изменяет... И все же ее не назовешь гулящей девкой. Она не из тех, какие прибегают по первому зову, каким стоит только мигнуть”.

Я вспомнил обо всех тех случаях, когда она обманывала меня, заставляла ждать понапрасну. И спросил, наклоняясь к ее лицу:

— Послушай, может, ты объяснишь теперь, что же тебе раньше мешало?

— А зачем тебе это знать?

— Но все-таки?

— Ты будешь смеяться...

— Нет, — сказал я, — даю слово! Так в чем же было дело?

— Ну, в чем, в чем, — неохотно проговорила она. — Возле твоего дома ведь церковь находится! Надо мимо нее проходить... Ах, тебе этого, наверное, не понять.

— Да нет, почему ж... Я понимаю, — пробормотал я. — Так вот ты отчего выбрала столовую!

— Ну да. Здесь удобно. Ничто не мешает.

— Но Бог-то все равно все видит, — сказал я, пряча улыбку.

— И все-таки это не одно и то же, — упрямо проговорила Верочка. Поднялась, со вздохом поправила волосы. И начала одеваться.

— Да и для тебя тоже здесь удобно... Ты же сам сказал: домой теперь приходиться опасно.

— Это верно, — сказал я. — Но куда же денешься? Возвращаться все равно придется.

— А зачем? Хочешь, я договорюсь с заведующей, будешь тут вроде ночного сторожа. И сейчас ты тоже оставайся! Только не забудь запереть за мною дверь.

— А ты разве уже уходишь?

— Надо, миленький. Я дома наврала, сказала, что в столовой генеральная уборка. Что я вернусь нынче поздно... Но теперь уже два часа, пора!

— Ну, так и я пойду, — сказал я, натягивая сапоги. — Какой смысл прятаться? Если уж меня захотят найти, найдут все равно. Ты была права: тут все, как на ладони... Енисейск — не Москва!

* * *

Я проводил Верочку до калитки ее дома, и она шепнула на прощанье:

— Будь осторожен.

— Пустяки, — отмахнулся я, — не беспокойся!

Я сказал это небрежно, с улыбочкой, всем своим видом показывая, что опасность меня не очень-то волнует. Но когда я остался один и пошагал к себе, то сразу же почувствовал себя неуютно...

Город спал. И он казался безжизненным, вымершим. Уличные фонари стояли здесь только в центре, а на окраинах все было залито беспросветной мглой. Лето уже переломилось, и ночи теперь были холодны и темны. И я брел, погруженный во мглу, словно в черную воду.

И было до жути тихо! В глухой этот поздний час молчали даже дворовые псы. Только гудел ветер над крышей — в проводах. И тягучий тихий вой его нагонял неизъяснимую тоску.

„Час быка, — думал я, невольно ускоряя шаги, — час ночных демонов! Самая жуткая пора, особенно для одинокого путника”.

Последнюю часть пути я почти бежал. И в то же время напряженно вслушивался, ждал, не раздастся ли во тьме сторонний шорох, не возникнут ли чужие, догоняющие шаги...

И хотя я добрался до дому благополучно, без приключений, я долго еще не мог успокоиться.

А когда отдышался немного, вдруг ощутил, услышал глубокий внутренний голос. Он возникал порою и всегда говорил неприятности.

„А зачем? — спросил голос. — Зачем ты влез в эту историю? Кто тебе Семен? Не брат и даже не друг. Так, случайный знакомый... Стоило ли из-за него лишаться покоя, рисковать головой? Ведь речь идет о твоей голове, не о его... Он-то не дурак, он успел сбежать, а ты теперь должен расплачиваться”.

„Но речь идет не только о Семене, — возразил я растерянно, — не о нем одном. Я защитил его так же точно, как защитил бы и себя. У нас схожая судьба. И я не могу примириться с несправедливостью! Слишком много на свете зла...”

„Так ты, бедняга, хочешь бороться со злом? Но это же глупость! Зло всеильно и неистребимо. Зачем спешить? Подожди, поживи спокойно, ты еще успеешь с ним побороться. На твой век его хватит... И его не надо будет искать, оно само тебя найдет”.

„Но что же мне делать сейчас? Рассуждать поздно. Оно уже нашло меня, оно — за порогом”.

„Ну так прежде всего позаботься о дверных запорах!”

Я тщательно закрыл наружную дверь. Проверил, хорошо ли притворены ставни. Затем раскупорил бутылку с вишневой наливкой, приготовленную когда-то для Верочки, и залпом, подряд, выпил два налитых до краев стакана.

Напиток был приторный, отвратный, но, к счастью, имел градусы... Он оглушил меня на какое-то время и слегка утишил мечущееся сердце.

Не раздеваясь, я лег на кровать. Вытянулся с папироской в зубах. И постепенно сквозь алкогольную муть стали в моем сознании выпеваться, складываться еще неясные стихотворные строки.

Впервые в жизни я сочинял стихи о страхе!

Ты знаешь страх? Ты знаешь страх?
Ты знаешь, что такое страх, —
Когда мрачны и долги ночи,
И ветра вой — как песня волчья...
Он бродит, страх, в глуши урочищ,
Живет в погаснувших кострах.
Таится в шорохе ветвей.
Из тьмы протягивает лапы...

НОЧНЫЕ ПРОГУЛКИ

Прошло три недели. И все это время я находился в ужасном напряжении, жил как бы под гнетом. Под гнетом страха... Днем, в суете, напряжение слегка ослабевало. Но вечерами, во тьме, в часы

ночных одиноких раздумий страх оживал во мне, крепнул и ледяными пальцами стискивал сердце.

Я понимал, что я приговорен. И мне было хорошо известно, сколь страшна и неотвратима месь бандитской кодлы.

А ведь я был в Енисейске один! Без надежных друзей. Если не считать, конечно, Верочки. Но что она могла? Только иногда пригреть меня и по-женски утешить. Мне не на кого было здесь опереться, не к кому было обратиться за помощью. И это ощущение полнейшей незащитности еще более усиливало мое смятение.

На всякий случай я прекратил пока поездки по дальним таежным приискам, ибо в глуши, на диких лесных перепутьях, расправиться со мною было легче всего.

В самом же Енисейске ситуация складывалась несколько иная, более благоприятная для меня. Я знал: кодла хитра, многоопытна и лукава, и она постарается обойтись без лишнего шума. Поэтому днем, на людях меня вряд ли тронут... Нападения следует ожидать только в темную пору, в поздние часы, скорее всего, по дороге к дому.

Вот тогда-то опасность может подстеречь меня всюду — на каждом шагу, за любым поворотом!

Несколько раз я ночевал в редакции под предлогом срочной работы. Время от времени проводил ночи с Верочкой все в той же чайной. Будучи дважды приглашенным к Афоне в гости, специально напивался там и оставался до утра... Но в конце концов не мог же я вечно скитаться по чужим квартирам! Несмотря на всю свою изворотливость, нередко я все же оказывался в полном одиночестве. И бывал тогда вынужден отправляться домой. И эти ночные прогулки по пустынному городу являлись самым тяжким для меня испытанием.

* * *

Во время одной из таких прогулок я внезапно встретился с Клавой.

Случилось это так. Поужинав у Верочки, я вышел из чайной, медленно закурил. Постоял в задумчивости. И пошагал к себе... И вот когда я свернул за угол, передо мной вдруг возникла женщина. Я сразу узнал Клаву. И почему-то мне показалось, что она уже давно здесь стоит.

— Здравствуй, — сказала она, — ты еще жив?

— А что? — я даже вздрогнул от этих ее слов. — У тебя разве были какие-то сомнения на этот счет?

— Ну как же, — сказала она, усмехаясь. — Ты ведь пообещал прийти и пропал. Я ждала, ждала. Ну и подумала было: может, с тобой что-нибудь стряслось... Может, тебя уже и вовсе нет.

— Что же со мной может стрястись? — пожал я плечами. — Я — вот он. Все в порядочке.

— Тогда почему же не приходишь?

— Да все как-то не соберусь. Дела, понимаешь ли, хлопоты.

— Это какие же хлопоты?

— Всякие. А ты, значит, ждешь?

— Конечно!

Разговор этот происходил на границе света и тени — у последнего фонаря. Дальше шла уже темная улица. Ни единого огонька, ни единого проблеска не видать было там. Казалось, улица падает в бездонную тьму, и это был как бы провал в преисподнюю...

— Я девушка верная, — проговорила Клава игриво, — преданная... Хочешь, поедем ко мне сейчас? — И она потянула меня за рукав. — Поехали, а?

— На чем же мы поедем? — сказал я, тихонько высвобождая руку. — Поздно уже. Ночь.

— Да ничего не поздно, — заторопилась, зачистила она, — мы еще успеем на последней катер, он должен отойти через пятнадцать минут. А нет, я шофера найду. У меня тут есть один паренек знакомый.

— Паренек из вашей кодлы?

— Из какой еще кодлы?

— Брось, Клавка, — сказал я, — не хитри. И не заманивай к себе — это бесполезно. Не такой уж я дурак все-таки...

Она стояла под самым фонарем — в желтом конусе света. И я отчетливо видел ее лицо. И вот на моих глазах буквально за какую-то секунду совершилась метаморфоза. Лицо это изменилось неузнаваемо. Оно вдруг перестало быть красивым! Щеки обвисли. Глаза сблизились — сошлись к носу. Губы безобразно перекосились... И перекошенным этим ртом Клава процедила:

— Не дурак, говоришь?

— Нет. Не надейся. С какой стати мне лезть самому в петлю?

— Ах так. — Она задыхалась, горло ее стискивала спазма. — Ах так... Ну, учти, проклятый: от петли тебе все равно не уйти!

Она поняла, что проиграла, что я разоблачил ее, что мне ясны все ее уловки, и в бессильной ярости уже не могла себя сдерживать.

— Да и петля еще хорошо для тебя... Это слишком легко. Не-ет, я уж при случае постараюсь, придумаю...

— Что же ты придумаешь? — спросил я, с любопытством ее разглядывая.

— Да уж придумаю, не сомневайся!

— Я и не сомневаюсь. Опыт у тебя большой! Ты ведь, как гина, питаешься трупами... Сколько их вообще-то на твоём счету?

— А ты что, подсчет ведешь?

— Да. И знаю почти все твои жертвы. Вот только с Ванькой Жидом ещё не разобрался... Кто его все же сдал? Наверняка ты. Не так ли? Ведь это ж твоя специальность — продавать своих!

— А хотя бы, — сказала она, хрипло дыша. — Все равно ты ничего никому не докажешь... Да и кто тебя будет слушать?

— Значит, все-таки ты?

— Конечно. — Она оглянулась быстро. — Мы сейчас одни, могу признаться.

— Мстишь за брата?

— За брата?

Лицо ее исказилось улыбкой — жутковатой, судорожной, напоминающей скорее болезненную гримасу.

— Вы все дураки, уверены, что Ландыш действительно был моим братом?

— А разве нет? — воскликнул я, пораженный. — О, черт! Об этом я не подумал. Ну, хорошо. Ты его любила...

— О, да, — проговорила она тихо, — еще как! Только его одного.

— Но Ванька тоже был с тобой... И он тебе очень помог в последнее время, прикрыл тебя, выручил. Неужели же все это для тебя ничего не стоит?

— Нет, почему же? Стоит... — По лицу ее снова прошла та ли улыбка, то ли судорога. — Я его хоть и не любила, но все-таки как-то терпела.

— Ну, а потом что же случилось?

— Потом ты приехал. И вообще во всем виноват ты, проклятый. Ты, ты! Ведь если бы тебя здесь не было, Ванька, может, остался бы в живых...

— Но, черт возьми, какая же тут связь?

— А ты не понимаешь?

Она пристально, остро взглянула на меня, и я прочел в ее взгляде многое... И сказал, нахмурясь:

— Догадываюсь. Тебе наверно невыгодно было, чтобы мы здесь снова встретились. Но какая же ты все-таки гадина! Какая паскуда!

На этот раз она промолчала. И я тоже умолк, перевел дыхание. И потом сказал:

— А теперь пошла вон! И не попадайся мне больше. В следующий раз я разговаривать с тобой не буду — буду бить. И имей в виду — без жалости!

Клава отшатнулась. Отступила во тьму. И сразу как бы в ней растворилась, исчезла.

Она исчезла из моей жизни навсегда. Больше мы с ней не встречались ни разу. Хотя вспоминать о ней мне, конечно, приходилось нередко...

И так я и жил отныне, ни на миг не забывая, что меня постоянно преследует не только месть кодлы, но также и личная месть женщины. А уж опаснее этого трудно что-нибудь вообразить!

* * *

Однажды опять я брел в ночи по дороге к дому. И чутко прислушивался к шорохам. И стискивал в кармане рукоятку ножа. И понимал, что оружие это — мелочь, пустяк. Если уж меня захотят прихватить, ничто меня не спасет. Имей я даже при себе автомат и гранаты, все равно кодла легко расправится со мной с одним.

...И вот уже возле самого дома я вдруг остановился и замер, не дыша.

Сквозь ставни, закрывающие мое окошко, просачивалась тоненькая полоска света.

Кто-то находился там, внутри! Кто-то меня там поджидал! Кто бы это мог быть, лихорадочно соображал я, опять Клава? Ну нет, вряд ли... А может, сам Каин? Или его посланцы? Вместо того чтобы ловить меня в темных переулках, они просто пришли ко мне. Решили, что так удобней и легче. И в самом деле, кто им может здесь помешать?

Затаившись в тени забора, я лихорадочно соображал: что же теперь делать? Уйти, скрыться? Но куда, куда? И в конце концов, что это изменит? От судьбы все равно ведь не уйдешь. Рано или поздно мы должны были встретиться... Так пусть уж это будет здесь, и сейчас!

Осторожно подкрался я к окошку. И услышал, как в доме кто-то расхаживает и к тому же негромко свистит. Насвистывает какой-то легкий, веселенький мотивчик.

Тогда я привстал на цыпочки, дотянулся до ставен. Приник к светящейся щелочке. И взору моему предстала чья-то мужская фигура... Незванный этот гость стоял вполборота к окну. Затем он повернулся медленно. И я увидел скуластое, крепкое лицо Семена Потанина.

”ЕСЛИ СИЛЬНЫЙ С ОРУЖИЕМ...”

– Ты давно меня здесь ждешь?

– С вечера.

– А откуда ты, собственно, явился? Где пропал?

– Был в Туруханске. Отвозил жену к родственникам.

– В общем, старик, я страшно рад тебя видеть! Страшно рад. Только имей в виду, милиция ведет сейчас розыск. И с минуты на минуту может напасть на твой след.

– На мой след? – Семен широко улыбнулся. – Ничего не понимаю. Какой след? При чем здесь милиция?

– Но... Ты получил мою записку?

– Конечно. В субботу утром двадцать восьмого августа. И вот приехал поблагодарить тебя. И помочь тебе... В Священном Писании сказано: „люби друга”.

– Ладно. Так вот, на следующую ночь в Ручьях кто-то обстрелял бандитов и при этом двоих убил и одного ранил.

– Ах даже так!

Он продолжал улыбаться. И глаза его были веселые, ничем не замутненные, небесно-голубые...

– Сразу троих уложил, здорово! И кто ж это такой?

– А ты разве не знаешь?

– Нет.

– Послушай, Семен, со мной-то ты, кажется, мог бы быть откровенным!

– Так я откровенный. – Семен развел руками. – Дальше некуда. Уж не хочешь ли ты меня исповедовать?

– Ну, для этого я не гожусь. Слишком грешен.

– И прекрасно! Давай тогда покончим с расспросами и выпьем чайку. Я уже два часа держу чайник подогретым.

И он широким жестом – как хозяин гостя – пригласил меня к столу.

Там были разложены всякие копченые закуски, маслянисто чернела икра в тарелках, поблескивала бутылка водки. И глядя на роскошный этот стол и на улыбающееся лицо Семена, я почувствовал, как замерзшая, усталая, тоскующая душа моя понемногу успокаивается, начинает отогреваться.

Потом мы пили чай, а я к тому же еще и водочку, и закусывали с аппетитом. И я удивлялся выдержке Семена. Он ни единым словом, ни единым жестом не выказал своей причастности к тайне...

– А как ты, собственно, меня нашел? – погода спросил я.

– С помощью Верочки.

– Ты разве с ней знаком?
– Нет, но я хорошо знаю Ивана – того мужика, что работает гардеробщиком в чайной.

Семен допил чай. Отставил чашку и подмигнул мне:

– Он рассказывал, какие у вас с Верочкой отношения... Тебе крупно повезло, ты не думаешь?

– Наверное. Но это другой разговор. И что же Иван?

– Он объяснил, как ее найти. А она дала твой адрес.

– Так вот просто дала, не зная, кому и зачем?

– Ну, не так все просто... Ее старики – старoverы. И они немножко знакомы с моей родней. В сущности, мы все тут – свои люди...

– Да, конечно. В общем, тебе ясна ситуация? Ты знаешь, что кодла начала на меня охоту?

– Слышал. Они, кажется, прислали тебе какое-то письмо?

– Предупреждение о мести. Это старый трюк, существовавший еще в пору средневековья.

– Но я не пойму: какой все-таки смысл в таких записках? Какая здесь идея?

– Идея дьявольская. Человека как бы подвергают моральным пыткам. Казнят его страхом. Это, так сказать, прелюдия... Ну, а потом уже следует нормальная, обычная смерть.

– Нормальная, обычная смерть, – повторил он задумчиво. И вздохнул глубоко. И сразу что-то изменилось в его облике. Передо мною сидел уже не прежний – добродушный, улыбчивый парень, а совсем другой человек. С жесткими складками у рта. С холодным прищуром глаз. – Так кто же, по-твоему, автор письма? Каин?

– Вне всякого сомнения.

– Эх, если бы узнать, где он, сука, скрывается...

– Могу тебе сказать. Мне теперь все известно.

– Что-о? – Семен подался ко мне. – Тебе известно? Так где же?

– В Подтесове. В одном доме... У меня где-то записано... Если хочешь – найду.

– Найди.

– Ладно. И что же мы будем делать?

– Сейчас ляжем, поспим. – Он взглянул на ручные свои часы. – Уже четвертый час все-таки... А вечером нагрянем туда.

– Как, прямо туда? В самое логово?

– Ну, ясно, – сказал Семен. – Это лучший вариант. Да у нас и нет другого... – И добавил, помедлив: – Пора ожидания кончилась, понимаешь?

— Не совсем...

— Но ты же сам мне только что объяснил: они сначала наказывают страхом. Так вот, тебя уже наказали! А теперь близится, по-моему, момент для „обычной, нормальной смерти”... Все разыграно по плану.

— Да, — сказал я, — как-то я обо всем этом не подумал. Ведь и верно — по плану.

— Ну, мы этот план поломаем!

На вешалке, у входа, висели вещи Семена — потерятая кожаная куртка, рюкзак и охотничий карабин. Друг мой направился туда. Снял со стены винтовку.

И сейчас же я сказал:

— Имей в виду: милиция интересуется именно таким вот карабином! Причем установлено, что человек, учинивший стрельбу, пользовался „уральскими” патронами, которые продавались в Енисейске только в двух магазинах...

— Интересно, — отозвался Семен, — но меня это все не касается. Во-первых, винтовочку свою я приобрел не здесь, а на Байкале, пять лет назад... А патроны купил с рук, у одного спекулянта, и тоже не здесь! Так что заподозрить меня не в чем, абсолютно не в чем!

Он достал из рюкзака ружейную мазь и стал чистить оружие. И глядя, как он старательно, ловко делает это, я вдруг спросил:

— Объясни-ка мне, как же все-таки религиозность согласовывается с этим? — и указал пальцем на карабин.

— А очень просто, — беззаботно ответил Семен. — Земля наша грешна, и мир суров. И в нем — как сказано в Священном Писании — „есть люди Бога и есть люди дьявола”...

— Неужели так прямо сказано? — удивился я. — Что ж, это точно. И к сожалению, первых немного, а число вторых растет неудержимо...

— И о вторых тоже есть указание.

— Какое же?

— Плохое дерево надо срубить под корень. — Семен осмотрел карабин и клацнул затвором. — И предавать огню...

— Постой, постой, — пробормотал я. — Как же так? Ведь Иисус, насколько мне известно, говорит только о любви, проповедует только добро.

— Конечно. Но иногда Он еще и учит, как защищаться от зла...

— Как же это Он учит?

— Да я ж тебе только что объяснил! И есть другие цитаты. Возьми хотя бы Евангелие от Луки. Там написано: „Если сильный с оружием защищает свой дом — имение его в безопасности”.

Он прислонил винтовку к стене и добавил, потягиваясь:

— А лучшая защита, как известно, нападение!

— Ну, брат, это уже не из Евангелия...

— Из другой книжки, — согласился Семен. — Где-то я давно это вычитал и, вот видишь, запомнил. Сказано-то ведь здорово, а? А теперь давай-ка покончим с философией и попытаемся уснуть.

* * *

Последний катер в Подтесово уходил в полночь. Пассажиров в этот час почти уже не было. И мы с Семеном, как мне показалось, сумели проехать никем не замеченными, не узнанными.

По дороге я вкратце поведал ему все, что знал, о Клаве и о Каине. Семен слушал меня молча, угрюмо. Потом сказал с безразличной гримасой:

— Подходящая парочка!

— Да, — кивнул я, — подобрались удачно: два трупоеда...

Мы стояли у фальшборта и смотрели на приближающиеся огни села. Из-за Семенова плеча торчал приклад карабина: так обычно, вниз стволом, носят оружие сибиряки. На широком ремне, перепоясывающем тужурку, висел большой изогнутый нож. У меня же нож был — по-блатному — спрятан за голенищем сапога. А за спиной моей тоже торчало ружье. Но не винтовка, а охотничья двустволка самого крупного, двенадцатого калибра. Мы были хорошо вооружены и знали, что дело нам предстоит нешуточное.

— Одно меня немножко беспокоит, — проговорил негромко Семен. — Эта баба проклятая! Если она там окажется, все станет сложнее...

— О ней ты не думай, не заботься, — ответил я. — Это ведь не человек. Это монстр. Если уж говорить о „людях дьявола”, так она — классический экземпляр!

— Тут ты прав, — пробормотал Семен, — но все-таки... Как ни говори... неловко вроде.

— Ладно, — отмахнулся я, — на месте разберемся. Главное, застать в доме Каина!

Но Каина мы в доме не застали. Не застали и Клаву. Они оба куда-то исчезли.

В доме — в трех его комнатах — царил беспорядок. Словно бы люди, ушедшие отсюда, страшно спешили, были чем-то встревожены. И крепко пахло спиртом и табачным дымом. И угли в печи еще не успели остыть...

БЕЗУМНАЯ НОЧЬ

— Послушай-ка, Семен, — сказал я медленно. — У меня появилась одна мыслишка. По-моему, дельная...

— Ах даже так? — проговорил Семен.

— Как это ни странно! Иногда со мной такое случается.

Разговор этот происходил уже на исходе ночи — по возвращении нашем в Енисейск. Опять мы сидели у стола и попивали чаек...

— Ну, ну, — подбодрил меня Семен, — выкладывай!

— Скажи-ка мне точно: когда ты приехал из Туруханска?

— В тот же самый день, когда и к тебе явился. То есть вчера.

Где-то после двенадцати.

— Но ко мне ты явился уже вечером. А что же ты делал до этого? Где шлялся?

— Ну, где? — он пожал плечами. — Был в своем селе. Сам понимаешь...

— В Ручьях, стало быть?

— Ясно, где же еще!

— А ты знаешь, что в Ручьях есть бандитские осведомители?

— Как-то не думал... И много их?

— Мне пока что известен лишь один. Имя его мне, к сожалению, неизвестно. Но внешний его вид таков: высокого роста, пожилой, бородатый. Причем борода седая, словно обрызганная известью. И одевается он по-эвенкийски. Носит парку, замшевые штаны.

— И курит трубку? — быстро спросил Семен.

— Совершенно верно. Трубка небольшая, черная, изогнутая.

— Н-не может быть! — прошептал Семен.

— А что? Знакомая фигура?

— Ну, конечно. Это же наш лесничий! Такой вроде бы хороший мужик, добрый, компанейский.

— Вот этот добрый как раз и навел на тебя банду. Узнал о том, что ты нашел золотую жилу... А кстати, ты действительно нашел?

— Действительно, — сказал кряхтя Семен, — И сразу же, дурак, послал записку жене. Глупо все получилось, сознаю. Хотя чего ж ты хочешь? Я ведь так долго сидел в дерьме. Ну и не удержался, захотелось похвастаться!

— Н-да, похвастался, — сказал я. — Ну, ладно. Так вот, об этом лесничем... Ты с ним вчера виделся?

— Виделся, — проговорил он, настораживаясь и бледнея. — Как только слез с машины, сразу и встретил его.

— И потом что?

— Потом мы потолковали маленько и разошлись. Он пошел к себе в контору...

— А ты?

— А я к одному дальнему родственнику.

— К Анциферову?

— Ты его разве знаешь?

— Не отвлекайся! Значит, вы разошлись. И как ты думаешь, лесничий мог видеть, куда ты направился?

— Да чего там мог видеть! Я ему сам сообщил, куда иду.

Семен вдруг умолк, напрягся. Брови его заломились и сдвинулись.

— Знаешь, дружище, — проговорил он странным, каким-то сдавленным голосом. — А ведь в Подтесове я заметил кое-что... Но не сказал тебе. Вообще не придавал этому значения. А зря! Ах ты, Господи...

— Что ты заметил?

— В доме Каина, если помнишь, крепко пахло табаком. Так то был запах трубочного табака! И кроме того, на краю стола я видел кучку пепла — не папиросного, нет. Кто-то выколачивал трубку.

— Но Каин, по-моему, трубку не курит, — проговорил я, торопливо поднимаясь из-за стола. — А это значит...

— Да! — Семен подбежал к вешалке, сорвал с крючка тужурку. — Надо ехать в Ручьи!

И, одеваясь, он поспешно, отрывисто продолжал говорить:

— Изба старика находится на самом краю села. Там место глухое, пустынное. А с ним живет его дочка, Наташа. Ей только недавно исполнилось восемнадцать... Ты понимаешь? Они же там два — беззащитных!

* * *

Суматошная, прямо-таки безумная, выдалась эта ночь! Нам так и не удалось вздремнуть. Прошло немного времени, и вот мы уже снова брели в предрассветном тумане.

Мы шагали по широкому шоссе, тянущемуся вдоль берега Енисея. С одной стороны шумела густая черная тайга. С другой же, за косматой грядой кустарника угадывалась река. Оттуда тянуло сыростью и холодом... Боясь пропустить какую-нибудь случайную машину, мы беспрестанно оглядывались, вертелись, но все было пусто, мертво на дороге.

Подняв воротник, поеживаясь от зябкого ветра, я сказал с легкой завистью:

— Ты меня нынче удивил. Ну, посуди сам: я же вроде бы опытный криминалист, а проморгал такую существенную деталь с табаком! А ты, человек лесной, простодушный, в таких вещах совсем неискушенный...

— Так в том-то все и дело, что лесной, — сказал Семен. — Мы здесь в тайге приучены подмечать всякую мелочь, читать любые следы. Но это пустяк. Это все неважно. Я о другом сейчас думаю. — Он помрачнел, скрипнул зубами. — О другом...

— О старике и его дочери?

— Вот, вот. Вся беда в том, что старик ведь не знает, куда я потом направился. Я ничего ему не сказал о тебе... Но Каин-то, пожалуй, этому не поверит. И ты представляешь, что тогда произойдет?

— Уж лучше бы ты сказал, — пробормотал я.

— Ясно, так было бы лучше! Для всех, и для Анциферова, и для нас... Этот чертов Каин тогда бы сам постарался нас найти. И нам не пришлось бы всю ночь за ним гоняться, бродить по пустым дорогам.

— Ну что ж, — устало сказал я. — Будем надеяться, что теперь-то наша встреча состоится.

— Дай-то Бог, — вздохнул Степан, — скорее бы!.. Хоть бы какая-нибудь машина появилась!

Он поправил ремень карабина и оглянулся нетерпеливо.

Но машина все не появлялась.

А темнота уже стала редеть. Свиваясь кольцами, туман ушел на запад. И слева, на востоке, за речными плесами, край неба окрасился в ярко-зеленый цвет.

А мы все шли и шли...

И наконец я изнемог. Остановился, закуривая. И поднес горящую спичку к наручным часам.

— Половина шестого, — сказал я, — а из дома мы вышли в начале четвертого. Стало быть, мы одолели половину пути...

— Меньше, гораздо меньше... Я эти места хорошо знаю, — отозвался Семен. — Что-то мы вообще медленно плетемся. Надо поднажать!

— Куда уж тут нажимать, — проворчал я, — я и так находился за ночь... Давай хоть немного передохнем, а?

— Нет, нет, — строго сказал он, — какой тут может быть отдых? Дорога каждая минута.

„Ну, где же ты, машина?“ — подумал я в тоске.

И вновь, наверное уже в сотый раз, посмотрел назад.

И в этот момент там, вддали, на фоне черного леса, вспыхнули лимонно-желтые круги автомобильных фар.

Когда мы подошли к Ручьям, уже совсем почти рассвело. Утро выдалось ясное, тихое. И над крышами села стояли, упираясь в небо ровные, недвижимые белые дымы. В такие часы хозяйки обычно готовят завтрак и выгоняют из ворот скотину. И в полусонной тишине слышится тягучее мычание да лай собак, да щелканье пастушьего бича... Но не эти мирные звуки услышали мы на сей раз, а густой, взволнованный гул голосов.

Село было чем-то пробуждено и сильно встревожено.

Возле крайнего, Анциферовского дома сгрудилась многолюдная толпа. И увидев ее, мы с Семеном сразу же поняли, что опоздали.

Мы сидели в кабине мощного, многотонного грузовика. И когда он поровнялся с крайним этим домом, Семен крикнул шоферу:

– Стой! Слезаем.

Но я сейчас же возразил:

– Нет, нет! погоди, Семен. Сделаем иначе.

И потом, поворотившись к шоферу:

– Проезжай дальше. И остановишься вон у того перекрестка.

Видишь?

Шофер молча кивнул. И подрулил к перекрестку. Я сунул ему пятерку и вылез из машины. Семен прыгнул следом за мной. Затем грузовик ушел, окутав нас бензиновым чадом. И друг мой спросил, нетерпеливо и гневно:

– Ну?

– А ты не понимаешь? – в свою очередь спросил я. И ухватив его за рукав, потащил в переулок, за угол. – Дело в том, что в толпе возле дома я заметил лесника.

– Что-о? – Семен резко дернулся. – Ты не ошибся? Ты в этом уверен? Он там стоит?

– Ну, да, он! Стоит, покуривает свою трубочку... Как ни в чем не бывало.

– Как же это он так ничего не опасается?!

– А чего ему опасаться? Он же тайный наводчик. Понимаешь – тайный! И он превосходно замаскирован.

– Замаскирован, – повторил, как эхо, Семен. – Да... Но это я сейчас поломаю. Маску с него сорву... Пусти-ка!

И опять он дернулся, и я снова его удержал.

– Не делай глупостей, Семен, – сказал я торопливо. – Ты что хочешь?

– Убить его, подлеца!

– Правильно. Но только не здесь. Не так. Не сейчас.

— А когда же? И как?

— В другой раз. И без свидетелей. Его надо заманить куда-нибудь и кончить тихо, аккуратно. Иначе ты просто себя погубишь... Тебя сразу же схватят, и как ты оправдаешься?

— Но он — пособник бандитов! Наводчик! Тут дело ясное.

— Ясное для нас... Но как ты это докажешь? Доказательств-то нет пока никаких.

— Что значит нет? — он посмотрел на меня с изумлением. — А ты? Ведь ты — живой свидетель.

— Но я же один! Мое свидетельство не имеет никакой силы. Эх, если бы был еще кто-нибудь! Хотя бы тот же Скелет... Но ты ж его первого прикончил тогда, во время перестрелки.

— Н-да, глупо получается, — пробормотал растерянно Семен. — Но что ж поделаешь? Все-таки пойдем!

— Пойдем. Но порознь, по отдельности. Не надо, чтобы нас видели вместе.

— Не понимаю, к чему эти хитрости? Лесник-то все равно ведь знает, что мы друзья...

— Тут есть один психологический нюанс. Как бы это лучше объяснить? Видишь ли, для лесника я — личность непонятная и странная. Я знаю правду! И меня он, конечно же, боится больше всего. И если ты появишься вместе со мною, он сразу же переполошится, уйдет сквозь землю. А увидит тебя одного, кто знает, возможно, захочет потолковать. Даже наверняка захочет.

— Ах, так, — задумался Семен. — Да, пожалуй.

— И вот когда вы разговоритесь, ты должен будешь сделать вид, что лично его ни в чем не подозреваешь. Ни в чем! Главное — не вспугнуть гада.

— Пожалуй, ты прав. Что ж, попытаюсь... Но где мы потом с тобой встретимся?

— В городе, в редакции газеты. Буду ждать тебя до ночи.

Мы были тогда напряжены до предела. И говорили стремительно, нервно, перебивая друг друга и хрипло дыша. И время для нас обрело как бы особую емкость; стало течь по-иному...

— Беги, Семен, — сказал я затем, — беги огородами, так лучше. Я пойду неспеша, а ты торопись!

И напоследок еще раз предупредил его:

— Смотри, не оплошай. Не вспугни лесника! Помни, как сказано в Писании: „будьте мудры, как змеи”.

Я не спеша вернулся на шоссе и увидел, что толпа вдали заметно возросла. Теперь там, возле дома Анциферова, стояло несколько разномастных машин. И среди них выделялись две: зеленая с красной полосой вдоль бортов милицеевская легковушка и небольшой запыленный автобус службы „Скорая помощь”.

И хотя я понимал, что в данной ситуации лучше всего для меня — это уехать отсюда побыстрее, я все же не мог этого сделать, не узнав, что же такое тут произошло?

Приблизившись к дому, я осмотрелся опасливо, выискивая в толпе знакомую замшевую парку. Но ее нигде не было; лесник куда-то исчез. И Семена я тоже не заметил. И подумал, что они, вероятно, уже успели встретиться и где-то сейчас „толкуют”...

А может, лесник все-таки разглядел меня как-то, узнал и в панике бежал?

„Было бы жалко, — сокрушенно вздохнул я. — Упускать такую дичь ни в коем случае нельзя. От него наверняка тянется много разных ниточек...”

Я протиснулся к самому крыльцу. И уже хотел было взойти на него, но вдруг застыл, закаменел. Сверху по скрипучим ступеням спускались санитары, бережно поддерживая под руки Анциферова.

Впрочем то, что это именно он, я сообразил не сразу. У человека, ведомого санитарями, всю верхнюю часть лица покрывала плотная марлевая повязка.

Видны были только обвислые, закрывающие рот усы и худые, впалые щеки. И по этим щекам из-под белой повязки ползли темно-красные струйки... Он словно бы плакал кровавыми слезами.

Да он и действительно плакал, вернее, выл негромко. И не было в этом вое ничего человеческого.

Его провели мимо меня и посадили в госпитальный микроавтобус. И следом, так же бережно, осторожно, провели плачущую девушку.

С одной стороны девушку поддерживала какая-то женщина, а с другой — милиционер. И она шла медленно, спотыкаясь, тяжело повиснув на их руках.

И тут я увидел Семена. Он стоял возле автобуса. Наши взгляды встретились. Я подался к нему. Но он сказал, слабо махнув рукой:

— Потом, потом.

Он сказал это с усилием, трудно шевеля занемевшими, белыми, как на морозе, губами.

— Сейчас я должен уйти.

— Куда?

— К леснику. Мы с ним договорились...

— Значит, вы все же увиделись?

— Сразу... И он пригласил меня к себе домой.

— Осторожно, Семен! Не попади в западню.

— Ну, дома он не рискнет. — Семен привычным жестом поправил на плече ремень карабина. — Да и все равно идти надо. Может, там я нападу на след Каина.

— Так Каин, значит, был и ушел?

— Да. За час до нашего приезда.

— Где же он теперь?

— Неизвестно. Где-то в тайге.

Семен отступил и скрылся в толпе. А на его месте внезапно возник откуда-то вынырнувший Афоня. Вид у репортера был возбужденный, взъерошенный, какой-то обалделый.

— Привет, — произнес он скороговоркой. И затем, крутя головой: — Ну, старик, такие тут дела, ой-ей-ей! Вроде бы, я уж повидал немало, вроде бы привык. Но такого зверства еще не встречал. Даже и не слыхивал, что это бывает...

— Но что бывает? — спросил я. — Что, собственно, было?

— Дай папироску, — тихо попросил Афоня. — Мои кончились.

Я протянул ему пачку. И он закурил, затаился со всхлипом.

— О подробностях лучше не спрашивай, — пробормотал он, кутаясь в дым.

— Почему же? — сказал я. — Именно о подробностях я и хочу спросить.

— Напрасно, старик, напрасно, — покривился Афоня, — напрасно настаиваешь. После всего этого, право же, как-то жить не хочется.

— Ну, мой милый, — сказал я. — После многого в нашей жизни жить не хочется. И все же мы живем, перебиваемся. Так что давай рассказывай. Обо всем!

И он рассказал мне обо всем. Посвятил во все детали чудовищной этой истории.

Каин появился в селе под утро, где-то в пятом часу. Приехал он не один. Его сопровождали два каких-то типа. Но женщины — об этом я тотчас же спросил — с ними не было. В общем-то, нужен им был, судя по всему, не сам Анциферов, а кто-то другой. И к старику они пришли за информацией, за сведениями. Однако сведений никаких не получили. Старик не сказал им ничего, и не из упрямства, а потому что действительно ничего не знал.

Но Каин этому не поверил.

Анциферова стали пытать. Его долго били, прижигали горячей

папиросой кожу на его руках и на лбу. Затем отвлеклись – занялись Наташей...

Тут же, на глазах у отца девушку сшибли ударом с ног. Разложили на полу. И принялись насиловать.

Насиловали ее все трое, по очереди, с похабными шуточками, глумясь над беззащитным этим телом...

Измученный пытками старик не мог уже подняться. И лежа поодаль в углу, он взмолился, обращаясь к насильникам:

– Что вы творите, проклятые? Я не могу это видеть! Перестаньте. Оставьте ее. Или же ослепите меня! Пусть уж лучше глаза мои вытекут...

– Ну, раз ты так просишь, – сказал тогда Каин, – я тебя, мужичок, уважу, помогу тебе.

И он вынул длинный, узкий, остро отточенный ножик. Попробовал пальцем лезвие. И подойдя с ухмылочкой к Анциферову, выколол ему глаза.

”БУДЬТЕ МУДРЫ, КАК ЗМЕИ, И ПРОСТЫ, КАК ГОЛУБИ”

Вернувшись в город, я прежде всего поспешил к себе домой.

Как у каждого сибиряка, у меня дома хранилось традиционное охотничье снаряжение – походный рюкзак, болотные сапоги, котелок, фляга... И теперь я хотел собрать все это и приготовиться к дальней дороге – к погоне за Каином.

Дома, однако, меня подстерегала новая неожиданность.

Обе двери – парадная и та, что ведет в мою комнату, – оказались отворенными. Причем дверные замки были не открыты ключом, а отжаты каким-то острым инструментом, то ли стамескою, то ли топором.

И когда я шагнул к себе, глазам моим предстала картина полнейшего разрушения. Все было разбросано, разрублено, обращено в хаос. На полу, вперемешку с лоскутами рубашек и ключьями пиджаков валялись смятые, затоптанные листы моих рукописей. Под окном, у стола, виднелась груда сваленных как попало книг.

Сначала я решил было, что в комнате что-то искали... Но потом, приглядевшись, понял: нет! Здесь кто-то явно хулиганил, бесчинствовал, срывал свою ярость. Очевидно потому, что не застал меня на месте.

„Опять Каин!” – подумал я.

Как же так получилось? Он наверняка явился сюда уже после Анциферова – значит, мы разминулись где-то по дороге... Но странно:

почему мы там не встретились. Наверное он шел какими-то окольными тропами. Или плыл по реке. Да, по реке быстрее и легче всего. А впрочем, суть не в этом. Банда все-таки добралась до меня! Семен оказался прав: все у них было запланировано заранее. До сих пор меня наказывали страхом, а теперь наступил финал... И наступил он, скорее всего, именно потому, что Семен опять появился на горизонте. Его приезд конечно же ускорил события! Каин понял: игры кончились... Друг мой тоже это сообразил и поспешил ко мне. Помог мне поломать этот дьявольский план... И что теперь осталось Каину? Только корчиться от злобы и неутоленной ненависти и творить свой дикий произвол.

Здесь, у меня, он всю развернулся... Не осталось ни одной целой вещи! А страницы некоторых книг заметно обуглились и пожелтели; судя по всему, их пытались поджечь. Или же просто кинули, уходя, горящую спичку... Но, к счастью, бумага не вспыхнула сразу, стала глеть и постепенно угасла.

Я присел у книжной груды и вытащил из нее какой-то растрепанный том, пострадавший от огня... Это оказалась Библия.

Я раздобыл ее в Енисейске сразу же по приезде, как только начал свою карьеру репортера, обслуживающего староверов. Мне она нужна была для цитат. Ведь с религиозными сектантами лучше всего разговаривать, пользуясь библейскими метафорами и притчами.

Но иногда я, конечно, читал ее и просто так, для удовольствия. Должен сказать, что это, прежде всего, превосходная литература! Ни одна из известных мне обращенных к древности книг не могла и не может дать ощущения такой тесной связи с прошлым, как Библия. Облик нашего мира во всей его сложности отражен наиболее отчетливо здесь! И несмотря на двухтысячелетнюю давность книга эта необыкновенно актуальна. Она актуальна во всем, вплоть до последних ее страниц, вплоть до пророческих откровений... И если вдуматься, это вполне естественно, ибо прошлое и будущее сплетены неразрывно. А настоящее — что ж... В сущности, его ведь и нет. Каждая прожитая нами минута относит его назад. И это уже необратимо! И все наши нынешние противоречия проросли из вчерашних посевов. А завтрашняя беда будет итогом сегодняшней, сиюминутной нашей суеты.

И есть еще кое-что в удивительной этой книге. Например, исходящая от нее эманация некоей тайны. А также возникающее при чтении ее странное чувство, такое, будто бы ты — малая частица — соприкасаешься с чем-то целым, необъятно большим...

Но это совсем другая тема. А что касается актуальности, то она тут явная, бесспорная! Не случайно же в Библии можно отыскать

изречения, затрагивающие любые (конечно, не технические) проблемы современности. А данное обстоятельство немаловажно. Особенно сейчас, в эпоху небывалого духовного голода и всеобщей рас-терянности.

На мир обрушился словесный потоп. Началось владычество демагогической фразы. А ведь людям нужны не лозунги, не митинговые вопли, не журналистские трафареты, а нечто совсем другое, противоположное...

Я задумчиво разгладил и обровнял края обгоревших страниц. Сдул с них пепел. Затем стал перелистывать книгу. И внезапно увидел ту самую строчку, которую процитировал нынче утром.

Цитатчик я все-таки был, как выяснилось, неважный... Строка эта оказалась длиннее, и я почему-то забыл, опустил вторую ее половину.

„Будьте мудры, как змеи, и просты, как голуби”, – прочел я. И подумал с удивлением: как голуби? Но разве это возможно после всего того, что случилось в Ручьях?..

И еще я подумал, захлопнув тяжелый том: обойдемся пока первой половиной строки... А о второй поразмышляем когда-нибудь после. В тишине. На покое.

Я поднялся и закурил. И какое-то время стоял, озирая царящий вокруг беспорядок. Прибирать комнату у меня не было сил. Да здесь, в сущности, надо было почти все выбрасывать. Изо всех носильных вещей уцелело теперь только то, что на мне... И еще, слава Богу, сохранилась старая, верная моя двустволочка. Я же всю ночь не расставался с нею. И догадывался, что отныне мне долго не придется с ней расставаться.

„Надо зайти к хозяйке, – мелькнула мысль, – поговорить, спросить о подробностях...”

Я вышел в коридор. И мы столкнулись с ней лицом к лицу.

– Господи, что тут произошло? – воскликнула она испуганно. – Скандал? Драка?

Дом, где я обитал, был двухэтажный, старинный и принадлежал вдове весьма известного полярного летчика, погибшего в предвоенные годы. На нижнем этаже помещалась кухня, просторная, всегда запертая на ключ гостиная и небольшая комната, в которой, собственно, и происходили все описываемые тут события. Наверху же располагались кабинет и спальня. И хозяйка – женщина тихая, пожилая – почти все время проводила там. Спускалась вниз она обычно поздним утром; проталивала печку, что-то себе готовила. И затем на целые сутки исчезала с глаз. Нижний этаж, таким образом, пустовал и был, по сути, отдан в мое распоряжение. Мы жили с ней

мирно и не мешали друг другу. Я тоже ведь был жилец тихий! Но сейчас, впервые, она посмотрела на меня с опаской и недоверием.

— Я проснулась рано, — стала рассказывать она, — только-только рассвело. Слышу внизу шум какой-то, возня, голоса...

— Голоса? — повторил я с интересом.

— Да. Но вашего голоса я не уловила.

— Так меня тут и не было! Я почти всю ночь провел в редакции.

— Вот как! А я уж хотела было спуститься, приструнить вас.

Но потом...

— Что — потом?

— Потом почему-то испугалась. Не пошла... — Она на минуту умолкла, кутаясь в шаль. — Вы говорите, вас не было... Но зачем же тогда они приходили? И кто они были такие?

— Трудно сказать... Но в этом я разберусь! А пока прошу вас: найдите кого-нибудь, кто мог бы прибраться здесь, навести порядок. И да... Еще надо починить двери, переменить замки. Позаботьтесь об этом, пожалуйста. И не беспокойтесь, я оплачу все расходы.

— А куда вы теперь? — спросила она, внимательно меня разглядывая. — Вы что же, в редакцию стали ходить с ружьем?

— Да, понимаете ли, — забормотал я, — есть кое-какие обстоятельства... Видимо мне придется ненадолго съездить в тайгу.

— К Медвежьему логу? — вдруг спросила она.

— Куда, куда? — насторожился я. — К Медвежьему? Почему?

— Ну, это я так сказала... Просто я слышала, как это название кто-то внизу произнес, причем два раза!

— А о чем вообще они там говорили?

— Я, знаете ли, особенно не прислушивалась...

— Но эту фразу „Медвежий лог“ вы точно слышали? Она ведь не могла вам померещиться?

— Эта — нет! Я как встала, сразу же приоткрыла дверь и тихонько выглянула на лестницу. И вот как раз в тот самый момент...

— Та-ак, — протянул я. — Ну, спасибо. Может быть, эта деталь нам поможет!

ПО ЗАКОНУ ТАЙГИ...

Когда я появился в редакции, утро было в полном разгаре. Рабочий день уже начался. Причем начался весьма шумно. Редакционные кулуары напоминали потревоженный улей. И все толковали об одном — о жутком происшествии в Ручьях...

Насмешливые, циничные, привыкшие ничему не удивляться

журналисты на сей раз были потрясены. На утренней планерке встал вопрос: стоит ли публиковать сообщение об этом? Мнения разделились. Главный редактор заявил, что данный материал может вызвать „нездоровую сенсацию” и породить панические слухи. Кое-кто поддержал его. Другие же (во главе с Афоней) стали, наоборот, доказывать, что подобные происшествия обходить молчанием нельзя.

— Чем больше народу узнает о случившемся, тем лучше, — сказал Афоня. — Публикация вызовет у читателей гнев и ненависть к блатным. И поможет быстрее покончить с бандитским террором!

Планерка затянулась... Но в конце концов мнение Главного перевесило, и пока решено было с публикацией обождать.

На этом совещании я занял позицию нейтральную и в споры предпочел не вмешиваться. Конечно я при желании мог бы поддержать Афоню, мог бы рассказать здесь о многом... Но тогда мне, вольно или невольно, пришлось бы назвать имя Семена. А этого я не хотел. Привлекать к нему внимание журналистов было делом рискованным!

Да и кроме того я вообще чувствовал себя смертельно усталым, каким-то опустошенным. И пока все прочие шумели, стараясь переспорить, перекричать друг друга, я тихо подремывал, примостясь в уголке.

* * *

Расставаясь с Семеном, я сказал, буду ждать до ночи. И действительно, ждать его пришлось мне долго... День отшумел. Наступил вечер. Редакция опустела, и я остался один. И постепенно начал тревожиться.

„Что там с Семеном? — думал я, расхаживая по пустым, гулким комнатам. — Где он сейчас? Уж не попал ли он все-таки в какую-нибудь передрагу? Может быть, лесник его как-то перехитрил? А может, он давно уже ушел в тайгу, вдогонку за Каином, а про меня просто забыл?”

Но нет, он не забыл, он пришел ко мне около полуночи. И был он не один. Его сопровождал пожилой эвенк с плоским, морщинистым, словно бы высеченным из темного камня лицом. Физиономия эвенка показалась мне знакомой. Я взгляделся и тут же понял: это знаменитый Карарбах, лучший охотник района, чьи фотографии дважды печатались в нашей газете.

Немногословный и сдержанный, как все северяне, Карарбах коротко поздоровался со мной. Затем опустился возле стены на корточки. И замер, затих в таком положении.

Семен сказал, кивнув в его сторону:

— Мой старый друг..

— Что ж, это здорово, — отозвался я. — Пойдем, стало быть, вдвоем.

— Да, пожалуй, — пробормотал Семен, — но, видишь ли, какая штука... Мы тут с Карарбахом поразмыслили и решили идти по отдельности.

— Это как то есть, по отдельности?

— Ну, понимаешь, мы решили так сделать: сначала я пойду вдвоем с лесником...

— Так он, значит, тоже?..

— Да! Как только я сказал, что собираюсь в тайгу, он сразу же предложил свою помощь. Ну а я, естественно, возражать не стал. Наоборот.

— Но... Ты уверен, что он ни о чем не догадывается?

— Да теперь-то мне плевать, — отмахнулся Семен. — Главное, что он будет со мною!

— Надеюсь, ты понимаешь: он напросился к тебе в попутчики с одной только целью...

— Чтобы кончить меня, знаю! Однако и я с ним иду для того же... Поглядим, чья возьмет.

— Ох Семен, будь осторожен! Ну, хорошо. Продолжай. Итак, вы пойдете вдвоем...

— А потом по нашему следу тихонько двинется Карарбах. Он будет как бы издали меня подстраховывать.

— Ну, а я? — спросил я растерянно. — Я-то с кем же? Как же я-то?

— А тебе, я думаю, вовсе не надо никуда идти.

И он положил мне руку на плечо и заглянул мне в глаза.

— Ты, друг, не обижайся. Но дело это особое, трудное. Тут большая сноровка нужна. А у тебя ее маловато. Да к тому же и здоровье неважное, правда?

— Н-ну, не знаю, — проговорил я в замешательстве. — О чем ты, собственно. Конечно, я не Геркулес... Но стреляю я неплохо. Выбиваю семь из десяти. А ножом владею, может быть, получше вас всех!

— Да я в этом и не сомневаюсь, — сказал Семен. И голос его звучал сейчас до странности мягко, как-то даже почти нежно. — Если бы нам предстояла простая заварушка, какой тут мог бы быть разговор?! Но вся суть в том, что Карарбаху придется идти быстро и, вероятно, долго... А я еще вчера ночью заметил, что у тебя плохое дыхание... У тебя, что же, астма? Хронический бронхит? Больное сердце?

— Наверное всего понемножку, — хмуро усмехнулся я. — Поднабрал за годы скитаний...

— Н-да, — покачал головою Семен, — прошлое сказывается... Но теперь-то ты должен беречься! И гоняться за Каином, право же, тебе ни к чему. Доверь это дело нам, уж мы постараемся.

— Что ж, — проговорил я, помедлив, — обидно, конечно. А впрочем, ты, кажется, прав...

И я покосился на охотника, сидевшего все в той же недвижимой позе и молча покуривавшего трубку.

— Значит, он будет тебя подстраховывать... Мысль, в общем, дельная. Учти, что у лесника тоже ведь может быть свой Карарбах!

— Ты хочешь сказать, что и его кто-то может тайно сопровождать?

— Конечно.

— А у тебя, я вижу, котелок варит, — сказал Семен одобрительно. — Поэтому-то я и позвал Карарбаха... Как-никак он лучший в здешней тайге следопыт!

— Ну, и когда ж вы отправляетесь? — спросил я, помедлив.

— Да прямо сейчас, — сказал Семен. — Вот зашел проститься... Как у тебя, кстати, прошел день? Не было ничего нового?

— В том-то и дело, что было, — встрепенулся я. — Черт возьми, чуть совсем не забыл!

И я торопливо рассказал об утренних событиях: о разгроме, учиненном в моей комнате, о беседе с хозяйкой дома...

Услышав название Медвежий лог, Семен поднял брови и внимательно посмотрел на эвенка.

— А что? — проговорил он задумчиво. — Надо будет проверить, а? Местечко вроде подходящее.

И охотник, попыхивая грубочкой, покивал утвердительно. Я спросил:

— Он далеко, этот Медвежий лог?

— Километрах в шестидесяти отсюда к северо-западу.

— Ты там бывал?

— Один раз. Случайно...

— А почему ты решил, что это место подходящее?

— Так ведь там, в логу, старая заброшенная шахта! А рядом находится рудничный поселок... Мертвый поселок... В нем давно уже никто не живет. Ну, и если вдуматься, лучшего места для бандитской базы трудно подыскать. Будь я Каином, я бы именно там обосновался.

— Но вдвоем нападать на эту базу рискованно, — заметил я.

— Не беспокойся, — улыбнулся Семен, — прежде чем нападать,

мы все аккуратненько проверим, все выясним. Будем действовать осторожно... Будем мудрыми, как змеи!

— И все-таки не хочется мне отпускать вас вдвоем. В таких делах лишний человек не помеха. Это же еще одно ружье... Неизвестно же, как все сложится! Не дай Бог, случится какая-нибудь ошибка, и негодняй уйдут.

— Ну, нет, — произнес вдруг Карарбах. И впервые за все время шевельнулся и поднялся медленно. — Эти двое от нас не уйдут! Их конец близок. Они уже сейчас почти как неживые... Все равно что мертвые...

— То есть как это? — с запинкой спросил я.

— Однако, я думал, ты умнее, — сказал Карарбах, и узкие глаза его сощурились, превратились в неразличимые щелочки. — Неужто не понимаешь? Они уже не люди. Они стали терраками.

— Террак — это проклятый, — пояснил Семен, — человек, у которого душа пожрана злыми духами.

— Да, да, — сказал я, — припоминаю... И у чукчей и у якутов террак — тоже нечто вроде оборотня.

— Ну, вот, — сказал Карарбах, — они такие... И места им на земле больше нету! По закону тайги каждый, кто встретит оборотня, должен его убить. Так что их все равно ждет чья-то пуля.

— Но я все же предпочитаю, — добавил Семен, — чтобы эта пуля была — моя!

РУКА СУДЬБЫ

Вот так внезапно обстоятельства изменились, и я выбыл из игры. И прошла неделя. И началась другая... Я жил теперь в ожидании новостей. А их все не было. Их все не было!

Семен и Карарбах бесследно исчезли, канув в дремучей тайге. Охота на оборотней, судя по всему, завела их далеко...

А над тайгой свистала осень, летели низкие, снеговые, подгоняемые ветром тучи. И ночная мгла теперь дышала зимней стужей. А дни делались все короче, все сумрачней...

И с каждым днем все тоскливее становилось мне в Енисейске. И уже ничем не привлекал меня этот легендарный город. И окрестные пейзажи потеряли былую прелесть. Что-то случилось, не с пейзажами, конечно, а лично со мной. Очевидно, я просто устал. Устал от этих мест, от приключений, которым не видно было конца. И вообще ото всей моей нескладной, беспокойной здешней жизни.

И в один из таких тоскливых, тусклых дней пришла на мой

адрес посылка из Абакана. Я вскрыл ее и увидел свеженькие, еще пахнувшие типографской краской, обложки моих книжек.

Первый мой поэтический сборник назывался „Под незакатным солнцем”. Имелось в виду заполярное солнце, которое в течение всего лета не заходит за горизонт. И рисунок обложки был поэтому расцвечен в яркие, солнечные тона. В посылке находилось 15 экземпляров сборника. И когда я рассыпал их по столу, в комнате как будто и впрямь посветлело...

Посветлело и в комнате, и в душе моей, и не только из-за книжек. Вместе с посылкой пришло также письмо, официально извещавшее меня о том, что я назначен делегатом Сибири на Всесоюзное совещание молодых писателей, которое должно состояться в Москве в ноябре 1956 года.

Это была уже настоящая, большая удача! Я так долго ее ждал, с таким трудом пробивался к ней, что теперь растерялся. Привыкнув не верить в ее реальность, я как-то даже не сразу сообразил, что указанный год — это год текущий, нынешний. А до ноября месяца оставалось совсем немного...

До ноября осталось немного. И по существу, я уже сейчас, медленно мог отправляться в Москву. Ведь дорога туда — только на поезде — занимала четверо суток! Судьба еще раз неожиданно-негаданно выручала меня, вытаскивала из трясины... Но все же я медлил, тянул с отъездом. Я по-прежнему ждал новостей. И не мог, не повидавшись с друзьями, покинуть опостылевший город.

* * *

И однажды ночью мы увиделись.

Я тогда долго не мог уснуть. Лежа в постели, перечитывал свой сборник, размышляя о Москве, о будущем. Потом как-то незаметно стал задремывать. Книжка выпала из рук... И в этот самый момент в окно постучали.

Мгновенно я очнулся, вскочил с постели и кинулся к окошку. И услышал знакомый голос.

Семен вошел ко мне прихрамывая, опираясь на суковатую палку. Лицо у него было утомленное, осунувшееся. Он был ранен. Но несмотря на это улыбался. Улыбался также и Карарбах, хотя из-под шапки его виднелась запачканная кровью повязка. И я понял: охота все же закончилась удачно!

— Привет! — сказал Семен. — Ты что это разлегся? А ну-ка вставай, одевайся! Пошли!

— Куда? — спросил я. Я стоял перед ним раздетый, в одних

подштанниках, и переминался, поджимая босые ноги. — Ты хоть рассказал бы сначала...

— Давай, давай, — приказал Семен, — одевайся! Поговорим потом. Время не ждет.

И когда я наконец оделся, он проговорил, шагнув к дверям:

— Хочу тебе показать этого Каина. Этого самого оборотня.

— Ага. Все-таки поймали гада?!

— Да, — сказал Семен. И потом добавил негромко: — Нашли.

— Где же он? — спросил я, когда мы вышли из дома.

— Там. — Семен махнул рукой, указывая куда-то во тьму. —

Лежит на нартах.

— Лежит? А что с ним?

— Идем — увидишь.

И мы пошли в клубящейся мгле, сквозь летящий снег. Сухая снежная крупа секла мне лицо. Зябкими мурашками полз холод за воротник. И поплотнее запахнув меховую свою тужурку, я спросил:

— Ну, а лесник где?

— На том свете, — усмехнулся Семен.

— Была, значит, схватка?

— Да уж так получилось, — пожал плечами Семен. — Ты помнишь, лесник напросился ко мне в попутчики? Ну, мы отправились в тайгу, и прошло более двух суток...

Прошло более двух суток. И все это время, как рассказал Семен, он почти не спал. Боялся нападения. И лежа ночами у костра, лишь притворялся спящим. И поначалу имелись у него некоторые сомнения. Все-таки ему трудно было поверить в то, что лесник — старый добрый знакомый — способен на преступление. Но в первую же ночь он заметил, что и тот тоже не спит. Тоже притворяется... И тогда сомнения отпали. Семен понял: перед ним враг! Враг опытный, безжалостный, хитрый.

И так началась их взаимная охота. Ночами оба бодрствовали, а с наступлением дня брели, борясь с усталостью и дремотой. Долго так, естественно, не могло продолжаться. И лесник не выдержал первым. Он набросился на лежащего Семена с ножом. Но тут он ошибся; он ведь был уже слаб, измотан бессонницей... И, короче говоря, справиться с ним оказалось нетрудно. Там же, на месте, Семен и похоронил его, забросал тело хворостом. И двинулся дальше, уже вместе с эвенком.

Лесник, как выяснилось, допустил и вторую ошибку: своего Карарбаха у него не было — никто не прикрывал его со стороны. И это, конечно, облегчило все дело.

— А скажи-ка, что у тебя с ногой? — поинтересовался я затем.

— Да попортили маленько в перестрелке, — небрежно ответил Семен. — Вообще-то рана не страшная, кость не задета...

— А где вы, кстати, обнаружили Каина?

— В первый раз в Медвеьем логу, — сказал Семен, — в том самом... Ты нам здорово, брат, помог. Ведь там действительно оказалась ихняя база!

— Что же там большая была банда?

— Мы застали всего троих. Среди них как раз был и Каин. Ну, двоих мы быстро прикончили, а Каин ухитрился как-то скрыться... Ушел, подлец... Хотя Карарбах его успел все же подранить — перешиб правое плечо. И мы знали, что ему уже никуда не деться. Однако походить нам пришлось немало... Представляешь, каково мне было с моей-то ногой?

— Н-да, — сказал я, — еще бы... Ну и куда же он все-таки скрылся?

— Он не то чтобы скрылся, — низким, странным, каким-то чужим голосом проговорил Семен, — он в западню попал...

— В капкан, что ли?

— Да нет. Западня получилась природная... Это уж ему, видать, самой судьбой уготовано было.

— Но куда он, собственно, попал? Ты можешь объяснить попростому?

— Постараюсь, — медленно сказал Семен. — В общем, так. — Он сильно потянул в себя воздух сквозь сцепленные зубы. — Каин когда уходил от погони, сильно спешил, пер по кустам напролом, не разбирая дороги. Ну и сорвался с крутого откоса в овраг. В тех местах много всяких ям и обрывов... Но на дно оврага он не упал, а повис, зацепившись браслеткой от часов за корень лиственницы. Лиственничные корни, как ты, наверное, знаешь, крепки, как железо. А браслетка у него тоже была металлическая. Так что он оказался схваченным намертво! И выбраться из этой западни уже не мог; правая-то рука его не действовала. Да и крови он к тому же потерял много... И так он и провисел на левой руке пять дней. Покуда мы его не отыскали.

За разговором незаметно мы ушли далеко; пересекли северную окраину города и оказались в незнакомом мне глухом предместье. Место здесь было мрачное, пустынное, какое-то нежилое. Где-то поблизости рокотала тайга... Карарбах, все время шедший позади нас и молча попыхивающий там своей трубочкой, теперь оживился, проскользнул вперед.

— Топай за ним, — шепнул Семен.

И мы заторопились, следя за маячившей во тьме фигурой.

Минуту спустя фигура исчезла. И вскоре впереди вспыхнул огонек. Подойдя ближе, я разглядел шаткое пламя разгорающегося костра. А рядом с ним — рогатый силуэт оленя и очертание низких продолговатых нартов.

От костра навстречу нам поднялся Карарбах. Он держал в руке тугой рулон бересты. Кора пылала, как факел. И взяв этот факел из рук старика, Семен подвел меня к нартам и тихо сказал:

— Гляди!

На нартах навзничь лежал человек. Я пригнулся, пытаюсь при свете факела разглядеть его лицо... И вздрогнул. Лица у человека не было.

У него не было лица! На месте глаз темнели слепые мертвые провалы. Нос был обглодан. И губы — тоже. И там, в зияющем отверстии рта, виднелся обрубок языка... Внезапно обрубок этот шевельнулся. И на мгновение мне почудился как бы слабый стон, какое-то бульканье, хрипенье.

— Так он живой? — отшатнулся я. И почувствовал, как под шапку у меня шевельнулись волосы.

— Нет, — сказал вдруг Карарбах. — Он давно уже мертвый.

— Но он же дышит, слышите? Хрипит...

— Это неважно, — жестко сказал охотник. — Он мертвый. Его нету. И ты не смей его жалеть. Террака жалеть нельзя!

— Господи, что же это такое? — пробормотал я, отворачиваясь, с трудом подавляя чувство дурноты. — Как это произошло? Кто его так? — Я посмотрел на Семена. — Ты? Или старик?

— Ну что ты, — ответил тот, наморщась. — Как ты мог подумать? Тут другое... Когда он повис там, на откосе, то лицо его пришлось как раз вровень с лисьим гнездом. А в эту пору лисы злые, голодные. Ну, и можешь себе представить: в течение пяти дней...

— Они его обглаживали, жрали, — догадался я, — лакомились им живым.

— Вот-вот. Поистине ужасное наказание.

— Но что же с ним делать сейчас? — спросил я, стараясь не глядеть на нарты. — Надо все же доставить в больницу, а?

— Это сделает Карарбах, — сказал Семен. — Он отвезет, мы с ним условились. Ну, а я...

— А ты?

— Уезжаю, дружище. И давай-ка будем прощаться... В город я больше не вернусь. Слишком неуютно тут стало.

— Да, неуютно, — сказал я.

— Есть слух, что сюда идет из Красноярска воинская часть, — проговорил затем Семен, — это верно?

– Точно. Батальон войск МВД. Он будет проводить широкую облаву на бандитов – очищать район.

– Ну вот... Представляешь, что здесь начнется? Станут хватать и виноватых, и правых. Пожалуй, еще и до меня доберутся.

Семен умолк на миг, насупился. И потом, скрипнув зубами:

– Не-ет, хватит. Хочу покоя. Будь они прокляты, эти золотые места!

Мы крепко пожали друг другу руки. И я сказал, продолжая удерживать сухую, твердую его ладонь в своей:

– Кстати, я тоже ведь уезжаю. Получил письмо: вызывают в Москву. Может, что-нибудь переменится...

– Ну, желаю успеха.

– А все-таки жалко мне с тобой расставаться.

– Ничего, – улыбнулся Семен, – дай Бог, еще встретимся... Если ты когда-нибудь захочешь меня найти, приезжай на низовья Енисея. В Туруханск. Там меня знают, там много наших староверов.

Прощался я затем и со старым охотником. И надолго запомнил его темное, морщинистое, ласково кивающее мне лицо.

И навсегда, навеки запомнился мне облик того, другого – давно уже умершего, но еще продолжающего дышать; облик жуткого оборотня, напрочь лишенного лица.

ЭПИЛОГ

На этом, в сущности, кончается тема Рыжего Дьявола. По всем законам прозы тут следовало бы поставить точку. Но я ведь пишу произведение автобиографическое, а приключения мои на этом не кончились, отнюдь! Впереди меня ждали успех и признание, а затем — новые, внезапно обрушившиеся невзгоды. И новые скитания..

И сообщить о них я считаю необходимым. Это особенно важно еще и потому, что данная книга завершает большой трехтомный биографический цикл. И я не могу закончить ее, не объяснив, как же так вышло, что я в конце концов расстался с родиной и оказался в Париже.

Прежде чем это случилось, произошло немало всяких событий... И если бы я начал их описывать подробно и красочно, то получилась бы еще одна объемистая книга. И когда-нибудь я, возможно, такую книгу напишу. Однако здесь, сейчас, я постараюсь быть предельно кратким. Ограничусь перечислением основных фактов. И ругаюсь, что много места это не займет.

* * *

Итак, в первых числах ноября я прибыл в Москву и успел как раз к началу совещания. Оно было торжественным, многолюдным. Сюда съехались молодые поэты, прозаики, драматурги из всех почти советских республик и областей.

Что ж, я мог быть вполне довольным собой! Мало того, что я предстал здесь как делегат Сибири — великой страны, занимающей на планете площадь в девять миллионов квадратных километров. Я еще и удостоился похвал. На совещании меня хвалили за самообытность, за чувство природы, за романтизм. Целый ряд столичных газет и журналов запросил у меня стихи... Наконец-то я дождался своего часа и, как принято говорить, „вышел на орбиту”.

Кое-кто меня, однако, и поругивал. Некоторые партийные критики упрекали меня в том, что романтизм мой отвлеченный, какой-то безыдейный. Что я вообще сторонюсь серьезных социальных и политических проблем... При сталинском режиме такие упреки могли бы привести к весьма печальным для меня последствиям. Но в 1956 году многое изменилось. Наступил новый период в истории страны. Ведь именно тогда Никита Хрущев выступил с осуждением сталинизма, с разоблачением его ошибок и преступлений. И в кругах творческой интеллигенции, прежде всего, в столичных кругах началась переоценка ценностей... Да и читатели тоже давно уже устали от „идейной литературы”.

Ну и, естественно, на этом фоне традиционная, „казенная” критика не только не повредила мне, а, наоборот, помогла. Она еще выше подняла мои акции.

И все-таки критика эта задела меня. Я же, в сущности, никогда не сторонился серьезных проблем! Просто мое отношение к ним было несколько иным — отличным от официального... И однажды в писательском клубе я специально выступил перед большой аудиторией и прочел одно из новых своих стихотворений:

...Прислушайся в ночи: планета дышит.
Ты ощущаешь это? Вправду дышит!
Есть у нее в потемках мирозданья
свои тревоги и свои страданья.
И словно людям, каждое мгновенье
опасные грозят ей столкновенья.
И вместе с ней в безвременье кружатся
века и царства, люди и металл.
В сырую землю воины ложатся,
становятся вожди на пьедестал.
Давно она, давно служить устала
кладбищем, полем битв и пьедесталом.
Устала от борьбы идей и масс...
Она вздыхает, думая о нас!

— А ты, старик, пессимист! — сказал Юра, двоюродный мой брат и известный московский писатель, — когда мы уединились с ним в клубном буфете. — Стихотворение твое хорошее, крепкое, но какое-то очень уж безнадежное... Ты, что же, не веришь в пресловутую „борьбу идей и масс”?

— Не верю в результат борьбы, — сказал я, — вернее, знаю, что результат будет гибельный, ужасный. Причем для всех! Для любых классов! В этой „идейной борьбе” окончательной победы одержать никто не сможет.

— Ого! Почему же?

— Потому что так уж мир наш устроен. — Я пожал плечами. — Ведь борьба эта идет на протяжении всей писаной истории, по всему лицу планеты. И в самых разных формах и вариантах. И под различными лозунгами. Среди них наиболее распространены такие, как „за справедливость”, „за мир”... А ты знаешь, сколько мирных дней было на земле за минувшие пять тысячелетий? Это подсчитано. Так вот, всего лишь двести девяносто два года! Да и тогда творились всяческие несправедливости, процветали и террор и шпионаж... Человечество с незапамятных пор дифференцировалось на расы и веры, классы и кланы, на поработителей и поработенных, на удачливых и неудачников, на богатых и бедных, — и так это и тянется по сей день. В сущности ведь человеческая натура не меняется. Меняется лишь техника. И в первую очередь, техника военная, истребительная. А в остальном, что ж. Все старые наши беды по-прежнему с нами. И по-прежнему нет в мире ни одной социальной системы, которой все люди были бы довольны, при которой все были бы полностью счастливы... Самая главная наша беда — в нашей разрушительной двойственности. Мы создаем противоречия и страдаем от них. И все больше и больше в них запутываемся. А силы зла между тем растут. И с каждым днем все сложнее и опаснее становится жизнь... И конца всему этому не видно. То есть он виден — конец. Но лучше о нем не думать. Хотя и не думать тоже нельзя.

— Так что же ты предлагаешь?

— Я не пророк. И не политик. Я ничего не предлагаю... Но мне хотелось бы, чтобы люди сейчас задумались надо всем этим. Крепко задумались. Постарались бы все это понять.

— Но люди никогда этого не поймут! И никогда с этим не примирятся! Они будут бороться за свои идеи...

— Вернее, за свои иллюзии.

— Да, за свои иллюзии... будут бороться свирепо, неустанно, безжалостно.

— Значит, когда-нибудь все действительно кончится плохо. Кончится общей бедой... И пожалуй, правы те буддисты, которые утверждают, что на земле уже наступает Час Быка.

— Это что за Час Быка? — поинтересовался Юра.

— Час, когда просыпаются демоны мрака.

* * *

Я встретился после долгого перерыва со всей своей московской родней... И конечно — с матерью. И едва увидев меня и обмочив слезами, она сообщила:

— А ты знаешь, я наконец-то наладила переписку со своей сестрой — твоей теткой! Помнишь, с той, что уехала в двадцатых годах за границу.

— Где она сейчас обитает?

— В Париже.

— У нее есть семья?

— Есть муж и дочка. Ну, с мужем она уже не живет, они разошлись, а дочка при ней... Твоя ровесница. И тоже уже разведенная... Передает тебе горячий привет.

— Мерси, — сказал я. — И что же они там в Париже делают? Как живут?

— Ну, как живут эмигранты? Не очень-то роскошно. Сестра держит небольшой кабачок. Вот пишет: „Сама жарю блины”.

— А ее муж?

— Тоже где-то торгует.

— А моя кузина?

— По-моему, вообще ничего не делает... Да \ какая разница?

— Никакой, это верно. А кстати, как вы все-таки разыскали друг друга?

— Через знакомых. Наша связь оборвалась в тридцать седьмом. Время тогда было суровое, шли аресты... Ну, а потом началась война... И я думала, что их уже и в живых-то нет. Но вот недавно границы приоткрылись; на Запад стали ездить всякие делегации, туристы, множество журналистов. И представь себе, один мой старый приятель повстречал в Париже кое-кого из наших донских казаков, — там их, оказывается, много, целая колония! И все узнал... Ну и вот. Теперь сестра пишет, что хочет пригласить меня к себе в гости месяца на полтора.

— Но разве это возможно?

— Да вроде бы... Говорят, что уже начинают кое-кого выпускать к близким родственникам. Это называется „по личному приглашению”.

— И когда же ты думаешь поехать?

— Ох, не знаю. Дело это сложное, хлопотливое... Во всяком случае — не в этом году.

— В общем, я рад за тебя, — сказал я погодя. — Подумать только — в Париж! К сестре! Даже как-то и не верится.

— Мне и самой не верится, — проговорила она, всхлипывая. — Ведь столько лет прошло! Столько лет... Но если все у меня хорошо получится, то потом и ты тоже, наверное, сможешь съездить. А почему бы и нет? Я в Париже поговорю.

Так мы с ней беседовали. Она по-прежнему жила со своим

мужем-художником, и я засиделся в уютной, тихой их квартирке допоздна. А когда собрался уже уходить, она вдруг спросила:

— Ну, а какие твои ближайшие планы? В Москве ты надолго? Может, вообще останешься, а?

— Не знаю, — задумался я, — не решил еще...

— Ты же ведь теперь на гребне успеха! Добился всего, чего хотел.

— Да нет, не всего, — ответил я медленно, — надо еще вступить в Союз писателей... Туда, понимаешь ли, принимают только с двумя книгами, а у меня пока что одна.

— Зато ее многие хвалят.

— Ну, это еще полдела... Ты вот говоришь, „на гребне успеха"... Но успех мой не очень-то большой. Для московской профессиональной среды я покуда еще мальчик, новичок. Меня похвалили всего лишь за удачное начало.

— Что-то ты слишком уж строг к себе, — протянула она. — А впрочем, мне нравится такая строгость! Ты рассуждаешь, как настоящий мужчина... И, значит, что же, думаешь возвращаться в Сибирь?

— Да. Еще на годик. Так, по-моему, будет правильно. Это здесь, в столице, я новичок, а приеду в свою глушь — сразу превращусь в мастера! Там я теперь обрету силу, выпущу без хлопот еще пару книжек. Быстренько вступлю в Союз писателей. И тогда уж вернусь окончательно.

— Повторяя известное выражение Юлия Цезаря, — улыбнулся мой отчим, — можно сказать, что ты пока предпочитаешь быть первым в деревне, чем вторым — в Риме... Не так ли?

— Именно, — кивнул я, надевая пальто. — А разве я неправ? Сейчас надо развивать успех, и в провинции я смогу это сделать быстрее и легче.

— Ну, что ж, поезжай, — сказала мать. И вздохнула коротко, — раз уж ты так решил!

Почему я, собственно, так решил? Почему не поверил в себя, не остался в Москве?

Если уж говорить об успехе, то развивать его, конечно же, надо было в том самом месте, где он и начался... Я же, глупец, поспешил уехать.

Я забыл, что в жизни моей ничто не давалось мне быстро и легко. Забыл о том, что линия моей судьбы всегда шла как бы по спирали...

И вот, описав очередной виток, судьба опять подвела меня к краю катастрофы.

Впрочем, это случилось не сразу... Покинув Москву, я некоторое время разъезжал по Сибири (о Енисейске мне даже и думать теперь не хотелось!) и подыскивал себе подходящее место. И поначалу вояж мой выглядел довольно весело. На востоке страны у меня было много друзей и приятелей. И они принимали меня с искренним радушием.

Как я и предвидел, московские мои дела представлялись сибирякам в ином свете... И мне нравилось играть здесь роль победителя, роль любимца фортуны! Я даже стал высокомерным. И когда в Абакане мне предложили вновь поступить на работу в местную газету, я отказался с небрежной улыбочкой. Должность газетного репортера меня уже никак не устраивала. И так же небрежно я отклонил ряд других предложений в иных городах.

Но наконец, я все же застрял в Красноярске, в столице огромного края, охватывающего почти весь бассейн Енисея... Появилась возможность занять пост литературного редактора в книжном издательстве. И это меня заинтересовало. Но даже и тут я почему-то не стал торопиться... Почему?

Сейчас, оглядываясь назад, в далекое прошлое, я вижу отчетливо все свои промахи. И думаю о том, как фатально, как безнадежно все устроено в этом мире; мы ясно видим наше прошлое, но изменить его не в силах, а будущее, может быть, мы и могли бы изменить, но оно нам не видно...

Застряв в Красноярске, я несколько дней беззаботно веселился в шумной компании. Потом простыл, загрипповал. И слег, приютившись на квартире у одного из тамошних своих приятелей.

Вот, кстати, о нем. Фигура эта была весьма любопытная. Он увлекался поэзией, сочинял детские сказочки, пьески. Но это скорей для души... Сказочки прокормить не могли. И ради хлеба ему пришлось служить. Причем должность его была — заведующий Домом культуры краевого управления милиции.

И как-то вечером он вошел ко мне (я лежал на диване в его кабинете), тяжело опустился на край постели. Закурил неспеша. Потом спросил:

— Ты знаешь о венгерских событиях? О том, что там этой осенью произошло антисоветское восстание?

— Немного знаю, — пробормотал я, — недавно читал... Восстание быстро подавили, не так ли? Впрочем, информация была краткая, скудная. А что, есть какие-то новые сведения?

— Есть, — кивнул он. И, помолчав, добавил: — касающиеся тебя...

— Меня? — я привстал, опираясь на локти. — Но какая же связь между мною и Венгрией? Не понимаю...

— Не понимаешь? — усмехнулся мой приятель. — А ну-ка, прочти! Вот тут, где подчеркнуто.

Все это время он сидел, теребя в руках сложенную газету. И теперь дал ее мне. И, развернув газетные страницы, я увидел большую подчеркнутую синим карандашом статью.

— Читай внимательно, — сказал он, вставая, — а я пока пойду принесу чего-нибудь выпить.

Статья эта представляла собой официальное сообщение, в котором резюмировались события, происшедшие в Венгрии. Безымянный автор рассказывал о недавнем путче, о нападении на партийные учреждения, об убийстве советских людей... И делал вывод, что, в конечном счете, главную ответственность за все несут венгерские левые писатели. Ибо та антикоммунистическая пропаганда, которой они занимались, как раз и спровоцировала восстание, явилась как бы запалом, присоединенным к взрывчатке. Далее в статье шли рассуждения об опасных тенденциях, возникших в некоторых кругах интеллигенции — не только зарубежной, но и нашей, российской.

И в заключение высказывалась мысль о том, что всех левонастроенных писателей надо брать под строжайший контроль. И вообще важнейшая задача сейчас — это повышение революционной бдительности! У советской системы много врагов — внешних и внутренних, — и забывать об этом нельзя ни на миг.

— Ну как? — спросил, воротясь, мой приятель. — Впечатляет?

— Да, — поежился я, — страшноватая статья... Напоминает сталинские времена.

— Вот именно, — сказал он, разливая по рюмкам коньяк. — В нашем клубе, между прочим, сегодня эту статью обсуждали на общем собрании.

— Ну и что?

— Было решено повысить бдительность. — Он залпом выпил коньяк. — Ты представляешь себе, что это означает?

— Догадываюсь...

— Видишь ли, данная статья является как бы прелюдией, подготовкой к решительным действиям... И с минуты на минуту эти действия могут начаться. Такие периоды бывали и раньше. Их называли „охотой за ведьмами“.

— То есть, иными словами — может начаться террор?

— Да что-то вроде этого, — произнес он как бы в замешательстве. И я почувствовал, что слово „террор“ произносить ему не хочется, оно его гнетет, пугает...

— Ты говоришь, с минуты на минуту, — сказал я. — Стало быть, все уже готово?

— Все. Недостает лишь одного...

— Чего же?

— Конкретного приказа из Москвы.

— Та-ак, — протянул я. И тоже выпил. И сейчас же налил себе снова. — Веселенькое дельце.

Некоторое время мы оба сидели в молчании. Затем я спросил:

— Кстати, ты так и не объяснил мне, каким же образом все это касается лично меня? Я ведь не выступаю против коммунизма.

— Но и против капитализма ты тоже не выступаешь, — заметил он, — и вообще ты всегда держишься какой-то странной середины...

— Земля кругла, — ответил я, — как старый бродяга я знаю это по собственному опыту. И могу тебе сказать: если круто загибать влево, выйдешь с правой стороны, и наоборот... Середина — лучше всего!

— Однако эта твоя позиция в глазах начальства отнюдь не выглядит лучшей... Учти, кое-кто в управлении считает тебя опаснее многих откровенных леваков.

— Почему?

— Ну, как же! Тот, кто сильно шумит, тот на виду. Он прост и ясен. С ним не сложно... А ты все время как бы уходишь в тень, ускользаешь. И об этом тоже сегодня шел разговор.

— Именно так — обо мне?

— Да именно так. Но, конечно, говорили не только о тебе одном...

— И чем же этот разговор закончился?

— Решили приглядеться к тебе повнимательней...

— Стало быть, я уже занесен в черный список?

— Милый, — сказал с удивлением мой приятель, — да ты разве не знаешь? Ты же ведь в черном списке всегда находился. Всегда!

— Ну это ты, пожалуй, приврал, — пробормотал я встревоженно.

— Да нет же, все точно, — сказал он нетерпеливо, — я специально потом поинтересовался... Черный список, понимаешь ли, понятие обширное. Есть в нем, так называемый, первый лист, на котором значатся самые активные, самые явные, те, которыми следует заняться в первую очередь! А есть листы второй и третий. Так вот, твое место постоянно было где-то там, в резерве... И дело не только в твоей писательской позиции.

— А в чем же еще, черт возьми?

— В тебе самом. В твоей биографии! Ну, посуди сам, кто ты? По линии матери — дворянин, внук белого казачьего генерала Денисова, злейшего врага советской власти.

— Но зато мой отец был известным красным комиссаром, героем гражданской войны!

— Да, это как-то уравнивает... И в нормальных обстоятельствах на твое происхождение никто не обратил бы особого внимания. Однако теперь, сам понимаешь... Но идем дальше! С сорок второго по пятьдесят второй год тянется твоя блатная эпопея. Тюрьмы, лагеря, участие в знаменитой „сучьей войне"... Затем побег из ссылки. И двухлетнее нелегальное бродяжничество. А? Не правда ли, многовато? По существу, ни один твой шаг не совпадает с общепринятыми нормами. Ты являешь собою как бы воплощенное нарушение всяких норм!

— Но постой, — возразил я, — потом же все вроде бы наладилось! Я стал журналистом...

— Ты разве забыл о своих тувинских подвигах? О переходе через государственную границу, о какой-то дурацкой „лоповской" пропаганде, которую ты там вел... И что-то еще было, я запомнил. Но хватит и этого.

— И все сведения хранятся в краевом управлении?

— Естественно. Там на тебя заведено обширное досье!

— Н-да, — проговорил я после минутного молчания. — На основании этого досье меня очевидно надо сразу ставить к стенке. Без лишних слов! Что же еще делать с таким типом?

— Не кривляйся, пожалуйста, — поморщился он. — Имей в виду: может случиться так, что твое имя в черном списке может легко переместиться с третьего листа на первый... А это серьезно. Это очень серьезно!

— Так что же теперь делать?

— Самое разумное — это найти какое-нибудь тихое местечко и осесть там, затаиться до поры. Знаешь, есть такой анекдот. Стоят люди по горло в жидком дерьме, и один другому шепчет: „Не делай волны!.." Так вот, — старайся сейчас не делать волны.

* * *

Разговор этот встревожил меня чрезвычайно. Я понял: валяться не время. Надо вставать, надо действовать... И поспешно принялся подыскивать какое-нибудь тихое местечко.

Но теперь в Красноярске все двери оказались закрытыми передо мной. Я прозевал свой час! И в панике кинулся на вокзал. И в тот же день очутился в Абакане.

Однако и там тоже все странным образом изменилось. Никто больше не приглашал в газету. И во всех прочих местах, куда бы я

только ни обращайся, мне отказывали — вежливо, смущенно отводя глаза.

И большинство моих друзей и приятелей почему-то вдруг охладело ко мне... Шумные попойки прекратились. Веселые компании распались. Наступил Новый год, и я встретил его в дороге, в поезде... И вновь почувствовал себя обездоленным и потерянным, как когда-то раньше, как в бродяжьи года.

Конечно, в самом крайнем случае я мог плюнуть на все и уехать в Москву. Но против этого восставала моя гордость. После недавнего успеха приезжать туда жалким и несчастным, приезжать не победителем, а беглецом, — нет, такой вариант меня никак не устраивал! Я все-таки еще продолжал верить в свою судьбу.

И однажды я подумал: а не вернуться ли мне в Енисейск? Там у меня есть надежные связи. И есть Верочка... Да и вообще городишко этот находится далеко, в тайге, в стороне от больших дорог. Может, там-то я и смогу переждать непогоду?

И вот спустя недолго, я уже шагал по центральной улице Енисейска. Обычно эта улица утопала в грязи, но сейчас, схваченная морозцем и припорошенная снежком, она выглядела на удивление чистой и комфортабельной... Вечерело. В домах вокруг зажгались огни. И на голубые чистые снега падали из окон розовые квадраты света.

В редакции газеты, куда я завернул по пути, никого уже не было; рабочий день кончился. И тогда я поспешил в знакомое место — в угловую чайную.

Но, дойдя до угла, я вдруг замедлил шаги. Из чайной доносилась музыка, слышались какие-то вопли, уханье, топот многих ног. За широкими окнами металась тень... Что там происходит, удивился я, праздник, что ли, какой? И обратился с этим вопросом к пьяному парню, стоящему с папироской у самых дверей.

— Да какой это праздник? — пробормотал, покачиваясь, парень. — Хотя, почему бы нет? И верно — праздник...

— Так что же все-таки?

— Свадьба!

— Кто ж на ком женится?

— Да Верку пропиваем, — сказал парень, — официантку здешнюю. За лейтенантика своо выходит. — И добавил, звучно икнув: — Хорошая деваха! Жалко, не нам досталась...

— Жалко, — согласился я. — Очень. Ну, что ж. Ничего не поделаешь. — Я нашарил в кармане папиросы. Прикурил у парня. И повернулся уходить. И сразу же на меня навалилась тоска, одиночество, холод.

— Да ты не тушуйся, — сказал парень, — не робей, заходи давай! Свадьба веселая, богатая. Водки — хоть залейся! Хлобыстнешь чарочку, сполоснешь мозги — чем плохо? Еще и попляшешь...

— Нет уж, — криво усмехнулся я, — пойду... Мне, брат, теперь не до плясок.

* * *

Следующим местом, куда я направился, был дом Андрея Минова. Я на Андрея сильно рассчитывал. Все-таки ведь он был партийным функционером и наверняка многое знал. И мог мне помочь советом и делом...

Когда он меня увидел, первые его слова были:

— Не вовремя ты приехал. Ох, не вовремя! Уезжай немедленно! И как можно дальше.

— Почему? — насторожился я.

— Позавчера состоялось специальное заседание бюро горкома партии, и там упоминалось твое имя... Ты сейчас в некотором роде персона нон грата.

— Но что я такого сделал? — спросил я гневно и растерянно. — В чем меня конкретно подозревают? Есть какие-нибудь факты?

— Фактов нет, — проговорил он, наморщась, — но зато есть доносы. И их немало.

— Кто же их сочинил?

— Разные люди... В том числе и некоторые твои коллеги по работе.

— Но что они, черт возьми, могли там написать?

— Не будь наивным. Ты разве не знаешь, как пишут доносы? Собирают всякие сплетни, любую чушь — все, что только может очернить человека... И самое страшное, что это действует!

— Ну и что же все-таки написано обо мне? Какие собраны сплетни, к примеру?

— Да всякие... Что тебя видели не раз в компании бандитов. Что ты ведешь какую-то странную, подозрительную, двойную жизнь. И что ты вообще по своему духу человек не наш, не советский.

— Не наш, — проворчал я, — а чей же?

— Вот этим вопросом и заинтересовались в горкоме... Скажи: когда ты составлял воскресную литературную полосу, тебе попадались стихи Абалакова?

— Попадались, — ответил я, — несколько раз. Ужасные стихи, неграмотные, безвкусные, лишенные даже проблеска таланта. Абалаков — типичный графоман!

— Но этот графоман пишет хвалебные оды в честь коммунистической партии! И он убежден, что ты отвергаешь его сочинения не из-за неграмотности, а просто потому, что тебе не нравится их содержание.

— Вот же подонок, — возмущенно сказал я. — Значит, он накапал... Так. Ну, а другие авторы — кто же?

— Нет, их я не назову, — покачал головою Миронов. — Я ведь тебя немножко знаю. Ты кому-нибудь из них набьешь морду, и тогда уж точно погоришь. Сам себя посадишь!

Он посмотрел на меня, прищурясь. Затем сказал устало:

— Будь философом. Примирись с этим... Ты ведь не один такой. На меня тоже уже есть доносы.

— Да ну? — нахмурился я. — Ну и как же?.. Каковы вообще твои дела?

— Не блестящи, — развел он руками, — ты знаешь: я сейчас в отпуске.

— Сам попросился?

— Нет, меня попросили... В сущности, я пока без места. И не знаю, чем все кончится... Ты, надеюсь, следишь за газетами?

— Читал недавно статейку о бдительности, — кивнул я, — о том, что у советской власти много врагов... Вот же хреновина!

— Это не хреновина, — строго сказал Миронов. — У советской власти действительно много всяких врагов. И она должна защищаться.

— Так, по-твоему, все правильно?

— Да нет, не все... Защищаться надо. Но методы должны быть иными. Нельзя создавать в стране атмосферу всеобщего недоверия, растерянности, страха. Нельзя плодить доносчиков. Нельзя опираться на клевету и на подлость. Это все — проклятое сталинское наследие...

Андрей махнул рукой и умолк. Я предложил ему папиросу. Он рассеянно помял ее, повертел и отложил, не закурив. И потом:

— Никита Хрущев меня привлек к себе именно тем, что он первый из партийных вождей начал критику сталинизма. И пообещал перемены...

— Ну, на большие перемены рассчитывать было глупо, — сказал я, — Никита все-таки не господь Бог! И если ему даже и удастся кое-что сделать, все равно главное останется... Останется внутренний наш режим и наша изолированность от внешнего мира.

— А в этом смысле ничего менять и не следует, — быстро проговорил Андрей, — ни в коем случае! Имей в виду: советская власть тем-то и сильна, что она представляет собою особую, изолированную систему. Понимаешь?

— Признаться, не совсем...

— Но ты вспомни известную шутку. Задается вопрос: как доказать, что советская страна непобедима? И следует ответ: вот уже полвека в России процветает всеобщее жульничество... Ее беспрерывно разворовывают, пропивают, а ей хоть бы что! Она по-прежнему держится! И даже богатеет!

— Анекдот известный, — улыбнулся я, — классический.

— И весьма справедливый... Но в чем же тут секрет? А именно в том, что система наша — замкнутая. Обращающиеся внутри нее ценности всегда остаются при ней. И все украденные рубли, рано или поздно стекаются в одно место; возвращаются в государственную казну!

— А ведь и верно, — сказал я. — Так оно и есть... Конечно, если не учитывать черный рынок.

— Да, — согласился он, — если не учитывать черный рынок.

Он снова взял папиросу. И на этот раз закурил, затянулся сильно. И сказал, кутаясь в дым::

— Между прочим, в одном из поступивших на тебя доносов говорится также и о черном рынке, о том, что ты, вроде бы хорошо знаком с этой средой, с этим подпольем...

И вот после этих слов я окончательно понял, что мне надо уезжать отсюда немедленно, и как можно дальше!

* * *

Было уже поздно, и я решил отложить отъезд до утра. И простившись с Мироновым, пошагал в гостиницу.

Андрей в общем-то предлагал мне остаться и переночевать у него, но говорил он об этом как-то сдержанно, вяло, с кислым выражением лица. И я догадался, что мое пребывание в доме не очень-то его устраивает... И обидевшись, ушел. И это был еще один явный мой промах.

В вестибюле гостиницы я сразу же лицом к лицу столкнулся с репортером Афоней. Он только что вышел из дверей ресторана и был слегка возбужден... И он засуетился, засыпал меня вопросами. Его интересовало все: давно ли я здесь? И зачем? И что я собираюсь делать в дальнейшем?

Я отвечал неохотно. Мне хотелось побыстрее от него отделаться. Ведь этот парень был тесно связан с местной милицией! И, кто знает, может быть, именно ему и принадлежали некоторые доносы...

Но все же мне пришлось, соблюдая традицию, пройти с ним в ресторан и выпить там по стаканчику — за встречу.

Затем я поднялся к себе в номер. Сел на кровать. И только тут почувствовал, как я устал! Надо пораньше лечь, решил я, получше выспаться... И завтра чуть свет в дорогу! Самое главное, вовремя смыться...

И только я так решил, в дверь постучали. Я отворил ее. И отшатнулся, отступил на шаг.

У порога, посмеиваясь, стоял мой давний знакомый — старший лейтенант Хижняк. Впрочем, теперь он имел уже другое звание. На его плечах поблескивали новенькие золотые капитанские погоны.

Он был не один. За его спиной маячила какая-то штатская фигура в меховой шапке и шубе... И я подумал с беспокойством: вот сволоочь Афоня! Уже успел настучать, навел мусоров...

Однако деваться было некуда; я изобразил улыбку и сделал приглашающий жест:

— Заходите. Прошу. Вас, капитан, надо, я вижу, поздравить с повышением...

— Так же как и вас — с успехом! — весело откликнулся Хижняк. — Я ведь следил по газетам за ходом Всесоюзного совещания, читал ваши стихи... Недурно, да. Недурно.

Он прошел в комнату. И спутник его за ним. И капитан сказал, кивнув в его сторону:

— Познакомьтесь — товарищ Никишин!

Никишин был грузен, седоват и далеко уже не молод. Пожимая его пухлую, мягкую руку, я спросил:

— Вы из одного отдела?

— Да не совсем, — проговорил тот уклончиво.

И сейчас же Хижняк сказал.

— Товарищ Никишин из КГБ.

— Ого! — сказал я. — Так значит, дела серьезные?

— Да вы не пугайтесь, — подмигнул мне Хижняк. Он расстегнул шинель и уселся, развалясь, на диване. — Что это вы такой нервный... Должен сказать, что товарищ Никишин — большой знаток литературы! И он так же, как и я, является поклонником ваших стихов.

— Ах вот как, — пробормотал я, — что ж, встреча со знатоками — дело приятное... Но все же, я полагаю, вы явились не только ради стихов?

— Вы правы, — помедлив, сказал Хижняк. — Не только... У меня есть и кое-какие другие вопросы.

— Какие же?

— Да вот хотя бы... — Он порылся в боковом кармане. И вынув оттуда какую-то фотографию, протянул ее мне. — Что вы об этом скажете?

Я взял фотографию и с изумлением узнал в ней старый снимок моей очурской машины; тот самый снимок, который сфабриковал когда-то покойный Ландыш. Тот самый, при помощи которого меня пытались шантажировать...

— Карточка знакомая, а? — спросил Хижняк.

— Да, кажется. Вы ее нашли у Ландыша?

— Нет, — сказал капитан, — не у него.

— А где вы ее достали?

— Ее дала Клава. Сестра Ландыша... Так называемая сестра... Вы ведь с Клавой старые друзья?

— Друзья? — повторил я с усмешкой. — Что вы, наоборот.

И невольно голос мой дрогнул. Я ощутил приближение опасности. И понял, что вот тут, наконец-то, меня настигла Клавкина месть.

— На последнем допросе, — сказал Хижняк, — она рассказывала о вас любопытные вещи.

— Да что она может рассказать? — воскликнул я. — Все это ложь! Она давно пыталась меня как-то соблазнить, прибрать к рукам, использовать. А когда это не вышло, решила мне мстить. И вот сейчас... — Я вдруг запнулся. Перевел дух. И спросил негромко: — Вы говорите — на последнем допросе... Она, стало быть, арестована?

— Да. Ее задержали в Абакане еще в ноябре.

— Так в чем же дело? Устройте нам очную ставку!

— К сожалению, не могу, — развел руками Хижняк. — Две недели назад случилось несчастье. Она умерла. В абаканской тюрьме.

— Как умерла? — спросил я с глупым видом. — Совсем?.. То есть я имею в виду, что с ней произошло? Заболела, что ли?

— Нет, повесилась, — сказал он, поджимая губы, — или ее повесили... История, в общем темная. Ее ведь задержали без моего ведома! И поместили в ту тюрьму, где находится Ванька Жид... А делать этого было нельзя.

— Так Ванька жив? — спросил я обрадованно. — Он, кажется, был ранен...

— Вылечился, — небрежно сказал Хижняк. — Но освободится он теперь не скоро; его ждут самые далекие заполярные рудники... А, впрочем, мы отвлеклись. Поговорим-ка о вас.

Он отобрал у меня карточку, прищурился и щелкнул по ней ногтем.

— На основании вот этого фото и показаний Клавдии Ландышевой я могу теперь ходатайствовать перед прокурором о возбуждении против вас уголовного дела.

В этот момент Никишин сказал, тяжело шевельнувшись на стуле:

— Ну, ну, зачем же так? Молодой человек, возможно, ошибся, наделал каких-нибудь глупостей... Но у него, я верю, еще не все потеряно.

— Но я все-таки хочу, — резко проговорил Хижняк, — чтобы молодой человек отчетливо понял, что ему грозит!

— А я не совсем понимаю, — сказал я, — что же вы мне инкриминируете?

— Соучастие в бандитизме.

— И у вас есть веские данные? — я вспомнил беседу с Мироновым и добавил: — Кроме доносов...

— Так вот же, вот!

Хижняк потряс фотографией. И спрятал ее в карман.

— Но это же дешевый трюк, — отмахнулся я. — Снимок был сделан для шантажа! Меня попросту обманули... И есть свидетели, которые могут это все подтвердить!

— Какие свидетели? — нахмурился Хижняк. — Откуда?

— Из Очур.

— Кто да кто?

— Нет уж, я подожду, пока дело дойдет до суда...

— Ну, что ж, — проговорил с угрозой Хижняк, — вероятно, ждать придется недолго.

И опять в разговор вмешался Никишин.

— А может, все же не стоит с этим спешить? Жалко губить такого парня. Ведь это же талант...

— В общем, да, — сказал Хижняк, — верно. И я бы дал ему шанс... Но тут все зависит от него самого.

— О чем это вы? — спросил я настороженно. — Что, собственно, от меня зависит? О каком шансе идет речь?

— Вы помните давнишний наш разговор в Алтайске? — круто повернулся ко мне Хижняк. — Помните, я тогда предложил вам одну идею?.. Но вы отнеслись к ней безо всякого интереса.

— Постойте-ка, — сказал я, — вы имеете в виду наш разговор о секретном сотрудничестве, ведь так? Да, припоминаю... Но я уже объяснил: согласиться на это я не могу.

— Бойтесь?

— И боюсь. А что тут странного? Но прежде всего не хочу пачкаться. Вы же предлагаете мне быть тайным агентом. То есть доносчиком, согладатаем, стукачом...

На минуту воцарилось общее молчание. Я поглядел на своих гостей. И внезапно все понял. Они меня просто-напросто вербовали!

Хижняк не оставил своих попыток. И передо мной тут разыгрывался спектакль, в котором все роли были четко распределены. Один запугивал меня, а другой, наоборот, подбодрял.

Теперь как раз наступила очередь другого... И он заговорил:

— Странно... При вашей любви к авантюрам, к тайнам, при вашем богатейшем опыте вы отказываетесь от такого интересного ремесла.

— Да поймите же, — начал я.

Но он перебил меня, подняв пухлую свою ладонь:

— Понимаю! Вы стыдитесь таких слов, как „секретный сотрудник“, „тайный агент“. А почему? Если вдуматься, это вовсе не стыдно. Наоборот, быть агентом романтично. И в какой-то мере даже почетно. Надо только отказаться от некоторых устарелых предрассудков. В наши дни на первый план история выдвинула колоритную, весьма важную, по-своему даже могущественную, фигуру тайного агента, сыщика, детектива... Так вступайте в этот клан! Он является составной частью гигантской организации, охватывающей всю нашу страну, — одну шестую часть света... Но не думайте, что это порождение только советского строя! Подобные кланы есть и на Западе. Они борются с преступностью, которая неуклонно прогрессирует. Известный французский криминалист Лару в своей брошюре „О взломе стальных касс“ когда-то писал: „Мы наблюдаем ужасную картину: в центре Парижа бродят элегантно одетые толпы дикарей — преступников. Они сдерживаются мощной рукою полиции. Но с каждым годом толпы их увеличиваются. И я предвижу время, когда рука эта станет бессильна, и тогда — штурм на цитадель права...“ Видите, как обстоят дела? Такие толпы бродят ныне повсюду... Даже и в Енисейске. Здесь они, правда, не так элегантны, как в Париже, но какая, в сущности, разница?

Он умел говорить, этот „литературовед в штатском“! Он знал свое дело. Очевидно, он так же, как и Хижняк, был профессиональным вербовщиком.

— Если же вас не устраивает сыск уголовный, — продолжал он, — поинтересуйтесь политическим... Специфика у нас несколько иная. Мы — интернациональны! Мы опутываем невидимой сетью всю планету!

— О господи! — проговорил я. Но от комментариев воздержался.

— Да, да, это так. Мы состоим в контакте с любимыми тайными службами, даже с самыми враждебными... У нас своя этика, своя мораль. И повсюду, здесь и там, на Западе, центральной фигурой остается ловкий сыщик, удачливый агент. Это подлинный герой совре-

менности! Ведь он как бы представляет собою те „подземные силы”, которые, по сути, и правят нашим миром!

Что я мог ему на это ответить? Кое-что мог, конечно... Например, я мог бы сказать, что эти самые „подземные силы” когда-нибудь и погубят наш мир. Ибо там, где начинается мораль клана, касты, отдельной группы, кончается мораль общечеловеческая...

Но стоило ли так углубляться? Вряд ли бы он и Хижняк со мной согласились. Скорее — разозлились бы. А этого я не хотел. Злить их было опасно.

— Ладно, — сказал я погодя. — Я еще раз подумаю. Но не торопите меня. Да и вообще, зачем я вам? Что я из себя представляю? Я же — не гений...

— Ну, ясно, нет, — сказал Хижняк. И поднялся, застегивая шинель. — И стишки ваши, в общем-то, посредственные. И сами вы — тип жидковатый.

— Так в чем же дело?

— А мы просто жалеем вас, — сказал Никишин. — Вы ведь ходите по острию ножа. И в любой момент можете сорваться, оступиться. И тогда пропадете ни за грош...

* * *

Утром чуть свет я торопливо покинул гостиницу и отправился, но не на автостанцию и не на аэродром, где меня могли ожидать всякие сюрпризы, а напрямик на старое красноярское шоссе. Я прошел по нему с полкилометра. Остановил попутную машину. И отбыл без хлопот.

Но и в Красноярске я тоже не стал задерживаться и сразу же поспешил на вокзал... Я лихорадочно соображал: что же делать? И куда податься? В городах, расположенных по течению Енисея, — как на севере, так и на юге, — мне, конечно, делать было уже нечего. Тут повсюду имелись мои досье... И на Дальнем Востоке тоже показываться было рискованно; в тех краях я немало побродил когда-то! Стало быть, мне оставался один путь — на запад, на Урал!

Горную эту область я пересекал много раз, но нигде не застревал там надолго, и не успел еще там примелькаться, и не нажил себе врагов.

Вскоре я сидел уже в спальном вагоне скорого поезда... А к вечеру следующего дня за окнами вагона возникли дымные, сумрачные предместья Свердловска.

Я принялся разыскивать старых своих приятелей. Но, странное дело, почти никого из них не нашел. Газетная кампания, связанная

с венгерскими событиями, переполошила уральских интеллигентов. И многие разбежались и попрятались, как тараканы, по щелям. Как тараканы, когда на кухне ночью внезапно зажигается свет...

На одну такую „тараканью щель” я набрел в конце концов; находилась она в полуподвале, в старом доме, на окраине города. Хозяйкою здесь была проститутка Люба по кличке Кикимора. И она по доброте душевной дала приют нескольким заблудшим личностям.

Я встретил у Кикиморы двух знакомых. Один из них, Борис, был поэтом. Другой, Аркадий, — журналистом. После смерти Сталина Борис сочинил стихи, направленные против режима, а Аркадий где-то заявил публично о том, что наиболее активных сталинистов Урала следует привлечь к судебной ответственности. И даже назвал кое-какие „высокие” имена.

Теперь они оба боялись ночевать дома. И беспробудно пьянствовали в ожидании страшного часа.

Но самым интересным из Любиных постояльцев был некто Роман Сергеевич — высокий, чуть сутуловатый, с наголо обритым черепом и коротко подстриженными усами. Человек этот, как выяснилось, в недавнем прошлом являлся белоэмигрантом. Краткая история его такова: в 18-м году молоденьким юнкером он принял участие в гражданской войне. Затем эвакуировался с белой армией на Запад. Окончил Пражский университет. Живал в Берлине, в Париже, в Нидерландах. Был мелким репортером, служил в небольших рекламных агентствах. Война застала его в Голландии. И там он примкнул к Сопротивлению... А в самом начале пятидесятых годов он, затосковав, вернулся в Россию. Тогда многие возвращались. Однако не у всех это оканчивалось благополучно. Некоторых сажали за старые грехи. Но у Романа Сергеевича грехов было немного, и участие в антифашистском движении с лихвою их перекрывало. Его не тронули и определили на жительство в Свердловск. Тут он стал преподавать иностранные языки. И все было бы хорошо, если бы он не вздумал писать мемуары!

Как только он принес рукопись в местное издательство, отношение к нему изменилось. Его стали упрекать в том, что он недостаточно критически относится к белой эмиграции. И вообще идеализирует буржуазный Запад.

Поначалу автор не придавал критике большого значения... Но после венгерских событий перепугался.

— Понимаете ли, друг мой, — говорил он, сидя со мной за столом и прихлебывая пиво. — Вся глупость в том, что я этот самый Запад вовсе не идеализирую! Я там жил по-всякому, бывало и бедствовал. Испытал и голод, и ужасающее одиночество... И через табак

меня пропускали... И я обо всем пишу честно. Но, конечно, я Запад не ругаю последними словами, не поливаю его дерьмом. Там ведь есть и положительные стороны. И я хочу быть объективным. Так нет, этого нельзя! Надо, чтоб поливал...

— А что сейчас с вашей рукописью? — поинтересовался я.

— Вернули на доработку. — Он вздохнул. — Но, собственно, как дорабатывать? Литература — не пашня. Навозом ее удобрять нельзя! Нет, очевидно, книга моя уже не увидит свет... Да я, признаться, и сам не рад, что ввязался во все это.

Несмотря на то, что мы принадлежали с ним к разным поколениям (он был старше меня на двадцать пять лет), мы как-то быстро и легко сдружились. И успели о многом поговорить... И так, в разговорах и выпивках, прошло несколько дней.

* * *

Прошло несколько дней. И как-то раз в нашей подпольной коммуне появился новичок. Увидев меня, он воскликнул:

— Ты, старик, на свободе? Вот так штука! А мне говорили, что ты уже арестован. Кто-то даже видел, как тебя вели под конвоем...

И вот тогда я не выдержал.

— К черту все, — сказал я, — надоело! Надо возвращаться в Москву! Там народу много — я затеряюсь в толпе... А оттуда при первой возможности махну во Францию к родственникам.

— А кто, кстати, ваши родственники? — поинтересовался Роман Сергеевич, — может, я их знал?

Я назвал ему имена. Объяснил, что они из колонии донских казаков. Он проговорил с сомнением:

— Донские?.. Г-м. Должен сказать, что в годы войны я как участник Сопротивления всегда опасался своих соотечественников. И особенно — казаков... Не стройте больших иллюзий! Эмигранты — публика весьма специфическая. Многие там из антисоветских давно уже превратились в антирусских. И вообще там можно столкнуться с такой злобой, с такой ненавистью, что даже вы, человек, испытавший немало, содрогнетесь и растеряетесь.

— Но не все же там такие?

— Не все, конечно... Многое зависит от удачи, куда попадешь.

— Что ж, — сказал я, — буду надеяться на удачу.

— А что вы, простите, собираетесь там делать?

— Буду писать. Причем прозу! Хочу рассказать о своей жизни, о своих приключениях. И одновременно о своей стране. Я ее всю исходил вдоль и поперек. И знаком с такими вещами, о которых мало

кто знает... Понимаете, я перегружен материалом! Но здесь этот материал мне никогда не удастся полностью реализовать. Слишком строги у нас цензурные запреты. Из-за этой дурацкой цензуры поневоле сбежишь. Но, конечно, — я потянулся за папиросами, — цензура не единственная причина...

— А что же еще? — прищурился он.

— Вы сами видите, что творится! Наступает „охота за ведьмами“. Такие периоды уже не раз возникали. Это как приступы перемежающейся лихорадки... Возможно, когда-нибудь моя отчизна выздоровеет, избавится от приступов... Но когда? У меня нету сил ждать.

— Значит, вы решили, — проговорил он задумчиво. — Дай Бог! Но учтите, вам придется во второй раз начинать писательскую карьеру... Это вас не пугает?

— Пугает немножко. Хотя, что ж, я привык рисковать.

— Безусловно, если вы займетесь политикой, все пойдет легче. Это вообще самый легкий заработок! Тут даже и таланта не надо. Только знай одно — поливай...

— К черту политику! — сказал я. — Она создает массовые психозы, она порождает слепой фанатизм. И еще больше увеличивает количество общего зла на земле.

— А как же вы, собственно, думаете писать?

— В принципе, так же, как и вы... Вы говорите, что стремитесь к объективности. Вот и я к ней стремлюсь. Только к ней! Никакой пропагандой, во всяком случае, заниматься я не намерен!

— Но тогда вы можете оказаться в моем теперешнем положении...

— Там, на Западе?

— Да, да.

— Черт возьми, почему? Я же не собираюсь выступать против капитализма.

— Но и против коммунизма вы тоже ведь не собираетесь выступать, я правильно вас понимаю? Значит, вы займете некую среднюю позицию... А середины сейчас никто не хочет! Мы живем в век крайностей... И они обостряются, они все растут.

Роман Сергеевич сказал это, и мне тотчас же вспомнился недавний разговор, происшедший в Красноярске... И я, помолчав, спросил удрученно:

— Так вы уверены, что мне на Западе надо будет лавировать, приспосабливаться?

— Еще как! Не забывайте, вы же русский. А русская литература — за исключением старой классики — идет там только в полити-

ческой рубрике. Такова мода. И вам, так или иначе, придется выбираться, к какому клану примкнуть.

— Ну, а если я не примкну ни к какому?

— Произойдет самое худшее — на вас ополчатся все. Решительно все! И вы очутитесь как бы в пустыне...

— У вас, очевидно, неважные воспоминания остались от прошлого? — спросил я тихонько.

— Да, в основном, неважные, — усмехнулся он. — Я говорю на основании личного опыта, причем опыта сугубо эмигрантского... А он, как правило, грустный. Но, впрочем, кто знает? Может, у вас все получится иначе? Может, вам больше повезет? В конце концов на Западе есть свои положительные стороны. И прятаться вот так, как мы сейчас, там уже не придется...

* * *

Роковой приказ, которого со страхом ждала вся Сибирь, так, в общем-то, и не был отдан! „Охота за ведьмами”, по счастью, не началась... Поднявшаяся было паника схлынула, улеглась. И когда я в 1958 году приехал в Москву, там было уже все тихо, спокойно. И помаленьку история эта начала забываться.

Но искушать судьбу я больше уже не стал. И в Москве осел теперь крепко. И потянулись годы столичной моей жизни. Я служил в различных редакциях, успешно печатался, каждые два года выпускаю по новой книжке. Вступил в Союз писателей. И был затем занесен в литературную энциклопедию. И все вроде бы складывалось благополучно. Однако о том, что произошло со мной в Сибири после Всесоюзного совещания, я уже никогда не мог позабыть! Очевидно, это была последняя капля, переполнившая чашу.

Судя по всему, мое имя в черном списке осталось на старом месте — на третьем листе... И в Москве мне не мешали. Но сознание того, что я все же нахожусь там постоянно, бессменно, — отравляло меня, лишало покоя.

Зловещие фигуры Хижняка и Никишина продолжали маячить где-то на моем горизонте... И, по меткому выражению одного из них, я, как и прежде, „шел по острию ножа”.

Но вот однажды, в 1968 году, наступил момент, когда я поднялся на борт самолета, вылетающего в Париж...

Как это ни удивительно, все, о чем я думал раньше, сбылось! Я постепенно наладил контакт с заграничной родней. И мне прислали приглашение. И я получил разрешение на выезд... Это было похоже на чудо; старый таежный бродяга, я вырвался в Европу, в неведомую жизнь!

А так как чудеса не повторяются, я твердо решил: уеду туда навсегда.

Усевшись в салоне у окна, я думал о новой моей жизни... Самолет, покачиваясь, набирал высоту. И внезапно я услышал тихий, из глубины шедший голос. Он обычно возникал в минуты опасности... И вот теперь:

„Эй, — сказал голос, — а ты уверен, что эта новая эмигрантская жизнь для тебя? Знаешь ли ты, куда летишь? И понимаешь ли ты, что бросаешь? Ведь здесь остается твоя родина, твои друзья... А там? Вспомни-ка, о чем говорил Роман Сергеевич!.. Может быть, то, что происходит, вовсе не чудо, а наоборот, беда? Может, ты совершаешь сейчас самую ужасную, непоправимую свою ошибку?”

„Вряд ли, — ответил я сам себе, — вряд ли... Ну, а если даже и так, поворачивать уже поздно. Самолет набирает высоту... И в конце концов я всю жизнь рисковал, привык к риску. Попробую еще раз!”

Я глянул в окошко. И увидел там беспредельную, бездонную, густую синеву. Казалось, самолет уже мчится где-то в космосе... И на мгновение я ощутил себя космонавтом, улетающем не в чужую страну, а на другую планету.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Часть первая. ГОРЬКОЕ ЗОЛОТО

Голубые глаза	7
Горькое золото	11
Странный дом	15
Я начинаю действовать	19
Другое измерение	23
Иду по следу	27
Иду по следу (продолжение)	32
„Черная Кошка”	35
Спасти от самого себя	38
Утраченные иллюзии	41
„Резали гусей — они умирали, как лебеди”	45
В обществе гениев	49
Драма в туалете	55
Роковая красotka	57
Медвежий капкан	61
Человек с „нежной” кличкой	66
Кое-какие делишки	71
Разве это можно не любить?	76
К верховьям Енисея	79

Часть вторая. ЗОЛОТЫЕ ПРОСТОРЫ

Вырваться из кольца	89
Обезумевшие птицы	92
От хлеба пахнет голодом	96
Ранний снег	99
Правила игры	102
Черные березы	106
В мире тайн	109
В мире тайн (продолжение)	114
Древний Дух Огня	119
Язычники	124
Под властью страха	129
Тоскующий „мусор”	135
Когда земля была юной	142
Уж если не повезет...	147

Рожденный из слез	152
Пессимисты и оптимисты	156
Дороги Тувы	159
Самый увлекательный детективный роман	163
„Страна тайн, парадокса и обещаний”	168
„Страна тайн, парадокса и обещаний” (продолжение)	172
„Час Быка”	178
Обреченные	184
Донос	189
Часть третья. РЫЖИЙ ДЬЯВОЛ	
Зигзаги судьбы	197
Зигзаги судьбы (продолжение)	201
Староверы	204
Золотая лихорадка	209
Встреча с кодлой	218
Счастье впереди, а как нагнешься — все сзади	223
Вопрос жизни и смерти	227
Последние тихие дни	231
Ты знаешь, что такое страх?	238
Ночные прогулки	241
„Если сильный с оружием...”	246
Безумная ночь	250
Пусть лучше глаза мои вытекут	253
„Будьте мудры, как змеи, и просты, как голуби”	257
По закону тайги	260
Рука судьбы	264
Э п и л о г	270

Mikhail Dyomin

Ryzhii d'iavol

Printed in USA